ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ
(ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК)

ДУМНЫЙ Всеволод Владимирович

На правах рукописи

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

(полемика на рубеже XIX-XX веков)

Специальность: 07.00.01
история общественных
движений и политических партий

Диссертация
на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Москва - 1991

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ 42

§ I. Место социал-демократической интеллигенции в политическом спектре общества и ее особенности 43

§ 2. Политическое значение социал-демократической интеллигенции в отражении немарксистских течений общественной мысли 93

§ 3. Политическая роль социал-демократической интеллигенции в освещении марксистской публицистики II7

Глава П. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РСДРП I63

§ I. Основные функции партийной интеллигенции.....I64

§ 2. Полемика о роли и месте интеллигенции в партии.....I99

Глава Ш. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ И РАБОЧИХ В РСДРП 242

§ I. Отношения интеллигентов и рабочих в процессе становления партии.....243

§ 2. Дискуссия о месте рабочих и интеллигентов в партийных организациях 292

§ 3. Положение рабочих и интеллигентов в партии в представлении большевиков 329

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 379

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ 392

БИБЛИОГРАФИЯ 46I

В В Е Д Е Н И Е

Обобщение и извлечение уроков из уникального опыта XX столетия невозможно без критического переосмысления предреволюционного российского политического процесса. Воссоздание его объективной, исторически правдивой, картины составляет актуальную научную задачу. Ее решение предполагает исследование не только деятельности политических партий и общественных движений, но и факторов их внутреннего развития, в значительной степени определявших характер и содержание этой деятельности.

На рубеже XIX-XX веков Россия находилась на перепутье. Перед страной, богатейшей с точки зрения естественных ресурсов, делавшей уверенные шаги по капиталистическому пути, но в целом экономически и культурно отсталой, не сбросившей еще окончательно путы феодализма, раздиравшейся социальными и национальными противоречиями, открывались различные варианты модернизации. При прогрессирующем ослаблении самодержавного строя и неразвитом состоянии гражданского общества выбор перспективы зависел от результатов противоборства не столько социально-классовых сил, сколько связанных с ними политических групп российской интеллигенции.

Она была весьма немногочисленна. В конце XIX в. в стране со 125 млн.населением насчитывалось 172,8 тыс.работников просвящения, 18,8 тыс.врачей, 4 тыс.инженеров и технологов, занятых в промышленности, 18,2 тыс.художников, музыкантов, актеров, 3,3 тыс.ученых и литераторов, 8,9 тыс.адвокатов и

нотариусов, около 17 тыс. студентов университетов и т.д.(1). При этом далеко не все работники умственного труда обладали вполне определившимися убеждениями, чуткостью к общественным явлениям, социальной и политической активностью. Очевидно, речь могла идти лишь о нескольких тысячах таких людей. Но именно от их интеллектуального уровня, от их политической культуры, от их идей и способности получить массовую поддержку в огромной степени зависело направление дальнейшего развития страны.

В составе российской интеллигенции совершенно особое место занимала ее социал-демократическая группа, в основном сложившаяся в 90-е годы XIX века. Об ее удельном весе в процессе формирования РСДРП, насчитывавшей к своему II съезду (1903г.), по различным оценкам,от 3,5 до 5 тыс. человек(2),позволяют судить следующие данные. Согласно всероссийской переписи РКП(б) 1922 г., до 1905 г. служащие составляли 32,4% всех членов партии, причем интеллигенты могли входить и в разряд "прочих" (5,6%)(3). Анализ, проведенный М.С.Волиным, выявил, что интеллигенты, вступившие в социал-демократическое движение до 1905г., составляли 36% (в том числе, студенты и учащиеся средних учебных заведений - около 40%, учителя - около 21%, медики - около 20%; в ходе революции соотношение несколько изменилось: студенты - 38%, учителя - 42%, медики 10% (4). Из подсчетов, основанных на различной методике, В.В.Ложкина и Н.Д.Ерофеева при не вполне совпадающих выводах о соотношении рабочих и интеллигентов на протяжении периода 1892-1903 гг. следовало, что на стыке двух веков около 40% участников социал-демократического движения были интеллигентами (5). Во всяком случае,

можно считать установленным, что до 1905 года ими являлись более 1/3 социал-демократов. Но намного выше был политический удельный вес социал-демократической интеллигенции.

Круг вопросов, связанных с формированием социал-демократической интеллигенции, ее местом и ролью в российском политическом процессе,образует самостоятельную научную проблему.

В предлагаемой диссертации эта проблема не исследуется, однако, в конкретно-историческом плане, не анализируется численность и состав социал-демократической интеллигенции, деятельность отдельных групп и лиц. Замысел автора иной. Он состоит в том, чтобы подойти к пониманию феномена социал-демократической интеллигенции через лабораторию современной ей общественной мысли.

Идеи и концепции, выдвинутые представителями основных ее течений, отразили во всем многообразии широкий спектр противоречивых оценок, оказав влияние на политическое формирование и поведение самой социал-демократической интеллигенции. Обобщение результатов видения проблемы современниками позволяет раскрыть ее наиболее существенные стороны.

В свете сказанного предмет исследования может быть определен как поиск общественной мыслью России на рубеже двух веков ответов на вопросы, связанные с появлением и особенностями социал-демократической интеллигенции, ее общественно-политической ролью, ее воздействием на рабочее движение, становление рабочей партии, на судьбы страны.

Научная значимость темы может рассматриваться, по крайней мере, в трех ракурсах.

С точки зрения теории политической партии она представляет интерес в свете современного прочтения грамшианской концепции партии как коллективного интеллигента. Согласно этой концепции, "все члены партии должны рассматриваться как интеллигенты", прежде всего, в том смысле, что ей принадлежит "роль воспитателя, а, значит, интеллигента" (6). Очевидно, данное качество приобретается постепенно, по мере развития партии. В период ее формирования оно в первую очередь определяется деятельностью лиц умственного труда, обладающих теоретическимии профессиональными знаниями, творческим потенциалом, широким политическим кругозором, определенными нравственными качествами. Предлагаемое исследование способно внести большую теоретическую ясность в вопрос о содержании процесса взаимовлияния социалистической теории и рабочего движения, о реальном вкладе интеллигенции в выполнение социал-демократической партией функции "коллективного интеллигента", интеллекта массового движения. Вместе с тем оно позволяет установить, имелись ли необходимые предпосылки для расширения и обогащения этой функции в будущем по мере усложнения общественного развития.

С точки зрения истории политических партий и общественных движений, истории российской интеллигенции раскрытие данной темы дает возможность по-новому взглянуть на важные стороны начального, да и последующих этапов развития российской социал-демократии, выявить преемственную связь между революционной, демократической, народнической интеллигенцией и ее социал-демократической наследницей, степень участия последней в общест-

венном движении интеллигенции, соотношение и характер взаимодействия социал-демократической и других политических групп интеллигенции, а также понять, какой отпечаток наложила социал-демократическая интеллигенция на рабочее движение, на политический облик РСДРП и выделившихся из нее большевистского и меньшевистского течений. Предпринимаемый поиск помогает обнаружить истоки той роли, которую сыграли радикальные элементы российской интеллигенции как в событиях 1917 года, в усилиях по осуществлению грандиозного социального эксперимента, так и во многих перипетиях партийного строительства в послеоктябрьский период, в попытках активного и пассивного сопротивления сталинской модели социализма и партии-государства, установлению тоталитарного режима.

Наконец, с точки зрения истории общественной мысли избранная тема исследования выводит не только на обобщения представлений, сложившихся у видных публицистов и политических деятелей каждого направления, но и на результаты многолетней работы этой мысли в целом, также как и на некоторые общие тенденции ее эволюции.

Научная новизна диссертации заключается прежде всего в том, что в ней впервые предпринимается исследование ключевых вопросов, связанных с ролью и местом социал-демократической интеллигенции в общественно-политической жизни России. Оно состоит далее в том, что исследование проводится преимущественно через сопоставление и сравнительный анализ идей, высказанных современниками событий и нашедших отражение в источниках, большая часть которых введена в научный оборот впервые. Новизна проявляется и в попытке автора на основе

этого анализа отказаться от сложившихся в литературе стереотипов в подходе к проблеме, предложить принципиально новую ее трактовку, выйти на новые выводы, которые внесли бы существенные коррективы в понимание особенностей российского политического процесса.

Практическая значимость работы проистекает из того, что коренная перестройка преподавания в современных условиях в высших учебных заведениях страны курсов отечественной истории и истории политических партий и общественных движений возможна лишь на основе новейших научных изысканий по проблемам, до недавнего времени составлявшим или все еще составляющим "белые пятна". К их числу относится и исследуемая в настоящей диссертации проблема. К тому же разработка таких ее аспектов как место и функции радикальной интеллигенции в политическом процессе среднеразвитой капиталистической страны, стоящей перед необходимостью ускоренной модернизации, взаимодействие этой интеллигенции и массового движения, интеллигенция в политической партии, могла бы иметь выход на преподавание политологических дисциплин.

Актуальность темы определяется, с одной стороны, сущностью процессов, происходящих в политической жизни советского общества, которое, хотя и со значительными трудностями, продвигается к созданию новой политический системы, основанной на открытом соревновании и сотрудничестве различных политических партий, борьбе за политическое лидерство в рамках демократических процедур. Политически активные элементы интеллигенции играют крупную роль в возникновении новых политических партий,

в преобразовании общественных движений в такие партии. Однако действующие сегодня политические образования, в том числе левой, социал-демократической ориентации еще весьма малочисленны и, нередко обладая подготовленными интеллектуальными кадрами, по существу лишены или почти лишены массовой базы. Уместно напомнить, что глубокий кризис, который переживала в последние годы КПСС, был связан, помимо прочего, и с тем обстоятельством, что ее интеллектуальные силы, в значительной степени из-за фактической оторванности от рядовых членов партии не сумели своевременно использовать свой несомненно богатый творческий потенциал с тем, чтобы добиться коренной демократической реформы партии.

В свете сказанного исследование позитивного и негативного в предреволюционном политическом опыте российской интеллигенции, состоявшей в различных партиях, взаимодействия социал-демократической интеллигенции с рабочим движением, отношение этой интеллигенции к демократическим ценностям вообще и внутрипартийной демократии, в особенности, может представить отнюдь не только академический интерес, послужить основой для размышлений о тенденциях и перспективах современного политического развития.

С другой стороны, актуальность темы связана со сложными и неоднозначными процессами, которые происходят в настоящее время в рабочих, других левых демократических партиях, действующих в самых различных социально-политических условиях. На переломном этапе мирового развития они столкнулись с новыми реальностями. Это и возросший динамизм современных обществ, существенные изменения в их социальной структуре, в том числе

в составе рабочего класса, противоречивое воздействие новейшей технологической революции. Это и выявившаяся несостоятельность определенных представлений о социализме и соответствовавшей данным представлениям модели партии.

Многие партии, переживая кризисную или предкризисную ситуацию, ищут выхода из нее на путях коренного обновления, идет создание на их основе новых широких политических формирований левых демократических сил. Интеллигенция с ее в общем возрастающим удельным весом в партиях накладывает все более заметный отпечаток на их облик и политику, на изменение соотношения классового и общечеловеческого, демократических и социалистических ценностей в их деятельности, выступая обычно инициатором радикальных общественных и внутрипартийных перемен. Не снимается, а в ряде случаев обостряется проблема взаимодействия различных социальных элементов партий, прежде всего рабочих (в основном занятых в традиционных отраслях экономики) и интеллигентов. Между тем без активного участия интеллигенции немыслим выход из переживаемого этими партиями кризиса.

С точки зрения названных явлений предпринимаемое исследование дает возможность, не прибегая к поверхностным аналогиям, выявить некоторые принципиальные подходы к решению сопоставимых вопросов, закономерно встающих перед левыми партиями с действующей в их рядах социалистически ориентированной интеллигенцией.

Историография. Непосредственно по обозначенной проблеме специальных работ ни в нашей стране, ни за рубежом до настоящего времени не выходило, но важные ее аспекты освещались исследователями сопредельных сюжетов. Ее осмысление как в исто-

рическом, так и в философско-историческом плане началось еще в дореволюционный период, когда выявилось по меньшей мере три основных направления.

Первое - попытки освоения проблемы с марксистской точки зрения. Здесь в свою очередь определились два главных подхода.

Меньшевистский подход наиболее выпукло проявился в многотомном труде "Общественное движение в России в начале XX века", в особенности в статьях Ю.О.Мартова, А.Н.Потресова, А.Мартынова, Н.Череванина (7). Их внимание концентрировалось на отношении социал-демократической интеллигенции к рабочему движению. Становление этой интеллигенции рассматривалось как процесс, происходивший под влиянием марксизма внутри демократической интеллигенции, находившей опору в пролетарской среде. При этом Н.Череваниным делался важный вывод о том, что хотя имелись все основания ждать полной ассимиляции социал-демократической интеллигенции с пролетарской массой, к моменту революции 1905 г. эта ассимиляция была "чрезвычайно далека от осуществления". Процесс образования партии, по мнению Ю.О.Мартова, характеризовался растущим антагонизмом между состоявшими в ней интеллигентами (партийной аристократией) и рабочими (партийным плебсом). Считая, что РСДРП носила выраженный интеллигентский характер, меньшевистские авторы (А.Потресов, А.Мартынов) связывали его усиление с ленинской теорией соотношения стихийности и сознательности, которая "возводила факт в принцип, возводила временное фактическое господство революционной интеллигенции в социал-демократическом движении в общий непререкаемый закон" и до известной степени реставрировала народнические взгляды на роль личности в истории (А.Мартынов). Тем не менее признавалось значительное влияние этой

теории на партийных работников.

Большевистская точка зрения нашла отражение, в особенности, в исторических очерках Н.Н.Батурина (8) и М.Н.Лядова (9), в историко-публицистических работах В.И.Ленина (I0). Названные авторы исходили из первенствующего значения массового рабочего движения, как основы марксистской партии, сознательных рабочих, как основы ее формирования. Вместе с тем в их трудах показана значительная, даже преобладающая роль социал-демократической интеллигенции на этапе становления партии, особенно в ее "верхних эшелонах", среди руководителей различного уровня. Одновременно на фактическом материале большевистские авторы стремились опровергнуть попытки группы "Освобождение труда" к преувеличению этой роли, затем меньшевиков - к изображению самого характера партии как интеллигентского.

Второе - либеральное направление, представленное в основном двумя течениями. Одно из них выразили авторы сборника "Вехи" (II), большинство которых сами в прошлом испытали влияние марксизма, участвовали в социал-демократическом движении. Эту книгу следует рассматривать прежде всего как попытку развернутой характеристики социалистической интеллигенции по итогам ее участия в освободительном движении вплоть до I905 года (I2). Концепцию, выстроенную авторами "Вех", отличают, во-первых, взгляд на распространение марксизма среди интеллигенции как на заимствование западнических идей без связи с российской действительностью; во-вторых, взгляд на РСДРП как интеллигентскую по характеру партию, на социал-де-

мократическую теорию как "идеологию интеллигентской кружковщины" (Н.А.Бердяев); в-третьих, представление о том, что марксизм не изменил природу русской революционной интеллигенции и сам подвергся народническому перерождению; в-четвертых, выделение в числе особенностей облика социал-демократической интеллигенции таких черт как безусловный примат общественных форм по отношению к внутренней духовной жизни личности; утилитарный подход к любому теоретическому вопросу исключительно с точки зрения блага и интересов народа или пролетариата; максимализм целей и средств, уверенность в своей непогрешимости; историческая нетерпеливость, стремление вызвать социальное чудо; пренебрежение национальной проблемой, растворение ее в классовой борьбе; готовность к самопожертвованию и вследствие этого пренебрежение к общепринятым нормам нравственности; склонность к формализму и бюрократизму в построении партии, неуважение к праву; страсть к разрушению и ненависть к "врагам народа", стремление насильственно обратить мир в свою веру. Хотя авторы преследовали вполне определенную цель - через самопокаяние интегрировать социалистическую интеллигенцию, ответственную за "духовное руководство" революцией, в существующую систему, для концепции сборника характерно глубокое понимание реальной политической силы этой интеллигенции, ее способности изменить при опоре на народ ход общественного развития (по выражению С.Н.Булгакова, "в союзе с татаршиной" погубить Россию), проникновение в специфику ее мировоззрения и психологии.

Выдвинутая в качестве своеобразного противовеса "Вехам"

собственно кадетская концепция (I3) также исходила из представления о марксизме как продукте интеллигентского творчества, из признания вреда, который принесли левые интеллигентские течения делу освобождения страны. Однако в отличие от позиции "Вех", по которой социалистическая интеллигенция пробудила темные инстинкты толпы, кадетские авторы, в первую очередь П.Н.Милюков понимали связь социал-демократической интеллигенции с реальными интересами трудящихся, объясняя этой связью ее политический радикализм и неприятие западной модели партии. Главная же мысль сборника, состоявшая в том, чтобы оспорить веховскую идею об огромной и гибельной для России силе социалистической интеллигенции, грешила явной недооценкой значения и потенциальных возможностей последней.

Исследователи третьего, народнического, эсеровского направления стремились показать доминирующую роль в освободительном движении социалистической интеллигенции. Исключительно результатом ее внутреннего развития считал появление социал-демократической интеллигенции, нашедшей "точку опоры" в рабочем движении, Р.В.Иванов-Разумник (I4). Одним из первых он поставил вопрос о неоднозначном влиянии на нее марксизма. Оказав благотворное, оживляющее воздействие на критическую мысль части социалистической интеллигенции, он вместе с тем породил "уверенность в безошибочном объективизме своей теории и готовность принести в жертву этому Молоху десятки и сотни тысяч реальных личностей". По мнению этого автора, марксистской интеллигенции был изначально присущ крайний антииндивидуализм, проявлявшийся в подчинении интересов отдельной

личности, общества в целом благу определенного класса, в недооценке значения вопросов безмерно важных для человеческой личности: морали, права, справедливости и т.д. Он же обратил внимание на взаимовлияние народнической и марксистской интеллигенции.

Для концепции эсеровского антивеховского сборника (I5) была характерна тенденция к преуменьшению самостоятельной роли социал-демократической интеллигенции. В.Чернов трактовал происходившие внутри нее процессы как в значительной степени следствие влияния народнической интеллигенции, народнических идей. В том же сборнике Н.Ракитников оспаривал веховский тезис о пропасти, разделявшей интеллигенцию и народ, утверждая, что в I905 году социалистическая интеллигенция вела за собой трудящиеся массы, но констатировал наличие "духовного расстояния" между ними, преодолеваемого, в его представлении, посредством поднятия трудящихся масс до уровня интеллигентов.

Сама постановка в дореволюционной литературе вопросов, касающихся формирования особенностей роли социал-демократической интеллигенции, ее связи с народным, рабочим движением отражала признание как научного, так и практического значения проблемы.

Ее дальнейшее изучение после I9I7 года шло различными путями. Философско-историческая трактовка была предложена Г.П.Федотовым (I6) и Н.А.Бердяевым (I7). Оба считали русскую интеллигенцию уникальным историческим явлением, идеологической и беспочвенной группой, отделенной пропастью от народа и отчужденной от государства, а возникновение социал-демократической

интеллигенции - результатом вияния на эту группу марксизма. Г.П.Федотов отмечал его "освежающее, озонирующее" значение с той точки зрения, что именно марксизм помог связать интеллигентскую мысль с реальной силой, с оторванным от народной, крестьянской почвы пролетариатом, причем как раз социал-демократическую, в особенности большевистскую интеллигенцию Г.П.Федотов считал "почвенной", поскольку она в большей или меньшей степени слилась с верхним слоем пролетариата, образовав, однако, не "новую интеллигенцию", а "кадры революционных деятелей". Видя единственный интеллигентский корень большевизма в традиции Бакунина, Ткачева, Нечаева, автор рассматривал его как изначально интеллигентскую секту, стремившуюся к государственной диктатуре и в то же время как антиинтеллигентское течение. Согласно концепции Н.А.Бердяева, при существенных различных в восприятии марксизма в одном крыле марксистской интеллигенции - именно большевистском - произошло своеобразное соединение традиций: революционного марксизма (понимаемого, как догматическая, ортодоксальная, целостная система), максималистского течения русской революционной интеллигенции и традиций русской исторической власти. В правящем большевизме он находил черты русской революционной и просто радикальной интеллигенции, полагая что "вся история русской интеллигенции подготовила коммунизм". И Г.П.Федотов, и Н.А.Бердяев придерживались мнения, что марксистской, в первую очередь большевистской интеллигенции удалось, в отличие от других групп революционной интеллигенкции, найти путь к соединению с пролетарскими элементами.

Видение проблемы "издалека" выдающимися русскими философами представляет непреходящий интерес. Однако оно не только не заменяет собой исследований в историческом ключе, но подводит к необходимости таких исследований, делающих возможной состыковку двух направлений научного поиска.

Естественным был послеоктябрьский интерес к проблеме меньшевистских авторов, проявившийся в работах общего характера по истории российской социал-демократии. Через весь труд, Ю.О.Мартова (I8) проходила тема отношений социал-демократической интеллигенции и рабочего движения, идея ведущей роли этой интеллигенции в становлении партии. Подтверждая свои прежние взгляды об интеллигентском происхождении РСДРП, интеллигентском характере ее организации, об определении интеллигенцией целей и способов борьбы и практическом неучастии в этом рабочих, автор делал вывод, что подобное положение оказало "большое и вредное влияние на всю историю социал-демократического рабочего движения". Концепция ленинской книги "Что делать?" характеризовалась как обоснование "фактической диктатуры партийных теоретиков". Ю.О.Мартов считал, что отношениям рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях был присущ антагонизм, сводя его к противодействию тенденции рабочих к организационному демократизму со стороны интеллигенции, которое, в его представлении в I904-I905 гг. проявлялось по-разному: меньшевистской интеллигенции (в отличие от большевистской) было свойственно реальное стремление к устранению указанного антагонизма на путях коренной реформы партии.

Одним из первых среди меньшевиков Н.Жордания попытался отобразить исторический путь большевизма (I9). Само его рождение выводилось из ленинской теории стихийности. Считая отправным пнуктом большевизма тезис о потребности пролетариата в "опекуне", в "наставнике", доставляющем ему "нужное сознание", автор сопоставлял его с идеями П.Ткачева и приходил к выводу, что последний "предвосхитил весь современный большевизм" (как с точки зрения признания роли "революционного меньшинства" и заговорщического типа организации, так и с точки зрения тактики, нацеленности на социалистическую революцию). Утверждалось, что если меньшевики стремились избавиться от недуга - засилья интеллигентов в организациях, то большевики возводили порок в добродетель: для них "группа социалистической интеллигенции" должна была явиться "распорядителем" всего движения.

В названных работах проступают контуры основных подходов меньшевистских авторов к проблеме: признание особой роли интеллигенции в рабочем движении и партийном строительстве, ненормального характера отношений рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях, изображение большевизма как реализации ленинской идеи о внесении социалистической интеллигенцией сознания в массовое движение и как искусственного, кореняшегося в народнической традиции ответвления от социал-демократического русла. Однако круг источников, на которых базировались эти подходы, был весьма узок.

Обратимся теперь к главным вехам изучения проблемы в советской литературе. В ходе интенсивно проводившегося в 20-е

годы пересмотра "с классовых позиций" истории российского рабочего, социал-демократического движения, создания большевистской партии затрагивался и вопрос об участии в этих процессах интеллигенции. На его освещении не могли не повлиять высказывания на исторические темы партийных руководителей, которые, хотя и отталкивались от постулата о пролетарском характере партии, тем не менее обнаруживали неодинаковые подходы к интересующему нас сюжету. Так, А.С.Бубнов рисовал схему развития партии, в которой вершителями ее судьбы изначально были рабочие, а интеллигенции вообще не отводилось места[20]. С другой стороны, в работах А.В.Луначарского[21] проводилась мысль о невозможности образования коммунистической партии из одних рабочих, отмечалась весьма положительная роль интеллигенции, ушедшей в рабочий класс, хотя при этом резко негативно оценивалась интеллигенция других левых направлений. На близкой к данной точке зрения стоял Г.Е.Зиновьев[22]. Обращая внимание на то, что большинство в организации "Искры", на П съезде, в комитетах РСДРП составляли не рабочие, а студенты, профессиональные революционеры-интеллигенты, он считал это обстоятельство не мешавшим пролетарскому характеру партии.

Наметившиеся в "руководящих" работах тенденции давали о себе знать в исторических и историко-публицистических трудах. Так, Н.Н.Попов[23] считал, что широко участвовавшие в социал-демократическом движении, в образовании РСДРП интеллигенты в своем подавляющем большинстве отстаивали интересы мелкобуржуазной интеллигенции, а один из основных меньшевистских грехов видел в стремлении открыть доступ в партию интеллигентской периферии. Интеллигенция оказывалась негативным фактором развития

рабочего движения и партии. К такому же выводу подводила книга К.И.Шелавина[24]. Иную точку зрения высказывал В.Г.Сорин[25]. Он считал естественным и неизбежным тот факт, что на первых ступенях рабочего движения носителями марксизма и практическими работниками выступали социалисты из революционной интеллигенции, указывал на "первоначальное различие" между интеллигентами и рабочими "в деле овладения и пропаганды социализма". Однако преодоление этих различий изображалось крайне упрощенно как "быстрое" усвоение марксизма передовыми рабочими, а во главу угла, как и другими авторами, ставилось орабочивание партийных инстанций.

Попытки более основательно и непредвзято подойти к рассмотрению места и политической роли интеллигенции в становлении социал-демократической партии отличали работы известных историков М.Н.Покровского[26], В.И.Невского[27], Н.Н.Батурина[28]. Исходя в своей концепции истории революционного движения из роли, которую играла в нем интеллигенция (из поиска ею "массы"), М.Н.Покровский делал вывод о громадном влиянии последней как аппарата, который вырабатывал идеологию, создавал известную организацию в период образования партии и первой российской революции. Он считал, что интеллигенции принадлежала преобладающая роль в РСДРП, ее комитетах вплоть до 1905 года. Также и В.И.Невский придерживался мнения о первоначально сплошь интеллигентском составе социал-демократических организаций, полагая, что носителем революционных идей рабочего класса являлся прежде всего не он сам, а элемент, пришедший извне - мелкобуржуазная разночинная интеллигенция. В представлении этого историка, и рабочие-партийцы "выращивались" и "воспитывались" интеллигенцией.

Он приходил к заключению, что большевистская интеллигенция являла собой "довольно многочисленный слой мелкой интеллигенции, которая навсегда слила свою жизнь, деятельность и идеологию с жизнью, борьбой и идеологией русского революционного пролетариата". Решительно отклоняя прямолинейный взгляд на мелкобуржуазную интеллигенцию как на "важный фактор" оппортунизма", Н.Н.Батурин отстаивал "громадную революционную роль" марксистской интеллигенции, посчитав уместным напомнить о "наделавшем в свое время много шума" ленинском тезисе о привнесении социализма в рабочее движение извне, т.е. из той же мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции.

В литературной полемике 20-х годов нашел отражение еще один аспект проблемы - о соотношении социал-демократической, большевистской интеллигенции и рабочего класса. Выявились две основные точки зрения.Л.Войтоловский[29], В.Полонский[30], придерживаясь представления о "классовой интеллигенции", пытались жестко привязать политические группы интеллигенции к соответствующим общественным классам, развивая мысль о выдвижении пролетариатом большевистской интеллигенции. Другая точка зрения, выраженная, в частности, С.Я.Вольфсоном[31], проистекала из взгляда на интеллигенцию как на междуклассовую, промежуточную прослойку, различные элементы которой ориентируются на различные общественные классы и политические партии. При этом отмечалась важная роль интеллигентов в пролетарской партии, содействующих прояснению классового сознания пролетариата.

В 20-е годы было положено начало изучению отдельных сторон проблемы в советской литературе. На исследовательской работе сказывалась, однако, идеологическая и политическая заданность,

порождая тенденциозность и однобокость в их освещении. Происходившие внутри социал-демократической, вообще революционной, социалистической интеллигенции на рубеже двух веков процессы не могли стать в условиях того времени предметом объективного анализа.

Дальнейшая разработка проблемы была фактически прервана в 30-е годы. Прежде всего это было связано с политическими причинами. Обстановка массовых репрессий, жертвой которых пала, в первую очередь, партийная интеллигенция, явно не располагала к исследованию вопросов ее формирования и развития. В то же время это было связано с причинами идеологического порядка, с утверждением безраздельного господства сталинской концепции истории партии. Ее автор, обрушившись в своем печально знаменитом письме в редакцию журнала "Пролетарская революция"[32] "не только на троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории", но и на большевистских историков, "льющих воду на мельницу" первых, помимо прочего, однозначно негативно высказался применительно к периоду II съезда РСДРП по поводу "непролетарских элементов" партии. В свете сказанного поставленная в статье задача "поднять вопросы истории большевизма на должную высоту" могла означать лишь директиву сконструировать схему партии-монолита, в которую никак не вписывалось представление о развивающемся политическом организме, состоящем из принадлежащих к различным социальным категориям людей с определенными интересами, психологией, образом мысли и действия.

Начатый решениями XX съезда КПСС процесс постепенного устранения наиболее явных деформаций эпохи сталинизма в освещении исторического прошлого оказал воздействие и на разработку

занимающей нас проблемы.

За три с половиной десятилетия вышли подготовленные, как правило, большими авторскими коллективами труды общего характера по отечественной истории, истории рабочего класса и КПСС[33], а также отдельных авторов по более узкой тематике[34]. Они содержат фактический материал о численности и деятельности интеллигентов - социал-демократов (хотя до реабилитации последних лет роль многих из них замалчивалась или изображалась искаженно). Эти работы позволяют в какой-то мере судить о вкладе интеллигенции в социал-демократическое движение, в процесс становления РСДРП, оформления ее большевистского течения. Однако в них нет даже попытки постановки проблемы социал-демократической интеллигенции как самостоятельной или как части проблемы создания партии. Рабочие и интеллигенты изображаются преимущественно как составляющие единую массу членов партии, из которой выделяются рабочие, но никак не интеллигенция. Любое противопоставление тех и других приписывается "врагам большевизма", начиная с меньшевиков и кончая "буржуазными фальсификаторами".

Далее следует назвать труды, посвященные в основном идейному наследию русских марксистов. Среди них - опубликованное еще в 1959 г. обстоятельное исследование Ю.З.Полевого[35], в котором показан длительный и сложный путь революционной интеллигенции к марксизму. В книге делался обоснованный вывод о том, что без помощи марксистской интеллигенции начавшееся рабочее движение не могло выбраться на путь научного социализма, что сами передовые рабочие были не в состоянии подняться "до высоты революционной теории". Но предприняв глубокий анализ идей членов группы "Освобождение труда", прежде всего Г.В.Плеханова, автор

оставлял без внимания эволюцию их взглядов относительно роли социалистической интеллигенции. Тот же пробел обнаруживается и в более поздних работах. В монографии И.Н.Курбатовой[36], носящей в значительной мере библиографический характер, разбирается большое число произведений Г.В.Плеханова и В.И.Засулич. Однако выдвинутые в некоторых из них принципиальные положения о месте и роли социалистической интеллигенции обычно ускользали из поля зрения исследователя. Практически отсутствует проблема социал-демократической интеллигенции и в работах, посвященных ленинской концепции партии[37], идейному содержанию "Искры"[38], хотя она и занимала видное место как в упомянутой концепции, так и в материалах газеты. Среди вышедших в последние годы исследований заслуживает внимания монография З.М.Зотовой[39]. Для избранного нами ракурса исследования проблемы интересен примененный автором метод сравнительного анализа идей представителей различных течений и их оттенков в социал-демократическом движении по вопросу о концепции рабочей партии. Правда, результатом такого анализа оказывались в основном традиционные для советской историографии выводы. Труднообъясним, однако, тот факт, что в монографии, посвященной идейно-теоретической борьбе в социал-демократическом движении на рубеже двух веков, почти не фигурировал один из центральных вопросов этой борьбы - о роли и месте интеллигенции в рабочем движении и становлении партии.

Относительно более плодотворно научный поиск шел в рамках приобретавшего все более устойчивый и углубляющийся характер изучения истории интеллигенции.

Первое в советской историографии многоплановое исследование подобного рода было предпринято Л.К.Ерманом[40]. Им, в частности,

проанализированы политические взгляды интеллигентов-большевиков, их деятельность внутри профессиональных групп интеллигенции, в ее организациях, сделан вывод, что только революционная марксистская интеллигенция была "последовательным борцом за полную победу демократической революции, самоотверженно боролась в рядах пролетариата". Вместе с тем известный схематизм, элементы упрощенчества проявились в представлениях о жестко детерминированной связи между социальным, материальным положением и политической позицией различных слоев интеллигенции; в фактическом игнорировании различий в марксистской партии между интеллигентами непролетарского происхождения и рабочими-самоучками; в зачислении тех и других в пролетарскую интеллигенцию и объявлении ее "органической частью" пролетариата; в изображении этой интеллигенции монолитно сплоченной, безошибочно действующей, отделенной чуть ли не китайской стеной от других левых политических групп интеллигенции. И хотя в дальнейшем автор несколько скорректировал свою точку зрения[41)], рассматривая, в частности, две указанные выше группы как интеллигенцию, выражающую интересы пролетариата, а не как часть последнего, его концептуальный подход долгое время оказывал влияние на историческую мысль.

В 70-е - первой половине 80-х годов появляется ряд серьезных работ по истории интеллигенции и студенчества, в которых затрагивается и исследуемая нами тема. Г.И.Щетинина[42)] приходила к выводу о невозможности развития рабочего движения без социалистической интеллигенции, об ее выдающемся вкладе в дело создания большевистской партии. В.Р.Лейкина-Свирская[43)] высказала верную мысль о том, что становление революционного интеллигента, в том числе социал-демократа, являлось одновременно и

глубоко индивидуальным и общественным процессом. Она подметила наличие в психологии марксистской интеллигенции черт, унаследованных от революционно-народнической интеллигенции (разрыв с личным привилегированным положением, самоотречение, готовность жертвовать всем ради идеи, психологическая невозможность компромисса с самодержавием и др.). Вместе с тем отдельные суждения автора, например, о "полном единстве", существовавшем между рабочими и интеллигентами-большевиками, сделаны на основе единичных, выборочных данных и вряд ли могут претендовать на отражение реального положения дел. А.В.Ушаков[44] первым показал на широком историческом фоне применительно к концу XIX - началу XX веков идейное и политическое воздействие революционных социал-демократов, принадлежавших к различным профессиональным группам интеллигенции, а также к студенчеству, на рост их общественно-политической активности, но при этом явно недооценивал влияние на них других политических групп интеллигенции, прежде всего либеральной и эсеровской. П.С.Гусятникову[45] удалось проследить возникновение социал-демократических студенческих групп и организаций, раскрыть их разностороннее участие в деятельности организаций РСДРП. Право на принадлежность к революционному студенчеству признавалось, однако, только за марксистским, фактически большевистским (до 1903 г. в основном за будущими большевиками) студенчеством, которое резко противопоставлялось остальным партийным группировкам, притом изображалось как вполне сформировавшееся, не знавшее ошибок и сомнений.

Предпринявший первую попытку "сквозного" исследования проблемы "Партия и интеллигенция" С.А.Федюкин[46] в противовес Л.К.Ерману и другим историкам исходил из того, что политическое

размежевание в среде интеллигенции проходило не между различными социальными и профессиональными группами, а внутри них. Отсюда вытекал сложный социальный состав непролетарской социал-демократической интеллигенции, включавшей представителей различных классов. К этой интеллигенции автор причислял и рабочую интеллигенцию. Делался вывод, что социал-демократическая интеллигенция на заре рабочего движения играла "весьма значительную роль в руководстве революционными организациями, в теоретическом освещении задач и целей борьбы, в пропагандистской работе." Но процессы внутри этой интеллигенции, сущность дискуссий об отношениях рабочих и интеллигентов оставались за рамками исследования.

Шагом вперед в изучении проблемы стал сборник "Интеллигенция и революция", особенно статьи К.В.Гусева, А.Д.Степанского, А.В.Ушакова, Л.В.Ивановой[47]. Первый из них обратил внимание на то, что борьба за интеллигенцию велась руками интеллигенции политических партий. Он непосредственно связал роль социалистической интеллигенции со сравнительной легкостью октябрьского прорыва 1917 г. А.В.Ушаков справедливо подчеркнул недопустимость смешения социал-демократов-рабочих и интеллигентов. Он особо выделил функцию социал-демократической интеллигенции по проведению идейно-политической работы среди профессиональной демократической интеллигенции (на конкретно-историческом материале эта функция раскрывается автором в недавно опубликованном сообщении)[48]. Интересна постановка вопроса А.Д.Степанским о взаимодействии революционной социал-демократии (в лице ее интеллигентов) и творческих, профессиональных, филантропических организаций интеллигенции. В единственной статье сборника, непосредственно посвященной большевистской интеллигенции, Л.В.Иванова

высказала мысль, что в ее представителях соединились черты и свойства коммунистов, профессиональных революционеров и передовых русских интеллигентов, которые в свою очередь питались традициями русского и мирового освободительного движения. Заслугой других авторов[49)] явилось привлечение внимания к дискуссиям дореволюционных историков и публицистов о понятии и роли интеллигенции, в том числе социалистической, хотя суждениям, отклонявшимся от точки зрения большевистских идеологов, давалась со ссылкой на "классовый подход" однозначно негативная оценка.

В середине 80-х годов появляются труды В.В.Ложкина[50)] по проблеме рабочей интеллигенции. Исследователь проводил четкую грань между нею и социалистической интеллигенцией, причисляя к последней лишь интеллигентов по происхождению и профессии. Однако автор не смог, как представляется, должным образом аргументировать свои весьма смелые утверждения, приписывающие рабочим (наряду с интеллигентами) функцию внесения социалистического сознания в массовое движение, изображающие отношения рабочих и интеллигентов в складывающейся партии как процесс взаимного обогащения, дополнения и умножения сильных сторон и нейтрализации слабостей друг друга. Работы В.В.Ложкина с особой рельефностью высветили пробел в изучении социал-демократической непролетарской интеллигенции.

В вышедшей в конце 80-х годов монографии О.Н.Знаменского[51)] признание роли интеллигенции в партии на начальном этапе ее развития сочетается с традиционным предостережением от преувеличения этой роли (по отношению к роли рабочих). Большевистская интеллигенция представляется автору монолитно единой,

а ее история - неотъемлемой частью истории большевистской партии. При таком подходе, свидетельствующем о живучести стереотипов исторического мышления, проблематичным становилось самостоятельное значение социал-демократической интеллигенции как явления общественно-политической жизни.

Наконец, в публицистике последних лет (статьи И.Клямкина[52], А.Ципко[53]) проявилась тенденция относить к важнейшим историческим истокам негативных процессов послеоктябрьского развития страны идеи и политическое поведение социалистической, в первую очередь марксистской интеллигенции. О правомерности подобного рода умозаключений можно судить, однако, только на основе всестороннего анализа ее мировоззрения и политической роли.

Известное продвижение отечественной исторической мысли с конца 50-х годов и до настоящего времени налицо. В литературе постепенно утверждаются представления об активной роли социал-демократической интеллигенции в рабочем движении, в процессе становления марксистской партии, в особенности, в организациях демократической интеллигенции и студенчества, в их вовлечении в общественно-политическую борьбу. Разумеется, на содержании многих работ не могли не сказаться идеологические рамки, в которые были поставлены исследователи. Это во многом объясняет некритический подход к большевистской интеллигенции, взгляд на нее как на единственную революционную группу интеллигенции, во многом идиллическое изображение взаимоотношений рабочих и интеллигентов в партии и т.п.

Проблема российской революционной интеллигенции вообще и социал-демократической, в частности, заняла в последние десяти-

летия видное место в западной, в первую очередь, англо-американской историографии. Еще в середине 50-х годов к ней привлек внимание Л.Хаймсон[54], который видел в российской социал-демократии закономерный продукт развития интеллигенции, отчужденной от самодержавия, дворянства, крестьянства, бюрократического государства и класса промышленников. Идеи и практика отдельных групп и деятелей социал-демократической интеллигенции рассматривались через призму преодоления разрыва между нею и пролетариатом. Сюда же вписывался и ленинский "план" "опеки над пролетариатом" и его реализация в большевизме.

Один из авторов сборника статей о русской интеллигенции Б.Елкин[55] ставил вопрос об удельном весе ее социал-демократической части. Он полагал, что обычно относимая к русской интеллигенции тенденция к доктринерству и экстремизму вовсе не была свойственна ее большинству, стремившемуся к власти закона и законным методам борьбы, а характеризовала лишь ее "левое меньшинство", причем если меньшевики были в большей степени доктринерами, то большевики - "идущими напролом" экстремистами.

В вышедшей в начале 60-х годов монографии Д.Кип[56] утверждал, что РСДРП была "созданием не самих рабочих, а интеллигентов, желавших получить массовую поддержку", чему соответствовала ленинская идея организации профессиональных революционеров. Автор делал вывод, что "по собственному признанию пролетарская партия в действительности являлась организацией революционной интеллигенции, пользовавшейся лишь небольшой народной поддержкой". Применительно к петербургскому рабочему движению 80-90-х гг. Р.Пайпс[57] находил, что рабочих и интеллигентов - социал-демократов разделяла "пропасть", отмечая "недоверие и инстинктивную

вражду" первых ко вторым.

Особенно плодотворной с точки зрения разработки отдельных аспектов проблемы стала вторая половина 60-х годов. Роль социал-демократической, большевистской интеллигенции Л.Коган[58] и С.Томпкинс[59] связывали с традиционной, по их мнению, для русской политической мысли идеей опеки более развитого, компетентного элемента - интеллектуальной элиты над темными массами. Развитие этой идеи они видели в ленинской концепции партии. С.Томпкинс, вслед за Р.Пайпсом, обращал внимание на ненормальный характер отношений рабочих и интеллигентов, участников рабочего движения. Проявившиеся, как ему представлялось, уже во второй половине 70-х годов антипатия и недоверие рабочих к доминирующей роли интеллигенции в организациях он считал одним из препятствий, с которым социал-демократии надлежало считаться в будущем. Данный аспект проблемы был затронут также А.Уилдманом[60] и С.Шварцем[61]. Первый из них находил, что составившие русскую социал-демократию марксистское крыло традиционной интеллигенции и новая рабочая элита, "теоретически" имели общее мировоззрение и задачи. Однако на практике в отношениях рабочих и интеллигентов проявлялись "хроническая напряженность" и "взаимное отчуждение". Как подметил автор, сказывались не только разница в происхождении, но и трудно уловимые нюансы в понимании целей и ценностей. В свою очередь С.Шварц пытался увязать подходы меньшевиков и большевиков к проблеме отношений рабочих и интеллигентов в организациях партии с различными представлениями о ее характере.

На рубеже 60-х - 70-х гг. Д.Лейн[62] и Р.Элвуд[63] подвергли пересмотру распространенные в западной историографии утверждения (например, Д.Кипа) о преимущественно интеллигентском составе РСДРП. Они уточнили, что если до 1905 г. руководящие кадры рекрутировались в основном из интеллигенции, то на базовом уровне речь шла о рабочей партии.

Исследуя историю русской революционной "отчужденной" интеллигенции, Ф.Помпер[64] связывал появление ленинской, в его интерпретации, "теории гегемонии сознательной социал-демократической интеллигенции над "стихийным" движением рабочего класса" с "историческим страхом" ортодоксальных марксистов по поводу того, что "роль социал-демократической интеллигенции упраздняется, а соединение тред-юнионизма и либерализма задержит прогресс России к социализму". Позднее Р.Вессон[65] в том же духе толковал ленинский тезис о сознательности как необходимости для интеллигенции, обладающей высшим знанием, осуществлять руководство невежественными массами. Такой подход автор считал враждебным западной политической традиции, глубоко элитарным, типично русским.

С иной точки зрения подошел к проблеме К.Рид[66]. Он находил, что основная дилемма, стоявшая перед русской интеллигенцией заключалась в том, каким образом незначительное меньшинство, исключенное из системы политической власти, должно было осуществить необходимые стране перемены. Как показывал автор, в попытке решить эту дилемму социал-демократическая интеллигенция возлагала надежды на рабочий класс, но вместе с тем, вопреки

всем догмам, не могла не отдавать себе отчета в том, что "наиболее последовательным революционным классом" является именно интеллигенция. В этой связи обращалось внимание на широкие дискуссии по проблеме интеллигенции в период, предшествовавший 1905 году, хотя их содержание по существу не рассматривалось.

До последнего времени невыясненным в англо-американской историографии остается вопрос об удельном весе социал-демократической интеллигенции в российском политическом процессе. Об этом свидетельствует вышедшая в середине 80-х годов солидная монография Т.Эммонса[67] о формировании политических партий. По утверждению автора, из-за вынужденно подпольного и элитарного характера деятельности и доктринерских установок революционные партии могли привлечь лишь очень небольшую долю интеллигенции с социалистическими симпатиями.

В известной мере восполняя пробелы в трудах советских историков, их английские и американские коллеги обратили внимание на генезис социал-демократической интеллигенции, ее значение в становлении большевизма, на некоторые аспекты взаимоотношений рабочих и интеллигентов, дали собственную интерпретацию ленинских идей о роли социалистической интеллигенции. Однако ограниченный круг источников, которыми, как правило, пользовались авторы, предпочтение трудам либеральных и особенно меньшевистских исследователей, нередко некритическая их оценка сказывались на характере раскрытия сюжетов, степени обоснованности выводов и суждений.

Историографический анализ показывает, что существенные стороны проблемы остаются неизученными. Имеются упущения и в исследовании тех ее аспектов, которые в той или иной мере нашли отражение в литературе. До сих пор должным образом не освещены некоторые вопросы, поставленные еще в дореволюционной историографии: о месте социал-демократической интеллигенции по отношению к интеллигенции вообще, о взаимосвязи социал-демократической интеллигенции и рабочего движения и др. В литературе не раскрыты особенности политического и психологического облика социал-демократической интеллигенции и составлявших ее компонентов, конкретное содержание выполнявшихся ею функций, не установлен ее политический удельный вес в общественном, в том числе рабочем движении, степень и характер ее воздействия на российский политический процесс, на облик социал-демократической партии и ее основные течения. Специально не исследовалась идейная и политическая неоднородность социал-демократической интеллигенции. Не стали предметом рассмотрения и взаимоотношения интеллигентов и рабочих в социал-демократическом движении, в формирующейся партии. К изучению взглядов на названные вопросы современников, включая участников процесса формирования социал-демократической интеллигенции и ее трансформации в партийную, исследователи вообще не обращались.

Правомерен вывод, что достигнутая степень изученности проблемы далеко не адекватна ее научному и политическому значению. Способствовать в какой-то мере устранению этого несоответствия и призвана настоящая диссертация.

В ней ставятся две группы исследовательских задач. Первая нацелена на раскрытие процесса осмысления проблемы современни-

ками ; вторая - на раскрытие содержания самой проблемы. Решение первой группы задач служит основой для решения второй.

Первая группа включает следующие задачи:

- определить место проблемы социал-демократической интеллигенции в ряду поднимавшихся общественной мыслью России проблем и главные направления полемики вокруг нее ;

- изучить отражавшие основные идейно-политические тенденции оценки (в их эволюции) значения социал-демократической интеллигенции в общественном развитии ;

- провести сравнительный анализ высказанных в марксистской публицистике идей о роли интеллигенции в становлении социал-демократической партии, выявить сущность расхождений, обнаружившихся в процессе развития этих идей ;

- осмыслить подходы представителей различных течений в рабочем, социал-демократическом движении к проблеме взаимодействия интеллигентов и рабочих на различных этапах становления социал-демократической партии.

Вторая группа включает следующие задачи:

- выявить особенности процесса формирования социал-демократической интеллигенции и основные факторы, влиявшие на него ;

- выяснить положение социал-демократической интеллигенции в составе интеллигенции и в общей расстановке политических сил ;

- изучить ключевые направления и степень воздействия социал-демократической интеллигенции на рабочее движение, на общественно-политическую жизнь ;

- раскрыть содержание функций интеллигенции в процессе формирования социал-демократической партии и их интерпретацию основными, сложившимися в ней течениями ;

- исследовать характер взаимоотношений интеллигентов и рабочих на различных этапах становления партии, принципиальную возможность и поиск путей решения возникавших в этих отношениях проблем.

Указанными задачами определяются хронологические рамки исследования. Они могут быть очерчены лишь приблизительно. Исходный рубеж - вторая половина 90-х годов XIX века, когда в условиях развернувшегося массового рабочего движения, поворота значительной части демократической интеллигенции от народничества к марксизму и начавшегося процесса объединения марксистских организаций в партию проблема социал-демократической интеллигенции заняла одно из приоритетных мест в публицистике. В отдельных случаях, однако, преимущественно для показа эволюции марксистских представлений используются труды и более раннего периода (с середины 80-х годов). Выбор завершающего рубежа - весны 1905 года - связан, с одной стороны, с определенным этапом в развитии общественной мысли: к этому времени в целом обозначились основные концептуальные подходы к главным аспектам проблемы; с другой стороны, с определенным этапом в политическом развитии страны: в обстановке развертывавшейся революции перед РСДРП открывались перспективы, по крайней мере, частичного выхода из подполья, превращения в массовую политическую организацию, что влекло за собой изменение роли и места в ней интеллигенции.

Сформулированные выше исследовательские задачи позволяет решить источниковая база диссертации, которая складывается из двух групп материалов. Основную, что определяется самой темой и характером исследования, составляет публицистика,

отразившая главные тенденции развития общественной мысли по обозначенной проблеме. Речь идет как о статьях, сообщениях, письмах, появлявшихся в периодической печати, так и об отдельных изданиях в виде брошюр, листовок и т.п. Изучены, в частности, работы представителей консервативного направления: В.Величко, С.В.Зубатова, Н.Скифа, Н.М.Соколова ; либерального: А.С.Изгоева, Н.А.Бердяева, П.Б.Струве, В.А.Тернавцева, М.И.Туган-Барановского ; неонароднического, эсеровского: А.В.Пешехонова, Б.Оленина, В.Г.Подарского, Е.Серебрякова, В.М.Чернова, Л.Шишко ; близкого к анархистскому В.К.Махайского ; наконец, марксистского: П.Б.Аксельрода, М.Белорусса, А.А.Богданова, В.В.Воровского, В.И.Засулич, Д.Кольцова, Б.Н.Кричевского, Е.Д. Кусковой, В.И.Ленина, Ю.О.Мартова, А.С.Мартынова, Л.Надеждина, М.С.Ольминского, Г.В.Плеханова, В.А.Поссе, А.Н.Потресова, С.Н. Прокоповича, "Рабочего", Д.Б.Рязанова, И.В.Сталина, К.М.Тахтарева, Л.Д.Троцкого, Н.Череванина, а также деятелей международной социал-демократии К. Каутского и Р.Люксембург. Относя того или иного автора к определенному направлению, мы, естественно, имеем в виду его идейные позиции в исследуемый период (независимо от более ранних или более поздних взглядов). Исследованы материалы таких изданий как проправительственный "Русский вестник", либеральные "Мир божий" и "Образование", выходившее за границей и нелегально распространявшееся в России "Освобождение", либерально-христианский "Новый путь", неонародническое "Русское богатство", заграничные неонародические, эсеровские "Накануне", "Революционная Россия", "Вестник русской революции", близкий к ним по направлению "Студент", марксистские или около-

марксистские, ориентировавшиеся на рабочее, социал-демократическое движение издания: в России - "Жизнь", "Рабочая мысль", "Южный Рабочий", заграницей - "Работник", "Листок "Работника", "Рабочее дело", "Листок Рабочего дела", "Искра", "Заря", "Отклики", "Вперед". К данной категории материалов могут быть причислены и протоколы П и Ш съездов РСДРП, отразившие идеи не только марксистских теоретиков, литераторов, но и практиков социал-демократического движения. Изданные по "горячим следам" они явились важной частью партийной публицистики.

Другая группа источников носит в известной мере вспомогательный характер и необходима в основном для подтверждения или корректировки идей, публично высказанных современниками событий в печати, на съездах и т.п. Это, во-первых, переписка как опубликованная, так и неопубликованная, выявленная в Центральном партийном архиве[68][69]; во-вторых, отдельные жандармско-полицейские документы (используемые, в основном, для характеристики взглядов идеологов "полицейского социализма"); в-третьих, мемуарная литература[70].

Методологическую основу диссертации составляет диалектическое понимание исторического развития, соотношения общественного бытия и сознания. Автор исходит из того, что несмотря на все декларации об "отщепенстве" социал-демократической интеллигенции, ее отчуждении от буржуазного общества, она - при всей своей малочисленности - являлась органической частью российской интеллигенции, интеллектуального и культурного потенциала страны, и была, следовательно, связана с мировой культурой. Вместе с тем сама эта интеллигенция рассматривала себя исключительно в качестве выразительницы коренных интересов рабочего класса, которые сводила к революционной замене капитализма социализмом.

В мышлении, политическом поведении и психологии социал-демократической интеллигенции своеобразно переплетались общечеловеческие, национальные и классовые мотивы. Отсюда необходимость раскрытия роли этой интеллигенции с позиции общечеловеческой, общегуманистической, в контексте развития мировой цивилизации, но также и с точки зрения реальных интересов рабочего класса, тенденций развития рабочего движения.

Руководствуясь таким подходом, диссертант стремился с максимальной объективностью рассмотреть широкий спектр концепций и идей и, не отвергая априори ни одной из них, понять логику рассуждений каждого автора. Тем самым оказалось возможным выйти на такие обобщения результатов развития общественной мысли по обозначенной проблеме, которые синтезировали весьма различные представления, приближаясь к адекватному отображению действительности.

Структура диссертации, в основу которой положен проблемно-хронологический принцип, определяется логикой раскрытия ее темы. Прежде всего исследуется многоцветная палитра мнений, их оттенков, касающихся понятия социал-демократической интеллигенции, места, занятого ею в политической группировке интеллигенции, ее общественно-политического значения. Последнее рассматривается в двух ракурсах: как взгляд "со стороны", т.е. с позиций авторов, не причислявших себя к марксистскому течению, и как взгляд "изнутри", т.е. самих марксистов, участников социал-демократического движения. От анализа этих общих сюжетов, составляющего стержень первой главы, делается переход к частному - роли и функциям интеллигенции в социал-демократической партии, выявляемым через сопоставление высказывавшихся в основном в

марксистской публицистике точек зрения, которые первоначально представлялись тождественными или близкими, а в дальнейшем кардинально разошлись (вторая глава). Обе главы выводят на ключевой аспект проблемы: связь социал-демократической интеллигенции и рабочего движения. Применительно к взаимоотношениям интеллигентов и рабочих в социал-демократическом движении, в складывающейся партии этот вопрос изучается в третьей, завершающей главе, где дан разбор содержания дискуссий между литераторами группы "Освобождение труда", "Искры" и "Зари", с одной стороны, представителями "экономического" и тяготеющих к нему течений, с другой, затем между публицистами меньшевистской и большевистской ориентации, наконец, между деятелями большевистского направления. Выводы сделаны по параграфам и главам. Общий итог исследования подводится в Заключении.

В связи с использованием в диссертации для обозначения объекта исследования различных понятий представляется необходимым сделать следующие уточнения. К интеллигенции в широком смысле слова автор относит слой или группу лиц, профессионально занимающихся умственным трудом, живущих за счет этого труда, по крайней мере, обладающих необходимым для такого труда образовательным уровнем или - в случае студенчества - готовящих себя к занятию этим трудом; в узком смысле слова - часть данного слоя или группы, отличающуюся восприимчивостью к общественным явлениям, социальной и политической активностью, четкой направленностью мысли и действия на прогрессивное развитие страны. Для сторонников прогресса на путях социалистического переустройства общества, приверженцев социалистической идеи вообще применимо понятие социалистическая интеллигенция. Эле-

менты последней, обратившиеся к марксизму, увидевшие в нем ключ к пониманию и изменению российской действительности, хотя и обнаружившие существенные различия в степени радикализма выводов из данного учения для России, составили марксистскую интеллигенцию. Во многом, хотя и не во всем, тождественно ей понятие социал-демократической интеллигенции, т.е. интеллигенции не только безусловно преданной новому учению, но и деятельно участвовавшей в социал-демократическом движении, в процессе образования рабочей партии. Термин партийная интеллигенция, как правило, используется при рассмотрении периода после П съезда РСДРП, когда большинство социал-демократической интеллигенции стало частью созданной партии. Соответственно двум образовавшимся течениям политической мысли говорится о большевистской и меньшевистской интеллигенции. Однако и по отношению к периоду между П и Ш съездами правомерен термин социал-демократическая интеллигенция, поскольку в то время ни одна из фракций не ставила под сомнение социал-демократический характер партии, ее демократические и социалистические ценности.

В работе в основном анализируются идеи, связанные с буржуазной и мелкобуржуазной, разночинской по происхождению и положению интеллигенцией, т.е. с частью социального слоя интеллигенции, участвовавшей в социал-демократическом движении, в формировании партии. Автор исходит из того, что вопрос о рабочей социал-демократической, впоследствии большевистской и меньшевистской интеллигенции, как части рабочего класса, требует специального исследования.

Глава I

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Объективная необходимость модернизации экономической и политической жизни страны и возможность различных ее вариантов, развитие массового рабочего движения как крупной самостоятельной общественной силы, рост политической активности демократической интеллигенции, увлечение значительной ее части марксизмом, начавшийся процесс формирования рабочей партии обусловили особое внимание общественной мысли России на рубеже двух веков к феномену социал-демократической интеллигенции. Оно фокусировалось на вопросе о том, в какой мере и в каком направлении эта интеллигенция могла повлиять на политический процесс в стране. В публицистике различных направлений выделялись преимущественно две стороны данного вопроса.

Одна - возможность такого влияния с точки зрения того, что представляла собой социал-демократическая интеллигенция по своему происхождению, по чертам и особенностям, свойственным ей как определенной группе, по ее месту относительно общественных классов, прежде всего рабочего, и других политических групп интеллигенции.

Другая - реально проявлявшаяся и потенциальная роль этой интеллигенции в политической жизни, в революционном процессе, в воздействии на рабочее движение, на тип складывающейся партии.

Эти аспекты рассматривались с различных идейных позиций, определявшихся авторским мировоззрением и политическими пристрастиями, в свою очередь связанными обычно с интересами тех

или иных общественных групп. В ходе острых теоретических и политических дискуссий высказывались и практические рекомендации.

§ I. Место социал-демократической интеллигенции в политическом спектре общества и ее особенности

Историческое место социал-демократической интеллигенции рассматривалось литераторами различных течений в контексте взглядов на российскую интеллигенцию в целом, соотношение между нею и образованным обществом, а также между нею и рабочим классом. При этом грань, разделявшая основные политические группы социалистической и - шире - прогрессивной интеллигенции проводилась (за пределами марксистской публицистики) недостаточно четко. Это в известной степени затрудняет анализ представлений о политическом и социально-психологическом облике социал-демократической интеллигенции как специфической группы.

Литераторы, принадлежавшие к консервативному направлению общественной мысли, были склонны отождествлять социалистическую интеллигенцию с русской интеллигенцией вообще, выделяя последнюю из "образованного общества". Например, известный публицист В.Величко различал "настоящих образованных русских людей", чье призвание - "повысить, сохранить и умножить сокровища народного духа", коренящиеся "в стихийной вере народа царю, отечеству, церкви, заветам прошлого"[I)] и беспочвенную русскую интеллигенцию. Оторванная от родного народа она "под влиянием прямых и косвенных воздействий становится еврействующей, космополитической, равнодушной к родным святыням, к родной силе и правде"[2)]. Лишенная национальной

самобытности русская интеллигенция "постоянно просит указаний у современной западноевропейской философской и научной мысли", оставаясь покорной "трупам" "несостоятельных теорий"[3]. Очевидно, речь в данном случае шла о подверженности значительной части интеллигенции воздействию марксизма.

Другой публицист Н.Скиф отмечал, что за последнее время понятие "интеллигенция" приобрело новое и определенное значение. Оно включает в себя не все образованное общество, а людей определенных идей и убеждений, отрицаний и ожиданий. Интеллигенция - исключительно русское явление, особая новая порода людей, отколовшаяся от собственного народа, чуждая ему, порывающая с его прошлым, нужная только себе самой, она сверхнациональна, ее идеи и убеждения проникнуты космополитизмом[4]. Оспаривая мнение публициста христианско-либерального направления К.Тернавцева, полагавшего, что интеллигенция представляет собой "нечто единое, целое, связанное единством исканий и разума"[5], Н.Скиф утверждал, что интеллигенция "никогда не мыслила и не действовала "заодно"[6]. Она разъединена, причем ее "лучших частей" столько, сколько вождей, властителей дум. При этом специально выделялась народническая и марксистская интеллигенция[7].

Из работ Н.М.Соколова видно, что он, хотя и не исключал из числа интеллигенции либералов, прежде всего отождествлял ее с теми, кто верил в "социалистический и коммунистический туман", в "мечту коммунистов о социальном рае", в "утопию" К.Маркса и Ф.Энгельса, претендующую на "абсолютную истину для всех времен и народов", в марксову политическую экономию[8]. Интеллигенция обвинялась в отрыве от русского народа,

в измене родной вере, в холопстве перед Западом, перед германо-романской культурой, олицетворяющей для нее общечеловеческие ценности, в готовности "всем русским жертвовать... ради общечеловеческого"[9]. Понятие же о человечестве и общечеловеческом это, по мнению автора, логический фетиш, безсодержательный, бездушный и мертвый[10].

Явно склонный к шовинистическому мировоззрению он указывал еще на одну черту, присущую социалистической интеллигенции. В ее составе "близко и по душам сошлись люди разных национальностей, но одного круга понятий, одного уровня образования и мировоззрения", причем "общеинородческое" интеллигенция "поставила на недосягаемую высоту над национальным"[11]. В этом Н.М.Соколов усматривал сущность собственной, не взятой у Запада на прокат, психологии русской интеллигенции.

Место марксистской интеллигенции оценивалось представителями данного течения и с точки зрения позиций, которые она имела в рабочем движении. Тот же В.Величко сетовал, что "рабочие слабо ограждены от искусственных внешних психических воздействий", упоминал о смутьянах, подпольных агитаторах в рабочей среде, подпольной печати, "крикливо и грубо призывающей к смуте". Касаясь интереса рабочих к политической экономии, автор констатировал, что сведения в этой области они могут почерпнуть только от "марксят", которые "среди нашей оскудевшей интеллигенции громче всех кричат"[12]. Пытаясь задним числом "теоретически" обосновать практику руководившегося им охранного отделения, С.В.Зубатов следующим образом характеризовал взаимовлияние рабочего движения и социал-демократической интеллигенции. Рабочий класс - коллектив

такой мощности, каким в качестве боевого средства революционеры никогда не располагали. Если внизу он опирался (с точки зрения происхождения) на крестьянство, то вверху неизбежно соприкасался с интеллигентным слоем населения, ибо нуждался в знаниях. Из этого "интеллигентного слоя" исходила социалистическая пропаганда и агитация "в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя". Будучи "разъярен" пропагандой и агитацией, рабочий класс "неминуемо мог оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей". На использование этого мощного коллектива "в своих целях" и направлялись, по С.В.Зубатову, усилия той революционной интеллигенции, которая покончила с народовольчеством и примкнула с 90-х годов к учению германской социал-демократии[13]. Фактическое влияние на рабочих, реальная возможность использовать их в известных целях ставили социал-демократическую интеллигенцию в глазах консерваторов, отдававших себе отчет в силе рабочего движения, в положение особой политической группы, в отличие от остальных групп интеллигенции располагавшей (пусть в значительной степени потенциально) массовой поддержкой.

Таким образом, для консервативного направления общественной мысли характерен тот взгляд, что политический и психологический облик русской интеллигенции определяла главным образом интеллигенция социалистическая. Видное место марксистской, социал-демократической интеллигенции связывалось прежде всего с ее выходом на рабочее движение. Присущими этой интеллигенции считались такие свойства как отсутствие почвы в российском государстве, ненависть к существующему

строю, оторванность от интересов народа и враждебность ему, космополитизм, приверженность общечеловеческому в ущерб национальному.

Иные подходы к этой интеллигенции обнаруживали сторонники различных течений либерализма. Уже упоминавшийся В.А.Тернавцев отвергал ту точку зрения, что каждый класс имеет свою интеллигенцию, отличая вместе с тем интеллигенцию от "образованных классов" вообще. Она рассматривалась как сверхнациональная сила с общенародными целями, представлявшая собой "ни сословие, ни партию, а нечто гораздо большее - особую породу людей", свободную от сословной узости и находящую свое родство в идеях, которым она служит. До конца враждебная реакции, консерватизму, она создала смелое обличение власти. Предмет ее "мучительных и бескорыстнейших раздумий" составляет вопрос об устройстве труда, его рабском отношении к капиталу. Видя отсутствие нравственного оправдания существующему укладу экономических отношений, интеллигенция "ищет новых путей, нового мировоззрения", движется идеей нового строя, нового общества, где нет разлада между идеалом и действительностью[14]. Здесь автор явно имел в виду те элементы интеллигенции, которые сочувствуя рабочему классу, вдохновлялись социалистической идеей, тяготели к марксизму, пополняли ряды социал-демократического движения.

Наиболее характерны для позиции либералов представления о месте марксистской интеллигенции, складывавшиеся у видных литераторов и ученых, проделавших сложную идейную эволюцию от легального марксизма. Еще в начале своей общественно-политической деятельности П.Б.Струве выдвинул, как он подчерки-

вал, на основе "положений историко-экономического материализма" тезис о том, что интеллигенция в своей массе "не есть нечто существующее отдельно от экономически господствующих классов, имеющих совершенно определенные интересы и играющих вполне определенную роль в экономической эволюции, она с ними тождественна"[15]. Основные группы интеллигенции рассматривались, таким образом, как составные части соответствующих общественных классов. Но при этом П.Б.Струве выделял "бессословную интеллигенцию"[16], под которой понималась прежде всего народническая интеллигенция. Не отказываясь и в дальнейшем от мысли о наличии интеллигенции у каждого общественного класса, он вместе с тем делал все больший упор на политически активной интеллигенции, имеющей "междуклассовый характер"[17]. К этой интеллигенции он теперь, очевидно, относил и марксистскую, социал-демократическую (наряду с народнической и либеральной).

Подход Н.А.Бердяева к марксистской интеллигенции определялся его представлением о междуклассовом или сверхклассовом (этому термину отдавалось предпочтение) характере интеллигенции как части человечества, в которой отсутствует непосредственная связь с той или иной экономической группой, поскольку идеальная сторона человеческого духа победила групповую ограниченность, и которая возвышается над узостью всех общественных групп. Отрицалась сама возможность для интеллигенции выступать в роли выразительницы классовой идеологии, к тому же квалифицировавшейся как "фикция". Можно либо принадлежать к данному классу, защищая его интересы, тогда слово "идеолог" неуместно, рассуждал автор, либо не принадлежать к классу и

защищать его требования, но это значит быть идеологом правды, руководствоваться не классовой, а сверхклассовой идеологией. Носителем такой идеологии Н.А.Бердяев считал сверхклассовую интеллигенцию. Сам К.Маркс был, по его мнению, сверхклассовым интеллигентом, смотревшим на рабочее движение и его отношение к общественному развитию с такой высоты, которая очень и очень возвышается над ограниченностью групповых стремлений[18].

С этой точки зрения "социально-политический идеал, выставляемый марксизмом, не вытекает необходимо из экономического положения рабочих и их групповой борьбы,.. а коренится в идеальных сторонах интеллигентской души" и стремится возвыситься над групповою ограниченностью, поднять профессиональное движение до общечеловеческого социального и культурного движения." Марксистская идеология рассматривалась как переходная между интересами группового человека и идеалом "общечеловека", формировавшимся под воздействием идеальных запросов "человеческой личности, которая властно требует своих прав"[19]. По логике Н.А.Бердяева, марксистская интеллигенция как носительница идеологии находилась на перепутьи между классовой и общечеловеческой позициями. Лишаясь права на самостоятельное историческое место, она должна была рассматриваться в контексте сверхклассовой интеллигенции, присущего ей стремления к реализации политических прав и свобод.

Взгляды Н.А.Бердяева на интеллигенцию оспаривал А.С.Изгоев, находивший у своего оппонента попытку "изобразить интеллигента человеком не от мира сего". Этот автор исходил из деления современного общества на четыре великих класса: земле-

владельцев, капиталистов, физических рабочих, умственных рабочих. Из последнего класса он выделял известное число индивидуумов в особую социальную группу интеллигенции, которой присущ элемент учительства в широком смысле слова, передача и распространение знаний. Наиболее типичные представители интеллигенции - педагоги, литераторы, проповедники. Из рассуждений А.С.Изгоева явствовало, что в состав этой интеллигенции включалась и социалистическая, в том числе марксистская. Именно она, судя по всему, имелась в виду, когда шла речь о таких чертах, интеллигенции как теоретичность, удаленность от жизни, слабость социального творчества. Объединяющим признаком интеллигенции как особой группы и одновременно источником ее силы автор считал ее стремление к полной, разносторонней, равной для всех свободе[20].

В отличие от названных авторов М.И.Туган-Барановсеий рассматривал интеллигенцию как общественную группу, включающую представителей непроизводственного (нехозяйственного), умственного труда, специально не выделяя из ее состава политически активные элементы. Подчеркивая, что интеллигенция не образует особого самостоятельного класса, он обращал внимание на ее связь как с имущими классами (поскольку интеллигентные работники выходят почти исключительно из их среды), так и с неимущими, в том числе с наемными рабочими (поскольку труд интеллигентного работника оплачивается народной массой). Допускалось, что часть интеллигенции "может бескорыстно служить трудовому народу". При этом автор давал понять, что не разделяет точки зрения, согласно которой интеллигенция стоит "выше классов" и вообще "лишена классового

характера". Напротив, М.И.Туган-Барановский находил у нее "неопределенный классовый характер"[21]. Наряду с указанием на возможную социально-политическую общность интеллигенции (по-видимому, в отношении к политической свободе, к введению конституционного строя), здесь дается понять, что существует взаимозависимость известной части интеллигенции и рабочего класса.

Более рельефно эта зависимость отображена на страницах выходившего за границей под редакцией П.Б.Струве журнала "Освобождение". Там подчеркивалось, что современной социал-демократии "посчастливилось" по сравнению с радикальной интеллигенцией 70-х годов в том смысле, что "в столетний политический спор русской интеллигенции с правительством в лице рабочего класса, наконец, активно и сознательно вступает народ"[22]. Тот же журнал констатировал фактически приоритетное место социал-демократической интеллигенции. По его оценке, в русской революционной интеллигенции господствовали именно социал-демократические идеи, опирающиеся на учение К.Маркса. При этом "Искра" характеризовалась как орган "самой влиятельной русской революционной группы", во главе которой стоят "люди серьезно образованные с солидными знаниями и недюжинными дарованиями"[23].

Из суждений литераторов, принадлежавших к либеральному течению, вытекал взгляд на социал-демократическую интеллигенцию как на совокупность лиц в составе интеллигенции, разделявших определенные (марксистские) идеи и стремившихся выразить интересы определенного (рабочего) класса. Вообще, отдельными представителями данного направления учитывалось тя-

готение политических групп интеллигенции к соответствующим общественным классам, признавалась в особенности связь социал-демократической интеллигенции с развивающимся рабочим движением, с интересами рабочего класса. Акцент, однако, делался - хотя различными авторами с неодинаковой силой и четкостью - не на выявлении самостоятельного по отношению к другим политическим группам места социал-демократической интеллигенции (хотя понимание ее реального места, очевидно, имелось), а на том, что, по крайней мере, временно сближало все группы. Была предпринята попытка выявить общность их устремлений в том, что касалось общенационального, смыкавшегося с общечеловеческим, идеала политической свободы. При таком подходе историческое место социал-демократической интеллигенции определялось в решающей степени тем, насколько ее политическое поведение вписывалось в общее продвижение прогрессивно настроенной интеллигенции к указанному идеалу.

В эсеровской публицистике начала века просматривалась тенденция к отходу от традиционно-народнического игнорирования связи интеллигенции с материальными интересами общественных классов[24]. Отмечалось, например, что если низы интеллигенции, "настоящие работники и даже пролетарии умственного труда чувствуют вполне свое духовное и даже социальное родство с другими представителями трудового начала, то наиболее обеспеченная часть людей умственного труда, сливки интеллигентного ремесла по своему положению и психике в значительной степени тяготеют к буржуазным элементам"[25]. Прямо говорилось о буржуазной интеллигенции, утратившей "последние следы бескорыстных стремлений" и превратившейся в прямых

апологетов капитала и о быстром росте находящегося "на границе" между интеллигенцией и рабочим классом умственного пролетариата, который "выходит и из буржуазных слоев, и из трудящейся массы и... попадает в тяжелые условия, заставляющие его зачастую переходить в ряды, близкие к простым рабочим"[26]. Умственный пролетариат рассматривался как промежуточный слой между буржуазией и рабочей интеллигенцией[27]. Таким образом, признавался факт углубляющейся дифференциации интеллигенции и вместе с тем указывалось на наличие благоприятной почвы для роста рядов революционной интеллигенции.

Народнические, эсеровские литераторы противопоставляли понимание интеллигенции как "образованного класса" специфически русскому ее пониманию. Указывая на это отличие, редактор газеты "Накануне" Е.Серебряков пояснял, что в России данной "кличке" придается смысл "передовой, внеклассовой части русского общества, всегда боровшейся и борющейся не во имя своих интересов, а во имя тех или иных идеалов будущего"[28].

Представление о передовой интеллигенции как внеклассовой общности было, однако, сродни либеральным взглядам. Характерна в этой связи попытка отмежеваться от них, предпринятая В.Г.Подарским в журнале "Русское богатство". По поводу тезиса Н.А.Бердяева о сверхклассовой интеллигенции (из упомянутой выше статьи) говорилось: "выходит с нашей точки зрения даже как будто совсем хорошо". Вместе с тем Н.А.Бердяев критиковался за то, что выводы относительно внеклассовой интеллигенции делал из "якобы происходящего в действительности притупления противоречий" между классами, тогда как интеллигенция никогда не ставила себе задачей притуплять про-

тивоположность между буржуазией и народом, "поддерживала исключительно интересы народа и во имя этих интересов, которые, по ее мнению, совпадали с ее идеалом справедливости, она объявляла непримиримую борьбу врагам народа"[29]. В народнически-эсеровском понимании, передовая интеллигенция была революционной, служащей народу, непримиримой не только к самодержавию и помещикам, но и к буржуазии.

Именно революционная интеллигенция оказалась в фокусе внимания эсеровской печати. Ею осуждалось "живучее" стремление (явно имелись в виду марксистские авторы) подводить понятие этой интеллигенции под ярлык экономической категории, видеть в ней простой отпрыск демократической буржуазии[30]. Проводилась мысль, что вербуясь из разных классов населения русской империи "без различия рас и национальностей", революционная интеллигенция утрачивала с ними какую-либо связь, становилась внеклассовой политической группировкой личностей, объединенной общностью убеждений[31]. Акцент делался и на специфических чертах мировоззрения и психологического облика этой интеллигенции. Например, эсеровский публицист, писавший под псевдонимом "И", считал, что ее изначально (с декабристов) характеризовали протест убеждения против суеверия, свободы против рабства, закона против произвола, общенародного блага против династических интересов, против узурпации власти царизмом. Как "нервная система человечества", революционная интеллигенция воплощала собой стремление к разрушению всех застывших форм жизни и созданию новых[32].

Будучи непримиримо революционной эта интеллигенция, в понимании эсеровских литераторов, являлась в то же время

по своему умонастроению социалистической. С начала 60-х годов XIX в. господствовавшим течением среди революционной интеллигенции было социалистическое, причем в дальнейшем, "от него не было ни малейшего отступления"[33], - утверждал видный народнический теоретик Л.Шишко.

Идею социализма как грядущего царства труда эсеровские литераторы считали близкой всем, кто живет собственным трудом, не эксплуатируя труда других. С этой позиции в ряде публикаций газеты "Накануне" отвергались марксистские подходы, в которых виделось стремление интерпретировать социализм исключительно как выражение интересов одного пролетариата, выделять его из всей трудящейся массы, делать из него какого-то фетиша, а всех за его пределами зачислять в буржуа, во врагов социализма[34]. Критикуя проект программы РСДРП, П.Новобранцев категорически возражал против "приписывания" социализма исключительно к пролетариату под именем его "точки зрения"[35]. Для эсеров носителями социалистических идеалов выступали и революционная интеллигенция, и трудовое крестьянство, которым "нет надобности переходить на чужую точку зрения"[36].

Отождествляя по-существу представление о социализме с общечеловеческим идеалом, эсеровские теоретики обращали внимание на особое место революционной интеллигенции в процессе продвижения к нему. Так, В.Чернов характеризовал эту интеллигенцию как совокупность лиц, "доразвившихся до способности подчинять высшему критерию идеала все свое поведение", призывающую интересы различных классов "как тяжущиеся стороны на суд высшей инстанции", под которой разумелось "понятие социального развития, состоящего в приближении к идеалу сво-

бодного и разумного общежития"[37]. Этим подчеркивался общечеловеческий момент в мировоззрении и политическом поведении революционной интеллигенции. Другой литератор Е.Устинов, обращаясь к проблеме социалистической нравственности, высказывал мнение, что подобно тому как классовая, пролетарская точка зрения не является для революционной интеллигенции верховным критерием истины, классовая пролетарская мораль не является критерием нравственности. Классовая точка зрения и классовая мораль должны быть подчинены общечеловеческим идеалам социалистической нравственности[38].

Социал-демократическая интеллигенция виделась эсеровским публицистам ответвлением от революционной, социалистической интеллигенции, обусловленным прежде всего внешними факторами. Не случайно, на первый план выдвигалась ее догматическая приверженность "узкой" и "односторонней", в эсеровском представлении, марксистской доктрине, трактовавшейся обычно как "экономический материализм," и вытекавшая отсюда претензия на единственное, подлинно научное понимание социализма[39]. Как обратная сторона увлечения марксизмом, немецкими и французскими журналами выступало у социал-демократической интеллигенции, по мнению эсеров, пренебрежение национальной почвой", русской историей и современностью, традициями русского революционного движения[40]. К числу специфических особенностей этой интеллигенции причислялось забвение интересов широких слоев угнетенного народа, упор исключительно на городской, промышленный пролетариат, сведение многообразного освободительного движения к произвольно определяемой классовой борьбе, присвоение себе монопольного права на

представительство пролетариата, на выражение его "особой" (касательно других слоев трудового народа) "точки зрения"[41]. Наконец, фиксировалась сектантская нетерпимость по отношению к остальным революционным течениям, к любым отклонениям от "догмы" в собственных рядах[42]. Указанные особенности часто и в резкой форме критиковались эсеровской печатью. Но при этом она, как правило, рассматривала социал-демократическую интеллигенцию в качестве одного из основных отрядов (наряду со "своей", народнической, эсеровской) революционной интеллигенции, на который, по логике, распространялись в той или иной степени отмеченные выше свойства последней.

Итак, в публицистике обозначенного направления социал-демократическая интеллигенция предстает как составная часть сверхклассовой или междуклассовой общности - революционной, социалистической интеллигенции, в свою очередь выступающей в виде фактически автономной группы по отношению к образованному обществу, внутри которого признается наличие имущественного, социального, политического расслоения. Из высказанных эсеровскими литераторами идей и суждений вырисовывалось приоритетное место социалистической интеллигенции в политической группировке общества, определявшееся ее ненавистью к существующему строю, идеей служения народу, приверженностью исключительно революционным средствам борьбы, общими чертами революционной психологии, тем, что она являлась носительницей одновременно социалистических и общечеловеческих, в том числе нравственных идеалов. По той же логике, сам факт, что марксистская, социал-демократическая интеллигенция связывала свое место в расстановке политических сил с пред-

ставительством интересов одного класса, с выражением и защитой его "точки зрения" на социализм и политические задачи, придавал этому отряду интеллигенции сектантский облик и только ослаблял силы революционной социалистической интеллигенции в ряду политически активных элементов общества.

Принципиальное отличие от рассмотренных концепций обнаруживали представители марксистского течения общественной мысли. Они стремились четко очертить границы социал-демократической интеллигенции, ее место в составе интеллигенции буржуазного общества, осмыслить ее идейные истоки и особенности формирования, установить соотношение между ее становлением и развитием пролетариата. Исходным пунктом анализа и наблюдений этих авторов были сложившиеся у них представления о российской интеллигенции.

Само понятие "интеллигенция" употреблялось в марксистской публицистике прежде всего в широком смысле слова, в значении социальной категории. Некоторые авторы, в частности, П.Б.Аксельрод рассматривали интеллигенцию как "слой буржуазии", притом составляющий "значительную часть" последней, как "интеллигентную буржуазию" в противовес "капиталистической буржуазии"[43]. Однако преобладающим был взгляд на нее как на общественный слой, охватывающий образованных людей, представителей умственного труда и занимающий промежуточное, неустойчивое положение между буржуазией и пролетариатом, подверженный прогрессирующей внутренней социальной дифференциации[44].

Указывая на размежевание интеллигенции соответственно основным общественным классам, Г.В.Плеханов, Ю.О.Мартов, В.И.Ленин, В.В.Воровский, в отличие, например, от раннего (эпохи "легального марксизма") П.Б.Струве,[45] не допускали отождествления с ними ее отдельных слоев и групп. Так, Г.В.Плеханов обращал внимание на противоречие, даже антагонизм между буржуа-дельцами и буржуа-идеологами, между истинной сущностью стремлений буржуазной интеллигенции и их идеальным покровом[46]. С точки зрения Ю.О.Мартова, имелось "социальное сродство" той или иной части интеллигенции с тем или иным производительным классом, которому она поставляла идеологов, политиков, вождей. Но при этом отмечалось, что интересы интеллигенции (буржуазной) связаны с общими интересами правящих классов и в то же время приходят в столкновение с их преходящими интересами. Ставился важный вопрос о характере влияния, оказываемого определенным слоем интеллигенции на данный класс[47]. Как "пеструю группу, состоящую из представителей и идеологов разных общественных классов", как своеобразный "идейный парламент"[48] квалифицировал интеллигенцию в целом В.В.Воровский, оспаривая приведенное выше мнение М.И.Туган-Барановского о "неопределенном классовом характере" интеллигенции. Для обозначения соотношения между социальными группами интеллигенции и общественными классами В.И.Ленин обычно пользовался термином "примыкает"[49], а не "принадлежит", "является частью". Таким образом, в марксистской публицистике фиксировалась известная самостоятельность того или иного слоя интеллигенции по отношению к соответствующему классу.

Разумеется, литераторов, сделавших альфой и омегой сво-

их рассуждений о судьбах России пролетариат, занимал прежде всего вопрос об его собственной интеллигенции. Отсюда первостепенное внимание к процессу формирования рабочих-интеллигентов. Еще в 1884 г. Г.В.Плеханов и П.Б.Аксельрод заявляли: "Кто станет отрицать, что у нас теперь уже существует рабочая интеллигенция, состоящая из нескольких тысяч лиц (подчеркнуто нами - В.Д.), сознательно сочувствующих стремлениям русских революционеров и с таким же интересом относящихся к важнейшим общественным вопросам, как и масса образованных представителей высших и средних классов"[50]. Спустя три года, П.Б.Аксельрод высказывался осторожнее: он констатировал образование в среде трудящихся классов рабочей интеллигенции как "немногочисленного" слоя "более или менее развитых людей, способных гораздо сознательнее относиться к общественным вопросам, чем многомиллионная масса их собратьев по работе и лишениям"[51]. Двумя годами позже Г.В.Плеханов говорил о выдвижении рабочим классом вожаков из своей среды, о создании его собственной рабочей интеллигенции как о перспективе[52]. Минуло еще десять лет, и В.И.Ленин, отмечая, что "в России есть уже ...рабочая интеллигенция" изображал ее тем не менее находящейся в стадии становления: "среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые, несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться, вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, "рабочую интеллигенцию"[53]. А в 1900 г. А.Н.Потресов подчеркивал, что русские социал-демократы на опыте

могли убедиться как сложен процесс пробуждения к жизни нового общественного класса и как много еще нужно работы, чтобы создалась сколько-нибудь заметная и влиятельная интеллигенция этого класса"[54]. Из сказанного видно, что среди марксистских литераторов, склонных первоначально выдавать желаемое за действительное, постепенно росло понимание ограниченных масштабов, длительности и сложности процесса образования органической пролетарской интеллигенции, неадекватности этого процесса темпам развития социал-демократического движения.

Считая рабочую интеллигенцию частью рабочего класса и одновременно (по крайней мере, потенциально) социал-демократической интеллигенции, литераторы-марксисты рядом с ней ставили лиц умственного труда непролетарского происхождения, воспринявших точку зрения рабочего класса. Уже в своем раннем произведении П.Б.Аксельрод обращал внимание на то, что в рядах интеллигенции рабочего класса (в западноевропейских странах) находится, помимо выходцев из его собственной среды, немалое и неуклонно растущее "число образованных людей, принадлежащих по своему положению к зажиточным классам, но отступившихся от них и перешедших на сторону наемных работников"[55]. Стремясь по обыкновению к широким обобщениям общественных явлений, В.И.Ленин писал, что подобно остальным классам современного общества "пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей"[56]. По существу ту же идею развивал В.В.Воровский, находивший два пути образования интеллигенции как идеологической группы, примыкающей к определенному классу или слою: нарастание интеллигенции из недр

самого класса, выделение самим классом его идеологов; образование интеллигенции, примыкающей к данному классу, из элементов другого класса, отрекшихся от прежнего родства и связанной с ним идеологии (отщепенская интеллигенция)[57]. Под таким углом зрения рассматривалось образование интеллигенции пролетариата. Этот новый общественный класс начинает выделять свою классовую интеллигенцию, "хотя пока еще в слабых размерах". Главные же идеологические силы этого класса, подчеркивал автор, все еще пополняются из рядов командующих классов путем "отщепенства". Данный процесс психологически отражается в мозгу индивида как неудовлетворенность идеологией класса, как потребность ее ревизии. При этом чем глубже разлад в психологии отщепенца, тем к более крайней группе он примыкает[58]. Ю.О.Мартов указывал на "часть интеллигенции", которая отщепилась от буржуазного общества, тяготеет к его социалистическому отрицанию, стремится "свои частные интересы интеллектуального работника" слить "с общими социальными интересами пролетариата"[59].

В марксистской публицистике высказывалась точка зрения, вообще отрицавшая правомерность рассмотрения интеллигенции как особого элемента в социал-демократическом движении, в рабочей партии. Например, Д.Б.Рязанов придерживался того мнения, что "верно понятая социал-демократия исключает всякую противоположность между "интеллигенцией" и "рабочим классом". Социал-демократия именно и есть интеллигенция рабочего класса"[60]. Тем самым снимался вопрос о социал-демократической интеллигенции как политической группе.

Однако явно преобладавшей была тенденция к выделению понятия "социал-демократическая интеллигенция". С этим понятием

обычно ассоциировалась "отщепенская", непролетарская по происхождению и положению интеллигенция, примкнувшая к рабочему, социал-демократическому движению, образующая одну из политических групп интеллигенции.

Здесь необходимо подчеркнуть, что термин "интеллигенция" употреблялся Г.В.Плехановым, В.И.Лениным и другими марксистами не только в очерченном выше широком смысле слова, в значении социального слоя, но и в узком, в значении носителей определенных политических идей и устремлений. Имея в виду это значение, Г.В.Плеханов писал, что "слой обыкновенно называемый интеллигенцией" исторически сформировался из части русских образованных людей, которая "не удовлетворяясь величественной перспективой табели о рангах, становится в оппозиционное отношение к правительству"[61]. Речь шла о слое "идеологов-разночинцев, людей "либеральных профессий", по самым условиям своей жизни враждебных самодержавию"[62], в разряд которых, по логике рассуждений автора, попадала как либеральная, так и революционная интеллигенция. Ю.О.Мартов различал интеллигенцию как категорию "социально-экономическую", - совокупность представителей умственного труда, от интеллигенции как категории "социально-психологической", совокупности идеологов, активных борцов за "социально-революционные программы", "писателей и мучеников политической борьбы" (т.е., очевидно, не одних социалистов) с примыкающими к ним "сочувственниками" с "туманными, но в ту же сторону направленными симпатиями"[63]. Как отмечал В.В.Воровский, начиная с 60-х годов XIX в., само понятие "интеллигенция" употреблялось в значении "передовая интеллигенция"[64].

Советские исследователи проблемы интеллигенции обычно отталкивались от высказывания В.И.Ленина, относившего к интеллигенции "всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда"[65]. Но при этом не учитывалось иное содержание, которое вкладывалось в данное понятие. Так, В.И.Ленин писал: "интеллигенция потому и называется интеллигенцией (подчеркнуто нами - В.Д.), что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе"[66]. Имея при этом в виду и буржуазно-либеральную интеллигенцию, он одновременно упоминал о "не принадлежащих к интеллигенции" либеральных и реакционных слоях русского общества[67]. Между тем ясно, что среди последних было немало высокообразованных людей. Следовательно, марксистские литераторы пользовались понятием "интеллигенция" для обозначения как определенного социального слоя, так и его политически активной части, настроенной революционно или оппозиционно по отношению к самодержавию, выступающей с различных позиций за прогрессивное развитие общества.

Революционное крыло политически активной интеллигенции, к которому принадлежала социал-демократическая интеллигенция, являлось объектом особого внимания марксистских авторов. В литературе поднимался вопрос о социальном происхождении составлявших его элементов. Г.В.Плеханов отмечал: "наша социалистическая, как и всякая другая, интеллигенция, происходит главным образом из чиновничьей, помещичьей, купеческой и поповской среды, т.е. из среды высших классов, видящих в образовании средство к карьере. Создавая карьеристов, наши университеты создают,между прочим, и революционеров. Но и карье-

ристы, и революционеры составляют собою продукт существования бюрократического государства и высших классов"[68]. Весьма широко трактуя в данном случае социальный источник революционной интеллигенции, Г.В.Плеханов вместе с тем явно склонялся к мысли о ее в основном разночинском происхождении. Об этом свидетельствовало частое использование применительно к ней терминов "революционер-разночинец", "разночинец-пролетарий", заимствованного у Д.И.Писарева "мыслящий пролетариат"[69]. Указывая первоначально на то, что революционеры-интеллигенты являются выходцами "из буржуазной среды"[70], В.И.Засулич в дальнейшем внесла следующее характерное уточнение: "по происхождению наши революционеры в большинстве случаев дети разночинных семей, растерявших старые традиции"[71].

В представлении А.Н.Потресова, социальной средой, из которой рекрутировалась революционная, в том числе, социал-демократическая интеллигенция, была разночинная интеллигенция с "затерявшейся" в ней частью выходцев из мелко- и среднепоместных семей дворянства[72]. Разночинная интеллигенция рассматривалась при этом как русская разновидность "интеллигентного пролетариата", своеобразной формации "без определенных очертаний, незаметными переходами в целом ряде профессий связанной с буржуазной интеллигенцией"[73]. Итак, в марксистской публицистике, хотя и отмечалась генетическая связь революционной социалистической интеллигенции с разночинной, следовательно, мелкобуржуазной демократической средой, тем не менее отчетливо проводилась мысль о более широком социальном источнике, питавшем революционную интеллигенцию, об отсутствии жестко детерминированной зависимости ее политических позиций, степени

ее революционности от социального происхождения.

Появление социал-демократической интеллигенции, по мнению публицистов марксистского направления, было результатом идейного и политического размежевания преимущественно разночинной по происхождению и составу, демократической по политическим симпатиям и устремлениям интеллигенции. Г.В.Плеханов в статьях конца 80-х годов выделял "умеренную и аккуратную часть" - либеральную интеллигенцию (подчеркивая, что ее позиция имела "очень мало общего" с классическими либералами Запада - игнорирование экономической свободы, боязнь "язвы пролетариата" и т.п.) и народническую, носительницу идей "мелкобуржуазного социализма". У той и другой он находил "бессознательные буржуазные стремления", указывая на тенденцию к образованию "новой интеллигенции" (в том числе и через трансформацию либералов и народников) с сознательно-буржуазным мировоззрением. Названным группам противополагалась часть молодого, подрастающего поколения интеллигенции, способная "с преданностью к народным интересам" соединить "их правильное понимание", проникнуться идеями научного социализма, найти поддержку в пролетариате, подготовить его "к сознательной борьбе за его собственные интересы"[74].

Прослеживая в середине 90-х годов эволюцию бессословной, демократической интеллигенции, В.И.Ленин характеризовал последнюю как изначально буржуазную, имея в виду классовое происхождение ее идей, ибо "всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности". Начавший обнаруживаться после 1861 г., когда сословности в России был нанесен решительный удар, антагонизм внутри "народа" по-

рождал антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, а в результате дальнейшего экономического развития и более полного раскрытия социальных противоположностей народничество "почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм"[75].

И 10 лет спустя, в новых исторических условиях В.И.Ленин развивал ту же мысль. Он писал, что "русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо распадается, по своей политической позиции, на три русла: освобожденское, социалистско-революционное и социал-демократическое," причем все они "имеют за собой длинную историю и каждое выражает (с возможной в самодержавном государстве определенностью) точку зрения умеренных и революционных идеологов буржуазной демократии и точку зрения пролетариата"[76]. Как последнюю разновидность 40-летней борьбы разночинной интеллигенции с существующим строем[77] рассматривал марксистскую интеллигенцию А.Н.Потресов.

Вместе с тем процесс образования социал-демократической интеллигенции имел в своей основе сугубо индивидуальный выбор, сделанный отдельными прогрессивно настроенными и политически активными представителями умственного труда. Этот выбор определялся различными факторами, которые также выявлялись в публицистике рассматриваемого направления.

Решающий среди них - влияние идей марксизма. Выдвижение на первый план этого фактора обусловлено тем значением, которое придавали марксистские литераторы передовым идеям в деятельности интеллигенции. Отклоняя упрек оппонентов (по-видимому, народников) в адрес марксистов в "одностороннем материализме" и пренебрежении идеями, Г.В.Плеханов подчеркивал,

что именно идеи и только они являлись "могучим оружием" русской (подразумевалось, демократической) интеллигенции, которая сама по себе была бедна и малочисленна, не имела ни экономической, ни материальной силы, но пока ее идеи соответствовали "общественному состоянию" страны представляла собой весьма значительную общественную силу. Место демократической интеллигенции в общественном движении современной автору России связывалось с тем,насколько она проникнется "господствующей идеей нашего времени" - идеей научного социализма, единственной, которая выражала действительный "ход общественного развития"[78].

Как отмечал Ю.О.Мартов, марксистская литература "могущественно воздействовала на радикальную интеллигенцию и значительно расширила в ней круг лиц, склонных к активной или пассивной поддержке рабочего движения"[79]. Указывалось на то, что прежде чем пролетариат сам успел созреть исторически, он подчинил своему идейному (т.е. марксистскому - В.Д.) влиянию широкие круги демократии, и его классовая (т.е. марксистская - В.Д.) идеология занимала первое место по влиянию на активно оппозиционные существующему строю элементы". Это влияние особенно проявилось в том, что проходившая под знаменем марксизма идейная борьба излечила значительную часть интеллигенции от народнических предрассудков, препятствовавших общественному прогрессу[80]. В этой связи П.Б.Аксельрод говорил о "радикальной теоретической революции" в головах демократической интеллигенции, радикальном разрушении ее старого миросозерцания во имя марксистского[81]. В.И.Ленин писал о повальном увлечении теорией марксизма русской образованной

молодежи в половине 90-х годов[82].

Влияние марксизма на демократическую интеллигенцию А.Н.Потресов считал настолько сильным, что сам марксизм в России рассматривал как общественное течение в определенной части русской интеллигенции, как такое же ее кровное детище как знаменитое движение 70-х годов в отличие от западноевропейского марксизма, идеологии сознательной части пролетариата, отражения его эмансипационной борьбы[83]. Более того, автор указывал на далеко идущие последствия, которые имело столь глубокое воздействие марксизма на русскую интеллигенцию. Он высказывал мнение, что "слой или класс, воспринявший учение, которое сформировалось вне сферы его влияния, непременно преобразует его по своему образу и подобию", ибо общественный характер учения определяется "психологическим содержанием его общественного носителя"[84]. Впоследствии А.Н.Потресов признал, что подобной постановкой вопроса "подымал тревожную мысль, не преобразует ли общественный слой, известный под именем интеллигенции, пролетарского учения на свой лад, под цвет своей общественной физиономии"[85]. Сродни потресовской была точка зрения его оппонента, примыкавшего к "экономизму" А.Мартынова. Он считал, что в России марксистское течение возникло "не на почве уже существующего рабочего движения, не как его идейная надстройка, а в результате поиска социалистической интеллигенцией новых путей в связи с пересмотром мировоззрения народничества, из чего проистекали "крайности и односторонние заключения"[86]. Как видим, при обращении к проблеме влияния научного социализма на определенные элементы интеллигенции представителями различных оттенков марксистской

мысли обнаруживалась, так сказать, оборотная сторона этого влияния, заключавшаяся в специфике восприятия данного учения русской разночинной интеллигенцией.

В этом смысле представляет интерес высказывавшееся в литературе мнение о том, что ее обращение к марксизму должно сочетаться с сохранением в ее сознании некоторых элементов народничества. Уже в первой программе группы "Освобождение труда" переход интеллигенции на позиции современного научного социализма оговаривался необходимостью удержания народнических традиций, "поскольку они не противоречили его положениям"[87]. П.Б.Аксельрод находил у прогрессивной учащейся молодежи, обратившейся к марксизму, тот недостаток, что она усваивала социал-демократическое учение как "социологическую" доктрину, безусловно отрицавшую все содержание народничества. При таком подходе, показывал автор, марксизм превращался в абстрактную доктрину, объяснявшую историческую неизбежность капиталистического прогресса, но оставлявшую в тени жгучие вопросы революционной борьбы. В свою очередь он обращал внимание социал-демократической интеллигенции на "идейную связь" ее учения с традициями революционного народничества бунтарски-террористического периода[88]. Эта интеллигенция, как считал Ю.О.Мартов, синтезировала в своем сознании два основных элемента прежней революционной идеологии - борьбу за социальную эмансипацию и за политическое освобождение[89]. В.В.Воровский указывал на преемственность "идеала", "жизненной задачи" революционной интеллигенции - "человеческого устроения" по социалистическому образцу, видя преимущество социал-демократической интеллигенции

(перед революционно-демократической, народнической) в том, что она опиралась в своих "идеологических построениях не на голые пожелания, а на исторические потребности могучего общественного класса", что придало "самим этим идеологическим построениям более реальный, более жизненный характер", очистило их от иллюзий, подменило в них "интеллигентские желания классовыми интересами пролетариата"[90].

Через марксистские публикации проходила мысль о неодинаковом характере воздействия марксизма на различные группы демократической интеллигенции. На страницах подцензурного журнала "Жизнь" В.В.Воровский, касаясь эволюции русской передовой интеллигенции, отмечал, что часть ее в виде реакции против "отжившего народничества" и увлечения "запросами реальной жизни" выставила "теорию, успевшую уже на Западе завоевать себе прочное положение". Из дальнейших рассуждений следовало, что новое (марксистское) учение было принято, но усвоено далеко не всеми элементами, причислявшими себя к марксистскому направлению, что и проявилось в начавшемся после крушения народнических авторитетов расколе[91]. Возвращаясь к теме данного раскола в письме А.Н.Потресову, автор добавлял, что марксово учение было воспринято той частью "молодой" интеллигенции, которая усвоила себе "увриерскую" (рабочую) психологию[92]. Несколько лет спустя В.В.Воровский следующим образом характеризовал процесс размежевания воспринявшей марксизм интеллигенции: по мере того как ее революционные элементы сливались идейно и организационно с пролетариатом, элементы, "несогласные с классовой пролетарской идеологией" быстро эволюционировали вправо[93].

Во многом схожие мысли подробно развивал Ю.О.Мартов в

статье, помещенной журналом "Заря". По его свидетельству, за продолжавшимся до 1896 г. периодом "постоянного роста влияния революционного марксизма на интеллигенцию", когда к социал-демократии перешло "большинство социально-революционных элементов, покинувших старые программы", последовало снижение этого влияния. Оно связывалось не только с возрождением немарксистских (народнических) фракций, но в первую очередь с появлением "критиков марксизма" (П.Б.Струве и его сторонники, идеологи "экономизма"), в результате чего некогда сплоченная и объединенная сила (марксистское движение) превратилась в "пестрый конгломерат" идеологических групп [94]. Делалась попытка объяснить это явление тем, что "основные элементы" марксистского учения "не вмещаются в рамки собственных социальных интересов" радикальной интеллигенции как составной части буржуазного общества, требовавших устранения пережитков крепостничества и коренной ломки всех сфер жизни на путях развития капитализма[95]. Между тем, как считал автор, вся политически активная и способная к политической борьбе часть демократической интеллигенции первоначально находилась в плену у традиционной народнической идеологии, мешавшей ей понять прогрессивное значение капитализма и связать интересы политической свободы с классовой борьбой, причем перешагнуть от народнической программы к программе "чисто" политического радикализма" она не могла в силу "дозы" "социалистического скептицизма" ко всем буржуазно-либеральным программам, привитой интеллигенции революционным народничеством 70-х годов. По этой логике, марксизм мог служить эффективным средством для высвобождения демократической интеллигенции из плена устаревшей идеологии.

Проводилась мысль, что влияние марксизма на часть демократической интеллигенции ограничивалось тем, что все поле ее зрения заняла борьба за прогресс буржуазного общества, сопровождаемая борьбой наемных рабочих с непосредственными эксплуататорами и с государством за ближайшие реформы, при этом классовая борьба против всего буржуазного общества с ее конечной целью "отступала на бесконечно далекий план"[96]. Противоположный характер, в понимании автора, имело воздействие марксизма на другую часть демократической интеллигенции: она бесповоротно встала на точку зрения пролетариата, класса, противостоявшего всему буржуазному обществу, на почву принципиальной борьбы с этим обществом, разрыва со всякой идейной зависимостью от него, не забывая ни на минуту за ближайшей задачей - устранением самодержавия великой цели пролетарского движения. Эта часть интеллигенции представлялась Ю.О.Мартову ортодоксально-марксистской, подлинно социал-демократической, единственной выразительницей интересов пролетариата. Автора отнюдь не смущало ее зачисление оппонентами ("всем миром") в "ряды сектантов". Напротив, он считал ее"нравственной обязанностью" оставаться при известных условиях "всегда в меньшинстве"[97].

На безусловном выделении этой интеллигенции настаивал и А.Н.Потресов. Отмечая, что марксизм ворвался беспрепятственно в сознание широких слоев интеллигенции, заменяя старое сознание новым, он противопоставлял левой марксистской интеллигенции "марксистообразную интеллигенцию, пытавшуюся "влить в жилы марксизма овечью кровь постепеновца"[98].

В приведенных суждениях, помимо прочего, просматривается

указание на действие фактора, безусловно, стимулировавшего социал-демократический выбор представителей интеллигенции. Речь идет о непримиримом противоречии между интересами самодержавия и интеллигенции и одном из его главных проявлений - неприятии интеллигенцией политического бесправия, которое она в силу самой специфики умственного труда ощущала болезненнее, чем любая другая общественная группа. Как подчеркивал Г.В.Плеханов, все живое, все независимое относится к полицейскому государству "с почти нескрываемым презрением и с почти непреодолимым отвращением. Это презрение и это отвращение составляют нравственную атмосферу, господствующую в интеллигентном обществе"[99]. В.И.Ленин указывал на возмущение интеллигенции бесправием и произволом, присущие значительной ее части неспособность "помириться" с травлей всякого свободного слова и свободной мысли, самостоятельность, честность, независимость убеждений, гордость настоящего знания[100]. Вполне закономерным поэтому представлялось тяготение прогрессивно мыслящих, политически активных интеллигентов к социал-демократии, теоретики которой провозглашали борьбу с абсолютизмом, за достижение политической свободы своей первоочередной задачей, настаивая, как это делал, например, В.И.Ленин на "громадной важности демократизма"[101]. Другой вопрос - в какой степени демократические убеждения и устремления интеллигентов дополнялись их приверженностью социалистическому идеалу, готовностью к борьбе за его приближение и реализацию. Неоднозначная позиция в этом вопросе интеллигентов, примкнувших к социал-демократическому движению, и нашла определенное отражение (как показано выше) в марксистской публицистике.

Вместе с тем для литераторов рассматриваемого направления было очевидно, что активное неприятие самодержавного режима сочеталось у многих прогрессивно мыслящих интеллигентов с отторжением буржуазных отношений и явлений, сопутствующих развитию капитализма, что также оказывало влияние на социал-демократический выбор. П.Б.Аксельрод отмечал, например, что "большая часть нашей свободомыслящей буржуазии (подразумевалось либеральной интеллигенции - В.Д.) настроена "антикапиталистически" и на всевозможные лады громит капитализм. Не только радикальные элементы интеллигенции, но и наше либеральное общество, т.е. большинство свободомыслящих людей враждебно настроено по отношению к капиталистической буржуазии"[102]. Считая, что "рыночная борьба, поглощая все душевные силы, оттесняет и извращает все высшие человеческие потребности", В.И.Засулич видела в "идее революционного социализма" "нравственное отечество" пролетариата и "всех тех выходцев из сферы, охваченной атмосферой индивидуальной погони за наживой, которые не могут ни умом, ни чувством допустить, чтобы будущее принадлежало прогрессирующей лавке"[103]. Здесь явно имелась в виду социалистическая интеллигенция. В.И.Засулич, которую никак нельзя заподозрить в недостатке антикапиталистических настроений, критически воспринимала то обстоятельство, что социалистическая интеллигенция пыталась "по возможности уже заранее так относиться к нашему (вполне капиталистическому - В.Д.) будущему как относится к своему настоящему международный социалистический мир, для которого наши теперешние условия являются далеким прошлым, покрывшимся исторической пылью"[104]. Другую сторону антикапиталистических настроений выделял Д.Б.Ря-

занов, обративший внимание на то, что представители мыслящего пролетариата, вырабатывавшие и распространявшие научный социализм, "не в состоянии мириться с общественным строем, превращающим науку в орудие господства эксплуататоров, а искусство - в их средство наслаждения"[105].

Влияние названных факторов на выбор интеллигента в пользу социал-демократии переплеталось с воздействием на этот выбор рабочего движения. Особо выделялось значение петербургской стачки 1896 г. В передовой статье журнала "Работник" К.М.Тахтаревым (Петербуржцем) в связи с этой стачкой впервые обнаружившей что "в России действительно есть рабочее движение", отмечалось: "пробудившаяся мысль и пытливость рабочего направляется... не на личное благополучие, а на интересы и задачи всего класса, всего народа или даже человечества", которые "стоят в непримиримом противоречии с существующим политическим строем" и требуют политической свободы. Перспектива же ее достижения связывалась со слиянием с рабочим движением интеллигенции "в лице своих наиболее энергичных и радикальных представителей"[106]. Рост симпатий к борющемуся пролетариату вместе с укреплением веры в его освободительную миссию со стороны демократической интеллигенции способствовали, в представлении Ю.О.Мартова, тому, что ее сознание "становилось доступным усвоению социал-демократических теорий во всем их объеме"[107].

Однако вопрос о взаимосвязи рабочего движения и передовой интеллигенции трактовался марксистскими литераторами и в ином ключе. В письме А.Н.Потресову от января 1900 г. В.В.Воровский отмечал, что русский интеллигент "с самого начала своего обще-

ственного бытия искал того "товарища", который мог бы поддержать его идеологические мечтания более реальными средствами". Только в 90-х годах, полагал автор, "идеология интеллигента нашла отзвук в абстрактных интересах этого ожидаемого товарища", благодаря чему русский интеллигент встал на твердый материк, а его идеология приобрела "силу общественной идеологии"[108]. На этой же стороне проблемы делал акцент в статье, опубликованной журналом "Заря", и адресат письма. Считая, что после стачки 1896 г. русское рабочее движение стало "видимым, влиятельным фактором" общественной жизни, он подчеркивал, что это движение создало "точку опоры" для разночинной интеллигенции, которая нашла в нем "исход своей психологии". В свойственной ему манере А.Н.Потресов писал: "измученная мысль и истерзанное сердце интеллигентного пролетария пошли навстречу современному герою русской истории" (т.е. рабочему классу) и получили "успокоение в новом евангелии"[109]. Но если марксизм принять за евангелие социал-демократической интеллигенции, то пролетариат должен был стать в ее глазах новой Мессией. Таким образом, сами марксистские литераторы признавали, что не только рабочее движение влияло на сознание передовой интеллигенции, но и последняя сама искала (и находила) объект направления своих умозрительных социалистических построений.

Побудительным стимулом (хотя отнюдь не решающим) к переходу на позиции социал-демократии лиц умственного труда могли служить материальная необеспеченность, близость по положению и интересам к рабочим и крестьянам отдельных профессиональных групп интеллигенции, ее "пролетариев и полупролетариев", по

терминологии некоторых марксистских авторов[110]. Ю.О.Мартов, ссылался на объективные условия (в России связанные прежде всего с пережитками дскапиталистического периода, задерживавшими политический и культурный прогресс), вследствие которых "целые группы" интеллигенции становились "экономически и социально...близки неимущим классам"[111]. Конкретизируя эту тенденцию, А.Н.Потресов находил, что интеллигенты и полуинтеллигенты, маленькие культурные работники - учителя, фельдшера и др. в силу психологии, продиктованной их общественным положением, неизбежно "потянутся за освободительным движением пролетарских масс"[112]. Еще определеннее высказывался В.И.Ленин. Разрабатывая проект программы РСДРП, он рекомендовал не забывать "деревенской интеллигенции, например, народных учителей, которые находятся в таком приниженном и материально, и духовно положении, которые так близко наблюдают и на себе чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению"[113].

Рассмотренные факторы, воздействовавшие на социал-демократический выбор прогрессивно настроенных интеллигентов, марксистские публицисты относили в значительной мере (хотя, разумеется, не исключительно) к представителям демократического студенчества. Обоснованность такого подхода вытекала для них из особенностей молодого поколения интеллигенции. Так, В.И.Засулич полагала, что в отличие от старшего ее поколения молодежь "не успела втянуться ни в хозяйство, ни в службу, ни в заботы о семейном благосостоянии. Этого спасительного балласта,

мешающего солидным людям пускаться в рискованные плавания, у них не существует, и они разрывают с обществом, составляют себе идею общего блага и идут бороться за нее, не считая ни жертв, ни сил, отбросив всякие помышления не только о выгодах, но и о самой жизни"[II4]. Также и В.И.Ленин особо подчеркивал, что студенчество (очевидно, в противоположность "отцам") "не погрязло еще в тине буржуазного прозябания"[II5], является "самой отзывчивой частью интеллигенции"[II6] (имелось в виду, в политическом отношении, с точки зрения быстроты и адекватности реакции на события общественной жизни). Молодое поколение интеллигенции А.Н.Потресов считал наиболее характерным представителем интеллигентно-пролетарского слоя, носителем по-преимуществу его "идеалистических стремлений". Скопления учащейся молодежи рассматривались как "наиболее подходящие, а иногда и единственные лаборатории для выработки коллективного сознания разночинной интеллигенции"[II7]. Однако особо важное место учащейся молодежи в интеллигентном движении являлось вместе с тем, по мнению автора, показателем "неустойчивости, непрочности психологического склада интеллигентного пролетария"[II8].

В публикациях представителей марксистской мысли выявлялись и некоторые черты психологии разночинной, демократической интеллигенции, особенно ее революционной части. Эти черты в большей или меньшей степени были, естественно, присущи и интеллигенции социал-демократической.

В одной из первых работ марксистского периода своей литературной деятельности Г.В.Плеханов заметил, что русские революционеры "как нельзя более боятся медленности кропотливой

старухи. Они хотят революции как можно скорее и во что бы то ни стало", не приемлют необходимости практикуемого на Западе "медленного политического воспитания рабочего класса"[119]. Позднее П.Б.Аксельрод указывал, что для наиболее темпераментных и наиболее демократических элементов интеллигенции предлагаемый либералами путь прогресса "прямо-таки невозможен", их лозунгом является "бесстрашная, беспощадная война с власть имущими, война не на живот, а на смерть"[120].

В числе черт, свойственных разночинной интеллигенции, А.Н.Потресов называл ненависть к "общественной атмосфере", подавляющей свободу; демократизм в общественной деятельности и повседневной жизни; революционный разрушительный "инстинкт", непосредственно революционное чувство; враждебность основам существующего общежития; сознание несоответствия сил громадности подлежащей работы. В комбинации демократизма и революционности автор видел "залог возможного сближения интеллигенции с пробуждающимися пролетарскими массами"[121].

Беспокойное искательство истины, редкая чуткость и отзывчивость на человеческое горе и страдание; горячая любовь к угнетенным и обездоленным, страстная вера в лучшее будущее, дух мятежа и протеста против всякой неправды, всякой несправедливости",[122] такие качества революционной интеллигенции называл В.В.Воровский, подразумевая, что они унаследованы социал-демократической интеллигенцией.

Широкие слои прогрессивной российской интеллигенции имела в виду В.И.Засулич, фиксируя принципиальные отличия в ее психологическом облике от интеллигенции Западной Европы.

В представлении автора, у западной интеллигенции "нет и быть не может никакой общей цели в будущем, никакого общественного будущего", из чего проистекает "страшный индивидуализм" как продукт ее творчества и мысли. В противоположность этому у российской интеллигенции обнаруживались и "цель" и "будущее", отмечалось, что "масса читающих, думающих, проснувшихся русских людей ждет, надеется, по временам отчаивается, но тем не менее ненавидит настоящее, убеждена, что лучшее впереди и придет оно лишь с падением самодержавия", причем "дух общественного недовольства, дух вражды против "общего врага" не только облагораживает общественную атмосферу, но и мешает борьбе за наживу, заботам о карьере"[123]. Подмеченные здесь неприятие настоящего, социальный оптимизм, сознание борьбы за общественные интересы и цели, антимещанский, антибуржуазный настрой были свойственны, как давал понять автор,и социал-демократической интеллигенции.

Общим для публицистов марксистского направления было безусловное признание примата интересов революции для социал-демократов-интеллигентов, подчинения этим интересам любых частных запросов отдельной личности. Имея в виду этих интеллигентов, действующих в рабочем движении и ссылаясь на пример революционеров 70-х годов, литературный представитель группы "Свобода" Л.Надеждин писал: "Революция требует на службу себе все помыслы, все движения, приспособление к себе всей личной жизни... Революция требует всего человека, она не может и не должна ни к чему приспособляться, наоборот, вся и личная, и семейная жизнь должна быть согласована с ней, а нельзя согласовать -

- должна быть уступлена, отдана ей"[124].

Иного характера свойства подметила у социал-демократической интеллигенции представитель "экономического" направления Е.Д.Кускова. В критическом плане она отзывалась о таких чертах как "приверженность классовой схеме", "политическая невинность, скрытая за головными рассуждениями на политические темы", которые, по ее мнению,могли сыграть с русским марксистом-интеллигентом "скверную шутку"[125].

Итак, в марксистской публицистике складывался взгляд на социал-демократическую интеллигенцию как на особую политическую группу, формируемую частично из "рабочей интеллигенции" (удельный вес которой первоначально явно преувеличивался), но преимущественно из числа демократической по происхождению и умонастроению интеллигенции. Данная группа обычно воспринималась в социальном отношении "отщепившейся" от буржуазного общества и примкнувшей к пролетариату, а в идейно-политическом - перешедшей на его "классовую точку зрения".

Ее образование рассматривалось как продукт сложной и длительной эволюции бессословной демократической интеллигенции и вместе с тем как следствие индивидуального перехода на социал-демократические позиции лиц умственного труда, главным образом из среды студенческой молодежи. Социал-демократический выбор представлялся марксистским авторам результатом воздействия ряда переплетавшихся в реальной жизни факторов: распространения марксизма при одновременном кризисе народнической идеологии, развития рабочего движения, отчуждения передовой интеллигенции от самодержавного государства, материального и право-

вого положения отдельных групп интеллигенции. Эти факторы накладывались на подмеченные в марксистской публицистике политические и психологические черты и свойства революционной интеллигенции, своеобразно преломившиеся в сознании социал-демократической интеллигенции. Было обращено внимание на то, что формирование социал-демократической интеллигенции опережало рост пролетариата, откуда следовало, что процессы, происходившие внутри этой интеллигенции, были относительно независимы от процессов в рабочем движении.

Социал-демократическая интеллигенция предстает в виде единственной группы интеллигенции, стоявшей на действительно-социалистических позициях, выразительницы подлинных интересов пролетариата, его идейно-политических устремлений, того, что разумелось под его классовой "точкой зрения". Отличительной (по отношению к другим политическим группам) особенностью этой интеллигенции выступает ее способность воспринять, выразить и отстаивать указанную точку зрения, исходить из нее при оценке любых явлений и событий и выработке политических задач. Подобный подход явно противостоял обозначенным выше подходам, изображавшим интеллигенцию, включая социалистическую, носителем общечеловеческих идеалов. Правда, и у марксистских литераторов можно было обнаружить признания типа того, что "интересы общественного развития выше интересов пролетариата"[126], служившие в основном для обоснования необходимости ниспровержения абсолютизма. Подобные признания не мешали, однако, их требованию неизменно ставить во главу угла "классовые интересы пролетариата", чем обеспечивалось, в их представлении, продви-

жение к социалистической перспективе.

Вместе с тем марксистскими авторами было установлено, что неодинаковая степень революционности примкнувшей к социал-демократии интеллигенции, различия в понимании ею целей общественного прогресса, неоднозначное восприятие марксизма вели к ее внутреннему размежеванию, к выделению сравнительно небольшой по численности группы, стоящей на революционных, ортодоксально-марксистских позициях, считающей и провозглашающей себя единственным выразителем классовых интересов пролетариата. Тем самым социал-демократическая интеллигенция ставилась фактически в исключительное положение по отношению к другим политическим группам интеллигенции в идейно-политическом смысле обособлялась от них.

Наряду с марксистскими литераторами на выявление места социал-демократической интеллигенции в расстановке социально-политических сил с точки зрения подлинных интересов пролетариата претендовал В.К.Махайский[127]. По собственному свидетельству, он в процессе работы отказался от попыток анализа поставленных им вопросов с марксистских позиций, поскольку "первоначальное стремление вывести марксизм из его заблуждений на истинный путь оказалось в течение дальнейшего следования совершенно утопическим"[128]. Отмежевывался он и от анархистских концепций, хотя и делал оговорку в отношении отдельных личностей-анархистов, "известных своими смелыми протес ами"[129]. Между тем, некоторые его высказывания были явно сродни, например, взглядам М.А.Бакунина, интерпретировавшего в свое время марксистский тезис о превращении пролетариата в

результате революции в господствующий класс как узурпацию управления огромным большинством народных масс со стороны привилегированного меньшинства, "умственной аристократии", считавшего необходимым, чтобы народ остерегался ее и видел единственно возможный путь к свободе в вольной организации снизу "разнузданной чернорабочей черни", во всенародном бунте[130].

Система взглядов В.К.Махайского может, по-видимому, рассматриваться как экстраполяция ряда идей анархизма на рабочее движение. К ее оценке как анархистской склонялась "Искра" на основе содержания прокламации, исходившей от В.К.Махайского, поправляя своего корреспондента, приписывавшего ее авторство "экономистам крайнего направления"[131].

Интеллигенция или "умственные рабочие" характеризовались этим литератором как особый, непрерывно растущий по мере развития капитализма и капиталистической культуры общественный класс, в монопольном и притом наследственном владении которого находятся человеческие знания, процессы управления обществом. Получая содержание из национальной прибавочной стоимости, создаваемой трудом пролетариата, интеллигенция живет за счет его эксплуатации, представляя собой паразитический, привилегированный, господствующий класс, пользующийся всеми плодами произведенного труда, стремящийся к обладанию "буржуазным образом жизни"[132]. Находящаяся в антагонизме с капиталом и капиталистическим государством при продаже им своих знаний, интеллигенция "нападает " на капитал, хотя и по совершенно иным соображениям, чем рабочие - в целях справедливого распределения национальной прибавочной стоимости между ее членами.

Вместе с тем по самой природе своей интеллигенция не может стремиться к уничтожению классового строя, защищая, "как и всякий другой класс собственников... свое имущество - результат векового грабежа - от нападения ручных рабочих"[133].

Автор оспаривал идущий, как он пытался показать, от марксизма и воспринятый социал-демократией взгляд, согласно которому интеллигенция представляет собой некласовый элемент классового строя, одарена способностью "возноситься выше тесного классового кругозора" и непричастна к эксплуатации, а единственным врагом пролетариата является постоянно уменьшающаяся горсть капиталистов и крупных земельных собственников[134]. В противовес этому утверждалось, что в действительности враг пролетариата - наряду с капиталистами - постоянно растущее буржуазное образованное общество, "умственные рабочие", их интересы как класса[135].

Однако в отличие от общеочевидных интересов капиталистов, классовые интересы "умственных рабочих" тщательно скрыты, завуалированы, остаются "непознанными". Ответственность за их "сокрытие" от пролетариата целиком возлагалась на марксизм, на социал-демократическую литературу[136].

По В.К.Махайскому выходило, что революционная, социалистическая интеллигенция - органическая часть и выразитель интересов класса "умственных рабочих". Социал-демократическая интеллигенция выделялась прежде всего тем, что непосредственным объектом ее воздействия был пролетариат, а сама она являлась представительницей указанного выше классового интереса в пролетарском движении[137].

Появление и рост социал-демократической интеллигенции, формирование ее политического облика связывались с процессами, происходившими в российском революционном и международном социал-демократическом движении. В представлении автора, классовый интерес "умственных рабочих", лежавший в основе "утопий" и "предрассудков" народнической интеллигенции, остался в основе нового учения, разделявшегося социал-демократической интеллигенцией. Этот интерес состоял в том, чтобы растущая национальная прибыль не оставалась в руках горстки магнатов и охраняющего ее абсолютизма, а справедливо распределялась по всем карманам "образованного общества" и чтобы интеллигенты получили доступ к управлению государством[138]. Речь шла о заинтересованности в устранении абсолютизма, в завоевании политической свободы. В этом смысле социал-демократическая интеллигенция рассматривалась как воспреемница цели народнической интеллигенции и как революционный элемент (поскольку борьба за политическую свободу еще предстояла).

Вместе с тем автор констатировал перерождение революционного демократизма народнической интеллигенции (являвшегося, в его понимании, следствием отрицания ею самостоятельной роли пролетариата) в поссибилизм, осторожность и постепеновщину социал-демократической интеллигенции в отношении пролетарской революции, проистекавшие из признания этой интеллигенцией движения рабочего класса в качестве единственной революционной, "действительно переворотной" силы и опасения перед этой силой." Социал-демократическая интеллигенция упрекалась в установлении этапов пролетарской борьбы через завоевание демократии,

конституционного строя, через политическое воспитание рабочих масс в парламенте к их последующему господству, а на деле к господству все того же "образованного общества"[139]. Отмеченный поссибилизм был представлен в то же время как результат эволюции европейской социал-демократии (также объяснявшейся наличием в ее рядах "умственных рабочих", ростом их доходов и т.п.) от "переворотных планов" до обнаружившегося к середине 90-х годов стремления ограничиться обеспечением участия рабочих в законодательстве и управлении[140]. "Повальный переход" русской либеральной и революционной интеллигенции к социал-демократизму связывался с двумя событиями: петербургской стачкой 1896 г., показавшей, что пролетариат "наилучший борец за прогресс, за освобождение передового общества от полицейского гнета" и студенческим движением 1901 г., в ходе которого образованное общество решило, что рабочие будут "совершенно даром" помогать ему в борьбе с самодержавием[141].

Такой политический облик социал-демократической интеллигенции, в представлении автора, определялся и сущностью марксистского учения, которое рассматривалось как радикальное выражение стремления образованного общества к европеизации и буржуазному прогрессу, к упразднению в перспективе класса промышленных капиталистов, не затрагивающему владения всей цивилизацией, всеми человеческими знаниями, находящимися в руках этого общества[142]. Вполне совместимым с марксовой доктриной объявляется приписываемый интеллигенции "социалистический идеал" - "переход средств производства в руки общества без нарушения всех остальных священных прав собственности", т.е. "государст-

венный социализм", приводящий к перераспределению национальной прибыли между "умственными рабочими"[143]. Подчеркивалось, что все социалистические учения, следовательно, и наиболее "умное" и "последовательное" среди них - марксизм, сосредоточивали внимание на общечеловеческой работе по преобразованию современного строя, разрешению его противоречий, введению планомерного хозяйства, по движению к более разумной и счастливой жизни для человечества[144]. Такой подход, по логике автора, сказывался на мировоззрении социал-демократической интеллигенции и в то же время противоречил коренным классовым интересам пролетариев. Марксизм квалифицировался как средство воодушевления рабочих масс на буржуазную революцию, на терпеливое выжидание наступления социалистического рая, как религия рабов буржуазного строя, как доктрина, обеспечивающая интеллигенции полный простор для "внушения рабочим своих стремлений в виде безошибочных аксиом научного социализма"[145].

Соц ал-демократической, марксистской интеллигенции полностью отказывалось в представительстве подлинных интересов пролетариата. Более того, проводилась мысль о глубоком социальном антагонизме между этой интеллигенцией, действующей в пролетарском движении, но на деле защищающей экономические и политические интересы класса "умственных рабочих", стремящейся во имя их удовлетворения к буржуазной революции, и самим пролетарским движением, для которого эта революция была глубоко чуждым делом и вела к его еще более сильному закрепощению и содержание которого сводилось к борьбе ручных рабочих за освобождение от рабского физического труда через чисто

рабочую революцию[146].

Согласно концепции В.К.Махайского, социал-демократическая интеллигенция являлась частью особого, противостоящего пролетариату эксплуататорского класса "умственных рабочих" (интеллигенции), представительницей в рабочем движении экономических и политических интересов этого класса, не простиравшихся дальше осуществления буржуазной революции и перераспределения в свою пользу национальной прибыли. По логике автора, особое место, которое занимала социал-демократическая интеллигенция, определялось тем,что в отличие от остальных политических групп интеллигенции она, с одной стороны, выступала носителем выражавшей классовые интересы "умственных рабочих" и являвшейся "новой религией" для рабочих масс марксистской теории (приоритет которой над другими социалистическими учениями признавался), а, с другой стороны, имела непосредственный выход на рабочее движение и, преследуя цели, чуждые тому движению, находясь с ним по существу в глубоком "социальном антагонизме", тщательно скрывала свои цели, претендовала на выражение классовых интересов пролетариата.

Проведенный анализ показывает, что при большей или меньшей близости взглядов на само понятие социал-демократической интеллигенции как отличающейся прежде всего идейной общностью совокупности лиц в составе активно противостоящей существующему режиму части образованного общества, представители основных направлений общественной мысли обнаруживали сходство в понимании факторов, определяющим образом влиявших на полити-

ческий и психологический облик этой интеллигенции: марксистского учения, российского рабочего движения, традиций революционной, демократической интеллигенции, хотя трактовка содержания и степени этого влияния была весьма неодинаковой.

Общая констатация приверженности социал-демократической интеллигенции марксизму и ее связи с рабочим движением (при различной оценке значения того и другого) сопровождалась пестротой точек зрения на ее место по отношению к другим политическим группам интеллигенции и в расстановке политических сил в целом. Она фигурирует как: преобладающая часть оторванной от образованного общества беспочвенной, антипатриотической, глубоко враждебной интересам народа, нацеленной на тотальное разрушение государственного строя "интеллигенции" (консерваторы); часть не связанной с интересами определенных классов, политически активной интеллигенции, оппозиционной самодержавию, стремящейся к освобождению от него, к установлению конституционного строя, как цели объединяющей все прогрессивные общественные силы (либералы); составная часть сверхклассовой революционной социалистической интеллигенции, ограничившая свой потенциал тем, что связала себя с интересами одного класса - пролетариата и с одним социалистическим учением - марксистским (эсеры); часть особого эксплуататорского класса "умственных рабочих", отстаивающего в рабочем движении интересы этого "класса", ограниченные пределами осуществления буржуазной революции (махаевцы). Марксистским идеологам социал-демократическая интеллигенция представлялась "отщепившейся" от буржуазного общества единственной группой интеллигенции, вставшей на позиции научного социализма и в результате

внутреннего размежевания выделившей сравнительно небольшую по численности группу, придерживающуюся ортодоксально-марксистской точки зрения, выражающей "подлинные" интересы пролетариата как класса и обладающую монополией на представительство этих интересов, интерпретируемых как низвержение самодержавия и осуществление социалистической революции.

Принципиальные расхождения обнаружились между представителями марксистского и всех остальных течений в вопросе о соотношении общечеловеческого и классового в мировоззрении и политическом облике социал-демократической интеллигенции. В немарксистской литературе преобладал взгляд на нее как на носительницу (по крайней мере, потенциально) наряду с другими группами "межд - классовой" или "сверхклассовой" интеллигенции общенационального, смыкающегося с общечеловеческим идеала политической свободы. Для марксистских же литераторов социал-демократическая интеллигенция была носительницей подлинных, в их понимании, классовых интересов пролетариата и подлинных, также в их понимании, идеалов пролетарского социализма.

Вместе с тем в литературе практически всех направлений социал-демократическая интеллигенция предстает способной - в силу занимаемого ею положения в политической группировке интеллигенции, ее "выхода " на рабочее движение, места в формирующейся рабочей партии, а также ее специфических особенностей - играть существенную роль в российском политическом процессе.

§ 2. Политическое значение социал-демократической интеллигенции в отражении немарксистских течений общественной мысли

Каким виделось значение социал-демократической интеллигенции в судьбах России, так сказать, со стороны? При всем различии мировоззренческих и политических подходов представители основных течений общественной мысли выводили его из характера влияния этой интеллигенции - с учетом ее особых позиции в рабочем движении - на государственный и общественный строй. В зависимости от авторской точки зрения в отношении царского самодержавия - его сохранения, ограничения или низвержения - трактовалось и значение социал-демократической интеллигенции. Вместе с тем оно рассматривалось в увязке с провозглашенными ею социалистическими целями, причем сама эта увязка понималась и оценивалась по-разному.

Социалистическая, марксистская интеллигенция предстает в трудах литераторов консервативного течения как глубоко отрицательный фактор, как тормоз в жизни страны и народа. Этому сопутствует признание реальной угрозы существующему режиму, которая исходит от ее деятельности в рабочей среде.

По мнению Н.Соколова, содержание отношений интеллигенции с правительством составляет "борьба за власть", за право опеки, темного и невежественного народа[1]. Особую тревогу у него вызывало то обстоятельство, что социалисты-интеллигенты "иногда пользуются кажущимся успехом, воспитывая в своем духе фабричных рабочих"[2]. Хотя автор и утверждал, что интеллигенция, "которая на словах стоит горой за трудящиеся массы,... в сущности хлопочет об одном -хочет оправдать только свою праздность, свою непристро-

енность, свой паразитизм",[3] он вынужден был признать ее огромное воздействие на общественную жизнь: силы интеллигенции, "противодействующие распространению в русском обществе всякой умной и честной мысли" это "в настоящее время могучие, пока неодолимые силы"[4].

Роли марксистской интеллигенции по отношению к рабочему движению касался в своих статьях В.Величко. Вознося хвалу Всевышнему за то, что в России "нет и не должно быть политической "рабочей партии", которая бы бы по временам шумела и строила баррикады, а в прочее время живота своего предавалась бы самообману доктрин всеобщего имущественного и социального равенства", он тут же оговаривается, что "и у нас есть попытки прививать такой социальный недуг", со стороны многих "мнимо интеллигентных людей"[5]. Свои надежды В.Величко, как следует из его статей, возлагает прежде всего на зубатовские организации, видя в них проявление "здравого самосознания у рабочих", считая, что их успех "в значительной степени зависит от вдумчивой работы светских и духовных представителей нашего образованного общества"[6].

Сам С.В.Зубатов прямо связывал политическое значение социал-демократической интеллигенции с характером и степенью ее присутствия в рабочем движении. Видя в этом движении "здоровое","капиталистическое" начало -"кредит, освобождение от нужды, бедности, темноты, а не борьбу с правительством или хозяевами", признавая стремление рабочих "к гражданскому уравнению с так называемыми привилегированными классами, что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы", С.В.Зубатов давал понять, что эти подлинные заботы и нужды рабочих игнори-

рует именно социал-демократическая интеллигенция. Исходя из "идеологической теории", она зовет рабочих к совершению революции, обещая в дальнейшем всякие блага. Для нее рабочие это всего лишь "руки" в "борьбе за мировые проблемы"[7]. Идеологи, заключал С.В. Зубатов одно из своих донесений, - "всегдашние эксплуататоры масс на почве их нужды и бедности".[8] Логика рассуждений автора вела к той мысли, что социал-демократическая интеллигенция, благодаря ее способности влиять на рабочее движение, представляла особую опасность для самодержавия.

В то же время положительное значение для рабочего движения и государства признавалось за частью либеральной интеллигенции. Ее просветительская работа, по мнению С.В.Зубатова, "свелась не ко вреду, а к пользе правительства, получившего несколько тысяч просвещенных, дисциплинированных и организованных рабочих"[9]. Помощник С.В.Зубатова, по свидетельству корреспондента "Искры", заявлял о наличии двоякой интеллигенции - солидной, помогающей правительству в заботах о рабочем классе, и "мелкой интеллигенции", состоящей из людей недовольных и старающихся волновать рабочих, чтобы с их помощью добиться для себя улучшения своего собственного положения.[10]

Несмотря на в целом антиинтеллигентский - по внешности - характер заявлений С.В.Зубатова и его сторонников, их усилия направлялись на то, чтобы настроить рабочих главным образом против интеллигенции, которая активнее всего действовала в рабочей среде, т.е. социал-демократической. В опубликованном "Искрой" сообщении из Москвы приводились слова агента охранки рабочего Слепова, обращенные к его товарищам: "конституция нужна интеллигентам, а не вам; интеллигенты хотят только воспользоваться вами как грубой физической силой, захватить власть

и вам же сесть на шею; не верьте им".[II] Зубатовскую позицию иллюстрирует и переданное той же газетой со ссылкой на "рассказ рабочего" высказывание петербургского жандармского офицера по адресу рабочих: "Это вас мутит все подпольная интеллигенция, ...она всему виной... Вы ей доверяете, но знайте, что вы от этого ничего не выиграете; она вас вводит в заблуждение... пусть интеллигенты хлопочут, о чем знают, но рабочим вовсе не к чему мешаться в эти дела".[I2] Как видим, зубатовцы пытались создать представление, что социал-демократическая интеллигенция использовала движение рабочих ради достижения собственных политических целей, не имевших ничего общего с подлинными интересами рабочих.

Что же предлагалось зубатовцами для борьбы с социал-демократической интеллигенцией? Основные надежды они возлагали на удовлетворение правительством непосредственных экономических интересов и запросов рабочих, их мелких нужд и требований. Его действия в этом направлении, - считал С.В.Зубатов, - оставят "революционный штаб без армии", и рабочие "не только не полезут в политику, а и выдадут вам всех интеллигентов поголовно".[I3] Вместе с тем он настаивал на необходимости "изловлять" социал-демократических идеологов.[I4] Как подметил американский исследователь Дж. Шнайдерман, наряду с попытками вызвать растущую подозрительность у рабочих в отношении к марксистской интеллигенции, С.В.Зубатов стремился умерить ее активные революционные настроения, апеллируя к "современной социалистической мысли" в лице Э.Бернштейна, С.Вебб, С.Прокоповича и др.[I5]

Итак, для публицистов и деятелей консервативного направления социал-демократическая интеллигенция являла собой реаль-

но существующую, наиболее опасную для правящего режима силу. Эта опасность усматривалась в ее фактическом влиянии на общественную жизнь, на народные массы, в особенности, на рабочих, в ее способности воздействовать на их сознание, использовать их движение в революционных целях, в ее претензии на власть. Ради снижения роли и влияния социал-демократической интеллигенции предпринимались попытки дискредитировать ее в глазах рабочего класса, изолировать от него, вызвать ее внутреннее идейное разложение.

Для представителей либеральной мысли характерно рассмотрение общественно-политической роли социал-демократической интеллигенции в контексте общего значения интеллигенции, выступающей за прогрессивное развитие России. Взгляды на это значение нередко претерпевали существенную эволюцию. Это относится в первую очередь к П.Б.Струве.

В бытность свою "легальным марксистом" он характеризовал "бессословную интеллигенцию" как бессильную в экономическом отношении, не имеющую серьезного самостоятельного значения для социально-экономической эволюции, не являющуюся реальной общественной силой, как "кучку идеалистов" и в социальном отношении "quantité négligeable "[16] (незначительная величина, которую можно не принимать в расчет). Шесть лет спустя, однако, он признал "некоторую односторонность" такой оценки. Теперь он исходил из того, что очередная "великая преобразовательная задача", являющаяся "условием дальнейшего национального развития" (устранение самодержавия - В.Д.) не связана исключительно или преимущественно с судьбами и интересами одного общественного класса, а господствует над интересами всех жизнеспособных

классов России. Отсюда новый подход к междуклассовой, межсословной (очевидно, и либерального, и социалистического-народнического и марксистского - толка) интеллигенции, констатация ее "крупной", "огромной" роли в решении указанной выше задачи, идея ее объединения в целях установления конституционного строя. Автор не отрицал и роли в определенные исторические эпохи интеллигенции, выражающей интересы того или иного класса, носителя общественного прогресса (явно подразумевался рабочий класс), но находил, что выдвигавшаяся этой интеллигенцией "титаническая социально-экономическая задача" должна быть отодвинута на задний план и не должна мешать политическому объединению междуклассовой интеллигенции.[17)]

Общественную роль сверхклассовой интеллигенции Н.А.Бердяев выводил из убеждения в том, что классовое движение с его профессиональными целями может быть только частью общего освободительного движения и "должно быть подчинено общечеловеческой задаче". В его понимании, сверхклассовая интеллигенция, выступая генератором идей и объединяющей силой, "выделяет очередную прогрессивную задачу, общую для многих реальных групп, объединяет параллельные ряды групповых общественных движений в общенациональном деле достойного человеческого существования".[18)] Способность различных групп интеллигенции сойтись на "громком требовании права" автор считал историческим экзаменом для русской интеллигенции.[19)] По его логике, марксистская интеллигенция выполнила бы свою миссию, если бы преодолела классовую точку зрения, возвысилась до сверхклассовой интеллигенции, носительницы общечеловеческих идеалов, растворилась в ней во имя конституционализма.

Если Н.А.Бердяев строил свои рассуждения на жестком противопоставлении классового и общечеловеческого в мировоззрении прогрессивной интеллигенции, то А.С.Изгоев обосновывал роль этой интеллигенции присущим ей стремлением к полной свободе. Вывод он делал в основе своей тот же, что П.Б.Струве и Н.А.Бердяев: в те времена, когда в жизни вообще нет простора, интеллигенция становится"передовым элементом общества", может сыграть выдающуюся роль в национальной жизни, твердо действовать как особая, цельная по своим практическим стремлениям общественная группа, громко говорить от имени всей нации, интересы которой она представляет, так как эти интересы в самой общей формулировке сводятся к освобождению человеческой личности, к освобождению духа".[20]

Допуская, подобно П.Б.Струве, возможность в будущем расслоения интеллигенции, ее перехода на службу к различным общественным группам, А.С.Изгоев, явно имея в виду социалистическую интеллигенцию, в негативном плане отзывался об ее общественном значении в более или менее отдаленной перспективе. Когда интеллигенция берется за социальное творчество, - полагал автор, - она рискует превратиться в бюрократическую силу, вместо двигателя жизни - в тормоз общественного развития, ее прекрасные планы облагодетельствования человечества - в аракчеевщину, в военные поселения (в качестве примера приводилось стремление превратить крестьянскую общину в "высшую форму коллективного устройства").[21]

Основной упор, однако, литераторы либерального направления делали не на выяснении перспективного значения социал-демократической интеллигенции, а на обосновании необходимости ее, по

крайней мере, временного растворения в составе политически активной интеллигенции, борющейся против абсолютизма. Под этим углом зрения освещалась роль социал-демократической интеллигенции в журнале "Освобождение".

Через его публикации проходила мысль, что именно интеллигенция определяет облик и сущность как социал-демократической, так и других революционных партий. "Огромная, рвущаяся на протест и на дело творческая энергия интеллигенции, - отмечалось в одной из редакционных статей, - составляет внутренню силу русских революционных партий", соединяющих в себе "лучшие, наиболее деятельные и самоотверженные элементы молодого поколения интеллигенции"[22]. Интеллигентской организацией, выражающей интересы и формирующей потребности пролетариата, объявлялась российская социал-демократия[23].

Общественно-политическая роль интеллигенции, объединенной в революционных партиях, обусловливалась в материалах журнала тем, что силу свою революционное движение черпает "не в радикальных программах, не в требованиях республики и социалистического строя, а в объективной необходимости коренных, но вполне осуществимых реформ, проведение которых не только не нарушает, а, напротив, укрепляет гражданский мир в стране", в чем, как утверждалось, состояла причина того, что правительство ничего не может поделать с революционными партиями[24]. Исходя из этого, "Освобождение" проводило ту идею, что революционной интеллигенции следует отодвинуть на задний план свои конечные (социализм) и наиболее смелые демократические требования и объединиться с либеральными поборниками политической свободы. "Не надо отдельных кружков, не надо вражды из-за каких-либо

теоретических построений и систем - и народник, и марксист, и чисто практический работник, глубоко чувствующий гнет и желающий послужить народу, пусть подадут друг другу руки, пусть объединятся на почве борьбы с произволом",[25] - такой призыв звучал со страниц журнала. Политическое объединение прогрессивно мыслящей интеллигенции рассматривалось как условие достижения целей либералов: ограничения самодержавия и установления конституционного правления.

Подобный подход отчетливо проявился в позиции журнала по отношению к студенческому движению. В специально посвященной ему статье утверждалось, что крайние революционные партии - социал-демократы и эсеры - не могут, да и не хотят овладеть студенчеством как целым. Невозможно, чтобы все студенты уверовали в марксистскую догму или стали сторонниками террористической тактики, однако, студенчество как общность "не откажется от политической деятельности". Последняя должна быть направлена в русло того, что, по мнению журнала, объединяло широкие слои учащейся молодежи: "стремление к политическому освобождению, которое воодушевляет и либеральную оппозицию".[26] Расчет либералов строился на том, что на основе их политической платформы станут возможны объединенные действия студенчества, включая его социал-демократическую и эсеровскую группы.

Общая картина взглядов литераторов либерального течения будет неполной без учета точки зрения представителей его религиозной струи. Так, В.А. Тернавцев делал акцент на существовании "розни" между интеллигенцией, отдавшей себя "делу общественного спасения" (имелась в виду и социалистическая) и народом. Оторванная от народа интеллигенция испытывала "сомнения и колебания" в отношении конечных целей и насущных политических

задач, переживала "тяжелый нравственный кризис". Выход из этого кризиса виделся автору в преодолении глубокого разлада интеллигенции с церковью, в обращении интеллигентов ко Христу и церкви, в их выступлении в качестве проповедников и деятелей возрождения страны. Только в этом случае интеллигенция найдет доступ к сердцу народа. При этом, правда, признавалось, что "во всех рядах и возрастах" интеллигенции есть часть, которая "ко Христу не придет никогда"[27]. Развивавшаяся здесь идея приобщения интеллигенции к религии и церкви отражала стремление части либералов отвлечь ее от активного участия в революционном движении, в работе революционных партий, лишить ее влияние на народные массы революционизирующего содержания. В своем большинстве, однако, либеральные идеологи не могли не отдавать себе отчета в весьма проблематичной результативности проповеди "обращения" интеллигенции.

Как показывает проведенный анализ, среди них преобладало представление о социал-демократической, марксистской интеллигенции как важном факторе политической жизни страны, оказывающем влияние на рабочий класс, определяющем облик его партии. С точки зрения либералов, эта интеллигенция могла бы сыграть крупную положительную роль в политическом процессе, если бы приняла деятельное участие в движении всей политически активной демократической интеллигенции во имя осуществления либеральной программы, установления конституционного строя и достижения гражданского мира, отодвинув на задний план свои социалистические устремления, узко-классовые интересы пролетариата. Публикации представителей либерального течения, помимо прочего, были нацелены на то, чтобы подтолкнуть социал-демократическую

интеллигенцию к практическим шагам в этом направлении.

Значение этой интеллигенции рассматривалось эсеровскими литераторами под углом зрения ключевого в их системе взглядов вопроса о воздействии революционной интеллигенции на социальный прогресс, об ее "исторической миссии"[28]. Содержание этой миссии раскрывалось преимущественно на страницах эсеровских зарубежных изданий.

Отправной для публицистов данного направления была идея союза двух основных революционных сил: социалистической интеллигенции и рабочего народа или класса (понятие, охватывавшее и как бы растворявшее в себе промышленный пролетариат и трудовое крестьянство). В этом союзе, в представлении В.Чернова, выражалась взаимосвязь идеалистического, общечеловеческого момента (у революционной интеллигенции) и момента классового (у "огромной массы рабочего народа".)[29] В свою очередь Л.Шишко видел в нем взаимодействие двух категорий революционных элементов, вырабатываемых объективной действительностью - идеологических и массовых[30].

Руководящая роль в этом союзе, в революционном движении в целом отводилась интеллигенции. Тот же Л.Шишко утверждал, что в России, в отличие от Западной Европы, особо важную, преобладающую роль призван играть идеологический элемент, который "не укладывается в рамках социал-демократической теории", т.е. революционная интеллигенция, не носящая на себе никакого классового отпечатка.[31] О другом высказавшемся на этот счет литераторе, выступавшем под псевдонимом "И", социал-демократическая "Заря" писала, что он выражает "крайне левый" (т.е. , в ее понимании, наиболее близкий к социал-демократам - В.Д.) оттенок тех

течений, которые представлены журналом [32] (имелся в виду "Вестник русской революции"). Указанный "оттенок" виделся "Заре", в частности, в признании автором того, что "теперь ось движения проходит через рабочий класс" (городской и сельский пролетариат). Тем не менее, и этот литератор считал определяющим революционный почин организованного меньшинства, революционной интеллигенции[33]. В том же журнале Н.Крупов характеризовал городской пролетариат как "передовой авангард революционной массы", как "главную опору и надежду всех друзей социализма." Но при этом подчеркивалось, что "интеллигенция, незначительное меньшинство, как революционный фактор сильна своими знаниями и инициативой, и в деле подготовления политического или социального переворота обычно раньше революционизируется, чем народ, от нее воспринимающий революционные идеи"[34].

На страницах другого эсеровского издания "Накануне", отвергавшего, как показано выше, фетишизацию марксистами индустриального пролетариата, его роль обосновывалась не теоретическими (как у марксистов), а "чисто практическими" соображениями, именно, концентрацией "трудовой массы" в больших городах, бок о бок с революционной интеллигенцией. Промышленные рабочие характеризовались как "главный боевой элемент", на который приходится опираться и воздействовать "революционной бацилле" - интеллигенции [35]. Иными словами, реализация революционного потенциала городского пролетариата ставилась в зависимость от роли революционной, социалистической интеллигенции.

К числу "задушевнейших убеждений" эсеров их центральная партийная газета относила идею трудовой интеллигенции как инициатора революционно-социалистического движения, вынесшей

на своих плечах всю тяжесть борьбы за социализм, проводящей социалистическое сознание в широкие массы и становящейся в ряды возросшей социалистической армии[36]. Ту же мысль развивал В.Чернов применительно к передовому студенчеству, чья история, по его мнению, ярко иллюстрирует "значение инициативного, организованного революционного меньшинства, которое своей энергией толкает движение масс и представляет динамический, ускоряющий момент политического развития"[37]. В приведенных высказываниях обращает на себя внимание констатация, с одной стороны, роли внеклассовой социалистической интеллигенции не только как инициатора революционного движения, но и как ускорителя политического процесса, а, с другой, двоякого влияния этой интеллигенции на массы трудового народа - идеологического и организующего.

Общественно-политическая роль социалистической интеллигенции ставилась эсеровскими идеологами в прямую зависимость от перспективы прекращения "братоубийственной борьбы" в стане революционной интеллигенции. Идея необходимости ее сплочения проходит через всю эсеровскую прессу.

Считая, что "организованное революционное меньшинство" находится "не на высоте своего положения", газета "Накануне" призывала русских революционеров и социалистов забыть о "всех спорах и всех недоразумениях".[38] Она последовательно выступала за соединение различных групп и фракций революционной, социалистической интеллигенции в рамках "временного союза", скорее партии "временного действия", программа которой была бы равнодействующей программ существующих групп и партий в борьбе с царским режимом.[39] Из материалов газеты следовало при-

знание правомерности существования различных фракций социалистической интеллигенции ради "теории будущего",[40] их самостоятельной активной роли после свержения самодержавия.

Более радикальные суждения - о сплочении революционной интеллигенции в рамках единой социалистической партии - звучали со страниц "Вестника русской революции". Считая теоретические расхождения между социал-демократами и эсерами несущественными перед лицом общенародной освободительной борьбы, уже упоминавшийся "И" так ставил вопрос: "Революционная интеллигенция может ускорить ход вещей? Этого с нас довольно, этим торжественно признается ее важное значение и кладется прочный мост объединения двух враждебных воззрений... Оба еще недавно враждебные идейные течения могут теперь развиваться рядом и параллельно в недрах умиротворенной социалистической русской партии"[41]. Понимание такой партии как "организованной революционной интеллигенции, тесно сблизившейся или даже слившейся с передовым отрядом рабочего класса, т.е. городского и сельского пролетариата"[42] противопоставлялось плехановскому видению социал-демократической партии как передового отряда рабочего класса[43]. Отрицая пролетарский характер социалистической партии, эсеровские идеологи отрицали и роль марксистской, социал-демократической интеллигенции как выразителя специфической точки зрения пролетариата, как представителя его интересов, борющегося в рядах его собственной политической организации. В понимании этих идеологов, именно внеклассовая интеллигенция должна была составить основу и главную силу единой социалистической партии, определить собой ее облик.

На необходимости сближения двух отрядов социалистической интеллигенции делался упор эсеровскими литераторами при разработке перспектив студенческого движения. Чтобы революционное меньшинство – социалистическая часть студенчества – смогла сыграть руководящую роль в общестуденческом движении, – подчеркивалось ими, – очень важны сплочение и отсутствие в собственной среде междоусобиц. Последние являются результатом деятельности социал-демократов, предлагающих студентам делать выбор между партиями, что ведет к расколу революционно-социалистического движения, тогда как имеющееся у широких слоев студенчества свое общестуденческое дело, толкающее на борьбу с самодержавием, требует единства этого движения.[44] Эсеровская печать резко критиковала решения всероссийского студенческого съезда, призвавшего студентов оказать содействие комитетам РСДРП, примкнуть к социал-демократии.[45]

Высказываясь за политическое объединение народнической, эсеровской и марксистской, социал-демократической интеллигенции, эсеровские публицисты отдавали себе отчет в наличии принципиальных расхождений между ними. Эти расхождения касались и весьма актуального для обеих групп вопроса о роли социалистической интеллигенции в предстоящей революции. Разбор программных требований российской социал-демократии побудил П.Новобранцева напомнить о случаях из опыта предшествующих революций, когда интеллигенция в лице лучших своих представителей вела на баррикады рабочих, обманывая их в угоду буржуазии, поскольку именно последней доставались плоды победы. Такое поведение революционной интеллигенции в прошлом экстраполировалось на Россию начала XX века, говорилось о "героях догмы", которые с легким сердцем могут

посылать трудящийся люд в бой "за ускорение буржуазного прогресса". Под "героями догмы" автор определенно подразумевал социал-демократическую интеллигенцию, ставя ей по существу в вину то, что она видела в приближающейся революции лишь "акт, долженствующий расчистить дорогу наступающему капитализму", в то время как с точки зрения эсеров низвержение абсолютизма создаст возможность для непосредственной реализации некоторых социалистических требований и нанесения удара буржуазии.[46] Критикуя на страницах "Искры" эти рассуждения, В.И.Засулич высказала мысль, что в результате их восприятия рабочие "ждали бы от "великой внеклассовой силы" интеллигенции" чудес .[47] В понимании эсеровских литераторов, приверженность марксистской догме ограничивала революционность социалистической интеллигенции, делало ее социал-демократическую часть чуть ли не потенциальной защитницей интересов буржуазии в грядущей революции, искусственно сдерживала продвижение интеллигенции в направлении реализации социалистического идеала.

Итак, социалистическая интеллигенция (в том числе, и марксистской, социал-демократической ориентации) квалифицируется в эсеровской публицистике как важнейший фактор политического развития, как инициатор, организатор и ускоритель революционного движения, направленного на низвержение абсолютизма и осуществление социалистических начинаний, как главная сила этого движения, оказывающая решающее воздействие на другую силу - рабочий народ. Растворяя в массе рабочего народа пролетариат, эсеровские идеологи фактически отказывались видеть в нем самостоятельную политическую силу, что, по самой логике их рассуждений, лишало социал-демократическую партию, а, следовательно, и ее

интеллигенцию, права на представительство особых классовых интересов пролетариата и делало неоправданным политическое обособление социал-демократической интеллигенции от эсеровской. На перспективе их сближения и объединения, на политическом поведении социал-демократической интеллигенции и степени ее революционности в отношении темпов реализации социалистических целей, по мнению эсеровских литераторов, негативно сказывалась ее приверженность марксистской доктрине.

В немарксистской публицистике выделялась концепция общественно-политической роли социал-демократической интеллигенции, предложенная В.К.Махайским, видевшим в ней (как показано выше) выразительницу интересов не пролетариата, а класса "умственных рабочих". Эта роль выявлялась в нескольких плоскостях.

Во-первых, отталкиваясь от отдельных событий в рабочем движении России, особенно всеобщей стачки на юге 1903 г., автор находил, что основные стремления участвовавших в них масс направлялись в сторону рабочего восстания, в то время как социал-демократическая интеллигенция боялась и не желала такого восстания. Проводилась мысль, что в этих событиях обнаружилась подлинная роль социал-демократической интеллигенции, состоявшая в сознательном и твердом противодействии рабочему восстанию, рабочей революции.[48)]

Во-вторых, акцентировалась роль этой интеллигенции в буржуазной революции. При этом проявилась непоследовательность автора. С одной стороны, готовность социал-демократической интеллигенции поколебать абсолютизм ставались под сомнение на том основании, что его сохранение отвечало интересам образованного общества, обеспечивая ему доходы. "Пока в подпольной Рос-

сии господствует социал-демократическая мысль, государственная власть может быть спокойна, - писал В.К. Махайский в 1899 г., - она не настолько наивна, чтобы видеть в современных русских революционерах тех, за кого они себя выдают, т.е. представителей всех русских пролетариев"[49]. И пять лет спустя он отмечал, что социальный антагонизм между стремлениями русского революционера и стремлениями рабочих масс "дает самодержавию жизнь на глазах русского революционного движения последнего полувека"[50]. С другой стороны, буржуазная революция изображалась как "непосредственный плод полувекового социалистического движения", как "генеральное сражение".[51] Подчеркивая, что "все российские социалистические партии готовят одну и ту же буржуазную революцию", автор утверждал, что "пролетарская" (кавычки В.К.Махайского - В.Д.) партия "несет самую трудную задачу превращения стихийных рабочих бунтов в либеральную революцию", проповедуя "сидение по домам в момент экономической всеобщей стачки, чтобы подготовить возможность объявить вооруженное восстание за конституцию"[52]. Если учесть, что пролетарская партия отождествлялась В.К.Махайским с социал-демократической марксистской интеллигенцией, то приведенные высказывания можно рассматривать как признание (хотя и не безоговорочное) ведущей роли социал-демократической интеллигенции в буржуазной революции, отвечавшей в представлении автора, классовым интересам "умственных рабочих", но совершенно чуждой интересам пролетариата.

В-третьих, показывалась роль интеллигенции в создании социал-демократической партии, в приобретении ею специфического политического характера. Суждения В.К.Махайского на этот счет сводились к тому, что русской интеллигенции требовалось не обо-

собление революционной силы рабочего класса в целях борьбы исключительно за его освобождение и соответствующая рабочая партия (что, по мысли автора, отвечало бы интересам рабочих), а такая партия, которая не занимаясь вовсе никакими новшествами, защищала бы старую, испытанную программу интеллигента и не делала бы ни малейших попустительств по отношению к самостоятельному рабочему движению"[53].

В-четвертых, излагался взгляд на отношение социал-демократической интеллигенции (соответственно партии) к другим политическим группам революционной интеллигенции (соответственно партиям). Из представления об общности их основы - интереса "умственного рабочего" и цели - предохранения от рабочей революции, достижения политической свободы выводилась общность стремления революционеров (включая, естественно, социал-демократов) к "примирению" и "объединению" в "одно целое" как к чему-то "нормальному", "желательному", "обязательному"[54].

В-пятых, трактовалась роль, которую, в понимании автора, брала на себя социал-демократическая интеллигенция по отношению к рабочему движению. Речь шла об ее усилиях по "овладению" данным движениям, направлению его в сторону, желательную для "умственного рабочего", по его "обуздыванию"[55]. Это предполагало прежде всего выполнение интеллигенцией функции "прирожденного", "неоспоримого" учителя рабочих масс, вводящего их в заблуждение путем "внушения стремлений умственных рабочих в виде безошибочных аксиом научного социализма", пропаганды классовой борьбы, которую она в действительности "обуздывает", проповеди "более рациональной и счастливой жизни для всего человечества", "будущего рая" для рабов буржуазного строя и одновременного выясне-

ния невозможности рабочей революции без предварительного осуществления революции буржуазной и завоевания конституции[56]. Далее, "обуздывание" означало, что социал-демократическая интеллигенция на практике проявляла "крайнюю осторожность" и "постепеновщину" в защите интересов рабочих, отодвигала на задний план их реальные нужды, насильственно ставила пределы их массовой борьбе, оказывала на нее сдерживающее, парализующее влияние, удерживала пролетариев от непосредственного стремления к социалистическому перевороту[57]. Из рассуждений автора следовало, что функция "обуздывания" воплощалась в деятельности социал-демократических комитетов, которые, ведя борьбу за дело интеллигенции, посылали рабочих "под штыки и пули"[58].

Вместе с тем В.К.Махайский вынужденно признавал реальное идейное и политическое воздействие социал-демократической интеллигенции на рабочие массы. Оно не ограничивалось отдельными рабочими, воспитанными "в таких же интеллигентов как и социал-демократы-пропагандисты"[59]. Указывалось на то, что социал-демократическая интеллигенция владеет "превосходным оружием": она "умеет заставить" "сознательных рабочих" учить "дикую чернь", и "сознательные рабочие", входящие в социал-демократические организации, толкуют пролетариям формулы "умственного рабочего"[60]. Более того, не отрицалась возможность использования социал-демократией "рабочих батальонов"[61]. Признанием такого влияния на рабочий класс во многом объяснялось то, что подчеркивая общность его интересов как целого, автор неоднократно фиксировал значение участия в движении босяков, безработных, голодающих, вообще люмпенских элементов.[62]

Согласно рассматриваемой концепции, глубоко негативная с точки зрения интересов "ручных рабочих" роль социал-демократической интеллигенции являлась главным тормозом на пути осуществления их подлинных целей и задач: развития экономической борьбы, касающейся исключительно условий наемного ручного труда, расширения стачечного движения, подготовки через "рабочий заговор" всероссийской и всемирной экономической стачки, ее превращения в рабочую революцию, установления господства пролетариата, экспроприирующего не только капиталистов, но и все образованное общество, диктующего свои "законы"[63]. Такая перспектива связывалась с созданием боевой организации, которая служила бы реальным интересам рабочих, объединяла бы их разрозненные взрывы в планомерное массовое движение, соединяла бы крупные центры в борьбе за все более возрастающие требования. Но подобная организация могла быть создана, в представлении автора, лишь тогда, когда из движения будет исключена обуздывающая его сила - интерес "умственного рабочего", когда пролетарское движение будет провозглашено не как социал-демократическая борьба против горсти капиталистов, но как борьба с буржуазным строем, с господствующим образованным обществом[64]. Итак, успех рабочего движения обуславливался полным устранением из него социал-демократической интеллигенции, лишением ее какого бы то ни было влияния на данное движение, созданием чисто рабочей организации.

С этой целью махаевцы обращались к "сознательным рабочим", предлагая им отбросить басни фарисейской науки, нужные "образованному обществу для господства над пролетариатом", о "незрелости промышленности и пролетариата для социализма", об уз-

ких и несоциалистических интересах рабочего" и "возвышенных идеях интеллигенции"; оставить интеллигенцию и ее планы буржуазной революции, участия в управлении государством и доступа к "высоким должностям" (особо отмечалось стремление еврейских социал-демократических комитетов к осуществлению подобной "мечты" еврейской интеллигенции); работать для рабочего дела, для повсеместного рабочего заговора[65].

Эти предложения содержались в первомайской прокламации, распространявшейся, по свидетельству "Искры", в Иркутске накануне рабочего праздника 1902 г.[66] Передавая ее основной смысл: "не верить революционной интеллигенции", которая стремится "на трупах рабочих" достичь "собственного благополучия", корреспондент газеты отмечал, что отдельными лицами прокламация воспринималась как призыв к избиению евреев и студентов. Квалифицируя ее содержание как "зубатовщину чистой воды", корреспондент вместе с тем уточнял, что авторы - люди вполне честные и добронамеренные, хотя их "услуги рабочим могут быть только медвежьими"[67].

Итак, с позиции В.К.Махайского и его сторонников, социал-демократическая интеллигенция играла значительную, хотя и сугубо негативную роль по отношению к рабочему движению, препятствуя рабочей революции, стремясь обуздать борьбу рабочих масс всеми возможными путями, в первую очередь, посредством распространения идей научного социализма, создавая партию, выражающую интересы эксплуататорского класса "умственных рабочих", пытаясь использовать рабочих как средство в борьбе за достижение экономических и политических целей этого класса.

Практическая направленность махаевщины состояла в том, чтобы вызвать у передовых рабочих сомнения в истинности пропагандируемой интеллигентами марксистской теории, побудить их устраниться от совместного с интеллигентами участия в политической борьбе с самодержавием, в деятельности социал-демократических организаций, вести дело к созданию чисто рабочих организаций, готовящих экономические стачки и рабочие восстания.

Сравнительный анализ взглядов представителей различных немарксистских течений позволяет говорить об осознании ими самого факта присутствия социал-демократической интеллигенции в общественно-политической жизни страны. Независимо от мировоззрения авторов, она рассматривалась как политический элемент, активно противодействующий самодержавному режиму. Фиксировалось ее реальное воздействие на рабочее движение, в особенности, на формирование сознания рабочих, на процесс образования рабочей партии, на ее социальный облик.

Соприкасаясь в том, что касалось признания политического значения социал-демократической интеллигенции, позиции публицистов расходились в его сущностной оценке, в вытекающих из этой оценки практических выводах. Консерваторы видели в социал-демократической интеллигенции наибольшую опасность и угрозу для существующего строя и настаивали на ее полной изоляции от рабочего движения. С таким подходом во многом смыкалась точка зрения махаевцев, считавших социал-демократическую интеллигенцию силой глубоко чуждой и вредной для рабочего движения и делавших упор на необходимости ее "исключения" из этого движе-

ния. Либеральные литераторы, в целом приветствуя участие социал-демократической интеллигенции в политической борьбе против абсолютизма, фактически обусловливали положительное значение этого участия соединением ее действий с действиями других политических групп интеллигенции под знаменем конституционализма и ее отказа, по крайней мере, в исторически обозримой перспективе от реализации социалистических планов. Придавая первостепенное значение социалистической интеллигенции как инициатору и ускорителю революционного движения, эсеровские публицисты рассматривали социал-демократическую интеллигенцию как фактор, в известной степени сдерживающий продвижение к социализму и ставили выполнение его позитивной политической роли в зависимость от ее объединения с другим отрядом интеллигенции, вдохновляемым социалистической идеей (эсеровской) в рядах единой социалистической партии.

§ 3. Политическая роль социал-демократической интеллигенции в освещении марксистской публицистики

Раскрытие политической роли социал-демократической интеллигенции являлось одним из важнейших направлений теоретического поиска, осуществлявшегося литераторами марксистского течения. Эта роль в первую очередь связывалась ими с особенностями общественно-политического процесса в стране, с той исторической миссией, которая, в их представлении, выпала на долю российского пролетариата, с перспективой образования его партии. В своем поиске они стремились опереться на идеи К.Маркса и Ф.Энгельса об интеллигенции в рабочем движении.

Еще в Манифесте Коммунистической партии указывалось на то, что в условиях разложения старого общества от господствующего класса отрекается его небольшая часть и примыкает к революционному классу, именно часть буржуа-идеологов, возвысившихся до теоретического понимания всего хода исторического развития"[1]. Более чем тридцать лет спустя К.Маркс и Ф.Энгельс характеризовали как "неизбежное явление" присоединение к борющемуся пролетариату отдельных лиц из господствующего класса, которые "доставляют ему элементы просвещения"[2]. Позднее, в связи с созданием рабочей партии в США Ф.Энгельс обращал внимание на то, что "действительно интеллигентным людям первоначально придется там играть ту роль, которую играл Союз коммунистов до 1848 г. в рабочих союзах... вдвойне необходимо, чтобы там среди наших была небольшая группа людей, которые твердо владеют теорией и старой испытанной тактикой"[3]. Так разрабатывался подход к определению роли интеллигенции в создании и развитии теории "научного социализма", в передаче теоретических знаний передовым рабо-

чим, в образовании рабочей партии и проведении ею особой политической линии.

В рамках такого подхода марксистскими литераторами высказывались различные суждения относительно конкретных проявлений политической роли социал-демократической интеллигенции. Правомерным, вместе с тем, пре ставляется говорить об общей эволюции марксистской мысли в данном вопросе в период, начиная с образования группы "Освобождение труда" и вплоть до рубежа двух столетий.

Формирование представлений первых русских марксистов на этот счет шло через критическое переосмысление взглядов на революционную интеллигенцию идеологов народничества. Чертой, общей всем его направлениям, Г.В.Плеханов считал веру в возможность ее "могущественного, решающего влияния" на народ, идею, что от ее воли "зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону"[4]. Сам Г.В.Плеханов уже в первых производениях, написанных с марксистских позиций, давал высокую оценку роли революционной интеллигенции в освободительном движении России. "Наш мыслящий пролетариат, - писал он, - расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса"[5]. Отмечался и вклад народнической интеллигенции в формирование нового типа интеллигентного рабочего[6]. В главном, однако, точка врения Г.В.Плеханова противостояла народнической: он исходил из того, что до появления на политической арене рабочего класса слой революционной интеллигенции сам по себе "не мог ровно ничего изменить в окружающей его действительности"[7].

Значение нарождающейся марксистской социал-демократической интеллигенции Г.В.Плеханов выводил из особенностей революционного процесса в России, прежде всего, из той роли, которую, по его мнению, призван был сыграть в этом процессе рабочий класс. Полемизируя с народниками, основатель группы "Освобождение труда" доказывал, что низвержение абсолютизма и социалистическая революция - два существенно различных момента общественного развития, ошибочно думать, что они совпадут в истории страны, хотя от революционеров зависит по возможности сблизить их[8]. Осуществление и первого и второго "моментов" связывалось с деятельностью промышленного пролетариата. При этом решительно отвергались народнические концепции, признававшие важную, но не главную роль рабочих для революции. В противоположность этому утверждалось, что "истинно-революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса", причем революция имеет особо важное значение для рабочих"[9]. Подчеркивая огромную роль политической свободы для социалистического движения, Г.В.Плеханов считал, что борьба за ее достижение "должна быть первым фазисом рабочего движения в России"[10]. Политические права рабочих рассматривались как "могучее средство борьбы за экономическое освобождение"[11], которое достигается через захват рабочим классом политической власти[12]. Лишь выполнив эти задачи, рабочий класс "достигнет своего социального освобождения, т.е. создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности и не противоречащий никаким его интересам[13]. При всем значении, придаваемом политической свободе она, по мысли Г.В.Плеханова, была подчинена, выступала как средство по отношению к великой цели - экономическому освобож-

дению рабочего класса[I4]. Завоевание демократии отнюдь не рассматривалось как самостоятельная ценность .

Народническому представлению о трудящихся, народе как объекте революционного воздействия интеллигенции (в немалой степени, как показано выше, унаследованному эсерами) противопоставлялся марксистский тезис о том, что "освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих"[I5]. Этот тезис толковался в том смысле, что освобождение рабочего класса может быть достигнуто лишь путем его собственных сознательных усилий, когда в нем самом явится самостоятельное движение во имя своей эмансипации[I6].

Сказанным определялся и подход к политической роли социал-демократической интеллигенции. Представления об этой роли Г.В. Плеханова, а также его товарищей по группе "Освобождение труда" претерпели, однако, заметную трансформацию.

Об исходной позиции можно судить по программе группы (I884 г.), другим первым произведени Г.В.Плеханова марксистского периода. Через эти работы красной нитью проходила мысль о том, что для ведения самостоятельной борьбы за свое освобождение пролетариату необходимо прежде всего приобрести политическое воспитание, понять и усвоить идеи социализма, а оказать рабочим "неоценимую услугу" в этом призвана интеллигенция, воспринявшая точку зрения "научного социализма"[I7]. К оказанию "услуг" рабочим роль социалистической интеллигенции, однако, не сводилась. Ее назначение виделось в том, чтобы "стать руководительницей (подчеркнуто нами - В.Д.) рабочего класса в предстоящем освободительном движении"[I8]. В данный императив вкладывалось следующее конкретное содержание: выяснить

рабочему классу его экономические и политические интересы в их взаимосвязи, его ближайшие и перспективные цели; политически подготовить его к борьбе с самодержавным правительством, добиваясь еще в доконституционный период изменения соотношения общественных сил в пользу рабочего класса; подготовить его к активному и плодотворному участию в будущей политической жизни, к борьбе с буржуазными партиями, чтобы на первом же этапе конституционного периода он смог выступить с определенной социально-политической программой[19].

Политическая самостоятельность рабочего класса обеспечивалась, как стремился показать Г.В.Плеханов, наличием у него революционной социал-демократической партии, в ходе становления которой и мыслилось осуществление названных выше задач. Содействие образованию такой партии квалифицировалось как "самое плодотворное, самое важное дело" социалистической интеллигенции[20], а "выработка элементов" для нее как "первейшая и главнейшая обязанность" этой интеллигенции[21]. Из каких элементов предполагалось строить партию? По составу она как "везде и всюду" должна быть "по преимуществу рабочей," но не должна "отталкивать от себя людей из других классов общества", причем революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а крестьянство - за ними. Такая постановка вопроса по убеждению автора, давала возможность будущей социал-демократической партии России "сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность"[22]. В этих суждениях выражено понимание роли социал-демократической интеллигенции как инициатора создания рабочей партии и одновременно как ее органической части.

Во "втором проекте программы русских социал-демократов"

(1887), а также в произведениях Г.В.Плеханова, П.Б.Аксельрода, В.И.Засулич, написанных на стыке 80-х - 90-х годов, идеи о руководящей роли интеллигенции в движении рабочего класса более не присутствуют. Выяснению значения этой интеллигенции по-прежнему отводится заметное место, но само оно трактуется весьма неоднозначно.

Так, Г.В.Плеханов по-прежнему обращал внимание на работу социалистической интеллигенции прежде всего среди промышленных рабочих, но и в других слоях трудящегося населения[23]. Более того, он подчеркивал, что революционная интеллигенция, проникшаяся идеей научного социализма, идя к рабочим, пробуждая их классовое сознание может стать "могучим фактором общественного движения", в союзе с рабочим классом составить "огромную, невиданную у нас революционную силу"[24]. Социалистическая интеллигенция характеризовалась как "фермент, который попав в благоприятную (т.е. рабочую) среду может вызвать в ней брожение, которое приведет к возникновению социалистической партии"[25]. Эти высказывания, однако, теперь соседствовали с утверждениями, что отсутствие союзников из "интеллигенции" не помешает рабочему классу "сознать свои интересы, понять свои задачи". "Надежды при этом возлагались на рабочую интеллигенцию, которая "не изменит" делу пролетариата, не оставит его на произвол судьбы"[26]. Делалась попытка подвести рабочих к пониманию того, что, хотя они и должны дорожить поддержкой интеллигентов-революционеров, целиком перешедших на их сторону, они и без интеллигенции могут добиться политических прав и свобод[27]. Итак, социал-демократическая интеллигенция стала рассматриваться основателем группы "Освобождение труда" как весьма важный и по-

тенциально ценный, но не определяющий и не обязательный фактор рабочего движения, выполняющий по отношению к нему в основном вспомогательные функции.

По нашему мнению, на изменении позиции автора сказались два представления, сложившиеся у него к концу 80-х годов. Первое - о "глубочайшей", "полнейшей" деморализации" народнической интеллигенции как следствии того, что она не сумела "понять противоположность интересов буржуазии и пролетариата и сделать из нее исходную точку своей борьбы с правительством"[28] и тем самым не оправдала изначальных предположений автора о ее массовом переходе к марксизму[29]. Второе - сделанное на основе единичных фактов выступлений передовых рабочих - об уже совершившемся пробуждении политического сознания в русском рабочем классе, овладевшей им жаждой знаний, вообще о несравненно более быстром, чем на Западе, процессе его развития и политического воспитания ("не по дням, а по часам", подобно "сказочному богатырю")[30].

Подобные представления влияли на оценку значения социалистической непролетарской интеллигенции и другими деятелями группы "Освобождение труда". К раскрытию его П.Б.Аксельрод подходил с точки зрения задач рабочей интеллигенции. Замена самодержавного деспатического правления конституционным рассматривалась им как историческая неизбежность, как первый необходимый шаг на пути развития страны, отвечающий интересам всех слоев народа, наибольшую силу среди которых представляет рабочий класс. С обеспечением ему возможно больших выгод, возможно более широких политических прав в период переустройства России в конституционное государство связывалась (со ссылкой на пример Запада)

перспектива не только успешной борьбы рабочих со своими хозяевами, но и достижение таких порядков, при которых вовсе не существовало бы хозяев[31]. Степень выигрыша трудящихся масс от этого переустройства определялась выполнением рабочим классом роли сознательного представителя их интересов, их сознательного руководителя, что могло явиться лишь результатом "пропаганды социализма в его среде и объединения его в тайные союзы с ясно продуманными целями и средствами борьбы"[32]. Считая, что рабочий класс уже доказал "и свою восприимчивость к идеям социализма, и свою способность бороться за них"[33], автор оспаривал распространенный, по его свидетельству, среди русских социалистов предрассудок, что рабочая масса не способна интересоваться вопросом о политической свободе, что ей доступно понимание лишь материальных требований[34].

Особая роль рабочей интеллигенции в выполнении освободительной миссии российского рабочего класса вытекала, в представлении П.Б.Аксельрода, из того, что на народную массу способны были непосредственно влиять только сами передовые рабочие, интеллигентные представители рабочего класса, по своему положению, занятиям и интересам прямо соприкасавшиеся с ней[35]. Формулировались ближайшая цель рабочей интеллигенции - уничтожение царского самовластия, установление конституционного строя - и ее основные задачи: выяснение себе положения и потребностей трудящихся классов России и выработка выражающей их интересы программы; выяснение трудящимся классом причин их угнетенного положения, невозможности его улучшения при существующем строе, значения и необходимости завоевания политических прав и свобод; возбуждение в этих классах сознательного стремления к

борьбе за свое освобождение. Упор делался на развитии политического сознания рабочих торгово-промышленных центров как передового слоя народа[36]. На первое место среди обязанностей рабочей интеллигенции настойчиво выдвигалась организация ее самой в самостоятельную силу, образование рабочих кружков, их последующее объединение в самостоятельный рабочий союз, в самостоятельную социалистическую рабочую партию[37]. Она должна была представить собой "общерусский союз неутомимых пропагандистов и агитаторов", а ее прообразом послужить "крепкое революционное ядро", какими являлись народнические "Земля и Воля" и "Народная Воля"[38].

Приоритет рабочей интеллигенции в освободительном движении, в создании партии для П.Б.Аксельрода не подлежал сомнению. Но при этом отнюдь не игнорировалась и роль социалистов из образованных классов, преданных интересам рабочих. Они, в понимании автора, обязаны всеми силами помогать рабочей интеллигенции в ее революционной деятельности, сообща с нею развивать в рабочих политическое сознание, создавать литературу для них, оказывать ей содействие в становлении самостоятельного, самодеятельного рабочего движения, прежде всего в организации рабочей партии, в которую должны войти "все действительные друзья трудящихся классов населения"[39]. Роль социалистической интеллигенции рассматривалась и под углом зрения ее собственного положения в освободительном движении, необходимости осознания ею того обстоятельства, что для успешной борьбы с правительством ее собственных сил недостаточно, ей необходимо заручиться сочувствием фабричных рабочих, причем не рабочие ей, а наоборот, она рабочим должна служить поддержкой в борьбе за

освобождение русского народа. В этом случае лучшие представители революционной интеллигенции "окажут огромную услугу трудящимся массам и себе самим"[40].

Социал-демократическая, непролетарская интеллигенция показана здесь как важный ценный элемент освободительной борьбы рабочего класса, процесса образования его партии, а в перспективе и самой партии. Но выступает она, как и у Г.В.Плеханова, в виде элемента скорее вспомогательного по отношению к рабочему классу, к рабочей интеллигенции. Сила и значение социал-демократической интеллигенции целиком определяется ее содействием развитию рабочего движения.

К оценке политического значения этой интеллигенции, подводила, хотя и с другой стороны, через сравнительный анализ роли революционной интеллигенции в Западной Европе и России - статья В.И.Засулич[41], направленная против распространенного среди народников мнения о революционности русской интеллигенции как уникальном явлении. Высказывался тот взгляд на европейских "революционеров из буржуазной среды" первой половины XIX в., что субъективно, в своем сознании они являлись представителями всего человечества, вдохновлявшимися идеями его счастливого будущего, свободы и равенства, в первую очередь представителями интересов угнетенных и обездоленных, а отнюдь не буржуазии, тогда как объективно они выступали как выразители классовых интересов последней, и ближайшим следствием их деятельности было ее господство. Основной же заслугой революционеров объявлялось занесение ими в беднейшие слои городского населения знания новейших достижений человеческой мысли о борьбе с существующим строем, возбуждение умственного движения среди рабочих,

оказание им помощи в первых попытках революционного объединения. С этой точки зрения "в посредничестве между революционной мыслью и революционным классом заключалось вся историческая задача революционных элементов образованного общества в Европе". Проводилась мысль, что их участие в движении пролетариата завершилось с окончательным торжеством буржуазии (1848 г.), после чего в этом движении участвовали лишь "исключительные личности", в лучшем случае десятки интеллигентов на сотни тысяч социалистов-рабочих[42]. Революционные возможности интеллигенции на Западе казались автору исчерпанными.

Такое представление фактически переносилось на Россию, делалась попытка показать, что и здесь эти возможности могли в полной мере раскрыться лишь на этапе борьбы с абсолютизмом, ибо к моменту, когда окончательно обуржуазится российское общественное мнение, "от революционной интеллигенции не останется и следа"[43]. Все, что она могла сделать для народа, доля ее работы в политическом освобождении заключалась в том, чтобы пробудить рабочих, довести до их сознания выводы научного социализма, понимание своего будущего значения, ибо "только разбудив русских рабочих, можно звать их на борьбу за политическую свободу, а без рабочих невозможна и сама борьба"[44]. Для выполнения своего предназначения революционная интеллигенция, по мысли автора, должна была отказаться от программ и миросозерцания народничества, мешавшего ей "видеть в успехе рабочего дела свой главнейший успех"[45], направить все усилия на социалистическую пропаганду среди рабочих. При этом отвергалось утверждение о невосприимчивости рабочих к ней. Одновременно не исключалось, что "русский рабочий класс проснется рано или поздно и без помощи

революционеров из буржуазной среды", разбуженный громом "социальной революции в Европе"[46].

Как видим, В.И.Засулич не считала социалистическую интеллигенцию непременным фактором революционизирования рабочего движения. Тем не менее допускалась - по аналогии с Западной Европой - ее положительная роль в этом процессе на этапе буржуазной революции. Эта роль обусловливалась переходом революционной интеллигенции на позиции научного социализма и сводилась к интенсивной пропаганде в рабочей среде (считавшейся автором восприимчивой к такой пропаганде), фактически к формированию из данной среды рабочих революционеров-социалистов.

Таким образом, налицо близость применительно к рубежу 80-х - 90-х годов оценок главными литературными представителями группы "Освобождение труда" общественно-политического значения социал-демократической интеллигенции. В дальнейшем, однако, их взгляды вновь претерпели изменения.

Уже в 1893 г. П.Б.Аксельрод в послесловии к новому изданию брошюры о задачах рабочей интеллигенции признал как "в высшей степени печальный факт" то, что она "до сих пор ничем (подчеркнуто нами - В.Д.) не проявила своего влияния на народные массы", одновременно подчеркнув что "от поведения нашей рабочей интеллигенции будет зависеть ближайшее будущее беднейших классов нашего отечества"[47]. Три года спустя, при очередном переиздании брошюры он счел нужным воспроизвести ту же констатацию[48]. Между тем, 90-е годы были отмечены поступательным притоком марксистской интеллигенции в революционное движение[49].

Как нам представляется, названные обстоятельства: явно не оправдавшая надежды степень влияния рабочей интеллиген-

ции на рабочее освободительное движение, с одной стороны, неуклонный рост удельного веса в этом движении и воздействия на него марксистской интеллигенции, с другой, в сочетании с резким подъемом стачечной борьбы (петербургские стачки 1896-1897 годов) и активизацией оппозиционной царизму демократической интеллигенции подвели ведущих марксистских теоретиков к переосмыслению общественно-политической роли социал-демократической интеллигенции. Об этом свидетельствуют, прежде всего, две статьи П.Б.Аксельрода, написанные в 1897 г.[50].

Ближайшая цель революционного пролетариата, по-прежнему, формулировалась как низвержение абсолютизма, достижение элементарных гражданских прав, не уничтожение буржуазного общества, а завоевание для пролетариата наиболее благоприятных условий существования и развития в этом обществе, при которых станет возможной борьба за его (пролетариата) господство. Специально подчеркивалось, что о завоевании пролетариатом политической власти "для себя", о социалистическом преобразовании общества у нас пока не может быть и речи[51].

Однако пролетариат рассматривался теперь как главная революционная сила, так сказать, потенциально, что прямо следовало из взгляда на него как на класс, который "находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы", слишком глубоко тонет в "общенародном варварстве", стоит "на слишком низкой ступени культурного развития", как нигде на Западе "беден интеллектуальными, организационными и материальными средствами", не обладает достаточными политическими знаниями и опытностью[52]. Рабочее движение характеризовалось лишь как "зарождающееся"[53]. Вместе с тем отмечалась способность

пролетариата к революционной борьбе, его жажда образования и знания[54].

Из такого представления об уровне развития российского рабочего класса делался вывод, что самостоятельно, без посторонней помощи он не мог возвыситься до сознательной революционной силы. Это было возможно только при помощи со стороны, а такая помощь могла исходить исключительно от социалистической интеллигенции[55]. Оказание помощи пролетариату в приобретении им сознательности, в его революционизировании, - такова, в понимании П.Б.Аксельрода, одна сторона общественно-политического значения этой интеллигенции.

Другая его сторона связана с реализацией политических и социальных идеалов демократической интеллигенции. Фактически признавалось, что первоначально группа "Освобождение труда" выводила настоятельную необходимость политической организации рабочего класса, образования его партии не из "самодовлеющих интересов пролетариата" или "отдаленных целей социализма", а из ближайших общедемократических задач российского освободительного движения, которые стремилась осуществить переживавшая после I марта 1881 г. глубокий духовный кризис революционная интеллигенция. Программа группы была призвана дать этой интеллигенции ответ на вопрос: "откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием и как вести эту борьбу с наибольшими шансами на победу?" При этом отводился возможный упрек членам группы в том, что рабочее движение являлось для них лишь средством или орудием, предназначенным служить "другим общественным силам" (подразумевалось, разумеется, революционной интеллигенции)[56]. Однако на подобное понимание наталкивала сама логика рассуждений автора:

революционная интеллигенция стремится к беспощадной борьбе с абсолютизмом, но сознает, что ее сил недостаточно для этой борьбы; в связи с этим она обращает свои взоры на промышленный пролетариат как на класс народа, обещающий наибольшие успехи делу организации народно-революционного движения, восприимчивый к ее интеллектуальному воздействию; между тем пролетариат находится в непримиримом антагонизме с капиталистами-предпринимателями и только на этой почве может развиться его массовое революционное движение; на этой основе должна строить свою программу революционная интеллигенция, ибо перед ней альтернатива: остаться в изоляции или встать на точку зрения пролетариата. Роль революционной интеллигенции в освободительном движении обусловливается здесь ее способностью проникнуться классовыми интересами пролетариата в его борьбе с капиталистами, направлять и стимулировать эту борьбу, использовать ее ради достижения общедемократической цели - низвержения абсолютизма.

Обращает на себя внимание еще один аспект значения социал-демократической интеллигенции, выделенный П.Б.Аксельродом. Он предостерегал рабочее движение от увлечения бакунистским или бланкистским течениями, выдвигающими в качестве непосредственной цели анархическую или коммунистическую революцию, что на практике могло вылиться в беспорядочные, легкомысленно вызываемые стачки, сопровождаемые насилиями и привести к напрасной растрате сил пролетариата. Не исключено, что имелись в виду и идеи, которые позднее нашли отражение в брошюрах В.К.Махайского. В предохранении рабочего движения от такой возможности, которая, очевидно, связывалась с низким уровнем политического сознания и культуры рабочих масс, автор видел прямую обязанность "господ-

ствующих в нем социал-демократических элементов"[57] (по смыслу, прежде всего социал-демократической интеллигенции).

Таким образом, социалистическая, марксистская интеллигенция представлялась П.Б.Аксельроду как необходимый, незаменимый фактор революционизирования рабочего движения, продвижения страны к освобождению от самодержавия, к демократии и социализму и вместе с тем предотвращения беспорядочных бунтов и вспышек насилия.

Следует также отметить, что в отличие от других марксистских авторов П.Б.Аксельрод, обосновывая роль революционной социалистической интеллигенции, специально указывал и на положительное значение для рабочего класса деятельности либеральной интеллигенции в сфере печати, народного образования и просвещения. Данная деятельность, считал он, способствует повышению образовательного уровня рабочих, их приобщению к достижениям мировой мысли, формированию представлений о политической жизни страны, служит источником революционного брожения[58].

Особый акцент в статьях П.Б.Аксельрода был сделан на критике обнаружившейся у части марксистской интеллигенции тенденции к "экономизму". Ее опасность усматривалась в том, что ограничивая "сферу деятельности русской социал-демократии организацией рабочих для борьбы с предпринимателями и активным участием в стачках", она вела не только к суживанию умственного, политического кругозора рабочих, но и к замедлению развития в интеллигенции отношения к рабочему классу как главной революционной силе в борьбе с устаревшими порядками[59].

Сказанное объясняет то место, которое отводил П.Б.Аксельрод социал-демократической интеллигенции в выдвинутом им центральном

тезисе о двух возможных перспективах освободительного движения: первая – рабочее движение не выходит из сферы чисто экономической борьбы, в целом лишено политического характера, а в борьбе за политическую свободу передовые слои пролетариата не играют самостоятельной революционной роли, идут за буржуазной интеллигенцией, представителями буржуазных классов (по аналогии с буржуазными революциями на Западе); вторая: социал-демократическая интеллигенция "организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями... а частью же привлекая прямо в свои ряды (подчеркнуто нами – В.Д.) или увлекая за собою наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции"[60]. Очевидно, в понимании автора, реализация той или другой перспективы зависела в решающей степени от социал-демократической интеллигенции. Первая связывалась с возможностью того, что верх среди нее одержат выразители тенденции к "экономизму", сторонники "чисто стачечного движения"; вторая, которой, естественно, отдавалось предпочтение, недвусмысленно предусматривала определяющую роль социал-демократической интеллигенции в политической борьбе против абсолютизма и постоянное пополнение рядов пролетарской партии за счет прогрессивной интеллигенции. Более того, автор уточнял, что против первой перспективы может обеспечить "только постоянно возрастающий приток новых сил из интеллигенции и сочувствия нашему (социал-демократическому) движению со стороны прогрессивных слоев высших классов вообще"[61].

С приведенным тезисом П.Б.Аксельрода, выражавшим в концентрированном виде его взгляды на политическое значение социал-демократической интеллигенции солидаризировались Г.В.Плеханов[62], В.И.Ленин[63] и др. Эти взгляды вызвали, однако, резко отрица-

тельную реакцию печатных органов и отдельных литераторов, представлявших "экономическое" направление.

Рассматривая рабочее движение в России через призму состояния и перспектив этого движения на Западе, Е.Д.Кускова констатировала наступление "кризиса марксизма", отождествляемого ею с "бернштейниадой", исход из которого она видела в том, что "марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематическим представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, а это приведет к резкому изменению положения рабочих партий, к расширению их узко-корпоративных, в большинстве случаев сектантских задач до задач общественных, к преобразованию их стремления к захвату власти в стремлени к реформированию современного общества в демократическом направлении. С точки зрения автора, данный процесс предполагал изменения в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций[64)].

От бернштейнианской идеи - "движение - всё, остальное не входит в область научных исследований и не имеет отношения к современным практическим задачам рабочего класса" - отталкивался и С.Н.Прокопович. Признавая научность социализма К.Маркса и Ф.Энгельса в качестве критики капиталистического строя и выражения ближайших требований пролетариата, он считал ненаучными их "пророчества" относительно близости конца капитализма и социальной революции, их рассуждения о "будущей форме общества". Как утопичное квалифицировалось стремление западноевропейских социал-демократов к захвату власти в ближайшем будущем, к обобществлению орудий труда. Все "идеологические постройки" революции характеризовались как чисто идеалистические, имеющие мало общего

с основными требованиями пролетариата. Его организация на почве ежедневных, в широком смысле понимаемых интересов объявлялась ближайшей целью, которую должна ставить европейская социал-демократия. Со ссылкой на положение в Бельгии утверждалось, что рабочая масса, мало интересуясь политикой, выдвигает профессиональные требования, вытекающие из отношений, господствующих в той или иной группе рабочего класса (ибо как у целого у него очень мало общих требований). Из программ социалистической интеллигенции эта масса берет только то, что ей насущно необходимо и может быть достижимо в настоящем, усилия же интеллигенции направить ее на широкую политическую борьбу тщетны. Следовал вывод, что если интеллигенция хочет успешно работать в пролетариате, она должна построить свою программу на основе насущных каждодневных требований даже не класса в целом, а каждой из составляющих его групп[65].

Хотя Е.Д.Кускова подчеркивала, что "целый ряд исторических условий" (низкий культурный уровень рабочих, "амебовидное" состояние рабочего движения и т.д.) "мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях"[66], ее и С.Н.Прокоповича суждения о российском рабочем движении и роли в нем интеллигенции находились в основном в русле той перспективы, которая рисовалась им для Западной Европы. "Свержение самодержавия", "социализм" и "другие вещи" объявлялись "совершенно недоступными" рабочей массе. Принимая за данное отсутствие у рабочих сознания своих классовых интересов, Е.Д.Кускова рассматривала "абстрактную проповедь социализма и солидарности" как лишенную практического смысла, а пропаганду свержения самодержавия и революции как чреватую "величайшей

опасностью" для самих рабочих, способную лишь повлечь за собой "серпуховские побоища", "кровавое море"[67]. Разговоры о самостоятельной рабочей партии квалифицировались как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву[68].

В свою очередь С.Н.Прокопович отвергал роль, которую фактически отводила социал-демократической интеллигенции группа "Освобождение труда" и, в частности, П.Б.Аксельрод в рассмотренных выше статьях, т.е., в интерпретации автора, роль "посредника" между целью - низвержением абсолютизма и средством ее достижения - рабочим классом, "по собственному усмотрению "определяющего нужды этого класса, "по собственной инициативе" предпринимающего его организацию. Замечая, что такое представление "не вполне совпадает" с тезисом К.Маркса "Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих", автор утверждал, что П.Аксельрод игнорирует предполагаемые этим тезисом инициативу и сознание рабочих[69]. Происхождением из революционных традиций русской интеллигенции объяснялся "главный недостаток" программы группы "Освобождение труда" - тот, что в ней слишком много внимания обращалось на внешние отношения пролетариата, прежде всего, к правительству, и совершенно не были приняты во внимание его "внутренние отношения": степень развития его организаций, ступень сознания своих интересов[70]. Редакция журнала "экономического" направления "Рабочее дело" увидела в суждениях П.Б.Аксельрода умаление значения самодеятельности рабочего класса и чрезмерное преувеличение революционной силы интеллигенции[71].

Соглашаясь по существу с мнением П.Б.Аксельрода о низком уровне развития рабочего класса, С.Н.Прокопович отказывался признать логическую связь между такого рода оценкой и программой

политической борьбы за низвержение абсолютизма, которую тот защищал[72]. В представлении автора, сознание рабочих масс определялось их социальным опытом, личным жизненным опытом рабочих и лишь частично зависело от пропаганды в их среде; отсюда бесплодность всех попыток насиловать естественный ход развития рабочего движения[73]. При таком уровне, на котором находилось сознание рабочей массы в России, толковать ей об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия - "нелепость и непроизводительная трата сил"[74].

Утверждалось, что время для прямой политической борьбы пролетариата с абсолютизмом еще не настало, она должна явиться осознанным интересом рабочего класса, в среде которого должна назреть готовность выступить на борьбу с правительством. Само сознание масс "на известной ступени своего развития" поставит вопрос о политической революции, о свержении самодержавия[75]. При этом проводилось различие между политической пропагандой и политической агитацией: если в рабочем классе существует почва для первой (т.е. для расширения политического кругозора, развития сознания интересов сравнительно небольшого круга лиц), то для второй (понимаемой как указание путей и средств удовлетворения уже сознанных интересов) такой почвы нет, ее проведение недопустимо. Вывод гласил: "Подобно тому, как экономическая агитация началась лишь тогда, когда в рабочей массе самопроизвольно (без непосредственного участия интеллигентов) началось стачечное движение, так и политическая агитация может быть начата лишь тогда, когда сами рабочие самопроизвольно (без революционной бациллы - интеллигенции) начнут борьбу с самодержавием"[76]. При данной постановке вопроса откладывалась на неопределенное

время (если вообще не сводилась на нет) активная политическая роль социал-демократической интеллигенции по отношению к рабочему движению.

Но это было не совсем так. Общественно-политическая роль социал-демократической интеллигенции отнюдь не игнорировалась идеологами "экономизма". С.Н.Прокопович выводил эту роль из содержания рабочего движения, которое представлялось ему исключительно как защита рабочими своих самодовлеющих интересов - экономических, интеллектуальных, правовых, политических, из единственной "реальной силы" в этом движении - степени сознания рабочим классом своих интересов и степени его организованности[77]. Принимая за исходный пункт ту ступень сознания рабочими своих интересов, которая, по его мнению, в действительности ими достигнута, автор утверждал, что русские социал-демократы должны были специализироваться на экономических вопросах, отталкиваться от повседневных нужд рабочих, уже осознанных ими. Он одобрительно отзывался о тех русских товарищах (имелась в виду часть социал-демократической интеллигенции, склонявшаяся к "экономизму"), которые в центр своей работы поставили не низвержение абсолютизма, а самодовлеющие интересы пролетариата, характеризовал их как истинных помощников рабочих в защите своих интересов. В его понимании, эти социал-демократы - интеллигенты, не вступая в прямую борьбу с самодержавием, давно уже вели с ним косвенную борьбу, постепенно подрывая основы существующего строя (вызывая определенные уступки со стороны правительства или своими действиями ослабляя определенные запреты ограничения - на проведение стачек, собраний и т.п.)[78].

К признанию такой роли социал-демократической интеллигенции в общественно-политической жизни подводил своих читателей и орган петербургских "экономистов" "Рабочая мысль". Не отрицая готовности революционной интеллигенции к политической борьбе с царизмом, газета отмечала: "Вся беда только в том, что беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимала борьбу с этой полицией за политическую борьбу с самодержавием. Поэтому-то для нее до сих пор и остается открытым вопрос: откуда взять силы для борьбы с самодержавием?"[79] Из дальнейшего видно, что здесь под революционной интеллигенцией понимались те, кто "свою программу "Освобождение труда" считают простым ответом на данный вопрос", т.е. социал-демократы. Такая позиция объявлялась непонятной с точки зрения представления об единственно возможной общественной борьбе русских рабочих "за частное и общее (законодательное) улучшение своего положения"[80]. Разбирая данное утверждение, В.И.Ленин увидел в нем готовность "экономистов" оправдать конспиративную неумелость социал-демократов тем, что "при стихийном массовом движении не важна в сущности борьба с политической полицией"[81]. Однако на наш взгляд, основная идея, заложенная в приведенных высказываниях, - та, что борьбой с политической полицией не исчерпывается борьба с самодержавием, органическая часть которой - движение рабочих за законодательное улучшение своего положения, причем явно подразумевается желательность содействия этому движению со стороны социал-демократической интеллигенции.

Для Е.Д.Кусковой роль "надстройки - интеллигентной социал-демократии" состояла прежде всего в том, чтобы понять непосредственные, сиюминутные интересы рабочей массы, ее психологию,

ее реальное положение в обществе среди других классов и слоев и на почве уже сознанных ею интересов доводить до ее понимания способы организации, указывать пути активных действий, содействуя, тем самым, пролетариату в его экономической борьбе и в достижении "шаг за шагом" элементарных политических прав и свобод. Пропаганда социализма и свержения самодержавия признавалась возможной только как средство для привлечения отдельных лиц из интеллигенции и рабочей среды. Выход с этими требованиями на массы откладывался на то время, когда произойдет "революция в самом рабочем классе", осознание им своих политических интересов. Далее, роль социал-демократической интеллигенции выделась автору в ее участии совместно с другими политическими силами, но не с рабочим классом, еще "не выдвинувшим своих задач" в либерально-оппозиционной деятельности, в борьбе за правовые нормы[82]. Этим предполагалось сотрудничество социал-демократической интеллигенции с другими политическими группами интеллигенции.

Итак, идеологи "экономизма" признавали роль интеллигенции в защите в первую очередь повседневных экономических, но также и элементарных политических интересов рабочего класса, в агитации на почве этих интересов, в содействии их удовлетворению, рассматривая эту деятельность как косвенную борьбу с самодержавием. Всемерно подчеркивая необходимость считаться с реальным уровнем интеллектуального и политического развития рабочего класса в России, они оспаривали право социал-демократической интеллигенции призывать его массу к борьбе за ближайшие и перспективные цели и задачи, соответствовавшие идеалам и устремлениям этой интеллигенции, но еще не осознанные рабочими. Отрицалась целесообразность активного стимулирующего, опережающего сознание рабочих воздействия социал-демократической интеллигенции на процесс развития

рабочего движения. Вместе с тем приветствовалось ее участие в политической деятельности оппозиционной интеллигенции.

Позиция представителей "экономического" направления вызвала целую волну резко критических выступлений в печати ведущих марксистских литераторов. Видное место в этих публикациях занял анализ подхода "экономистов" к вопросу о роли социал-демократической интеллигенции, противопоставление ему собственной - заметно скорректированной - точки зрения на этот счет и ее обоснование.

Г.В. Плеханов показывает, что мысль его оппонентов вела к представлению о "революционной бацилле" как лишнем элементе исторического движения, о способности рабочего класса без всякого ее участия придти к осознанию необходимости низвержения абсолютизма и"конечной цели", а фактически к взгляду на рабочий класс как на простое орудие для достижения политических задач либеральной буржуазии[83].

Нежелание "экономистов" содействовать развитию самосознания пролетариата Г.В.Плеханов считал равносильным отказу от важной исторической миссии социал-демократии.Носителем и исполнителем этой миссии,в его понимании,как раз и выступала "революционная бацилла" -социал-демократическая интеллигенция.Ее роль выводилась из отношения сознания к бытию,из неизбежного отставания первого от развития общественных отношений.Эта роль сводилась к тому,чтобы прежде всего уяснить самой себе экономические и политические задачи рабочего класса,вытекающие из положения в данной стране, а затем уяснить их,включая задачи свержения самодержавия и уничтожения ка-

питализма, рабочему классу. "Обязанность" социал-демократической интеллигенции виделась в пробуждении и развитии самосознания рабочего класса с тем, чтобы он "все яснее, все шире и все глубже" понимал свои интересы и задачи. Особо подчеркивалось, что деятельность революционной бациллы" только в том случае имеет успех, если она помогает ускорению данного процесса. Эта деятельность квалифицировалась как ее "историческое призвание", как "важное и благородное дело"[84]. Хотя и делалась оговорка, что "бацилла" может происходить и из интеллигенции, и их рабочих[85], совершенно очевидно имелась в виду преимущественно непролетарская интеллигенция, обладавшая теоретическими и политическими знаниями.

Таким образом, Г.В.Плеханов вплотную подошел к идее о социал-демократической интеллигенции как обязательном элементе политического движения рабочего класса и как единственном историческом элементе, способном довести до понимания этого класса его (пока не осознанные им самим) ближайшие и перспективные задачи, следовательно, как важном факторе общественного прогресса.

Критикуя взгляд "экономистов" на недопустимость "внешнего" воздействия на естественный ход рабочего движения, "насилия" над ним со стороны революционной социал-демократической интеллигенции, П.Б.Аксельрод отстаивал ее право выступать с программой и тактикой, основанными не на сегодняшних, осознанных пролетариатом потребностях, а на объективных условиях и потребностях эпохи, переживаемой Россией и рассматриваемых с точки зрения его интересов как класса. Стремлению видеть в содержании сознания самых отсталых масс предел для социал-демократической деятельности, ограничить агитацию в массах частными требованиями рабочих

и их отдельных групп противопоставлялся подход, рассматривавший агитацию на почве насущных требований лишь как исходный пункт для развития в сознании рабочих новых задач, отвечающих основным принципам социал-демократии и общеклассовым интересам пролетариата. А это предполагало влияние на мысль и волю рабочих "революционной бациллы - интеллигенции". Линия на специализацию социал-демократов на "экономической агитации" объявлялась несовместимой с признанием за социал-демократией права на существование, а ее торжество - равносильной самоуничтожению российской социал-демократии[86]. Этот вывод отразил взгляд автора и на социал-демократическую интеллигенцию как на общественный элемент, от которого в решающей степени зависело не только направление развития рабочего движения, его политизация, но и судьба партии, само ее существование.

П.Б.Аксельрод исходил из реального удельного веса этой интеллигенции, считал чрезвычайно важной точкой соприкосновения между народническим и современным ему революционным периодом социальный состав руководителей движения. "И теперь как в народническую эпоху, указывал он, главный штаб руководителей революционных элементов вербуется у нас еще преимущественно из разночинной интеллигенции"[87].

Раскрывая роль социал-демократической интеллигенции на стыке двух веков П.Б.Аксельрод в развитие высказанных ранее (1897 г.) и разобранных выше идей сделал особый акцент на выявлении специфики этой роли в России. В Западной Европе пионеры социал-демократического движения застали пролетариат вполне сформировавшимся и борющимся за свои интересы классом, а буржуазную интеллигенцию - распростившейся со своими прежними революционными стремлениями, в связи с чем могли сразу обратиться

к рабочим, и само социал-демократическое движение родилось как непосредственно рабочее движение. В России же социал-демократия появилась на свет в то время, когда промышленный пролетариат находился в первых стадиях своего выделения из общей народной массы в особый класс и когда он в революционном смысле спал глубоким сном, а главной революционной силой являлась интеллигенция. Вследствие этого первоочередная задача пионеров социалистического движения в России состояла в завоевании "умов и сердец" не рабочих, а интеллигенции, "наличных революционных сил" с тем, чтобы они пробудили "русских рабочих к сознательной исторической жизни" и вызвали "в них классовое революционное движение"[88]. Возвращаясь к той же мысли, П.Б.Аксельрод подчеркивал, что "в своем политическом развитии" российский пролетариат не может "на первых порах своего пробуждения к историческ-
мог не
кой жизни не зависеть от радикальной интеллигенции"[89].

Между тем, историческая миссия этой интеллигенции в Западной Европе и в России представлялась автору принципиально различной, если не диаметрально противоположной. На Западе радикальная, демократическая интеллигенция играла в буржуазных революциях роль "революционного знаменосца либерализма". Таким виделось П.Б.Аксельроду и первоначальное предназначение "идейной" разночинной интеллигенции в России, которая субъективно стремилась к социалистическому перевороту, а объективно к изменению "правовых основ" существующего строя, т.е. к его буржуазному преобразованию. Невыполненная, однако, в свое время разночинной интеллигенцией, эта миссия выпадала на долю освободительного движения рабочего класса, а фактически - с учетом уровня его культурного и политического развития и отмеченной

"зависимости" от демократической интеллигенции - на эту последнюю. Но теперь для выполнения исторической миссии рабочего класса она должна была "стать авангардом социалистическим не только субъективно, по своим общим идеалам и идейным лозунгам, но и по объективному содержанию и общественному смыслу своей практической деятельности, т.е. она должна прежде всего стать на почву общеклассовых интересов пролетариата, проникнуться ими и слить с ними свои идеальные стремления и революционные помыслы"[90].

Если же принять во внимание центральный тезис П.Б.Аксельрода, гласивший, что социал-демократия имеет право на существование в абсолютистской России лишь постольку, поскольку она обеспечивает за пролетариатом значение "вполне самостоятельной или даже руководящей политической силы" в борьбе за свержение самодержавия[91], то роль социал-демократической интеллигенции предстанет в дополнительном свете. Возьмем, например, рассуждения по поводу студенческого движения 1901 г. Считая, что оно играло роль авангарда буржуазной демократии, которому пролетариат был подчинен, П.Б.Аксельрод противопоставлял такому "раскладу" собственный, гипотетический, при котором пролетариат выступал бы в роли гегемона общедемократической борьбы, а сама эта борьба носила бы социал-демократический, а не либерально-демократический характер. Такая возможность напрямую увязывалась с торжеством пролетарски-социалистических тенденций у революционной интеллигенции, с ее социалистически-революционным энтузиазмом, с ее способностью развить в пролетариате классовое самосознание и организовать его в самостоятельную революционную партию[92].

Итак, обеспечение политической самостоятельности социал-демократии, ее руководства пролетариатом мыслилось по существу возмож-

ным только в форме деятельности социал-демократической интеллигенции. Очевидно, автор видел в ней теперь решающий фактор не только революционизирования рабочего класса, но и осуществления его гегемонии в освободительном движении.

В том же направлении эволюционировала мысль В.И.Засулич. В противоречии с собственными взглядами I2-летней давности она не только стремилась выявить принципиальное отличие роли российской революционной интеллигенции от западноевропейской, но и совершенно иначе изображала эту роль. Отмечалось, что экономическое разложение хозяйственного строя и развитие капиталистических отношений совпало в России не с последними отголосками умирающего революционного подъема интеллигенции (как на Западе), а с его самым широким разливом, причем поскольку на Западе интеллигенты, посвящавшие умственные силы социалистическому движению, давно стали "белыми воронами", русская интеллигенция "совершенно одинока " в своем революционном подъеме[93]. Имея в виду ее социал-демократические элементы, В.И.Засулич подчеркивала, что в данный исторический момент "интеллигенция не может не повлиять на взгляды пролетариев, а, следовательно, на характер неизбежно предстоящей им долгой борьбы, на тот или иной тип движения, в который сложится эта борьба при политической свободе"[94].

Резким констрастом с прежним ее представлением прозвучало признание В.И.Засулич особо важной роли социал-демократической интеллигенции применительно к эпохе после свержения самодержавия. Чем больше останется в наших рядах солдат революции (из контекста следовало, что имелись в виду интеллигенты), - считала она,- "тем шире развернется работа при правовых порядках"[95]. Указыва-

лось, что в условиях политической свободы пролетарской партии могло бы придать небывалый размах "присутствие в ее рядах сотен людей с детства привыкших к умственной работе, заранее имеющих тот запас элементарных знаний, который лишь с страшным напряжением приходится приобретать самоучке-пролетарию"[96].

По мнению А.Н.Потресова, для выяснения политической роли социал-демократической интеллигенции требовалось переосмысление сложившихся ранее представлений о значении разночинной, бессословной интеллигенции в жизни страны. Делалась попытка показать, что высказывания (середины 90-х гг.) П.Б.Струве о ней как "величине социологически ничтожной", как "кучке идеалистов" отражали тенденцию нарождавшейся в то время марксистской интеллигенции, чье внимание было поглощено "одной светящейся точкой" - "пробуждавшимся пролетариатом", к огульному отрицанию или - чаще - к игнорированию значения интеллигенции. Оспаривая подобный подход, А.Н.Потресов заявлял: требуется еще доказать, что "бессословная" интеллигенция была такого рода "кучкой идеалистов", что, например, массовое "хождение в народ" возможно "суверенным мановением руки смахнуть с весов истории как нечто невесомое"[97]. В его понимании, развитие пореформенной России характеризовалось "дуэлью между бессословной интеллигенцией и правительством", причем стоило этой интеллигенции временно, под ударами царизма, уйти со сцены (80-е - начало 90-х гг.) как "сцена стала представлять собою мерзость запустения"[98]. Идея автора ясна: разночинная интеллигенция, "бацилла русского освобождения", представляла собой единственный революционный элемент, оказывавший действенное, притом весьма значительное влияние на политическую жизнь.

Роль социал-демократической интеллигенции связывалась в первую очередь с ростом рабочего движения. В "несамостоятельности" по отношению к нему, "зависимости" от него виделся "исторический смысл" этой интеллигенции и вместе с тем объяснение "страха врагов" перед ней[99]. К разночинной интеллигенции, стоявшей на позициях революционного марксизма, был обращен призыв взять "бразды гегемонии" в освободительном движении, выводить рабочее политической движение на широкий путь борьбы, не поступаться своей общественной личностью, не отрекаться от "славного прошлого разночинной интеллигенции"[100].

С точки зрения Ю.О.Мартова, гегемония пролетариата в общедемократической борьбе против самодержавия обусловливалась способностью рабочей партии выступить в качестве самостоятельной силы в этой борьбе по отношению к буржуазному обществу в целом. Эта способность связывалась с исходом идейной борьбы в среде воспринявшей марксизм интеллигенции между "критиками" и "ортодоксами" под оболочкой которой, по утверждению автора, впервые в России совершалась "в чистом виде борьба за политическую гегемонию между пролетариатом и буржуазной демократией[101]. Социалистическая интеллигенция, вставшая на сторону революционной марксистской ортодоксии, на почву принципиальной борьбы со всем буржуазным обществом, была призвана выполнить "героическую задачу" - при условиях в высшей степени неблагоприятных неуклонно бороться за выработку элементов боевой политической партии, способной стать во главе всех борцов с царизмом и обеспечить в процессе его ликвидации максимальные политические завоевания для рабочего класса. Уточняя свою позицию, автор заметил, что дейст-

вительно рабочая партия в европейском смысле, охватывающая всю борющуюся часть пролетариата могла быть образована только при условии политической свободы[I02].

По логике Ю.О.Мартова, от роли социал-демократической, ортодоксальной интеллигенции зависело в конечном счете и создание такой партии, и осуществление гегемонии пролетариата в общедемократической борьбе, и успешное осуществление буржуазной и социалистической революции.

В I894 г. в духе преобладавшего тогда у марксистских идеологов представления о преимущественно вспомогательном значении социалистической интеллигенции В.И.Ленин указывал, что ее роль сводится к тому, чтобы, содействуя организации пролетариата, "сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей"[I03]. Совершенно иначе трактуется эта роль в ленинских работах конца 90-х - начала 900-х гг.

В полемике с экономистами он отстаивал идею о незаменимом значении интеллигенции не только для пролетарской, но и для любой политической партии: "Разве можно указать в истории хоть одно народное, хоть одно классовое движение, которое бы не начиналось со стихийных, массовых взрывов, которое бы без сознательного вмешательства интеллигентных представителей данного класса принимало организованную форму, создавало политические партии?"[I04]. Значение интеллигенции выводилось, таким образом, из соотношения стихийного и сознательного в общественном развитии.

Особая роль интеллигенции в становлении и развитии пролетарской партии в России проистекала, по В.И.Ленину, из специфики такого соотношения в ходе соединения социализма и рабочего

движения. В 1900 г. он писал: "Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением идей социал-демократизма в нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет совершенно самостоятельное стихийное движение промышленного пролетариата"[105]. Передовая социал-демократическая интеллигенция, воспринявшая марксизм, выступает здесь наряду с рабочими неотъемлемым компонентом процесса соединения социализма с рабочим движением и, следовательно, образования марксистской партии.

Роль этой интеллигенции связывалась с первоочередной политической задачей - низвержением самодержавия. По В.И.Ленину, именно социал-демократическая партия была "призвана стать передовым борцом русской демократии, призвана осуществить ту цель, которую ставит перед ней все общественное развитие России и которую завещали ей славные деятели русского революционного движения"[106]. Правда, В.И.Ленин, как и Г.В.Плеханов, видел в демократии отнюдь не самоцель, а лишь "средство (выделено В.И.Лениным - В.Д.) завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества"[107]. Но из такого видения революционных целей как раз и проистекала незаменимая роль интеллигенции, сочетающей приверженность общенациональной, общедемократической задаче политического освобождения с приверженностью задаче социалистического переустройства общества. Не случайно поэтому, что в статье, посвященной студенческому движению (1901 г.) и его соотношению с общедемократическим, В.И.Ленин посчитал уместным напомнить: "Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством

революционеров свою способность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов[108]. Как видим, точка зрения В.И.Ленина на общественно-политическую роль социал-демократической интеллигенции в общем и целом соответствовала взглядам, характерным для представителей марксистской мысли на рубеже двух столетий.

Положительная оценка роли социал-демократической интеллигенции прежде всего по отношению к рабочему движению высказывалась и другими публицистами марксистской ориентации, независимо от оттенков их идейных и политических взглядов. "Участие интеллигенции в рабочем движении составляет необходимое жизненное условие его развития"[109], - отмечал имевший репутацию "экономиста" А.Мартынов. Занимавший особую позицию, в известной степени склонявшийся к "экономизму" Л.Надеждин подчеркивал: "Приток интеллигентных сил в рабочий класс крайне необходим для его быстрейшего и правильнейшего развития. Какое бы богатство интеллигентных развитых сил не выделял из себя пролетариат всегда будет потребность и в притоке их со стороны, т.к. громадный объем нашей деятельности никогда не удовлетворится даже хоть в полмеры нужным количеством развитых сил"[110]. Представлявший себя читателям как "антигосударственный социал-демократ коммунист"[111], В.А.Посе в составленном им "проекте пролетарской программы" указывал: "Сила пролетариата увеличивается и постепенным вступлением в его ряды части представителей умственного труда"[112].

Таким образом, в марксистской литературе утверждалось представление о социал-демократической интеллигенции как необходимом решающем факторе революционного процесса, развития рабочего движения и становления партии.

Анализ идей марксистских литераторов будет неполным без освещения их отношения к проблеме политического союза социал-демократической и других групп интеллигенции, за что, как показано в предыдущем параграфе, активно выступали либеральные и - с известной корректировкой - эсеровские авторы. Позиция ведущих марксистских идеологов на этот счет отличалась двойственностью.

Так, П.Б.Аксельрод высказывал мнение о неподготовленности почвы для принципиального политического антагонизма между пролетариатом и всей буржуазией (имелась в виду прежде всего либеральная интеллигенция) и общности их целей в борьбе за политическую свободу. Отсюда следовала возможность и необходимость сотрудничества и взаимопомощи либеральной и социал-демократической интеллигенции[113]. Однако только то сотрудничество признавалось автором принципиально приемлемым, которое исключало бы подчинение пролетариата буржуазной демократии, иными словами, обеспечивало бы на практике ведущую роль социал-демократической интеллигенции. Сродни аксельродовскому был подход Ю.О.Мартова. Он неоднократно оговаривался, что декларируемая им противоположность интересов пролетариата (следовательно, и "его" ортодоксальной социалистической интеллигенции) и либеральной буржуазной интеллигенции простирается только на область мировоззрения, социальных вопросов, социальной борьбы в то время как в сфере политической их интересы "в настоящее время совпадают во многих пунктах". Политическую изоляцию социалистической интеллигенции от буржуазного общества автор считал "вредной для общего дела борьбы с абсолютизмом". Но возможность политического сотрудничества обусловливалась фактически признанием либералами права социал-демократической интеллигенции на руководство не только про-

летариатом, но и всем освободительным движением[114]. Сама постановка вопроса П.Б.Аксельродом и Ю.О.Мартовым делала перспективу политического сотрудничества различных групп интеллигенции мало реальной.

Не отвергал идеи союза социал-демократической интеллигенции с прогрессивной интеллигенцией иной политической ориентации В.И.Ленин, отмечавший, например, что представители буржуазно-демократического направления "естественные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России"[115]. Однако продвижению к политическому сотрудничеству с другими группами интеллигенции явно не благоприятствовало стремление всемерно оградить идейную и политическую самостоятельность социал-демократов, опасение перед перспективой их растворения в общей массе борцов против абсолютизма. О фактическом подходе марксистских литераторов к самой возможности совместной политической деятельности оппозиционных и революционных по отношению к царизму групп интеллигенции свидетельствует их резко негативная реакция на упомянутое выше предложение Е.Д.Кусковой относительно участия социал-демократической интеллигенции в такой деятельности.

Близкой к изложенной была позиция марксистских литераторов в отношении эсеровской идеи союза революционно-социалистической интеллигенции. Анализируя в 1901 г. Манифест партии социалистов-революционеров, Г.В.Плеханов находил, что "русская революционная мысль все больше и больше направляется в сторону принципов русской социал-демократии", что социалистам-революционерам "надо соединиться" с социал-демократами[116]. Следовательно, само сое-

динение" не исключалось, хотя и явно подразумевалось, что оно могло произойти на основе социал-демократической платформы. Однако призывы эсеровских идеологов к "единению" различных политических групп революционной интеллигенции квалифицировались, например, П.Б.Аксельродом как "зловредная утопия" с точки зрения не только основных задач социал-демократии, но и общедемократических задач политического освобождения. Эсерам инкриминировалось то, что, стремясь к "устранению" из сознания интеллигенции "всех идейных препятствий к образованию единой нераздельной партии борьбы за политическую свободу", они вели дело к обуржуазиванию освободительного движения[117]. Социал-демократическая печать вообще резко негативно реагировала на разобранные выше предложения эсеровских литераторов о каких бы то ни было формах сотрудничества двух основных фракций социалистической интеллигенции[118].

Весьма показательна полемика, возникшая вокруг выхода в свет второго издания ленинской брошюры "Задачи русских социал-демократов". В помещенном в ней предисловии П.Б.Аксельрода к первому изданию указывалось, что автор брошюры "обращается главным образом к противникам из лагеря революционной интеллигенции", стараясь "рассеять укоренившиеся в них предрассудки и предубеждения против социал-демократии"[119]. Сам В.И.Ленин в "предисловии ко второму изданию" подтверждал, что его брошюра обращена к противникам социал-демократии, к народовольцам и народоправцам с "принципиальными разъяснениями"[120]. В брошюре, напомним, помимо прочего, говорилось о готовности русских социал-демократов "заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей"[121]. Но с готовностью

даже к таким союзам плохо соотносились содержавшиеся в ленинском предисловии обещания "посчитаться" с направлением или направлениями подобно "социально-революционному", а также "неуклонно и непримиримо" разоблачать предательскую сторону политической деятельности либералов, наследников "народоправцев". При этом подчеркивалось, что речь пойдет (в отличие от 90-х годов) о решительной борьбе "зрелых политических направлений"[122].

В опубликованном "Вестником русской революции" отзыве Н.Крупова на брошюру утверждалось, что ее главная задача – "борьба против революционной интеллигенции", а приведенные ленинские суждения интерпретировались как стремление натравить социалиста на социалиста и "внести перед лицом общего и страшного врага непримиримый раскол в русскую социалистическую семью"[123]. На этот отзыв в свою очередь откликнулся в "Искре" П.Б.Аксельрод. Признав, что В.И.Ленин "предпослал брошюре действительно воинственное" предисловие, он вместе с тем взял автора под защиту, подчеркнув, что брошюра написана "в безусловно примирительном духе с прямо выраженной целью расчистить путь к полному взаимному сближению наших противников в революционной интеллигенции с нами"[124]. Если Н.Крупов в своем отзыве ставил вопрос о том, чтобы социал-демократы приняли политическую программу народовольцев[125], то П.Б.Аксельрод квалифицировал эсеров как умеющих только "молиться теням прошлого" и прикрывать "ублюдочное существо своего направления ссылками на славные традиции"[126]. Подобного рода содержание и приемы полемики явно не благоприятствовали политическим контактам между основными отрядами социалистической интеллигенции.

Хотя марксистские литераторы признавали целесообразность сотрудничества социал-демократической и других групп прогрессивной интеллигенции, они явно настороженно, если не враждебно, относились к возможности его осуществления, видя в нем, судя по всему, потенциальную угрозу для политической самостоятельности и политического влияния социал-демократической интеллигенции. На практике подобный подход не мог не вести к ее самоизоляции.

Развитие марксистской мысли по исследуемому вопросу прошло путь от первоначальной оценки социал-демократической интеллигенции как руководительницы рабочего класса в освободительном движении к взгляду, хотя и не отрицавшему ее положительной роли, но сводившему эту роль преимущественно к вспомогательным функциям по отношению к однозначно выдвигаемой на первый план рабочей интеллигенции, а затем - к концу 90-х годов - к фактическому признанию ее в качестве решающего фактора революционного движения, а, следовательно, и политического процесса в целом. Несмотря на постоянные ссылки ведущих марксистских литераторов на гегемонию пролетариата и авангардную роль его строящейся партии, и то и другое ассоциировалось в их рассуждениях в первую очередь с социал-демократической интеллигенцией. Типичным было представление об ее определяющем воздействии на рабочее движение в деле пробуждения, развития и ускорения самосознания его участников. Особо выделялась роль социал-демократической интеллигенции в становлении рабочей партии.

С реальной ролью социал-демократической интеллигенции в этих процессах связывался успех борьбы за ниспровержение самодержавия и последующее продвижение к социалистической революции. При этом в противовес декларируемой желательности союза с другими группами интеллигенции марксистские публицисты фактически обосновывали линию не только на идейное, но и на политическое обособление социал-демократической интеллигенции.

В свою очередь представители "экономического" направления сводили положительную роль социал-демократической интеллигенции к оказанию содействия борьбе рабочих за их насущные интересы, как к косвенной борьбе с царизмом, и к участию в политической деятельности оппозиционной ему интеллигенции. Такая позиция в сочетании с указаниями на недопустимость насилия со стороны социал-демократической интеллигенции над ходом рабочего движения и обязательность учета реального уровня интеллектуального и политического развития рабочих вызывала резко отрицательную реакцию у ведущих марксистских идеологов и только усиливала их акценты на активной детерминирующей роли социал-демократической интеллигенции по отношению к революционному движению и общественному развитию в целом.

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ

При всем многообразии подходов, проявленных представителями основных течений общественной мысли, правомерно говорить не только об общей направленности их интереса к феномену социал-демократической интеллигенции, но и о соприкосновении точек зрения в том, что касалось самого понятия этой интеллигенции, ключевых обстоятельств, обусловивших ее расположение в политическом спектре общества, ее значение как реального и притом важного фактора политической жизни. Принципиальные расхождения касались главным образом сущностной оценки, ее места и роли в российском политическом процессе.

Социал-демократическая интеллигенция фигурирует обычно в виде одной из групп, выделявшихся из совокупности образованных людей, занятых умственным трудом (интеллигенции в широком смысле слова) социально и политически активных элементов, выступавших за радикальные, хотя и различной степени глубины, общественные преобразования (интеллигенции в узком смысле слова). Она предстает как политическая группа, объединенная приверженностью определенным (марксистским) идеям и обладавшая специфическими чертами мировоззрения и психологии, во-многом, правда, общими для революционной, социалистической интеллигенции в целом. При этом, если консервативные, либеральные, эсеровские публицисты, а также махаевцы были склонны рассматривать социал-демократическую интеллигенцию преимущественно в контексте известной междуклассовой или сверклассовой политической общности, то марксистские литераторы, исходившие из предположения о зависимости идейно-политических позиций различных групп интеллигенции от интересов соответствующих классов, отрывали социал-демократическую

интеллигенцию от прочих политических групп как занимающую совершенно особое по отношению к ним положение монопольной представительницы пролетариата. Если первые делали упор на общечеловеческом моменте в мировоззрении и политическом облике интеллигенции, в том числе социал-демократической, то вторые - на выражении ею подлинных, в их понимании, классовых интересов пролетариата (несмотря на абстрактно-теоретическое признание примата "интересов общественного развития"). При этом ведущие марксистские публицисты все более суживали круг социал-демократической интеллигенции, ограничивая ее рамки лишь теми,кто придерживался определенной системы ортодоксальных взглядов (находивших отражение в изданиях группы "Освобождения труда",затем "Искры" и "Зари").

Обнаружилось сходство позиций в том, что формирование социал-демократической интеллигенции и ее место в политическом спектре общества определялось, с одной стороны, воздействием на нее, а, с другой стороны, восприятием ею трех основных факторов: традиционных свойств революционной, демократической интеллигенции; марксистской теории; российского рабочего движения. Фиксировалось внимание прежде всего на таких чертах ее мировоззрения, политического и психологического облика как ненависть к существующим государственным устоям; априорное отклонение самой возможности их модификации мирным, эволюционным путем; активное неприятие ценностей буржуазного общества; приверженность идее социалистического общественного устройства и стремление осчастливить в соответствии с этой идеей народные массы; вера в революцию как единственное реальное средство достижения народного блага; революционное нетерпение; безусловное подчинение революционному делу морально-нравственных принципов, частных запросов отдель-

ной личности. На эти черты во многом унаследованные от революционной, демократической интеллигенции, накладывалось своеобразное влияние марксизма. При недостаточной степени развития капиталистических отношений, низком образовательном, культурном и политическом уровне рабочего класса марксизм мог восприниматься не иначе как умозрительно, причем не в качестве научной, социалистической теории, а, скорее, магического учения, способного переделать мир соответственно представлениям социал-демократической интеллигенции. Отсюда заявленное последней право на монопольное обладание этим учением и акцентированное самими марксистскими литераторами стремление преобразовать его "по своему образу и подобию".

Общим можно считать представление о взаимном влиянии социал-демократической интеллигенции и рабочего движения. Именно возможность выхода на него обусловливала, в понимании публицистов практически всех направлений, специфическое место социал-демократической интеллигенции в политической группировке общества и ее специфическую политическую роль. Поступательное развитие рабочего движения, в особенности, его подъем середины 90-х годов, сказались на марксистском выборе многих интеллигентов, дали импульс для их революционной деятельности. Однако темпы интеллектуального и политического роста рабочего класса, его органической пролетарской интеллигенции оказались значительно более медленными, чем первоначально предполагалось, что в значительной степени и объясняет выдвижение вопроса о социал-демократической интеллигенции в эпицентр политической полемики среди марксистов.

Характерным для представителей всех направлений было признание объективно крупной роли социал-демократической интеллигенции

в российском политическом процессе, ее существенного влияния на судьбы государства и народа. Признание это сопровождалось у представителей консервативного течения, с одной стороны, махаевцев, с другой, сугубо негативной оценкой содержания этой роли. Те и другие считали, что от нее исходила серьезная опасность: в представлении первых, для царского самодержавия, поскольку она была связана с такой мощной силой как массовое рабочее движение; в представлении вторых, для "ручных рабочих", поскольку квалифицировалась как сила, обуздывающая их движение.

Представители других течений общественной мысли исходили из идеи позитивной (по крайней мере потенциально) политической роли социал-демократической интеллигенции. Либеральные публицисты ставили фактически выполнение указанной роли в зависимость от объединения усилий обозначенной группы с другими группами прогрессивной интеллигенции на платформе ограничения самодержавия и конституционализма. Эта же роль рассматривалась эсеровскими литераторами под углом зрения идущего от народнической традиции взгляда на историческую миссию социалистической интеллигенции как инициатора и ускорителя революционного движения. При таком подходе вклад социал-демократической интеллигенции в осуществление этой миссии увязывался с ее отказом от претензии на исключительное представительство пролетариата как единственного носителя социализма и соединением ее действий с другими социалистически ориентированными группами интеллигенции предпочтительно в рамках политической партии.

Общественно-политическая роль социал-демократической интеллигенции неодинаково интерпретировалась в марксистской публицистике. Представители одной из выявившихся тенденций, отталки-

ваясь от реального (низкого) уровня интеллектуального и политического развития рабочего класса, его реальных, повседневных, главным образом материальных, культурных интересов рассматривали роль этой интеллигенции в плане содействия движению за удовлетворение указанных интересов, видя в нем одну из форм борьбы с самодержавием, и в то же время в плане участия в политической деятельности совместно с другими группами оппозиционной царизму интеллигенции. Названной тенденции противостояла другая, выразители которой одно время проявлявшие склонность к явному завышению уровня развития рабочего класса, а впоследствии более трезво оценивавшие его уровень и потенциальные возможности, обнаруживая при этом известное пренебрежение к его повседневным запросам, перешли от представления о вспомогательной роли социал-демократической интеллигенции по отношению к рабочему движению, к представлению о ней как о силе, призванной подчинить это движение своему влиянию, нацелить передовых рабочих, а через них рабочие массы на участие в политической, революционной борьбе. Социал-демократическая интеллигенция в работах данной категории марксистских литераторов выступала как решающий фактор формирования сознания рабочего класса, выражаясь современным языком, идеологизации и политизации его движения, создания его политической партии, осуществления им гегемонии в революционном процессе. Из провозглашенной линии на полную идейную и политическую самостоятельность пролетариата логически вытекала и необходимость такой самостоятельности для социал-демократической интеллигенции. И хотя

марксистские идеологи не отрицали возможности ее сотрудничества с группами интеллигенции иной ориентации, подобный подход благоприятствовал политической изоляции социал-демократической интеллигенции, распространению сектантских настроений в ее среде.

Обозначенные тенденции отразили реальное противоречие между направленностью рабочего движения преимущественно на удовлетворение насущных запросов рабочего класса и стремлением социал-демократической интеллигенции к скорейшей победе над царизмом и капиталом. Тот факт, что в марксистской литературе возобладала вторая тенденция, был закономерен. Сказался не только явный перевес олицетворявших ее теоретических сил, недостаток положительного практического опыта, который мог бы быть обобщен оппонентами, но и вообще превалировавшее у социалистической интеллигенции революционное нетерпение, а, главное, взрывоопасная политическая ситуация в стране, оставлявшая мало шансов на мирное, эволюционное развитие.

Таким образом, анализ приведенных в главе материалов позволяет сделать общий вывод о том, что на рубеже двух столетий социал-демократическая интеллигенция получила общее признание в литературе как неотъемлемый компонент политической группировки интеллигенции и всего общества, как важный, самостоятельный фактор российского политического процесса.

Глава П.
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РСДРП

Общественно-политическое значение социал-демократической интеллигенции рассматривалось марксистскими литераторами, как показано в предыдущей главе, прежде всего, в плане воздействия на процесс становления рабочей партии. Реально это воздействие проявлялось в осуществлении более или менее постоянных видов деятельности, требовавших достаточно высокого уровня образования и политической культуры. Речь шла об определенных функциях, выполнение которых было прерогативой интеллигенции. Их выявление имело существенное практическое значение с точки зрения непрерывного, устойчивого, по крайней мере, вплоть до первой революции притока представителей интеллигенции в рабочее движение, в складывающуюся партию. Обоснование и раскрытие содержания этих функций составляло важное направление работы марксистской мысли в России.

Впоследствии, особенно с возникновением двух противостоящих идейно-политических течений в РСДРП, функции, в целом роль ее интеллигенции оказались в фокусе острейшей внутрипартийной дискуссии. Она отразила различия в понимании характера партии, ее идейных и организационных основ, ее связей с рабочим, освободительным движением.

В настоящей главе предпринимается попытка исследовать идеи о роли и значении интеллигенции непосредственно в социал-демократической партии, выдвинутые в основном на завершающем этапе ее становления, причины и сущность их трансформации в условиях внутрипартийного кризиса.

§ I. Функции интеллигенции в складывающейся партии

Хотя I съезд РСДРП и провозгласил образование партии, она представляла собой в конце XIX в. все еще скорее общественное движение, совокупность многочисленных, разбросанных по стране подпольных организаций, групп, кружков, как правило, действовавших в отрыве друг от друга, самостоятельно выходивших на рабочий класс. Г.В.Плеханов писал в "Искре": XIX век завещает XX "драгоценное наследство" - зародыш социал-демократической партии"[I)]. Однако, как выяснилось, ведущие марксистские литераторы не имели намерения ожидать естественной эволюции этого зародыша, выдвинув по-существу задачу резкого ускорения его развития, причем в совершенно определенном направлении. В первом номере "Искры" В.И.Ленин провозгласил необходимость организации революционной партии, неразрывно связанной с рабочим движением, указав на сильное отставание социал-демократов в организационном отношении от старых деятелей русского революционного движения[2)]. Констатировав, что РСДРП стала "неустранимым фактором социально-политической жизни России", Г.В.Плеханов заявил: "Теперь уже никто из наших товарищей не сомневается в необходимости крепкой организации такого типа, который существовал в России во П-й половине 70-х годов и в начале 80-х"[3)]. В свою очередь Б.Кричевский, один из идеологов "экономизма", приходит к выводу о том, что на первом плане стоит задача "создания крепкой боевой организации всех сил нашей партии"[4)]. Дистанцировавшись от марксистов искровского направления, Д.Б.Рязанов тем не менее подчеркивал: "Все мы одинаково признаем необходимость сильно централизованной партии ,.. сильной боевой организации революционеров"[5)]. Разрабатывались альтернативные проекты про-

граммы партии, с которыми выступили Г.В.Плеханов и В.И.Ленин, подготовившие затем совместный, "комиссионный" проект "Зари" и "Искры", редакция "Рабочего дела", Д.Б.Рязанов, В.А.Поссе[6].

Между тем марксистские идеологи, беспрестанно подчеркивавшие пролетарский характер партии, отдавали себе отчет в реальном удельном весе рабочих в процессе ее становления. Весьма примечательна дискуссия, развернувшаяся на I съезде РСДРП (т.е. всего за два года до появления "Искры") по поводу включения в наименование партии слова "рабочая". По свидетельству П.А.Тучапского, большинство делегатов "исходили из нежелания создавать фикцию, обман: в партию пока входило очень незначительное количество рабочих"[7]. Как показано в предыдущей главе, к концу 90-х годов марксистские теоретики в основном склонялись к мнению о низком уровне общей и политической культуры рабочего класса, слабом росте и влиянии его органической рабочей интеллигенции. В этих условиях создание крепкой "пролетарской", социал-демократической партии становилось преимущественно, если не целиком, делом социал-демократической интеллигенции.

К такой постановке вопроса подводила завязавшаяся в социал-демократической печати полемика по вопросу о стихийности и сознательности в рабочем движении. Импульс ей дали политические события февраля-марта 1901 г., ознаменовавшиеся крупными выступлениями в ряде городов студентов и присоединением к ним рабочих. В литературе достаточно освещен ход этих событий[8].

Откликаясь на них, "Искра" выражала надежду, что "теперь окончательно решен практически терзавший в последние годы нашу партию спор о том, может ли наш пролетариат в данное время вести политическую борьбу, или может ли такая борьба возникнуть иначе как непосредственно на почве стачечного движения". Подчеркнув,

что активное участие рабочих в политических демонстрациях "придало им совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории", "Искра" вместе с тем указала на то, что пролетариат за редкими исключениями "помимо своих руководителей... ринулся в бой". Вместе с тем акцент был сделан на необходимости проведения им в общем политическом движении "своей политики", диктуемой классовыми интересами, ближайшими и конечными целями. В данной связи подчеркивалась обязанность социал-демократии - дать соответствующее политическое воспитание пролетариату, обеспечить организационное руководство движением[9)].

В свою очередь "Рабочее дело" характеризовало те же события как "исторический поворот", увидев в них выражение ставшего неразрывным революционного союза, нерушимого взаимного доверия и понимания "двух важнейших революционных элементов России: главного, классовой силы пролетариата,и идеологической силы революционной интеллигенции". Отметив, что социал-демократические комитеты были застигнуты "врасплох" и признав, что не все рабочие "ясно понимали смысл исторических событий, которые они сами творили", автор статьи задавался вопросом: "разве повелительное революционное чувство, толкнувшее многотысячную массу на улицу, недостаточно ясный и сильный признак ее революционной зрелости?" и проводил мысль, что,руководствуясь этим чувством, рабочие "углубили и расширили студенческие волнения...до размеров общеполитического протеста против самодержавия." И хотя одновременно признавалась необходимость "крепкой боевой организации" для прямой атаки на царизм, для проведения широкой революционной политической агитации в массах,[10)] автор явно считал, что в ходе стихийного движения участвовавшими в нем рабочими была проявлена определенная ступень "зрелости".

Разобранная статья из "Листка "Рабочего дела" вызвала отклики в социалистической печати. Эсеровское "Накануне" зафиксировало изменение подхода органа "экономистов" к революционной интеллигенции. "Если и теперь еще, - писал Б.Оленин, - классовый принцип поминается и кстати и некстати, то во всяком случае он дает уже место рядом с собой и элементам идеологическим, не вытесняет их, как бывало, с арены" [11]. Подмеченное здесь и действительно имевшее место смещение акцентов в представлениях "Рабочего дела" в пользу признания значения "идеологической силы" революционной интеллигенции и создания крепкой политической партии имело скорее обратное воздействие на редакцию "Искры". Сопоставляя идеи "Исторического поворота" и предшествующих публикаций журнала, В.И.Ленин в передовице "С чего начать?" квалифицировал его позицию как "направление беспринципного эклектизма, подделывающегося под каждое новое "веяние", не умеющее "отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом." Урок из февральско-мартовских событий, по-Ленину, состоял не в принципиальном признании необходимости создания революционной организации, а в "практическом решении вопроса". Упор при этом был сделан на неотложном характере выработки плана организации партии и ее тактики, понимаемой в свою очередь как систематический, освещенный твердыми принципами и неуклонно проводимый план деятельности. И хотя в статье не исключалась возможность и вероятность того, что самодержавие падет под давлением "стихийных взрывов" [12], во главу угла ставился вопрос о сознательной, планомерной политической деятельности социал-демократов.

Такая постановка вопроса вызвала резко критический отклик "Рабочего дела". Его редактор Б.Кричевский, не отрицая значения

социал-демократической сознательности в ускорении общественного развития, рассматривал предпочтение "Искрой" планомерной деятельности как свидетельство преуменьшения ею роли объективного или стихийного элемента, приближение к заговорщическому взгляду на подготовку революции. При этом оспаривалась приписываемая "Искре" претензия на роль "духа, витающего над бесформенным хаосом", высшей теоретической инстанции, "обер-кригерате партии", верховного регулятора ее реальной борьбы, пытающегося подменить равноправные и полноправные партийные организации сетью своих агентов. В этой претензии автор видел опасность противопоставления теории и практики, превращения первой в мертвую догму, угрозу для взаимного непонимания теоретиков и практиков движения[13].

Другой сотрудник "Рабочего дела" А.С.Мартынов в своих статьях обращал внимание на тенденцию "Искры" "умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей", недооценивать процесс роста и усложнения пролетарской борьбы, приписывать огромное значение принципам и идеям, вносимым в движение сознательными социал-демократами. Заявляя о собственной приверженности "твердым теоретическим принципам" и заранее отводя возможные упреки оппонентов в предпочтении практики перед теорией, автор отмечал, что "Рабочее дело" ставит "революционизирование жизни выше революционизирования догмы"[14].

Искровскому плану строительства партии как сети агентов одного центрального литературного органа, являющегося "безапелляционным законодателем партии, как "группы лиц, сознательных, надежных, подобранных с осторожностью "сверху вниз" А.Мартынов противопоставлял взгляд на партию как на пролетариат, борющий-

ся под знаменем социал-демократии и руководимый демократически организованным революционным авангардом[15].

"Искре" вменялся в вину "односторонний взгляд", согласно которому "ее позиция есть единственно законная" и "кто не с нею, тот против нее", ее стремление самой, "декретами" назначать партию в форме "сети агентов или...сподручных". "Нужно обладать огромной верой в силу слова и в то, что ты именно обладаешь настоящим словом, подчеркивал автор, чтобы заменить организации социал-демократической партии организацией распространения идей одной газеты"[16]. Аналогичного мнения относительно того положения, в которое "Искра" поставила себя по отношению к рабочему движению, придерживались представители "других социал-демократических групп. Например, Е.О.Зеленский, писавший под псевдонимом Л.Надеждин, указывал на присвоение "Искрой" "привилегии обладания социал-демократической истиной"[17].

В условиях, когда сама политическая ситуация требовала от молодой российской социал-демократии не упустить свой исторический шанс, марксистские литераторы, группировавшиеся вокруг "Искры" и "Зари", в идейных спорах с "экономистами" формулировали и отстаивали собственные представления о соотношении стихийности и сознательности, выходя тем самым на обоснование роли социалистической интеллигенции в строительстве рабочей партии. Критикуя взгляды "экономистов" на самоформирование социалистического сознания "в головах рабочих... из экономии", В.И.Засулич находила у пролетариата лишь "задатки" (организационные, психологические),делавшие его способным стать гробовщиком капитализма и создателем нового, социалистического строя. Объявлялось невозможным, чтобы 'рабочие 'сами,' без подсказывания 'бацил-

лы"; интеллигенции создали все ответы на свои вопросы, чтобы их миросозерцание сложилось под...исключительным воздействием их фабричного труда и материального быта"[I8]. Напоминая о том, что начало распространению социалистических идей среди рабочих на Западе положили "социалисты, получившие образование в учебных заведениях для высших классов"[I9], автор как бы подводил читателей к мысли, что распространение этих идей в России должно в еще большей степени быть делом социалистической марксистской интеллигенции.

В комментарии к проекту программы партии Г.В.Плеханов подчеркивал, что в то время когда буржуазная интеллигенция кричит о "социальном мире" и доказывает, что "социализм всегда останется не более как великодушной утопией", обязанность интеллигенции пролетариата состоит в том, чтобы "проникнуться сознанием первостепенной важности теоретических вопросов", "с удесятеренной энергией отстаивать идею классовой борьбы и убеждать рабочих как в исторической неизбежности социальной революции, так и в практической осуществимости социалистических требований"[20]. Уделяя, как видим, исключительное внимание идеологической деятельности социал-демократической интеллигенции, Г.В.Плеханов все же не придавал постановке идеологами "экономизма" вопроса о соотношении стихийности и сознательности того значения, которое придавал ему В.И.Ленин. Так, процитировав в критическом плане упрек Б.Кричевского "Искре" в преуменьшении ею роли объективного, стихийного элемента, Г.В.Плеханов ограничился напоминанием положения К.Маркса о том, что субъективные планы людей являются выражением объективного развития, в связи с чем противопоставление субъективных планов объективному процессу не имеет смысла[2I].

На роль социалистической интеллигенции как "ферментирующего буд щего начала", как инициатора организационного процесса строительства[22] партии делал упор А.Н.Потресов. Правда, с учетом особенностей "наличного" (т.е. преимущественно интеллигентского) состава движения, автор указывал на то, что только формирование новой структуры с пролетариатом - ее 'позвоночным столбом' способно создать "организм полный жизни и сил"[23].

Рассматривая российскую социал-демократию лишь как зародыш действительно рабочей партии в европейском смысле, Ю.О.Мартов считал ее (т.е., по его же логике, социалистической партийной интеллигенции) обязанностью подготовки кадров "социалистической армии будущего". Указывалось на задачи социалистической интеллигенции по обеспечению объединения партии и по выработке форм организации, соответствующих ее сущности, как объединенной, социалистической пролетарской партии[24].

Таким образом, отдавая безусловный приоритет идеологической функции интеллигенции в процессе становления партии, марксистские литераторы, группировавшиеся вокруг "Искры" и "Зари", вместе с тем подчеркивали важнейшее значение для этого процесса выполнения социал-демократами - интеллигентами функций политического лидерства, руководства организационно-партийным строительством.

Особое место заняла увязка проблемы соотношения стихийного и сознательного в рабочем движении с ролью интеллигенции в строительстве партии в произведениях В.И.Ленина, в первую очередь в "Что делать?". Прежде всего он указывал на то, что подобно другим странам "и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли

у революционно-социалистической интеллигенции"[25]. Далее автор подчеркивал, что "о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи", хотя в примечании уточнял, что и рабочие участвуют в этой выработке, но "не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание"[26].

Однако разработкой социалистической теории идеологическую функцию интеллигенции автор не ограничивал. Полемизируя с "экономистами", В.И.Ленин писал в "Искре": "идеолог только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые "материальные элементы" движения стихийно наталкиваются"[27]. В том, что под идеологами автор подразумевал социал-демократическую интеллигенцию, не оставляет сомнения его рассуждение из письма Северному Союзу РСДРП. В нем, в частности, характеризуется как"неточное","двусмысленное"и"опасное"положение программы Союза, как бы отождествляющее социализм с классовым интересом пролетариата. Этот интерес, - отмечалось в письме, - заставляет пролетариев объединяться, бороться с капиталистами, думать над условиями своего освобождения, делает их восприимчивыми к социализму. Между тем "социализм,будучи идеологией классовой борьбы пролетариата,основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т.д. и т.д. В классовую борьбу пролетариата,

стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносится идеологами"[28].

Приведенные ленинские суждения находились в общем русле обозначенных выше подходов марксистских литераторов. Однако автор "Что делать?" внес существенную новизну в постановку вопроса, заявив, во-первых, о совершенно независимом от рабочего движения появлении социалистической теории и, во-вторых, о невозможности для рабочих самим выработать социалистическое сознание, по сути дела сознание своих подлинных, коренных интересов. Из ленинских идей, в еще большей степени, чем из идей его коллег следовало, что идеологическая функция по разработке теории и ее распространению является исключительной прерогативой интеллигенции, которой принадлежит поэтому решающая, определяющая роль в складывающейся партии.

Наряду с идеологической функцией в "Что делать?" обосновывается фактически еще одна функция интеллигенции в социал-демократической партии, которую можно определить как выделение политических лидеров. В самом деле, как показывал автор брошюры, не только теоретическое социалистическое сознание, но и политическое сознание могло быть принесено рабочим только извне их непосредственной экономической борьбы с хозяевами, из области отношений "всех классов и слоев к государству и правительству", из области "взаимоотношений между всеми классами"[29]. Отсюда следовало, что принести рабочим политическое знание социал-демократы могли только активно действуя во всех классах населения. В качестве "идеала" социал-демократии выступал у В.И.Ленина "политический вождь", "народный трибун", способный к разнообразной политической деятельности, к руководству борьбой различных общественных

слоев против самодержавия. На деле речь шла о пропагандистской, агитационной, организаторской работе в этих слоях, о проведении всенародных политических обличений. Как неотложная задача формулировалась выработка из практиков социал-демократов "таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы"[30].

Ставя вопрос: "Есть ли у нас силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацию во все классы населения?" В.И.Ленин, утвердительно отвечая на него, прежде всего констатировал: "К нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов"[31]. По ленинской логике, социал-демократ- народный трибун это, конечно, профессиональный революционер. Для "обслуживания" массового движения, подчеркивается в "Что делать?", "нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности", вырабатывающие из себя "с терпением и упорством" профессиональных революционеров[32]. И хотя на страницах брошюры не раз отмечалось, что профессиональным революционером может быть и интеллигент, и рабочий и что первой и настоятельной обязанностью социал-демократов является содействие формированию рабочих-революционеров,[33] за редкими исключениями только интеллигенты могли отвечать требованиям, предъявляемым автором к профессиональным революционерам: определенному теоретическому уровню, широте политического кругозора, способности к многоплановой политической деятельности в различных слоях населения, владению в совершенстве конспиративным мастерством, знанием идущих от "корифеев Народной Воли" революционных традиций.

Такое понимание основных функций интеллигенции в строящейся партии отличало, однако, не одного В.И.Ленина. В том же номере,

где было помещено сообщение о выходе в свет "Что делать?", "Искра" опубликовала статью К.Каутского "Славяне и революция", сопроводив ее редакционным комментарием. В статье отмечалось, что "центр тяжести революционной мысли и революционного дела" в начале XX века переместился в Россию и высказывалось предположение, что славянам "суждено быть той бурей, которая взломает лёд реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов"[34]. В этих словах редакция "Искры" увидела прямой призыв к российской социал-демократии "стать во главе всемирной революции, быть передовым застрельщиком в борьбе всемирного пролетариата". Предстоявшая миссия передового борца за его освобождение связывалась с борьбой за достижение ближайших, самых насущных задач. Русская социал-демократия - подчеркивала "Искра", должна "действительно, а не по названию только стать первою, чтобы оказаться на высоте той исторической роли, которая ей выпадает"; мы должны "окинуть своим умственным взором весь широкий круг вопросов и задач, волнующих человечество и всюду должны стать хозяевами". В этой связи были выдвинуты задачи "развить революционную мысль и революционное дело до последних (!) пределов", "взять в свои руки руководство борьбой всех (!) революционных и оппозиционных слоев русского народа", объявить "войну" всем фальсификаторам революционной марксистской теории в области мысли и... всем фальсификаторам революционной социал-демократической борьбы в области дела"[35]. Кто же, однако, мог выполнить эти поистине грандиозные задачи? Ответ "Искры" не оставлял сомнений на этот счет: "Мы должны выдвинуть своих теоретиков, своих публицистов, своих политических деятелей, в лучшем смысле этого слова"[35]. Здесь отчетливо обозначены те же две функции интеллигенции в становлении и развитии РСДРП, выводимые чуть ли не из ее всемирно-исторической

миссии.

Собственно те же функции формулировал в "Искре" и Ю.О.Мартов. Отмечая, что темпы роста "умелых руководителей движения" не соответствовали "развитию революционного брожения вширь", он подчеркивал, что нужные русскому пролетариату агитаторские и организаторские силы не могут выработаться на одной практической, будничной работе, втиснутой"в рамки почти сектантской кружковщины". В представлении автора, они формируются в ходе"возможно частых выступлений революционных организаций на арену открытой общественной борьбы" в процессе развития политической жизни в подпольных организациях, посредством самопознания и обучения политической науке, т.е. науке разбираться в выдвигаемых общественным движением политических вопросах. Хотя в статье и отмечалось, что "главное бремя" революционной работы несет рабочая и интеллигентная молодежь[37)], читателям газеты, должно быть, было ясно, что требуемой автором выработки "революционного мировоззрения", революционной программы, овладения политической наукой всерьез можно было ожидать от руководителей - интеллигентов.

В социал-демократической литературе находила отражение еще одна специфическая функция, выполнявшаяся интеллигенцией в складывающейся партии, связанная с деятельностью сферы профессиональной интеллигенции и студенчества. В известной степени эта функция была общей для всех политически определившихся групп интеллигенции, которые стремились к расширению своих рядов и сферы влияния. Такая линия проходила рефреном через многие материалы либерального "Освобождения"[38)]. Эсеровское "Накануне", отмечая значение земской интеллигенции, с точки зрения его влияния на другие общественные слои, в первую очередь на крестьянство, подчеркивало, что русским революционным организациям следовало

бы поставить на очередь вопрос о формах и средствах, в каких могла бы осуществляться связь революционных партий с обширным слоем третьего элемента"[37]. В той же плоскости, применительно к "третьему элементу" ставил вопрос В.И.Ленин. В опубликованном "Зарёй" "Внутреннем обозрении" он указывал на интеллигенцию как на союзника рабочего класса, фактически обосновывая необходимость работы революционных социал-демократов с этим союзником[38]. Эта работа на практике, как правило, означала деятельность интеллигентов и студентов-социал-демократов среди своих коллег, в соответствующих слоях и группах интеллигенции.

Как показано в обобщающем документе, представленном III съезду РСДРП, основные цели работы в среде интеллигенции социал-демократические организации видели в привлечении и подготовке сознательных работников для партии и в распространении социал-демократических идей среди непролетарских слоев, расширении влияния на них[39]. Следует отметить, что названная функция социал-демократической интеллигенции положительно оценивалась практически всеми видными социал-демократическими литераторами. Даже такой противник "походов" социал-демократов "во все классы населения" как Д.Б.Рязанов делал исключение для интеллигенции, отмечая: "Идти в эту среду нам необходимо. Завоевать возможно большее число приверженцев из этой среды - одна из насущных потребностей нашего движения... Элементы других классов, восприимчивые к нашей пропаганде, скапливаются в рядах нашей интеллигенции"[40].

Данная функция интеллигенции в формирующейся партии (или направление деятельности социал-демократических организаций) представляет собой единственный аспект исследуемой проблемы, получивший освещение в литературе. На конкретно-историческом мате-

риале содержание деятельности РСДРП, ее интеллигенции в среде демократической интеллигенции и студенчества раскрыто в монографиях Л.К.Ермана, А.В.Ушакова, П.С.Гусятникова, Н.М.Пирумовой[41] и др.

Приоритетное внимание марскистских литераторов идеологической функции имело в основе их веру в совершенно особое, исключительное значение теории "научного социализма". Представляет интерес интерпретация отношения марксистской интеллигенции к теории неонароднического течения русской социалистической мысли. В "Накануне" революционная социал-демократическая интеллигенция упрекалась в наличии обязательного для всех своих членов теоретического "символа веры"[42]. А по поводу объявленного возобновления изданий группы "Освобождение труда", журнал с сарказмом писал,что только Г.В.Плеханов знает "кто в числе верных и кто еще подлежит отлучению... Он - ключарь, во власти которого отпирать и запирать двери марксистской церкви, он ее апостол Петр, тот камень, на котором церковь зиждется"[43]. С точки зрения такого подхода резко критиковались формы (не содержание), которые приобрела плехановская критика "экономизма". Касаясь констатации Г.В.Плехановым того, что многие социал-демократы в России "не усвоили даже азбуку современного социализма", Е.Лазарев замечал: "страшно подумать, когда же начнет бегло "читать социализм" масса русских рабочих, утопающих в общественном варварстве и невежестве"[44] (в последних словах был явный намек на аксельродовские оценки уровня общего и политического развития русских рабочих). Следя за полемикой между "Рабочим делом" и группой "Освобождение труда", "Накануне" высказывало такие, например, наблюдения: "У нас на всякое расхождение во взглядах смотрят как на личное оскорбление; на всякое отклонение от общепринятой теории как на измену, как на ересь, требующую

искоренения, отлучения, анафемы... На свободную мысль, на свободное слово у нас накладывается беспощадная цензура, не хуже царско-бюрократической". Таким образом, неонародническая печать фиксировала внимание на чуть ли не религиозном отношении социал-демократической интеллигенции, по крайней мере ее ядра, к марксизму, на ее претензии монопольного обладания марксистской истиной, на непримиримости к любому отклонению от "догмы".

Насколько правомерной была такая оценка? "По терминологии псевдосоциал-демократов, мы "ортодоксальные" марксисты, отмечал П.Б.Аксельрод, и они по-своему правы. Мы действительно всецело и безусловно стоим на теоретической почве социал-демократии, стремящейся к диктатуре пролетариата и к социалистическому преобразованию общества как к конечным целям рабочего движения. Именно в пропаганде и отстаивании ортодоксального марксизма мы видим центр тяжести поставленной нами задачи - способствовать упрочению и расширению завоеваний социал-демократии на русской почве"[46]. Заметим, что в рассматриваемый период безусловного признания диктатуры пролетариата придерживались почти все видные марксистские литераторы. Среди составлявших исключение был В.А.Поссе, полагавший, что русские социал-демократические командиры считают себя призванными вести пролетариат "не туда, куда он хочет, а куда он должен идти", что пролетариат не способен вынести "диктатуру, в том числе диктатуру ради его собственной пользы, к которой настойчиво стремятся многие интеллигенты - вожаки"и предупреждал, что и на пролетарских вожаках после революции может отражаться "развращающее влияние власти"[47].

На верность марксистской ортодоксии присягали и Г.В.Плеханов, и Ю.О.Мартов, и В.И.Ленин, хотя при этом и признавалась необходимость творческого отношения к теории, учета ее специфики в усло-

виях России и т.д. До каких пределов доходило у русских марксистов поклонение теории свидетельствует брошюра Д.Б.Рязанова, содержавшая критику комиссионного проекта программы партии, составленного "Зарей" и "Искрой". В брошюре подчеркивалось, что марксистская догма так же ортодоксальна как действительность, а проект "Зари" и "Искры" критиковался за то,что утратил точность и определенность, т.е. догматичность". Для нас, русских, провозглашал автор, "более, чем для кого-либо обязательна чистота принципов и более чем для кого-либо непростительно отступление от них... Ортодоксия - единственная руководящая нить..."[48]. На открытую защиту узкодогматического подхода к марксистской теории отреагировал в "Искре" Г.В.Плеханов, метко охарактеризовав взгляды Д.Б.Рязанова как "ортодоксальное буквоедство"[49]. Но ведь по существу тем же недугом (хотя и в неодинаковой степени) страдали все ведущие марксистские авторы.

Интересно сопоставить ряд ленинских высказываний, относящихся к 1900-1901 гг. и касавшихся постановки литературной деятельности партии. С одной стороны, выражалось убеждение в том, что партийная литература должна объединить "все наличные литературные силы, чтобы она выражала все оттенки мнений и взглядов среди русских социал-демократов не как изолированных работников, а как товарищей, связанных общей программой и общей борьбой в рядах одной организации". Здесь же говорилось о необходимости всестороннего обсуждения в партийной печати "всех вопросов всеми русскими социал-демократами со взглядами самых различных оттенков", открытой товарищеской полемики перед всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими[50]. Но, с другой стороны, В.И. Ленин выступал за "такую постановку литературной деятельности, которая делала бы невозможными беспринципные и оппортунистичес-

кие отклонения от революционного марксизма, вносящие путаницу в умы, столь опасную для нашего движения"[51]. Подобное толкование находилось в явном противоречии с допустимостью "всех оттенков мнений и взглядов". Именно второй подход отличал работы и Г.В.Плеханова и Ю.О.Мартова,и самого В.И.Ленина, был характерен для общей линии "Искры" и "Зари".

неонароднические, и некоторые социал-демократические публицисты подметили тенденцию к возвеличиванию отдельных вождей. Так, Б.Оленин, имея в виду социал-демократов, отмечал, что "сектантская раздробленность и непримиримость как нельзя больше содействуют выдвиганию маленьких непогрешимых пап, пророков и апостолов, из которых каждый "давит свой только муравейник", приучается к автократическим замашкам, почти все время проводит в оттачивании стрел против своих же товарищей революционеров "другого прихода"[52]. На тенденцию к "культу личности" в рядах социал-демократического движения обращал внимание Д.Б.Рязанов[53].

Насколько обоснованными были подобные опасения? Сошлемся на два суждения, высказанные с разрывом почти в 10 лет. В 1896 г. один социал-демократ так характеризовал Г.В.Плеханова на страницах издававшегося им же (т.е. Г.В.Плехановым) журнала "Работник": "первоучитель русской социал-демократии, писатель и революционер, чья слава непрерывно будет возрастать вместе с ростом самосознания русского пролетариата"[54]. А в 1905 г. на Ш съезде РСДРП большевик М.Г.Цхакая,обратил внимание делегатов на употребление таких понятий,как"ленинизм","дух ленинского устава" и т.д.В этом он увидел "плод недоразумения","наследие кооптационного периода",решительно выступив против того,чтобы партия "каменела" и "костенела в каких-то новых"измах"[55].Явно просматривается взаимосвязь между отношением социал-демократической интеллигенции к марксизму как социалистическому Священному писанию и подчеркиванием роли его выдающихся истолкователей ("апостолов").

Как уже отмечалось, марксистские литераторы, группировавшиеся вокруг "Зари" и "Искры", придерживались совпадающих или во всяком случае очень близких взглядов на вопрос о соотношении стихийности и сознательности, о функциях интеллигенции в партии. Эти взгляды в основном соответствовали распространенным в западноевропейской социал-демократии. Например, К.Каутский отмечал: "Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания... Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция: в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу...."[56] Но тот же автор указывал на специфику осуществления этой функции в России. Напоминая, что интеллигенция дает рабочим теоретическое обоснование, формулировку их революционных стремлений, он полагал, что в России в отличие от США "она, благодаря своему социальному положению, сделалась, в силу необходимости, носительницей революционного сознания, внушаемого ею в свою очередь пролетариату, с которым она во многих отношениях очень близка".[57] Таким образом, если на Западе процесс внесения социалистического сознания в рабочее движение виделся К.Каутскому как трехступенчатый - от отдельных интеллектуалов к наиболее развитым рабочим, а от них к массе, то в России как двухступенчатый - от социалистической интеллигенции к рабочему классу.

Однако именно идеи, высказанные в "Что делать?", не многим, на первый взгляд, отличавшиеся от представлений ведущих русских марксистов и такого признанного авторитета как К.Каутский, к тому же обильно цитированного В.И.Лениным, вызвали острую дискуссию, в которую оказались вовлеченными литераторы, представлявшие раз-

личные течения социалистической мысли.

Указанный сюжет был затронут В.А.Поссе и Д.Б.Рязановым, выступившими с критикой программы партии, разработанной "Искрой" и "Зарей" и с обоснованием собственных проектов. В.А.Поссе ставил искровскому проекту в вину то, что в нем социал-демократия "висит в воздухе", не сливаясь с пролетариатом, а организуя его в самостоятельную партию. Тот же дефект он, впрочем, находил и в проекте Д.Б.Рязанова, где также социал-демократия являлась "чем-то отдельным от пролетариата и его партии". Сам В.А.Поссе рассматривал социал-демократию исключительно как "часть пролетариата", как "сознательную выразительницу его классовой борьбы".[58)]

Возражая против тезиса о невозможности выработки социалистической идеологии самим пролетариатом, В.А. Поссе пытался фактически доказать обратное. Он обращал внимание на "революционизирующее действие кризисов" на пролетариат, на "беспрерывное" и "основательное" воспитание пролетариата "в социал-демократическом направлении самой фабричной жизнью, заключающей в себе "благоприятные условия для объединения пролетариев, для просветления их классового сознания". Как считал автор, социализм не есть идеология, возникшая в головах "буржуазных мироисправителей." Идея социализма создана рабочим классом, а К.Марксом и Ф.Энгельсом лишь "научно обоснован...". Поэтому социализм представлялся автору чем-то реальным, что растет, развивается по мере роста сознания пролетариата. Однако, утверждал он, над русскими интеллигентами социал-демократами господствует иное убеждение, состоящее в том, что социал-демократия есть нечто самостоятельное, властно распоряжающееся пролетариатом, организующее его в самостоятельную партию и т.д., иными словами, она была раньше этой партии, как "Бог, создавший

из хаоса неба и землю. Упрекая автора "Что делать?" в "интеллигентском высокомерии", В.А.Поссе выражал надежду, что "русским сознательным рабочим удастся в конце концов совлечь русских социал-демократических "академиков" с пути высокомерия"[59].

По наблюдению Д.Б.Рязанова, "все споры последних лет" (т.е. рубежа двух веков) сводились к одному главному пункту: одни считали рабочий класс пассивным элементом, которому принципы социал-демократии надо прививать с помощью гомеопатических доз и, таким образом, постепенно вовлечь его в активную политическую борьбу, другие считали рабочий класс по самому его положению наиболее революционным классом и хотели только выяснить ему как общие условия и ход его освобождения, так и частные условия, при которых совершается эта борьба в России. Автор рассматривал социал-демократию как наиболее решительную и сознательную часть самого рабочего класса, как "детище пролетариата, как "учительницу" его отставших слоев.[60]

В контексте такого подхода объявлялась нелепой та точка зрения, что социализм, политическое сознание вносятся в сферу пролетариата "извне". Вместе с тем автор считал неверным и взгляд, согласно которому "социал-демократия вырастает сама собой из недр пролетариата". Признавая роль "идеологов" рабочего класса, Д.Б.Рязанов сводил ее к тому, что они "теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым пролетарий приходит практически". В его понимании, привносимое "извне" учение составляет "вывод из условий существования рабочего класса". При этом автор отказывался видеть в "идеологах" буржуазных интеллигентов, настаивая на том, что речь может идти лишь о представителях "мысляшего пролетариата".[61]

Серьезный упрек адресовался Д.Б.Рязановым В.И.Ленину по поводу функции политического лидерства партийной интеллигенции. В отличие от литераторов искровского направления, которые, как показано выше, и сами были склонны к сектантской замкнутости от других политических групп, Д.Б.Рязанов априори отрицал возможность не только любых союзов социал-демократов с другими политическими силами, но и по существу любую деятельность социал-демократических политиков в других слоях населения, выступал за полную классовую обособленность пролетариата (следовательно, и политическую обособленность его интеллигентных представителей". Он считал также лишенными всякого смысла любые реформы при сохранении самодержавия.[62)] Аналогичных взглядов на этот счет придерживался В.А.Поссе[63)].

В стремлении отмежеваться от господствующих в российской социал-демократии оценок идеологической и политической роли интеллигенции в партии, избежать выделения интеллигенции из общей массы членов партии, фиксирования ее определенных функций обнаруживалось сходство в позициях Д.Б.Рязанова и В.А.Поссе. Оба деятеля, однако, как представляется, не вполне учитывали реалии российского рабочего движения,уровень общей и политической культуры рабочего класса, в том числе рабочих-партийцев.

Новые акценты во взглядах марксистских теоретиков на состояние сознательности и стихийности, на содержание идеологической и политической функций интеллигенции в РСДРП не остались незамеченными левой печатью народнического, эсеровского направления. На страницах "Русского богатства" уже упоминавшийся В.Г.Подарский в связи с повестью В.Вересаева "На повороте"касался идейного брожения среди марксистской интеллигенции, вызванного появлением книги Э.Бернштейна.Автор констатировал, что налицо новый взгляд

многих русских марксистов на проблему стихийности и необходимости активного вмешательства в общественный процесс. Делался вывод, что "активный марксист в значительной степени... сжёг то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал", что происходит "общее возвращение интеллигенции к мировоззрению 70-х годов".[64)]

В том же ключе, но с большей обстоятельностью данный сюжет рассматривался в безымянной, фактически редакционной статье, помещенной в "Вестнике русской революции". Отождествив отношение сознательности и стихийности с отношением интеллигенции к рабочему классу, планомерной партийной деятельности к будничной работе среди трудящихся на почве их профессиональных интересов, подчеркнув, что именно этот вопрос прежде всего разделяет марксистов на враждебные фракции, автор статьи увидел в его постановке и решении В.И.Лениным свидетельство "идейного перелома", совершающегося в русской социал-демократии. Взгляды автора "Что делать?" сравнивались с взглядами народовольцев. Последние, напоминалось в статье, считая, что переход трудящихся масс в "социалистическое царство труда и солидарности" возможен только в результате насильственного переворота, осуществленного меньшинством, проникнутым социалистическим сознанием, возлагали на революционную интеллигенцию миссию внесения "света" такого сознания в процесс революционизирования масс. Отвергая Плехановскую антиномию двух формул: "рабочие для революции" (народническая) и "революция для рабочих" (марксистская), автор утверждал, что народовольцы думали произвести революцию не для самих себя, а для всего трудового народа и в то же время рассматривали рабочих, воспринявших от революционной интеллигенции социалистическое сознание, как революционное орудие осуществления социалистического переворота. Примечательно, кстати, высказанное здесь соображение, что в момент этого переворота большин-

ство трудящегося люда будет "с недоверием смотреть на ломку стен его исконной общественной тюрьмы и не без боязни вбирать в себя чистый воздух социализма", но уже "в самом непродолжительном времени" одобрит и "грудью" встанет "за новый порядок вещей".[65]

В контексте этих рассуждений подчеркивалось, что разница между народовольчеством и революционным марксизмом, признающим "неизбежность насильственного вмешательства сознательного меньшинства в известный момент общественной эволюции... бледнеет и совершенно исчезает".[66] Былое обвинение социал-демократов в адрес народовольцев в "возвеличении интеллигенции и высокомерном взгляде на трудящиеся массы", говорилось в "Вестнике русской революции", падает само собой, поскольку автор "Что делать?" "заходит даже несколько дальше в проведении границы между интеллигенцией и пролетариатом, чем допускает надлежаще понятая точка зрения народовольчества", вообще "благодаря странной перестановке ролей" марксисты "придают даже несколько большее значение интеллигенции в историческом процессе".[67]

Исключительная роль, которую В.И.Ленин вслед за К.Каутским придавал буржуазной интеллигенции автор статьи объяснял "отчасти... интеллектуальным фанатизмом, который характеризует русских марксистов", заставляя их "преувеличивать значение книжной доктрины и абстрактной догмы", и вместе с тем недооценивать такие факторы как энергия, нравственный принцип, общественный аффект, выражающие "бессознательные, но всемогущие стремления масс к высшим формам человеческой солидарности".[68]

Общий вывод, сделанный в теоретическом эсеровском журнале, гласил, что "ортодоксы" или политики стали во многом теперь на точку зрения Народной Воли, а противостоящих им представителей экономического направления, которые, по мнению журнала, бли-

же стояли к центральному пункту учения К.Маркса (соотношение бытия и сознания), сама логика борьбы заставит приблизиться к политикам. Приветствуя процесс "решительного революционизирования социал-демократов", журнал высказывал мнение, что их следующим шагом должно стать понимание необходимости "строго боевой организации революционеров" 69).

Народническими, эсеровскими литераторами был подмечен важный момент в эволюции социал-демократической мысли. Вряд ли можно сомневаться в наличии генетической связи между отдельными положениями "Что делать?" и народовольческой теорией и практикой, тем более, что в брошюре автор сам многократно ссылался на организацию Народной воли как на образец для подражания. Однако публицисты данного направления не учитывали всей совокупности причин, подтолкнувших их марксистских оппонентов, в первую очередь В.И. Ленина, к выдвижению в качестве приоритетов идеологической и политической функций интеллигенции в партийном строительстве. Это произошло, когда стало очевидно, что приспособление в условиях происходивших и назревавших политических событий к нормальному ходу развития рабочего и социал-демократического движения чревато утерей партией (и ее интеллигенцией) не только гегемонии, но и вообще серьезной самостоятельной роли в политическом процессе в стране.

С точки зрения выяснения позиции достаточно широкого круга теоретиков и практиков социал-демократической партии представляет интерес анализ материалов П съезда РСДРП. Задавший тон обсуждению проекта ее программы А.С.Мартынов обратил внимание на то, что в проекте в отличие от программ других социал-демократических партий отсутствовало указание на создание капитализ-

мом не только материальных, но и духовных предпосылок социализма, на неизбежную тенденцию рабочего класса к борьбе за социализм. Замалчивание этих положений в проекте выступавший объяснял влиянием борьбы с экономизмом и в особенности ленинских аргументов, выдвинутых в "Что делать?", интерпретировавшихся им как выражение антагонизма между идеологией пролетариата и его собственными стихийными стремлениями, между социал-демократией и стихийным рабочим движением. Ссылаясь на высказывание К.Маркса о творческой роли каждого нового поколения, состоящей в преобразовании результатов, добытых предшествующими поколениями, А.С.Мартынов на примерах из западноевропейского рабочего движения доказывал, что пролетариат самостоятельно перерабатывал определенные формы радикально-демократического движения сообразно со своими классовыми интересами в соответствующие элементы современного социалистического движения, сведение которых в одно стройное целое и теоретическое обоснование всего движения было осуществлено К. Марксом и Ф. Энгельсом. Признав, что теорию научного социализма могли создать только профессиональные интеллигенты, обладавшие обширной научной подготовкой, А. С. Мартынов, в отличие от В.И.Ленина, отказывался видеть в К. Марксе и Ф. Энгельсе "буржуазных интеллигентов", поскольку они "предварительно" покинули точку зрения буржуазного радикализма и встали на "точку зрения действительного пролетариата своего времени". Взгляд на социализм как на наиболее полное и сознательное выражение стихийной тенденции классовой борьбы пролетариата отнюдь не умалял в представлении А. Мартынова, роли сознания и теории. Вероятно стремясь превзойти своих оппонентов, он утверждал, что

именно такой взгляд позволяет твердо отстаивать принципы и отвергать теоретические компромиссы и к тому же предполагает централистический характер партии, поскольку призван обеспечить преобладание общих интересов над местными, отнюдь не означая предпочтения экономической формы борьбы. По утверждению А. С. Мартынова, ленинская "теория" проводила"глубокую борозду"между руководящими элементами движения и рабочими массами, между деятельностью замкнутой партии и широкой борьбой рабочего класса. С этой"теорией" он фактически связывал искровский организационный план, пригодный не для классовой партии пролетариата, а для радикальной партии, опирающейся на разношерстные революционные элементы. Весьма продолжительная речь оратора свелась к предложению добавить к словам проекта о росте "числа" и "сплоченности" пролетариата слово о росте его сознательности. 70)

Прения по проекту Программы выявили неоднозначную реакцию на постановку вопроса А. С. Мартыновым. Дальше него в своих рассуждениях шел "экономист" В.П. Акимов, заявивший, что речь идет не об "отдельной", "случайной" ленинской фразе, а об основной мысли, выраженной в "Что делать?", и , по его мнению,"очень последовательно и цельно проведенной во всей принципиальной части проекта от первого слова до последнего". 71)

Поясняя свою мысль, выступавший отметил, что в условиях подъема политического радикализма во всех слоях русского общества специфически пролетарские формы борьбы были оттеснены на второй план, в результате чего в качестве действующего лица выдвинулся не рабочий класс, а его организация - партия, у которой от этого сгладились, затушевались классовые черты и массовый характер ее деятельности. Указывалось на совершенное обособление и противопоставление в проекте программы понятий "партия" и "пролетариат" как активно действующего коллективного лица пассивной среде, на которую воздействует партия. В представлении В.П.Акимова, принятие тезиса проекта о приглашении в партию всех угнетенных и эксплуатируемых слоев сделало бы ее ни пролетарской, ни революционной, ни социалистической. Он требовал изменить не отдельные фразы, а "самый дух программы"[72].

Противоположный по сути дела, близкий к ленинскому подход продемонстрировал будущий меньшевик Д.А.Топуридзе. Он признал, что для него является "совершенно непонятным", каким образом рабочий класс, поле зрения которого "ограничено и замкнуто в известных рамках" повседневной борьбы за свои интересы мог бы "доработаться до создания стройной философской системы - научного социализма". Принимая тезис о привнесении теоретического сознания в рабочий класс "извне", оратор проводил мысль, что постольку, поскольку сознательная часть рабочего класса является руководителем бессознательной или малосознательной, партия как "борющаяся, сознательная сила", как носитель и проводник социалистических идеалов "не может не стоять выше рабочего класса"[73].

К "усредненной" позиции склонялся будущий большевик В.Ф.Горин.

фактически подтверждая ленинский тезис о возникновении русского социал-демократизма "независимо от рабочего движения", он вместе с тем упрекал оппонентов в том, что они поняли этот тезис в "абсолютном, метафизическом смысле". Сам В.Ф.Горин полагал, однако, что "если бы пролетариат был предоставлен самому себе", он и "без идеологов", не имея социалистической теории, "в конце концов работал бы в сторону социальной революции, но инстинктивно", "инстинктивно практиковал бы социализм". В этом случае процесс был бы "лишь медленный и более мучительный, чем при содействии революционных идеологов, ставящих определенные цели и провидящих, куда мы идем"[74].

Допустив, что ленинская фраза, на которую ссылался А.С.Мартынов, была неудачной, Г.В.Плеханов в своем выступлении подчеркивал, что В.И.Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против "экономистов", отрицавших активную роль "революционной бациллы", обладавшей теоретическим сознанием. "Но если вы, - подчеркивал оратор, - устраните бациллу, то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне"[75]. В известном противоречии с этим категорическим высказыванием находилось, однако, согласие Г.В.Плеханова с формулой, согласно которой социализм вырабатывается всем пролетариатом, включая и сознательную часть, т.е. и революционную бациллу[76].

В свою очередь В.И.Ленин в выступлениях на съезде делал особый акцент на тех местах своей брошюры, где говорилось о недостатке рабочих руководителей, рабочих-революционеров, о роли оппортунистов в проявлении тенденции рабочего движения к подчинению буржуазной идеологии, признав вместе с тем, что

поскольку "экономисты" "согнули палку в одну сторону", для выпрямления палки необходимо было ее согнуть в другую сторону". Одновременно В.И.Ленин решительно выступил против принятия поправки А.С.Мартынова к проекту, как создающей представление, "будто стихийно растет сознательность". "В международной же социал-демократии нет сознательной деятельности рабочих, вне влияния социал-демократии", - заявил автор "Что делать?", тем самым однозначно подтвердив изложенную там принципиальную позицию.

В итоге съезд отклонил поправку А.С.Мартынова.[78] Это свидетельствовало о том, что большинство делегатов разделяли точку зрения относительно стихийности рабочего движения, решающей роли интеллигенции во внесении в него социалистического сознания.

Резюмируя дискуссию о стихийном и сознательном, об идеологической функции партийной интеллигенции, отметим, что сам В.И.Ленин не удержался на своей первоначальной позиции. Явным диссонансом с ней прозвучало высказанное в декабре 1905 г. суждение: "Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен (подчеркнуто мною - В.Д.), а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность".[79] Трансформация позиции была, очевидно, вызвана воздействием меняющейся ситуации, а также критики, в первую очередь, со стороны Г.В.Плеханова (рассматривается в § 2 настоящей главы). Категоричность выдвинутых в "Что делать?" тезисов о соотношении стихийности и сознательности автор брошюры объяснял впоследствии ее полемической заостренностью против "экономистов".[80]

Между тем, как нам представляется, рассмотренные ленинские положения, одобренные и подхваченные, как показано ниже, многи-

ми практиками отвечали историческим реалиям с точки зрения тех задач, которые ставила перед собой революционная социал-демократическая интеллигенция. В отсталой стране, с неразвитым в политическом и культурном отношении пролетариатом революционный прорыв к социализму был возможен только через внесение социалистического сознания в массовое рабочее движение извне[81]. А ведь именно мечта о таком прорыве, стремление к нему обурева - ло умы социал-демократической интеллигенции на рубеже двух столетий.

Проблемы, связанные с функциями, ролью интеллигенции в РСДРП присутствуют в документах ее второго съезда. Несомненно, прежде всего, демократическую интеллигенцию (а не крестьянство, как пытался представить дело В.И.Ленин)[82] имела в виду Программа партии, заявляя, что она "зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого народа, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата"[83].

Самое прямое отношение к функциям партийной интеллигенции имело беспрецедентное для сверхцентрализованной партии решение о двоецентрии, закрепление в Уставе положения об идейном руководстве партии со стороны редакции ее Центрального Органа.[84] Несколько месяцев спустя П.Б.Аксельрод квалифицировал это решение как "организационную утопию теократического характера", вкладывая в данное определение следующий смысл: "светское общество отдается во власть маленького духовного ордена, который к тому же и по географическим, и по иным условиям не может даже находиться на территории управляемых им подданных[85]. По нашему мнению, на решении съезда сказались не только соображения, связанные непосредственно со значением газеты в жиз-

ни партии, но и общее признание исключительной роли идеологического элемента, следовательно, интеллигенции в ее деятельности.

Реализацию партийной интеллигенцией ее идеологической функции предполагают по меньшей мере три резолюции съезда. Одна из них -"О партийной литературе" провозглашает "насущной задачей партии... создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей"[86]. Резолюция "О постановке пропаганды" связывала "рост кадров сознательных рабочих социал-демократов, могущих быть (подчеркнуто нами - В.Д.) руководителями" борьбы пролетариата с постановкой кружковой пропаганды и наличием "достаточного количества опытных и умелых пропагандистов"[87]. В резолюции об отношении к учащейся молодежи на первый план была поставлена задача содействия партийных организаций всем группам и кружкам учащихся в выработке среди своих членов "цельного и последовательного социалистического миросозерцания"[88].

Функции партийной интеллигенции получили также освещение в дискуссии и решениях съезда по организационным вопросам (рассматриваются в третьей главе).

Вообще, на преимущественно интеллигентском по составу съезде[89] проявились некоторые специфические черты политического облика социал-демократической партийной интеллигенции. Среди этих черт - подмеченные еще Б.А.Костюковским в "Вехах" крайне низкий уровень правового сознания революционной интеллигенции. Касаясь известного выступления Г.В. Плеханова (весьма высоко оцененного В. И. Лениным) от -

носительно примата успеха революции как высшего закона по отношению к демократическим, правовым принципам,[90] Б.А.Костюковский назвал "прямо чудовищной" провозглашенную в этом выступлении идею "господства силы" и "захватной власти" вместо господства права.[91] Характеризуя же принятый съездом Устав партии и борьбу вокруг него, развернувшуюся после съезда, тот же автор заметил: "если партия, состоящая из интеллигентных республиканцев, не может обходиться у нас без осадного положения и исключительных законов, то становится понятным, почему Россия до сих пор еще управляется при помощи чрезвычайной охраны и военного положения".[92]

В самом деле делегаты съезда, большей частью интеллигенты, убежденные в том, что являются подлинными демократами и социалистами, принимали программу радикальных демократических преобразований (программа-минимум), сами демонстрируя при этом пренебрежение к демократическим принципам и нормам, исходя, очевидно, из представления об их безусловной подчиненности целям социалистической революции. И подобных взглядов придерживались как будущие большевики, так и будущие меньшевики. Стоит ли говорить, какие непредсказуемые последствия могло иметь подобное отношение к принципам демократии и права со стороны интеллигенции политической партии в случае ее прихода к власти.

Полемика вокруг роли и функций интеллигенции в складывающейся партии выявила общность понимания этих функций представителями наиболее влиятельного течения в социал-демократическом движении, группировавшимися вокруг "Зари" и "Искры". Это

понимание вытекало из сложившегося у них к концу XIX века представления о совершенно особой роли социал-демократической интеллигенции в партии российского пролетариата, обусловленной прежде всего его недостаточным общим и политическим развитием. Преодоление связанных с этим трудностей виделось в основном не на путях повышения образовательного уровня рабочих, борьбы в защиту их реальных, повседневных интересов, а прежде всего на путях инъектирования им теоретического и политического сознания, что, в представлении русских марксистов, должно было привести к политизации движения рабочего класса, вызвать его активное участие в революционной борьбе.

Добиться этого или, по крайней мере, продвинуться в данном направлении можно было только через воздействие на стихийное рабочее движение "извне" сознательного фактора - интеллигенции, разумеется, при содействии участвовавших вместе с нею в процессе партийного строительства общественно активных рабочих. Осознание этого факта сопровождалось, однако, преобладавшим почти религиозным отношением к марксистской теории, не допускавшим ее отхода от "основ", фактическим негативизмом к любому разномыслию.

Объективно важное значение имела функция партийной интеллигенции по выделению кадров политических руководителей разных уровней, по выработке профессиональных революционеров, в том числе по подготовке рабочих революционеров. В целом позитивной явилась ориентация их на выполнение роли народных трибунов, на деятельность в различных слоях общества. При этом, однако, на их формировании могла негативно сказаться недооценка социал-демократическими идеологами демократических принципов, правовых норм и т.д.

§ 2. Полемика о роли и месте интеллигенции в партии

До второго партийного съезда взгляды ведущих марксистских публицистов и, как выявилось на съезде, многих практических работников относительно роли интеллигенции в партии казались идентичными, хотя уже тогда обозначились нюансы в позициях. После съезда, положившего начало большевизму и меньшевизму как двум течениям общественной мысли и их организационному оформлению, эта роль стала предметом острейшей полемики, которая сама явилась частью более широкой дискуссии, развернувшейся в социал-демократической печати по проблемам организационного строительства партии и путях выхода из переживаемого ею внутреннего кризиса.

Выдвижение на первый план вопроса о партийной интеллигенции было связано прежде всего с развитием общей ситуации в стране. Обострение внутриполитической борьбы в условиях тяжелого национального испытания, каким явилась русско-японская война, противоречивые тенденции в правительственной политике, активизация либеральной оппозиции, развитие рабочего и студенческого движения требовали адекватной реакции со стороны социал-демократической интеллигенции, объективно способствуя повышению ее роли в партии. Вместе с тем после прошедшего съезда становилось все более очевидным, что конкретное содержание выполнявшихся ею функций не только в центре, но и на местах контрастировало с общепринятым представлением о рабочей, социал-демократической партии (в западно-европейском смысле). С выяснением роли интеллигенции в РСДРП соприкасался вопрос о характере, типе самой партии, балансе демократических и социалистических задач в ее деятельности, ее месте в российском политическом процессе.

Импульс обсуждению роли и места в партии ее интеллигенции дали опубликованные "Искрой" в конце 1903 - начале 1904 гг. статьи П.Б.Аксельрода под общим заголовком "Объединение российской социал-демократии и ее задачи" и вышедшая в мае 1904 г. брошюра В.И.Ленина "Шаг вперед, два шага назад".

П.Б.Аксельродом был прежде всего поставлен вопрос о характере российской социал-демократической партии. Утверждалось, что по своей теоретической основе и программе она является пролетарской, но по социальному составу руководящих элементов и "характеру организации" - "преимущественно организацией лишь принципиальных сторонников пролетариата среди революционной интеллигенции"[1].

Такой тезис выводился из представления о том, что общественное содержание социально-политического движения определяется не столько его теоретической основой, сколько историческими условиями, вызвавшими его к жизни и, в частности, социальным положением его представителей. В этой связи указывалось на антагонизм двух противоположных тенденций, которые с самого начала имелись в российском социал-демократическом движении, субъективной и объективной, между принципиально пролетарской целью движения и воздействием на массы пролетариата не его передового слоя (как на Западе), а "постороннего", чуждого им социального элемента - радикальной интеллигенции, стремившейся подчинить их своему руководству (что объяснялось относительной общей отсталостью страны, длительной спячкой и совершенной бескультурностью пролетариата, отсутствием в нем самом элементов, способных вывести его на арену политической активности). Проявление этих тенденций в свою очередь усматривалось в противоречии между теоретическим знаменем социал-демократического движения, его идейной оболоч-

кой – ортодоксальным марксизмом, победившим (в лице "Искры" и "Зари") "экономизм" и ревизионизм, и фактическим содержанием деятельности социал-демократии, ее практики, которая не выходила за рамки буржуазного революционизма, общедемократической борьбы против абсолютизма и, хотя будила политическую мысль рабочих масс, мало развивала в них пролетарское классовое сознание и классовую политическую самодеятельность. Результатом действия этих противоречий являлось то, что революционная социал-демократия "стихийным образом" выполняла "роль заместителя буржуазной идеологии в освободительной борьбе против абсолютизма"[2].

По логике автора, этот результат "бессознательно, стихийно" отражался и фиксировался в "организационных утопиях, отмеченных печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладке", в противопоставлении "горсти избранных носителей социал-демократической сознательности массе рабочих и массе практиков как представителям "стихийности" и "бессознательности", в организационных проектах "подчинения целой партии одному или нескольким хранителям доктрины", в "организационном фетишизме", "бюрократическом централизме", в превращении членов партии в "винтики, колесики", которыми "по личному усмотрению распоряжается всеведущий центр", в отсутствии политической работы "в социалистическом пролетарском смысле" и т.п.[3] Подразумевалось, что проводниками этих идей и этой линии поведения, а, следовательно, носителями радикально-интеллигентской тенденции выступали В.И.Ленин и его сторонники. Сам автор видел задачу социал-демократической интеллигенции в перенесении центра тяжести с вопросов организационных на вопросы содержания деятельности партии, реформирования ее практики "в принципиально пролетарском смысле", в содействии

развитию классового самосознания и политической самодеятельности рабочих масс с тем, чтобы подготовительный процесс буржуазной революции явился одновременно процессом политического воспитания и объединения рабочих масс в партию[4].

Много лет спустя передавая свое первоначальное впечатление от названных аксельродовских статей, Н.Валентинов отмечал, что они показались ему надуманными и неприятно напомнили о высказываниях его киевского товарища, полагавшего, что приход интеллигентов к рабочим лишь совлекает их с правильного пути и затемняет их сознание, ставя перед ними ближайшей задачей не социалистическую революцию, а буржуазную[5]. Интересно здесь то, что в памяти тогдашнего большевика, ставшего вскоре меньшевиком, отложилось восприятие аксельродовской точки зрения, ассоциировавшейся со взглядами, в которых угадывался отголосок махаевщины.

Что касается автора брошюры "Шаг вперед, два шага назад", то, подхватив и приняв выдвинутый в рассмотренных статьях тезис об антагонизме между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в российском социал-демократическом движении, он упрекал П.Б.Аксельрода в том, что тот не сделал попытки проанализировать с точки зрения указанного им антагонизма деление российской социал-демократии на ортодоксальную и оппортунистическую. Между тем, как подчеркивал В.И.Ленин, именно указанный антагонизм "в значительной степени... объясняет то деление современной социал-демократии на революционную... и оппортунистическую..., которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения"[6]. Отсюда стремление вывести прямую, закономерную связь между удельным весом интеллигенции в партии и проявлениями в ней оппортунизма: "Обилие представителей ради-

кальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличность порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и самых различных формах"[7]. Как видим, внимание фиксировалось на специфической психологии интеллигенции, присущей и той ее части, которая состояла в рабочей партии, тем более, что, как признавал автор, процент интеллигенции в РСДРП был значительно выше, чем в западноевропейских партиях[8]. Критика черт этой психологии, явно стимулировавшаяся тем обстоятельством, что "главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы партии, которые являлись по-преимуществу интеллигентскими"[9], занимает в "Шагах" заметное место.

Однако автор брошюры не выступает здесь первооткрывателем. Еще К.Маркс и Ф.Энгельс отмечали, что интеллигенты нередко приносят в партию мелкобуржуазные взгляды, эклектизм идейных воззрений, "стремление обучать других тому, чего они сами не изучали", чувство превосходства над рабочими, претензии на то, что академическое образование дает "офицерский чин" с правом на соответствующие посты в партии, а также самомнение, бесхарактерность и т.д. В наплыве интеллигентов, обладающих подобными чертами, не усвоивших пролетарского мировоззрения, они видели серьезный вред для рабочей партии[10]. К.Каутский считал, что лишь отдельные интеллигенты способны изменить свой характер и "всецело войти в классовую борьбу пролетариата", ибо для интеллигента характерны стремление к полной свободе проявления личности, причисление себя к избранным душам, неприятие дисциплины, неуважение воли большинства и т.п.[11].

Среди отрицательных свойств, которые могут влиять на поли-

тическое поведение партийной интеллигенции, В.И.Ленин на первое место выносил индивидуализм (часто с добавлением "анархический"), неспособность к организации и дисциплине, чем, в его представлении, в общем и целом характеризуется интеллигенция и чем невыгодно отличается от пролетариата[12]. У некоторых интеллигентов-партийцев он находил такие черты как неустойчивость, хлюпкость, "стремление причислять себя к "избранным душам", гипертрофированное чувство личной обиды[13]. Указанные особенности объяснялись прежде всего объективными условиями жизни и труда интеллигенции, "приближающимися в очень и очень многом к условиям мелкобуржуазного существования (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т.д.)".[14] Поскольку эти условия не дают непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде "интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни"[15].

Анархическому индивидуализму, другим чертам психологического склада интеллигенции противопоставлялись пролетарский коллективизм и организованность. Дисциплина и организация, - писал В.И.Ленин, - "особенно легко усваиваются пролетариатом", благодаря фабричной школе, организующей стороне фабрики, состоящей в дисциплине, основанной на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства"[16]. Образ фабрики во главе с директором - ЦК, дирижирующим и одержимым стремлением "тащить и не пущать", еще до выхода в свет ленинской брошюры был введен в оборот для характеристики ленинской организационной модели меньшевистским публицистом М.С.Макадзюбом ("Практиком") в "Искре"[17]. Впоследствии В.И.Ленин оспаривал утверждение Р. Люксембург, будто он восхвалял воспитательное значение

фабрики, подчеркивая вместе с тем недопустимость смешения двух различных сторон фабричной дисциплины[18] и подтверждая тем самым точку зрения, выраженную в "Шагах".

В дальнейшем Л.Д.Троцкий, а затем и А.Л.Парвус пытались обнаружить противоположность оценок В.И.Лениным в "Что делать?" и "Шагах" роли социалистической интеллигенции (в первом случае носительнице социалистического сознания, вносящей его в пролетариат, во втором - носительнице "анархического индивидуализма") и пролетариата (в первом случае стихийно влекомого к тред-юнионизму, во-втором - дающего уроки политической дисциплины интеллигенции)[19]. Насколько, однако, правомерно говорить о противоречии между приведенными ленинскими суждениями?

Нами выявлено в Центральном партийном архиве письмо примыкавшего в рассматриваемый период к большевикам В.Л.Коппа, адресованное В.Д.Бонч-Бруевичу от января 1904г., написанное под свежим впечатлением от упомянутой статьи П.Б.Аксельрода и задолго до появления "Шагов". В письме отмечалось, что в основе происходивших в партии процессов лежал "серьезный, трудно разрешимый конфликт" между психологией "революционеров из буржуазной среды" и внутренней логикой массового пролетарского движения. Поставленный автором вопрос "быть или не быть нам серьезной политической партией" сводился им к дилемме: раствориться окончательно в местной практической работе с поворотами то влево, то вправо и тем отдать "последнюю дань нашей интеллигентской психологии" или "слиться в одну великую армию, в которой каждый солдат, чувствуя себя частицей одного великого целого и не заботясь о личной славе был бы готов с радостью всю жизнь бороться и умереть на своем посту"[20]. Вторая перспектива од-

нозначно связывалась с концепцией "Что делать?". Как подчеркивалось в письме, именно в этом произведении была "впервые высказана во всей ее полноте и законченности" мысль, являющаяся "осью, вокруг которой вертятся все рассуждения автора" о том, что только в рамках строго и разумно централизованной организации" возможен рост сознательности передовых рабочих и "перевоспитание "белых ворон" в революционеров, мыслящих и действующих в такт с пролетарским сознанием и потерявших, таким образом, все следы революционного "фетишизма"[21]. Суть вопроса для автора письма заключалась в том, чтобы "обеспечить наиболее сознательным, доработавшимся до понимания задач пролетарской политики элементам (т.е., по его логике, прежде всего тем же интеллигентам, приверженным дисциплине и централизму, проникшимся пролетарским сознанием - В.Д.) максимум влияния на партийную жизнь"[22].

Выраженная в проанализированном документе позиция указывает на то, что по крайней мере часть партийных работников была готова воспринять идеи "Шагов" как дополнение и логическое развитие суждений, высказанных в "Что делать?". И в этом, как нам представляется, они не ошибались. В самом деле, неоспоримый для В.И.Ленина пролетарский характер партии, ассоциировавшийся в его сознании, в частности, со строжайшим централизмом и вертикальной дисциплиной, требовал, между прочим (и в период написания "Что делать?") от каждого интеллигента-партийца неукоснительного следования им, владения конспиративным мастерством, беспрекословного выполнения порученного более высокой инстанцией дела (в соответствии с разделением революционного труда). При

этих условиях, согласно ленинской логике, интеллигент-партиец мог внести позитивный вклад в осуществление той или иной функции. Критика интеллигентской психологии в "Шагах" относилась, очевидно, не ко всей партийной интеллигенции, а лишь к той ее части, которая, в представлении автора, не проявляла готовности следовать "фабричной" дисциплине пролетарской партии. О таком подходе большевистского лидера говорит сделанное им в брошюре, пафос которой направлен на выявление негативных свойств интеллигенции, участвующей в партийной деятельности, напоминание о ее положительном вкладе в эту деятельность: "Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов - интеллигентов". Тут же следовала примечательная оговорка: "Но по мере того, как складывается у нас настоящая партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента"[23].

Таким образом, с различных позиций и П.Б.Аксельрод, и В.И.Ленин выходили на констатацию того, что трудности становления партии до ее II съезда, ее кризисное развитие после съезда были в значительной степени связаны с тем местом, которое изначально занимала в социал-демократическом движении интеллигенция, с той ролью, которую она играла в складывающейся партии.

Следует отметить, что среди социал-демократов раздавались голоса и против такой увязки. Например, Д.Б.Рязанов полагал, что попытка объяснить кризис партии ее интеллигентским составом ошибочна с точки зрения теоретических предпосылок и "опровергается всей историей российского социал-демократического движения". По мнению этого автора, подобная попытка, с одной стороны, изображала интеллигенцию "всех бед причиной" и была выгодна адеп-

там "чисто рабочего движения", инсценировавшим "походы" против нее, а, с другой стороны, представляла рабочих как пустые сосуды, в которые "всякий "интеллигент" может "извне" вливать что ему угодно" (намек на ленинскую "теорию стихийности")[24]. Точка зрения Д.Б.Рязанова сводилась к тому, что ответственность за кризисное развитие партии в одинаковой степени несут и интеллигенты и рабочая интеллигенция.

Однако в социал-демократической публицистике определенно преобладало мнение о том, что роль и место интеллигенции в партии - остро актуальный вопрос не только ее внутренней жизни, но и рабочего, революционного движения. Об этом свидетельствовало участие в развернувшейся в печати полемике видных меньшевистских деятелей Г.В.Плеханова, Ф.И.Дана, Ю.О.Мартова, А.Н.Потресова, Л.Д.Троцкого, большевистских публицистов А.А.Богданова, В.В.Воровского, М.С.Ольминского, М.Н.Лядова, теоретиков западной социал-демократии К.Каутского, Р.Люксембург, А.Парвуса.

Полемика сосредоточилась на трех ключевых направлениях.

Первое направление - о характере партии. В развитие высказанных им ранее идей П.Б.Аксельрод еще более усилил акценты, характеризуя РСДРП как партию "революционной интеллигенции, опирающейся на пролетариат", как "нечто среднее, промежуточное - ни рыба, ни мясо", как продукт "революционного движения интеллигенции, искавшей во имя социализма опору в народных массах", чтобы разрешить задачу буржуазной революции[25]. В приостановке внутреннего развития российской социал-демократии "из интеллигентской фракции в чисто пролетарскую партию" автор видел непосредственный источник ее кризиса[26].

Тот же сюжет активно разрабатывался другими меньшевистскими литераторами. Так, Ю.О.Мартов доказывал, что партия являлась рабочей только идейно, по своим субъективным устремлениям, однако, не могла считаться таковой ввиду преимущественного состава ее организаций (комитетов), в числе которых пр цент рабочих был весьма незначителен. В его представлении, РСДРП "как нельзя менее похожа на организацию пролетариата, ибо последний не составляет ее ядра, а целиком находится вне ее, на "европейский масштаб" она - "всего только организация руководителей пролетарской борьбы, а не организация борющихся пролетариев"[27]. Полагая, что преимущественно интеллигентский характер партии проявлялся (усиливаясь) со времени "экономизма" и в искровскую эпоху, автор относил его как к РСДРП в целом, так и к ее местным организациям. Он находил, что среди групп интеллигентов социал-демократов "в ничтожном количестве теряются отдельные пролетарии"[28]. Еще большая категоричность была продемонстрирована в отношении характера большевистской фракции. Как заявлял Ю.О.Мартов, большинство строит "ультрацентралистически свою интеллигентскую организацию"[29].

По утверждению Л.Д.Троцкого, то, что считали партией В.И.Ленин и его единомышленники, в действительности являлось стоявшей над пролетариатом организацией, на 3/4, если не на 9/10 состоявшей из марксистской интеллигенции, руководившей примитивными проявлениями классовой (экономической и политической) борьбы пролетариата и совершавшей время от времени походы "во все классы населения"[30]. Период "Искры" виделся ему по своему объективному политическому смыслу эпохой непосредственной борьбы за революционную интеллигенцию, за "слой

высшей возбудимости и проводимости", соединяющий буржуазное общество с революционной массой. Сама же "Искра" характеризовалась не как орган непосредственного руководства политической борьбой пролетариата, а как "орган политической самозащиты социал-демократической интеллигенции" во имя вовлечения пролетариата в общедемократическую борьбу, как принципиальная политическая платформа, служащая размежеванию "в среде марксистской, полумарксистской и чуть-чуть марксистской интеллигенции"[31]. Как считал автор, интеллигенция играла в партии "руководящую роль"[32].

В вопросе о характере партии Г.В.Плеханов выделял два аспекта. Тот факт, что российская социал-демократия называет себя рабочей партией, - подчеркивал он, - "не самозванство с ее стороны. Она, несомненно, - рабочая партия в том смысле, что она стоит на точке зрения интересов рабочего класса и защищает эти интересы как может и как умеет". Однако тут же, в согласии с общим меньшевистским подходом основатель группы "Освобождение труда" продолжал: "Если бы нас спросили, какую роль играют рабочие в ее (партии) внутренней жизни, то мы, не желая скрывать истину, ответили бы: почти никакой. Главным вершителем ее судеб являлась до сих пор так называемая интеллигенция..."[33].

Близкий к плехановскому подход нашел отражение в составленном Ф.И.Даном докладе делегации РСДРП Амстердамскому международному социалистическому конгрессу (август 1904 г.). Там отмечалось, что в отличие от западноевропейского социал-демократического рабочего движения русская социал-демократия выступила вначале на историческую сцену не как "организация

передового слоя пролетариата, в процессе политической борьбы пришедшего к сознанию своих классовых интересов", а как "организация части революционной интеллигенции, разочаровавшейся в прежних методах своей борьбы за свободу и понявшей, что в капиталистически развивающейся России только пролетариат может дать надежную опору для борьбы с царизмом"[34]. Правда, несколькими строками ниже говорилось о пролетарском характере партии.

С меньшевистскими взглядами в общем солидаризировалась Р.Люксембург, заявлявшая, что "выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться, находится (в России) лишь в процессе возникновения". Вместе с тем она подчеркивала: "...та среда, из которой в России вербуются социалисты-интеллигенты, имеет, разумеется, гораздо менее определенный классовый характер, гораздо более деклассирована в точном смысле этого слова, чем западноевропейская интеллигенция"[35]. Признавая преобладание интеллигенции в российской партии, Р.Люксембург рассматривала, как видно, в качестве специфической национальной черты этой интеллигенции потенциальную возможность сближения интересов известной ее части с интересами пролетариата, а, следовательно, и более широкого и органического - в сравнении с западноевропейскими партиями - присутствия интеллигентских элементов в РСДРП.

Особая роль интеллигенции в русской социал-демократии определяла, по мнению пытавшегося встать "над фракциями" А.Л.Парвуса, характер "централизованной, заговорщической, интеллигентской организации", над созданием которой в действительности работала "Искра". При этом проводилась мысль об

интеллигентской природе как большевизма, так и меньшевизма. Стремление "случайного большинства в один голос подчинить себе и подавить меньшинство" объявлялось "чисто интеллигентской затеей". Но чисто интеллигентским признавалось и обособление меньшинства, вытеснение им большевиков[36].

Жизненно важным меньшевистские идеологи считали сформулированный П.Б.Аксельродом вопрос: "Что и как нужно сделать для того, чтобы русская социал-демократия из промежуточного в политическом отношении существа превратилась хоть отчасти в действительно пролетарскую классовую партию"[37]. Однако анализ рассматриваемых работ показывает, что их авторы затруднялись определить конкретные пути и средства реализации этой цели. Они обычно ограничивались общими высказываниями в пользу развития классовой самодеятельности пролетариата, активного участия его передового слоя на началах централизма (в европейском смысле) во всех проявлениях внутрипартийной жизни[38] и т.п.

Взгляды меньшевиков на характер партии оспаривались их оппонентами. В противовес точке зрения, высказанной на Амстердамском социалистическом конгрессе Ф.И.Даном, в докладе большевиков на том же конгрессе, автором которого был М.Н.Лядов проводилась мысль о последовательно пролетарском характере российской социал-демократической партии. Отвергая относившиеся еще к периоду II съезда РСДРП меньшевистские утверждения о том, что отстаиваемая большевиками строго конспиративная организация неизбежно должна была быть чисто интеллигентской, докладчик обращ л внимание на два обстоятельства: во-первых, на наличие среди профессиональных революционеров рабочих

и неизбежный прогрессирующий рост их числа в будущем; во-вторых, на непосредственную связь отдельных "колесиков" партии со всей рабочей массой, непосредственную работу пропагандистских и агитационных кружков в этой масса. В названных обстоятельствах автор видел гарантию пролетарского духа партии и вместе с тем доказательство необоснованности опасений ее возможного превращения в интеллигентскую, заговорщическую, бланкистскую организацию[39].

В связи с предложенной П.Б.Аксельродом схемой эволюции социал-демократического движения в России М.С.Ольминский указывал, что в ней игнорировалось влияние промышленного развития, роста рабочего движения, в результате чего получалось, что "интеллигенция критикует и меняет ее,интеллигенция вовлекает рабочих в движение, словом, она - пуп вселенной". Автор делал вывод о внутреннем родстве идей П.Б.Аксельрода с народнической теорией критически мыслящей личности[40].

На утверждение Ю.О.Мартова о том, что РСДРП не является рабочей партией "по преимущественному составу ее комитетов" А.А.Богданов парировал: "Вот он "небюрократический взгляд"на партию. Для тайного советника Мартова люди начинаются только со статских советников, члены партии - только с комитетов"[41].

Возражая Ю.О.Мартову, П.Б.Аксельроду, Р.Люксембург по существу их рассуждений об интеллигентской сущности партии, А.А.Богданов указывал на то, что за последние 12-15 лет в России велась энергично и в широких размерах пропагандистская и организационная работа среди пролетариев, а стихийное массовое движение доставляло для этой работы и богатый человеческий материал, и живые стимулы, и возрастающее конкретное

содержание. В ходе борьбы создавался "сознательный пролетарский авангард", способный "выразить свою волю в движении, а не идти на помочах у интеллигенции". Этот развивающийся авангард, а "не два десятка комитетов" составили основу партии. На каждого социал-демократа-интеллигента, - доказывал автор, - приходятся десятки организованных рабочих вовсе не пассивных, политических младенцев, а проявляющих активно сознательное отношение к работе организаций и комитетов[42]. Вместе с тем признавалось, что в российской партии "сознательный авангард пролетариев гораздо малочисленнее, чем в партиях других стран", и уровень его политического воспитания ниже[43].

Основной тезис, защищавшийся А.А.Богдановым, состоял в том, что выделение пролетарского авангарда есть совершившийся факт, что РСДРП - не отчасти, а в значительной мере действительно пролетарская партия, причем не только идейно, но и по своему составу. В этом он видел условия для создания стройной, по возможности централизованной партии, строительство которой считал незавершенным[44].

Второе направление - о связи интеллигентской психологии с проявлениями в партии оппортунизма прежде всего в области организационных отношений. Ленинский тезис о наличии такой связи встретил активное неприятие не только у меньшевистских литераторов, но и у деятелей западноевропейской социал-демократии. Отвергая как "вздор, придуманный для гипноза несознательных интеллигентов", само понятие "организационный оппортунизм", поскольку "оппортунизм не может ограничиваться вопросами организации"[45], Ю.О.Мартов отказывался видеть прямую связь между психологией мелкобуржуазной интеллигенции и

оппортунистическими тенденциями в партии. Он писал: "Послушать его (В.И.Ленина. – В.Д.), так "массовой" интеллигент-революционер при всяких условиях и везде сообразно своей "природе" является в политической организации индивидуалистом-автономистом[45-46]. В свою очередь Р.Люксембург приписывала В.И.Ленину мысль о врожденной шаткости и индивидуализме социалистической интеллигенции[47].

Не отрицая вслед за К.Каутским связи организационных взглядов правого крыла немецкой социал-демократии с политической психологией буржуазной интеллигенции, Л.Д.Троцкий возражал против того, чтобы экстраполировать такую связь на Россию. Он, в частности, подчеркивал необходимость видеть различия в организационных (указывалось на их глубокое внутреннее соотношение с социально-политическими) позициях социалистической интеллигенции до и после буржуазной революции. Утверждалось, что одни и те же свойства толкают дореволюционную интеллигенцию к якобинизму, к заговорщическим и централистическим организациям, а интеллигенцию пореволюционную – к реформизму, к притуплению острых граней классовой борьбы[48].

Л.Д.Троцкий выступил с резкими возражениями по поводу стремления В.И.Ленина вывести организационные принципы внутрипартийных отношений из пролетарского "коллективизма" и "организованности". Касаясь суждений своего оппонента о воспитательной роли фабрики, Л.Д.Троцкий подчеркивал, что казарменный

режим не может быть режимом партии, как фабрика не может быть ее прообразом. Он утверждал, что русский пролетариат, в котором социал-демократическая интеллигенция едва начала развивать политическую самостоятельность, "не способен еще давать уроки дисциплины своей интеллигенции, сколько бы фабрика не упражняла его в совместном труде"[49]. Фабричной дисциплине автор противопоставлял революционно-политическую дисциплину, связанную общностью политического сознания и революционного энтузиазма[50].

Согласно Л.Д.Троцкому, для В.И.Ленина члены партии были всего лишь "верующие в центр дроби", а тормозом ее развития выступала "совокупность индивидуальностей разного уровня развития, разных оттенков мировоззрения, разного темперамента", т.е. "материальное тело партии"[51]. Эти слова в защиту личного творческого вклада члена партии в ее деятельность были, очевидно, направлены против обвинений большевистского лидера по адресу меньшевистской интеллигенции в "анархическом индивидуализме".

Попытки увязать оппортунизм в партии с психологией ее интеллигенции оспаривала Р.Люксембург. Усиленное подчеркивание природных способностей пролетария к социал-демократической организации и заподозривание интеллигентов, считала она, еще не является выражением революционного марксизма. При этом абстрактно допускалась большая предрасположенность интеллигенции по сравнению с сознательными пролетариями к оппортунистическим шатаниям, признавалась и связь между оппортунизмом и интеллигентскими элементами в практике западноевропейской социал-демократии. Однако оппортунистические тенденции, в

том числе в организационных вопросах (к автономизму и децентрализации в партии), выводились не из врожденной "распущенности" и "хлюпкости" интеллигенции, а из "политики оппортуниста", применительно к Западной Европе, прежде всего, из наличия буржуазного парламентаризма[52]. В России же, по мнению автора, "для возникновения специфически активной склонности к дезорганизации отсутствует... у интеллигента социал-демократа не только положительная точка опоры в виде буржуазного парламентаризма, но и подходящая социально-психическая среда". Р.Люксембург полагала, что если для западноевропейского интеллигента характерна склонность к индивидуализму, то для русского - к самоотречению, самобичеванию и т.п.[53].

"Крайнюю опасность" ленинских организационных взглядов Р.Люксембург видела в том, что они сковывали рабочее движение панцирем бюрократического заговорщического централизма, принижали пролетариат до роли "послушного орудия в руках комитета". Категорически отвергалась какая бы то ни была аналогия между добровольной самодисциплиной рабочей партии и механической, предполагающей отсутствие воли и мысли дисциплиной фабрики или казармы. В представлении автора именно строгий деспотический централизм являлся специфической организационной тенденцией, характерной для интеллигентского оппортунизма. Ленинским организационным принципам противопоставлялся "самоцентрализм" рабочих в своей партии, их революционная самодеятельность[54].

В свою очередь К.Каутский обращал внимание на то, что спор в российской партии лишь "случайно" имеет "внешнее

сходство" со столкновениями между пролетарской дисциплинированностью и интеллигентским индивидуализмом в вопросе об автономизме местных организаций в германской социал-демократии. Применительно к РСДРП он не находил принципиального противоречия между пролетарскими и интеллигентскими стремлениями, заявляя, что "не нужно преувеличивать значения организационных вопросов в том виде как они поставлены перед русскими социал-демократами. В основе спора между ними, по мнению К.Каутского, лежало противоречие между условиями существования открытой организации, с одной стороны, и тайной, с другой[55)].

Не затрагивая фактически вопроса о связи между оппортунизмом и психологией партийной интеллигенции, А.Л.Парвус делал акцент на таких ее чертах как индивидуализм, стремление к выдвижению героев и следованию за ними. В его представлении, этими чертами в значительной степени обусловливался строгий внутренний централизм небольших отрядов революционной интеллигенции, обычно в форме диктатуры, что составляло основу организационной схемы В.И.Ленина. Касаясь полемики, разногласий между большевистской и меньшевистской интеллигенцией, автор отмечал, что эти разногласия стали "самодовлеющей силой", причем интеллигенция как элемент беспокойный, проникнутый "критицизмом" отличалась склонностью"преувеличивать политическое значение разности взглядов"[56)].

Со своей стороны большевистские публицисты стремились вслед за В.И.Лениным показать связь меньшевистских идей с социально-психологическими особенностями интеллигенции. Задаваясь вопросом, существует ли в социал-демократии "почва для принципиальных разногласий", М.С.Ольминский указывал, что

в партию входят и исконные чистые пролетарии крупных промышленных предприятий, и люди, недавно вышедшие из мелкобуржуазной среды и не сумевшие окончательно порвать с ее психологией,- в том числе интеллигенция, по условиям жизни имеющая мало общего с фабричными или заводскими рабочими. Разница в положении вызывает оттенки в понимании общественных явлений"[57].

Однако М.С.Ольминский, как, впрочем, и А.А.Богданов, не ограничивался пропагандой и популяризацией ленинских взглядов, пытаясь самостоятельно и непредвзято разобраться в проблемах партийного развития. Например, отмечалось, что если В.И.Ленин видел источник внутрипартийного деления в антагонизме пролетарской и интеллигентской точек зрения, то сам он - в делении "на российских и заграничных товарищей". Среди первых "задает тон пролетариат и интеллигентская молодежь, не имевшая времени закаменеть в психике общественного положения интеллигента", а среди вторых - "пожилые литераторы, насквозь пропитанные специфически интеллигентскими чертами психики", оторванные от российской действительности[58]. Хотя М.С.Ольминский оговаривался: наши (т.е. В.И.Ленина и его) "определения не так разнятся как кажется с первого взгляда", высказанные им соображения о том, что "нельзя подгонять под один шаблон российскую и заграничнук части организации" свидетельствовали о достаточно осторожном и взвешенном подходе к меньшевистской интеллигенции. Об этом же говорила его рекомендация о вхождении заграничных литераторов в практические организации с тем, чтобы они были связаны с обыденной политической практикой[59].

Идеи К.Каутского и В.И.Ленина о сложности адаптации интеллигенции к пролетарской организации защищал и развивал А.А.Бог-

данов. Он отмечал, что "интеллигент по своей социальной природе гораздо менее предрасположен к организационной дисциплине, чем пролетарий", его деятельность, подобно ремесленнику, "протекает в индивидуалистической форме". Поэтому ему требуются "особенные усилия, чтобы преодолеть некоторую стихийную антипатию к дисциплине партии, и эта антипатия легко прорывается в виде проявлений анархической тенденции", которая, в свою очередь, способна порождать "организационный оппортунизм"[60]. Тяготение интеллигентских элементов партии к меньшевикам А.А.Богданов объяснял их защитой индивидуалистических и анархических тенденций, столь дорогих "сердцу интеллигента"[61].

В этой связи А.А.Богданов полемизировал с К.Каутским, считая, что того "ввело в заблуждение незнакомство с конкретными условиями развития нашей партии". Имея в виду мартовскую формулировку первого параграфа Устава партии, он писал: "Если бы он (К.Каутский) знал, какой грандиозный вред принесли ей (партии) различные чуждые ей элементы, которые долго к ней примазывались, разные "легальные марксисты", особенно из литераторов, то он вряд ли стал бы защищать ту формулировку, которая предупредительно наделяет всю эту публику правами членов партии"[62]. Критике было подвергнуто и утверждение Р.Люксембург будто бы дезорганизаторские, индивидуалистические тенденции свойственны только западноевропейской социал-демократической интеллигенции (главным образом в силу традиций буржуазного парламентаризма), а русской, напротив, присущи "самоотречение", "культ мозолистого кулака" и т.п. По мнению А.А.Богданова, эти качества-лишь особые формы"индивидуалистического аскетизма"с"анархической окраской", не имевшие ничего общего с идеями организа-

ционной дисциплины и централизма[63].

Представляет интерес стремление автора объяснить "кооптационное упорство" меньшевистской интеллигенции помимо прочего верой в возможность решения реальных противоречий путем бюрократической смены лиц, которая, в его представлении, вообще отличала русскую интеллигенцию в силу ее исторического развития под прессом бюрократического режима, перемены в давлении которого всегда воплощаются в смене "князя Ивана" "князем Петром" и т.д.[64]. Любопытно, однако, что П.Б.Аксельрод, в свою очередь, делал акцент на том, что абсолютизм является "благодарной почвой для произрастания таких плодов" как "организационные проекты" большевиков[65]. Весьма примечательное совпадение попыток меньшевистского и большевистского публицистов увязать линию поведения социал-демократической интеллигенции с влиянием на нее бюрократических традиций российской государственности!

Третье направление - о трактовке соотношения стихийности и сознательности в рабочем движении. В ходе рассматриваемой полемики поднимается вторая - по отношению к имевшей место после выхода в свет "Что делать?" - волна критики изложенной там концепции, на этот раз исходившая от меньшевистских литераторов.

В специально посвященной данному сюжету статье Г.В.Плеханов сосредоточился на критическом разборе двух тезисов: о возникновении учения социал-демократии "совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения" и о способности рабочего класса "исключительно своими собственными силами выработать только тред-юнионистское сознание". Оппонент В.И.Ленина ка-

тегорически утверждал, что развитие идей К.Маркса и Ф.Энгельса, переход самих членов группы "Освобождение труда" к марксизму совершались в прямой зависимости от развития стихийного движения пролетариата. Обильно цитируя К.Маркса, Ф.Энгельса, К.Каутского, Г.В.Плеханов доказывал, что их взгляды ничего общего не имеют с ленинскими и сводятся к следующему: влекомый непобедимой силой современных общественных отношений пролетариат ввиду своего положения в капиталистическом обществе обнаруживает социалистические стремления, движется в направлении социалистической революции, социализма и неизбежно пришел бы к нему даже "если бы был предоставлен самому себе", в то время как "великое историческое значение" революционной бациллы - социал-демократической интеллигенции состоит в том, чтобы ускорить это движение, сделать его более осмысленным и целенаправленным[66].

При этом давалась следующая интерпретация ленинских идей. Историческая роль пролетариата "всегда определяется интеллигенцией того или другого образа мыслей". Рабочая масса представляет собой "неисторический элемент истории". Как пассивный элемент, не имеющий собственного движения, она противостоит социалистической интеллигенции как активному элементу, "к деятельности которого приурочиваются все шансы освободительного движения пролетариата и социалистической революции". Эта интеллигенция, "отмеченная печатью дара духа святого", производит свои операции над массой и пока "не осенит" ее "революционной благодатью своей сознательности", та остается "в духовной и материальной зависимости от буржуазии"[67]. Из такого толкования взглядов В.И.Ленина делался вывод, что он "объявил

социалистическую интеллигенцию демиургом социалистической революции,...самого себя и своих верных, беспрекословных последователей - социалистической интеллигенцией по преимуществу, так сказать, сверх-интеллигенцией", а всех "несогласномыслящих" обвинил в "анархическом индивидуализме"[68].

Заметив в связи с этим, что в произведении "Шаг вперед, два шага назад" его автор "логически развивая свои мысли" сделал "много шагов назад даже сравнительно с брошюрой "Что делать?", Г.В.Плеханов рассматривал апелляцию к пролетариату, единственно понимающему "все значение организации и дисциплины", лишь как прием для запугивания идейных и политических противников[69]. Проводилась аналогия с обращением к "народной мудрости" идеологов самодержавия в случае появления в недрах "высших классов" вольнолюбивых идей[70].

В.И.Ленин обвинялся в экономизме, поставленном "вверх ногами" (приписывание интеллигенции решающей, незаменимой роли в рабочем движении в противовес отрицанию ее положительной роли вообще), в следовании идеалистической теории "героев и толпы" (в духе раскритикованных К.Марксом взглядов Б.Бауэра, противопоставлявшего "критическую критику", воплощенную в небольшой горсти избранных, массе, как "пассивному неодухотворенному, неисторическому элементу истории"), в заимствовании представлений народников, в особенности М.А.Бакунина об отношении профессиональных революционеров к массе[71]. Практический вред ленинских идей Г.В.Плеханов усматривал в том, что они вели к подмене широкой, освободительной, классовой политики "кружковым политиканством", бесконечным столкнове-

ниям между собой враждующих групп профессиональных революционеров с "кружковыми диктаторами" во главе[72)].

Примерно в том же ключе толковал ленинские идеи А.Н.Потресов, связывая их с эволюцией сознания социал-демократической кружковой интеллигенции. В середине 90-х годов ее взоры были прикованы к пролетариату, и она, сражаясь за марксизм, искала ответы в западноевропейском рабочем движении. В начале XX в. "пролетариат оставался величиной огромной и многозначительной", принимавшейся в расчет, но величиной постоянной в политическом уравнении, решение которого зависело в первую очередь от величины "переменной", т.е. организации профессиональных революционеров, состоявшей почти исключительно из социал-демократической кружковой интеллигенции. Эта интеллигенция "стала в своих собственных глазах решающей инстанцией". По утверждению А.Н.Потресова, вопрос о будущности русской социал-демократии сводился для В.И.Ленина и его сторонников к тому, окажется ли интеллигенция способна образовать крепкую организацию профессиональных революционеров, воспитывающих пролетариат. "Таким образом, - констатировал А.Потресов, - революционер превращался в демиурга истории, а пролетариат как масса, несмотря на все почтение, обычно ему изъявляемое, оставался в положении объекта, первосортного материала вне рядов подлинных творцов революции"[73)]. Высказанные в "Что делать?", "ленинском кредо интеллигенции", идеи о соотношении сознательности и стихийности в рабочем движении А.Н.Потресов трактовал как приписывание кружковой интеллигенции, олицетворявшей сознательность социал-демократии, "заманчивой роли спасителя пролетариата"[74)].

Те же идеи Л.Д.Троцкий связывал с представлениями их автора о положении интеллигенции в строящейся организации. "Когда Ленин, - писал он, - подсовывал Каутскому абсурдные представления об отношении "стихийного" и "сознательного" элементов в революционном движении пролетариата, он просто грубыми мазками рисовал задачу своего периода... накачать интеллигенцию марксизмом ("концентрированным раствором сознательности"), закрепить, связать по рукам и ногам, чтоб не разбредалась, чтоб не перебегала, чтоб не предательствовала... чтоб пикнуть не смела против Маркса, чтоб не дышала!..."[75]. По логике автора, именно большевистская интеллигенция активно следовала идущей от периода старой "Искры" практике "отдумывания" за пролетариат, его "политического за.естительства"[76].

Неоднократно осуждая на страницах своей брошюры эту практику, Л.Д.Троцкий шел в критике взглядов В.И.Ленина еще дальше, обвиняя его в "теоретическом покушении на классовый характер" партии[77]. Такое покушение он увидел прежде всего в ленинском тезисе из "Шагов", гласившем, что "якобинец, связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы,и есть революционный социал-демократ"[78]. Этот тезис в сочетании с констатацией, что в организационных взглядах В.И.Ленина не было ничего собственно социал-демократического, был использован для изображения В.И.Ленина и его последователей тяготеющими к радикально-буржуазной или радикально-интеллигентской, во всяком случае противопролетарской тенденции, притом заговорщического, бланкистского толка[79].

Таким образом, ленинские идеи истолковывались Л.Д.Троцким в том смысле, что большевистская интеллигенция, постав-

ленная под жесткий идеологический контроль в рамках сверхцентрализованной организации, осуществляет опеку над пролетариатом, его "заместительство", выступая, по крайней мере потенциально, носительницей не пролетарских, а радикально-интеллигентских тенденций (тех самых, которые большевистский лидер в свою очередь находил у меньшевистской интеллигенции).

Собственное толкование изложенной в "Что делать?" "теории стихийности" предложил А.Л.Парвус.Он считал ленинский тезис о приспособлении стихийного рабочего движения к капиталистическому порядку "совершенно бернштейнианским взглядом на вещи". Исходя из того, что социалистические идеи, выдвигаемые интеллигенцией, только и имеют значение, поскольку они являются выражением "реального исторического процесса", этот автор критиковал В.И.Ленина за превращение им материалистического социализма в идеологию, доктрину, которая должна "изменить характер политического процесса", за выводившиеся отсюда задачи "просвещенных социалистов", профессиональных революционеров, искушенных в централизации и узкой конспирации, направлять рабочие массы в социально-революционное русло. С констатацией "вреда" и "нелепости" опеки интеллигенции над рабочими соседствовало предостережение от другой крайности, замечавшейся "в русской интеллигентской среде", а именно против "слепого поклонения интеллекту масс", ожидания от одного классового инстинкта рабочих безошибочного разрешения всех политических вопросов . Автор высоко оценивал теоретическую работу мысли, которая во всякой партии "выпадает преимущественно на долю интеллигенции", но считал вместе с тем необходимым "организованный противовес рабочих масс" как гарантию

против превращения борьбы мнений в организационный раскол. С отсутствием такого "регулятива" в российской партии связывалось распадение социал-демократической интеллигенции на большевистскую и меньшевистскую[80].

Выводы, которые ведущие меньшевистские литераторы делали из ленинской концепции, были использованы ими в условиях начавшейся революции, когда в теоретическом плане встал вопрос о возможности участия социал-демократов в революционном правительстве. Констатируя выявившееся сходство позиций публицистов большевистского "Вперед", с одной стороны, Л.Д.Троцкого и А.Л. Парвуса, с другой, Ю. О. Мартов писал в "Искре" : "Раньше наша социал-демократическая интеллигенция стремилась к заместительству пролетариата в рабочей партии. Теперь нам рекомендуют более мудрёную задачу - заместить буржуазных революционеров в правительстве". Оппонентам приписывалось рассуждение: "вне нас в России некому увенчать здание буржуазной республики"[81]. Здесь явно просматривается стремление меньшевистской газеты соотнести обозначенную позицию с представлениями об активной, детерминирующей роли социал-демократической интеллигенции в российском политическом процессе.

Интерпретация ленинской "теории стихийности" в меньшевистской печати вызвала остро критическую реакцию со стороны большевистских публицистов. Так, В.В.Воровский стремился показать, что в искровский период, на П съезде РСДРП Г.В.Плеханов придерживался того же мнения, что В.И.Ленин по вопросу о внесении интеллигенцией "извне" социалистического сознания в рабочее движение. При этом автор соглашался с Г.В.Плехановым в оценке "Что делать?" как полемической брошюры против экономистов (а

не трактата по философии истории). Было бы смешно, отмечал он, если бы в этой брошюре: "...Ленин стал доказывать, что развитие идей, в частности, научного социализма, происходило и происходит в тесной исторической связи с развитием производительных сил, в тесной связи с ростом рабочего движения вообще". В.В.Воровский утверждал, что "ленинские ереси" представляют "переложение мыслей главнейших теоретиков социализма и, прежде всего, самого Маркса", что "чисто марксистская постановка вопроса в "Что делать?" нисколько не противоречит самому ортодоксальному пониманию научного социализма"[82].

Во взглядах Г.В.Плеханова В.В.Воровский отказывался видеть принципиальное содержание. Он усматривал в них лишь выдумывание "несуществующих разногласий" для приукрашивания позиции меньшинства в связи с развязанной им "кооптационной кампанией"[83].

М.С.Ольминский делал акцент на раскрытии непоследовательности в позиции своих оппонентов, в первую очередь Г.В.Плеханова: если до лета 1903 года, т.е. до II съезда РСДРП включительно, он объявлял себя "совершенно солидарным" с В.И.Лениным, то в 1904 г. "задним числом" признал, что ранее "фальшивил", фактически прикрывая своим авторитетом "ленинскую ересь"[84]. Констатируя сходство ленинской точки зрения со взглядами, высказывавшимися ранее П.Б.Аксельродом, Г.В.Плехановым, В.И.Засулич по вопросу о функциях социал-демократической интеллигенции в рабочем движении, сопоставляя суждения этих авторов с их более поздней реакцией на ленинские идеи, М.С.Ольминский приходил к выводу, что у меньшевиков-новоискровцев "по всякому вопросу в кармане несколько мнений, которые они и показывают публике, смотря по надобности. Оппортунистам так и полагается поступать"[85].

Приводимые аргументы были направлены на подведение читателей к пониманию того, что политический деятель социал-демократ не вправе допускать идейные шарахания, оппортунистические колебания, менять, как выразился М.С.Ольминский "определения истинного и ложного в зависимости от настроения"[86]. Однако при таком подходе на задний план отодвигалось существо ленинских тезисов и возражений, выдвинутых против них.

Наряду с обозначенными определилось и еще одно направление полемики - взаимоотношения рабочих и интеллигентов в организациях РСДРП. Его содержание рассматривается в контексте многолетних дискуссий по данному вопросу в заключительной главе диссертации.

Анализ проходившего преимущественно на страницах партийной печати обсуждения выявил, таким образом, принципиальные различия в представлениях меньшевистских и большевистских идеологов о воздействии социал-демократической интеллигенции на характер партии, на содержание ее теоретической и практической деятельности, на ее организационные структуры, а также о роли этой интеллигенции по отношению к массовому рабочему движению.

Существенным, однако, представляется вопрос о причинах всячески подчеркивавшейся большевистскими публицистами и в самом деле происшедшей за сравнительно короткий промежуток времени глубокой трансформации взглядов теоретиков меньшевизма. В этой связи особого внимания заслуживает объяснение своей позиции Г.В.Плехановым. Он утверждал, что обнаружил в брошюре "Что делать?" теоретические ошибки, в том числе по вопросу о стихийности и сознательности, как только ознакомился с ней. Полагая, однако, что ее автор в целом твердо держался ортодоксального

марксизма и к тому же постепенно выправлял свою позицию, Г.В. Плеханов решил публично не выступать против его взглядов ни до, ни на II съезде РСДРП. После же съезда стало ясно, что "крайнее миролюбие" в отношении В.И.Ленина было вредно для партии. Вред этот состоял в том, что нашлось много таких читателей, которым особенно понравились "ошибочные места... брошюры, именно слабые стороны миросозерцания автора", что она оказала "огромное влияние" на практических работников, причем именно своими ошибками. "Только после съезда, - подчеркивал Г.В.Плеханов, - наблюдение показало мне, что взгляд Ленина на рабочую массу, как на "неисторический элемент истории", как на "Материю", движимую к социализму действующим извне "Духом", что этот ошибочный взгляд в значительной степени определил собою тактические и организационные понятия как самого Ленина, так и многих наших "твердых" практиков"[87].

"Как могло случиться, - задавался в свою очередь вопросом П.Б.Аксельрод, - что именно Ленин сделался идолом такого значительного числа товарищей, что в короткое время он произвел такой хаос в их головах и в наших партийных отношениях, который едва ли когда-либо существовал в социал-демократии других стран?" В поиске ответа на этот вопрос он приходил к выводу, что В.И.Ленин был единственным, кто сумел использовать слабые стороны движения, в частности внутреннее чувство бессилия практиков, путем создания желаемого ими "совершенного плана организации"[88].

Серьезные опасения по поводу степени воздействия большевистских идей высказывал Ю.О.Мартов, заявлявший: "Дальнейшее безусловное доверие к политическому руководству нынешних интеллигентских организаций, руководимых в свою очередь ленинцами, может

привести к вытравлению из нашей партии и тех черт пролетарской партии, которые она уже себе привила"[89].

Из приведенных суждений вытекает, что пересмотр меньшевистскими идеологами своих первоначальных подходов объяснялся в первую очередь реальным воздействием ленинской концепции, включая содержание идеологической функции партийной интеллигенции и организационные принципы партии, на практических работников, прежде всего из той же интеллигенции.

О том, каким в действительности было это воздействие,можно судить по некоторым документам местных организаций. Примечателен, например, ответ на письмо "Искры" представителей Уфимского, Средне-Уральского и Пермского комитетов (февраль 1904 г.), явно тяготевших к ленинской постановке организационных вопросов. С одной стороны, в этом документе, пролетарская партия изображалась как "сложный общерусский аппарат организации пролетариев-революционеров", не знающий постоянного деления на большинство и меньшинство, представительства различных течений, как "сильная и властная централизованная организация", подчиняющая все свои задачи подготовке пролетариата к диктатуре и к тому же подготовке "диктаторов". С другой стороны, революционная социал-демократия отождествлялась фактически с интеллигенцией[90], причем, вряд ли, здесь имела место "обмолвка" как пытались изобразить дело большевистские публицисты[91]. По-видимому, в представлении названных комитетов социал-демократическая партия олицетворялась с жестко централизованным аппаратом, действующим ради интересов пролетариата, но состоящим прежде всего из интеллигенции.

Близкое к этому понимание содержит отчет Екатеринославского комитета Ш съезду РСДРП, где партия (со ссылкой, в частности, на ленинское понятие партийного членства) представлена как "сложный организационный аппарат, стоящий над рабочим классом" (подчеркнуто нами - В.Д.), как "особого порядка (выделено в тексте - В.Д.) коллектив", приспособленный для "развития наивысшей степени актуальности социал-демократии в деле воспитания, руководства и организации масс"[92].

С точки зрения возможной интерпретации "твердыми практиками" ленинских идей о стихийности и сознательности показательна первая реакция И.В.Сталина на критику их Г.В.Плехановым и защиту М.С.Ольминским. Безоговорочно солидаризируясь с лидером большевиков, провозглашая, что "критикуемые взгляды Ленина - не собственность Ленина, и их искажение касается других партийцев не меньше, чем Ленина"[93], И.В.Сталин шел намного дальше его в своих рассуждениях. Теория социализма, в понимании И.В.Сталина, вырабатывается не просто "совершенно независимо от роста стихийного движения" (как у В.И.Ленина), но даже "вопреки этому движению" и затем уже вносится в него извне, "исправляя его сообразно своему содержанию, т.е. сообразно объективным требованиям классовой борьбы пролетариата"[94]. По этой логике выходило, что социалистическая теория вырабатывалась "вопреки" движению того класса, выражением интересов которого она являлась!

Поэтому для И.В.Сталина первостепенное значение приобретали вопросы: "кто формулирует программу, руководители или руководимые?", "кто кого возвышает до понимания программы, руководители руководимых или последние первых?" и т.п. Следовал упрек М.С.Ольминскому в том, что тот "не поставил эти и подобные во-

просы по существу"[95].

У И.В.Сталина изначально формировалось представление о партии как боевой централизованной "организации руководителей", стоящей "выше класса пролетариев по своей сознательности и своему опыту", как "крепости, двери которой открываются лишь для проверенных"[96]. При этом в "передовой отряд пролетариата", по И.В.Сталину, "входит всякий борец социал-демократ, будь он рабочий или интеллигент"[97].

Для обоснования своих взглядов он не преминул воспользоваться тезисом К.Каутского (приведенным в ленинских "Шагах"), указав на две тенденции в партии: "тенденцию пролетарской стойкости" и "тенденцию интеллигентской шаткости"[98]. Тональность противопоставления этих тенденций дает основание предположить, что автор считал "шаткость" органически присущей партийной интеллигенции.

По мнению итальянского исследователя В.Джерратана,"теоретические положения", выдвинутые И.В.Сталиным, служат "хорошей иллюстрацией того, какие сектантские выводы могут быть сделаны из спорного ленинского текста".[99] Тип организации, который складывался под влиянием ленинских идей в сознании И.В.Сталина, этот исследователь характеризовал как "одноглавая партия, где один думает за всех и где, следовательно, не допускается формирование большинства и меньшинства"[100]. В подобной организации, добавим от себя, нет места и для интеллигенции как компонента партии, выполняющего в ней специфические функции.

Иных представлений придерживались, однако, ближайшие литературные соратники В.И.Ленина. Наличие оттенков в социал-демократической партии, возможность временного усиления различий

М.С.Ольминский считал закономерным явлением. Он подчеркивал: "Нужно забыть основы марксизма, чтобы мечтать о полной однородности партии, исчезновении всех фракций"[101]. Отметив, что в первые годы нового столетия партия освободилась от значительной части неопределенной, не имевшей ранее другого прибежища интеллигенции (ушедшей к либералам и эсерам), А.А.Богданов указывал на то, что по сравнению с партиями других стран "у нас интеллигенция играет гораздо относительно большую роль", а партия "сильно страдает" от ее недостатка для выполнения тех функций, которые "трудно или неудобно выполнять сознательным пролетариям"[102]. Имея в виду интеллигентов-меньшевиков, он писал о необходимости различать "чистую интеллигенцию, либеральную, демократическую" и интеллигентское течение, представляющее собой оттенки в социалистической рабочей партии. "Партийная интеллигенция - слишком важный элемент партийной силы, чтобы партия решилась пожертвовать такой значительной ее частью"[103], - подчеркивал А.А.Богданов. Большевистские публицисты, как видим, считали совершенно естественным известное разномыслие в рядах социал-демократической партии, признавали за ее интеллигенцией специфические функции, не ставили под сомнение особое значение этой интеллигенции в развитии партии.

Об отношении к роли интеллигенции в партии со стороны ведущих представителей большевистского течения свидетельствует тот факт, что образовавшееся в сентябре 1904 г. "издательство социал-демократической партийной литературы В.Бонч-Бруевича и В.Ленина", имевшее целью, как было сказано в его Заявлении, выпускать литературу, "в особенности" посвященную "защите принципиальной позиции большинства"[104], посчитало необходимым в

числе своей небольшой (в силу материальных возможностей) продукции опубликовать отдельной брошюрой речь на суде учительницы Л.Громозовой. Там изложен ее путь в социал-демократическую партию: от растущего понимания бесправия, глубокого социального неравенства и политического гнета, невозможности инициативной творческой работы, стремления принести общественную пользу на педагогической ниве к осознанию полнейшей негодности всего общественного строя, бесплодности культурной работы, необходимости борьбы за новый и лучший порядок и к переходу - через осмысление роли пролетариата, ознакомление с марксизмом, программой и задачами социал-демократической партии - на "точку зрения пролетариата"[104]. Ясно, что изданием этой брошюры преследовалась цель привлечения революционных элементов интеллигенции в ряды социал-демократической партии.

На наш взгляд, правомерно говорить о неоднозначной позиции большевистского течения по вопросу о роли партийной интеллигенции, неоднозначном влиянии на сторонников этого течения ленинской концепции. К указанному течению принадлежали работники, понимавшие действительную роль интеллигенции и, несмотря на свой критицизм в отношении меньшевистской позиции, свою приверженность жесткому централизму и дисциплине в партии, считавшие идейные споры между представителями партийной интеллигенции вполне нормальным явлением и не допускавшие мысли об "отсечении" от партии той или иной ее части. Но в то же время в большевистском крыле российской социал-демократии обозначились и набирали силу элементы, которые из идей В.И.Ленина о стихийности и сознательности, о принципах организационно-партийного строительства делали выводы, представлявшие опасность не только

для сохранения интеллектуального потенциала партии, но и для ее демократических основ в будущем.

В ходе проходивших на фоне внутрипартийного кризиса дискуссий определялся вектор дальнейшего развития РСДРП или каждой из ее двух фракций. Направление вектора во многом зависело от фактической роли партийной интеллигенции. В осознании этого ведущие социал-демократические идеологи были едины.

За развернувшимися ожесточенными спорами просматривалось понимание несоответствия фактического места интеллигенции в партии пролетарской сущности последней, обеспечения чего требовала марксистская доктрина и опыт западноевропейской социал-демократии. В ключевой роли интеллигенции в выполнении основных партийных функций и меньшевики и большевики видели одну из основных причин кризисного развития РСДРП. Первые связывали с ней элитарное отношение к пролетарской массе и бюрократически-централистский характер построения организации; вторые-оппортунистические, анархистские, индивидуалистические тенденции.

Острейший характер, который приобрела полемика вокруг ленинских идей о стихийности и сознательности в рабочем движении, о роли в партии социалистической интеллигенции высветила различные тенденции, заложенные как в этих идеях, так и в политическом поведении их возможных носителей в большевистском крыле партии. Меньшевистским идеологам удалось подметить, что эти идеи могли послужить отправным пунктом для выводов, а, главное, для практики, противоречившей самому духу социал-демократической рабочей

партии, для ее трансформации в сверхцентралистский аппарат управления рабочим движением, в партию - монолит. Однако меньшевистское предупреждение прозвучало с явным запозданием: семена попали в почву и дали первые ростки.

В ходе полемики и большевиками и меньшевиками высказывались в значительной мере обоснованные критические суждения, выявлялись реальные негативные моменты, однако, их восприятию в практической деятельности препятствовала атмосфера нетерпимости к позициям друг друга. Не способствовала раскрытию адекватной реалиям политического процесса в стране роли партийной интеллигенции и выявившееся у литераторов обеих направлений стремление к жесткому противопоставлению двух ее групп как носителей радикально-интеллигентских и пролетарских тенденций. На деле речь шла о коренившихся в особенностях развития страны, рабочего движения и самой партии различиях между двумя группами социал-демократической интеллигенции, прежде всего в видении перспектив организационно-партийного строительства. Эти различия, однако, как показал ход дискуссии, могли серьезно повлиять на судьбы партии и революционного движения.

Выводы по II главе

Первоначально среди марксистских литераторов существовала широкая близость взглядов на роль в социал-демократической партии ее интеллигенции, на содержание выполняемых этой интеллигенцией функций. Имелось понимание того, что от их реализации в решающей степени зависела жизнеспособность партии, осуществление ее предназначения.

Такое представление о роли партийной интеллигенции, хотя генетически и было связано с традициями Народной Воли, явилось прежде всего результатом трезвой оценки марксистскими идеологами реальных интеллектуальных возможностей рабочих и социалистической интеллигенции.

По крайней мере, большинству этих идеологов (как и практиков) дело, очевидно, представлялось таким образом, что познавшая марксистскую истину и обладавшая политическим опытом и кругозором партийная интеллигенция передает необходимые теоретические и политические знания (их "азы") рабочим - партийцам, готовя из них прежде всего агитаторов в среде рабочего класса, способных в свою очередь пробуждать политическое сознание в этом классе и стимулировать его переход к массовым действиям в желаемом партией направлении. С учетом реального интеллектуального и политического уровня рабочего класса и социал-демократической интеллигенции в России такая "система связи" была, очевидно, единственно возможной.

Поэтому приходится признать, что с точки зрения интересов создававшийся в России социал-демократической партии, с точки зрения ее претензии на политическое лидерство В.И.Ленин был

прав, выдвигая (фактически вытекавшие из общего видения марксистской мыслью на грани двух веков) идеи о внесении "извне" (т.е., по сути дела, интеллигенцией) социалистического сознания и политического знания в рабочее движение. Другой вопрос, что само это сознание-и теоретическое, и политическое - представлялись (на первых порах) ведущим марксистским литераторам в виде совокупности непреложных, "ортодоксальных" истин, причем принципиальное признание допустимости различий в мнениях в рамках марксистского выбора, по существу, сводилось на нет нетерпимостью к любым отклонениям от "основ", проявлявшимся в первую очередь у литераторов искровского направления. В этом смысле логичным представляется и пробивавший себе дорогу на страницах "Искры" и "Зари" взгляд на ядро формирующейся партии как на строго централизованную организацию профессиональных революционеров, в большинстве случаев интеллигентов, обладателей монопольного права на марксистскую истину. Такая организация, однако, по справеддивому наблюдению критиков искровского течения в социал-демократическом движении заключала в себе тенденцию к антидемократическим методам во внутриорганизационных отношениях, к культу личности руководителей и т.п.

Проанализированные материалы свидетельствуют о том, что литераторы "старой" "Искры" проявляли склонность (не без влияния деятелей западной социал-демократии) к приданию чуть ли не мессианского значения интеллигенции, участвующей в создании социал-демократической партии.

Тот факт, что в последовавшей за II съездом РСДРП дискуссии на первый план выдвинулся вопрос о партийной интеллигенции, был закономерен. В нем нашли отражение не только сложность и противоречивость процесса становления социал-демократической партии, но и растущая обеспокоенность партийных идеологов в связи с осознанием несоответствия складывающегося характера РСДРП общепринятым (в Западной Европе) представлениям о рабочей, социал-демократической партии.

Примечательно, что несмотря на всю ожесточенность споров вокруг "интеллигентского" характера партии, ни меньшевистские, ни большевистские теоретики не оспаривали выдающейся роли социал-демократической интеллигенции в создании самой партии. Предмет спора касался не столько факта реального влияния интеллигенции на жизнь партии, сколько содержания этого влияния, в котором одна часть социал-демократических публицистов видела фактическую монополизацию интеллигенцией всех функций партии, а другая - проявление вредных "интеллигентски-оппортунистических" тенденций.

Для меньшевистских идеологов становилась все более очевидной несостоятельность той модели социал-демократической партии, которую отстаивала "старая" "Искра" и в конструировании которой они, наряду с В.И.Лениным вложили и собственный вклад. Запоздалая критика меньшевиков не могла, однако, воспрепятствовать усиливавшемуся влиянию идей автора "Что делать?" и "старой""Искры" на образ мысли и действия практиков социал-демократического движения (в основном тех же интеллигентов), на их представления о рабочей партии как аппарате, стоящем над рабочим классом.

Однако и среди публицистов и практиков, в основном разделявших ленинские взгляды на строительство партии, на функции ее интеллигенции, просматривались (хотя и в зародыше) различные тенденции дальнейшего партийного развития, связанные с пониманием роли интеллигенции в этом развитии. Взглядам, сочетавшим критическое отношение к организационным принципам меньшевизма с признанием особых функций партийной интеллигенции и ее права на "оттенки" в идейных и политических позициях, противостояло представление о монолитной, единодумающей партии, для которой вообще не существует вопроса об индивидуальных чертах и особенностях составлявших ее лиц.

Глава Ш

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ И РАБОЧИХ В РСДРП

Осуществление социал-демократической интеллигенцией своих функций в российском политическом процессе в весьма значительной степени зависело от характера ее совместной деятельности с другим важнейшим компонентом складывающейся партии - рабочими. Вообще вопрос о взаимоотношениях интеллигентов и рабочих обычно вставал в той или иной плоскости перед каждой политической партией, претендовавшей на представительство интересов пролетариата. Особое значение он приобрел, однако, в условиях России.

Рабочими публицистами, марксистскими литераторами, деятелями социал-демократического движения высказывались самые различные суждения о сущности этих отношений, их влияни. на рабочее движение и облик самой партии, на развитие политической ситуации в стране, о путях разрешения обнаружившихся противоречий и трудностей. Актуальный уже в период формирования партии этот вопрос приобрел наибольшую остроту в ходе внутрипартийного кризиса, последовавшего за П съездом РСДРП, сделавшись предметом жарких дебатов и в стане большевиков.

В главе предпринимается попытка проследить содержание развернувшихся дискуссий, установить, в какой мере их итоги можно считать адекватными требованиям общественно-политического развития.

§ I. Отношения интеллигентов и рабочих в процессе становления партии

Вопросы, связанные с местом рабочих и интеллигентов в пролетарском движении были выдвинуты на передний план идеологами "экономизма". Их точка зрения оспаривалась представителями других течений.

В публицистике делались указания на то, что в известной мере с характером отношений рабочих и интеллигентов в петербургской организации было связано само рождение "экономизма". Оно ознаменовалось, как известно, появлением газеты "Рабочая мысль". Этому, по утверждению В.И.Ленина, предшествовали споры "старых" и "молодых" социал-демократов: первые выступали за упрочение Санкт-Петербургского Союза борьбы в организацию революционеров, руководящую различными рабочими объединениями; вторые - за оформление широкой организации, обслуживающей преимущественно экономические интересы рабочих (I). Не соглашаясь с данным взглядом, активный участник петербургского социал-демократического движения К.М.Тахтарёв (Петербуржец) свидетельствовал, что к возникновению "Рабочей мысли" привело разделение Санкт-Петербургского Союза борьбы на сторонников и противников участия рабочих в его центральной организации, причем последние считали рабочих недостаточно "конспиративными", опасались, что они внесут в Союз новые порядки и лишат интеллигентов "руководящей роли". Автор отмечал, что приверженцы такой точки зрения на время возобладали, что явилось прежде всего следствием произведенных полицией арестов, и участие рабочих в центральной группе союза "сделалось недоступным". В данных условиях стремление некоторых рабочих самостоятельно

обеспечить удовлетворение насущных общественных нужд и потребностей вылилось в деятельность по основанию газеты "Рабочая мысль" (2).

Данную К.М.Тахтарёвым интерпретацию событий пытался опротестовать Б.И.Гольдман. В письме в редакцию "Искры" он, придерживаясь ленинской терминологии ("старики" и "молодые"), доказывал, что позиция "стариков" сводилась к тому, чтобы принимать в центральную группу Союза "наиболее способных и энергичных из действующих социал-демократов данного города, причем безразлично, будут ли они "интеллигентами" или рабочими", приветствуя "энергичных и сознательных рабочих-революционеров", которые "могли бы взять на себя большинство функций в комитетах", но вместе с тем протестуя против образования отдельных "рабочих комитетов" (3). Примечательно, что В.И.Ленин, хотя и внес уточнение в текст письма (указание на необходимость введения в возможно большем числе всех рабочих - сознательных социал-демократов в комитет и его подгруппы и недопустимость отдельного "представительства" рабочих союзов как таковых), тем не менее не счел нужным публиковать его в "Искре", ограничившись меткой на конверте: "В архив (важное)" (4). Газета поместила, однако, письмо самого К.М.Тахтарёва. Он допускал, что петербургское массовое рабочее движение 1896-97 годов вызвало у некоторых деятелей Союза борьбы переоценку значения стачечного движения, что дало В.И.Ленину "некоторое право искать в сказанном времени начало так называемого "экономизма". Но тут же делалась оговорка, что речь шла об увлечении не "экономизмом", а "первыми проблесками самосознания и самодеятельности широких кругов рабочих, их стремлением к организованности и к активной борьбе", откуда "логически вытекало" стремление

организовать при Союзе "группу рабочих-агитаторов" для пополнения самого Союза, чему, подразумевалось в письме, было оказано противодействие (5). Во всяком случае, вряд ли приходится сомневаться в том, что место рабочих и интеллигентов в деятельности Союза борьбы фигурировало как серьезный практический вопрос в момент, когда начало складываться "экономическое" направление в петербургском рабочем движении и появилась его выразительница - "Рабочая мысль".

Отсюда становится понятным особое внимание, которое уже в первом номере газеты было уделено отношению к социал-демократической интеллигенции. В качестве отправной выдвигалась идея, что только борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных, насущных интересов доступна всем рабочим и способна сплотить их. Начало осознания этого самими рабочими (не отдельными единицами, а массой, "средним рабочим"), свидетельствовавшее о пробуждении "самостоятельной рабочей мысли", газета относила к периоду стачек 1896 г. Упор при этом делался на понимании рабочими, что они борются "не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей". Считая, что для улучшения положения рабочих необходимо их объединение в самостоятельную силу, направленную как против капиталистов, так и против правительства, газета выдвигала на первый план создание экономических организаций - рабочих касс, которые помогали бы удовлетворению насущных запросов и нужд рабочих (6).

В рассуждении по поводу того, что для интеллигентов рабочее движение являлось лишь средством успокоения их "больной совести" сквозила мысль, что социал-демократическая интеллигенция не в состоянии понять и выразить интересы рабочей массы. Отсюда выво-

дились их попытки "затемнить" экономическую основу движения стремлением "не забывать политического идеала". В этих условиях рабочие сами берутся, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей, - заявляла газета, провозглашая лозунг: "Рабочие для рабочих" (7). Это означало призыв к созданию сугубо рабочих объединений, изолированных от влияния социал-демократической интеллигенции, которая рассматривалась как фактор, сдерживающий рабочее движение.

О том, в какой степени такая позиция отвечала настроениям передовых рабочих, некоторое представление позволяет составить приводимое в упомянутой брошюре К.Тахтарёва обращение рабочего - социал-демократа к интеллигентам - социал-демократам, датированное октябрем 1896 г. Там говорилось, что интеллигентам "нужно почти заставить рабочих хорошенько вдуматься в свое положение, нужно вырвать у них рутинное убеждение и доказать выгодность социалистического строя", отмечалось, что этого "достигнуть трудно". Автор обращения считал, что интеллигенты и многие рабочие смотрели на положение вещей сквозь "розовое стеклышко", ибо "интеллигенции в большинстве случаев приходится сталкиваться с рабочими несколько уже развитыми, которых так мало, что они теряются в большинстве неразвитых". Между тем, "передовые личности это только механизмы, дающие направление", а "главная двигательная сила это масса". Основной упор в обращении делался на постоянном, терпеливом собирании этой силы прежде всего через понятные рабочим фабричные и заводские кассы (используемые и для революционных целей) (8).

Поясняя точку зрения "Рабочей мысли", один из идеологов "экономизма" В.Иваншин отмечал, что многие из революционеров

разных оттенков (очевидно, интеллигентов) смотрели на рабочую массу только как на наиболее революционную среду, из которой рассчитывали черпать главные силы для борьбы с самодержавием, за общедемократические идеалы и совсем "не хотели знать повседневных нужд и желаний рабочего класса", считали "вредным, чтобы передовые рабочие являлись борцами лишь за свои узкоклассовые интересы". В представлении автора, многие интеллигенты - социал-демократы "совсем не желали суживать своей деятельности организацией рабочих для борьбы с предпринимателями и активным участием в стачках". Они, полагал В.Иваншин, не могли понять, что рабочие, сознательно стремящиеся к улучшению своего положения, представляют "силу, которая уже самым своим существованием не может не влиять на политическую жизнь государства" (9).

В более развернутом виде отношения рабочих к непролетарской интеллигенции (пролетарская рассматривалась как часть рабочего класса, ее роль высоко оценивалась) газета попыталась раскрыть в последующих номерах. По собственному признанию "Рабочей мысли", бытовавшее мнение о том, что она "против интеллигенции" было в "значительной доле верно". Данная позиция конкретизировалась применительно к разному содержанию, которое вкладывалось в понятие "интеллигенции". На нее как междуклассовый элемент - представителей "вольных" профессий, учителей, адвокатов, артистов, священнослужителей и т.п. - так же не следует рассчитывать как "ждать от козла молока". Как "недоразумение" отвергалось положительное значение для рабочего движения интеллигентов, не обученных никакому ремеслу и не получивших специального образования, создаваемых в изобилии гимназиями, городскими училищами и т.п. и считающих себя "прирожденными революционерами". Иным был подход

к интеллигенции, понимаемой как учащаяся, преимущественно университетская молодежь. Отмечая, что эта молодежь "оказывает нам (рабочим - В.Д.) много существенных услуг", газета предупреждала, что "завтра" она станет чиновниками русского правительства. Вообще же, услуги рабочему движению со стороны различных категорий интеллигенции считались в принципе допустимыми при условии невмешательства в дела рабочих за пределами "указанных услуг". Из интеллигенции газета выделяла отдельных лиц - "белых ворон", принадлежащих "душой и телом" рабочим: имеющихся во всех классах идеологов, которых независимо от классовой принадлежности тянет вперед к свободе и равенству (I0). Термин "белые вороны" для обозначения интеллигентных единиц, перешедших к рабочему классу, был заимствован из брошюры А.Бебеля "Академики и социализм", изданной той же "Рабочей мыслью" (II), видимо, с целью обосновать ссылкой на западноевропейский авторитет собственное представление о предельно ограниченном круге интеллигентов, способных к участию в рабочем движении и осуществляющем функции обслуживания этого движения, содействия экономической борьбе.

Критический разбор изложенных идей был дан в статье Д.Кольцова, опубликованной в издававшемся группой "Освобождение труда" журнале "Работник". В ней оспаривались попытки "Рабочей мысли" проводить (намекая на бебелевских "белых ворон") параллель между ролью интеллигенции по отношению к рабочим в России и на Западе. "Что может быть общего, задавался вопрос, между немецким обуржуазившимся студентом, для которого годы идеологических мечтаний лежат далеко позади, еще за 1848 г., и русским мыслящим пролетарием, которого гнетет нужда и давит сильная лапа самодержавия?"

Касаясь выделенных газетой категорий интеллигенции, автор в противоположность занятой ею позиции стремился доказать, что в составе каждой категории есть значительные силы, способные оказывать содействие рабочему движению. Пожелание этому движению полной самостоятельности и независимости сочеталось с утверждением, что "без помощи интеллигенции обойтись теперь рабочим нет возможности". Главная опасность русского рабочего движения виделась не в претензии интеллигентов на руководство им, а в недостатке у рабочих знания. Указывалось, что рабочие не могут ограничиться знаниями собственной борьбы и образа жизни, нуждаясь в массе других сведений, а, следовательно, и "в опытных советниках и руководителях, и пока рабочая среда не выделяет из себя достаточного количества вполне интеллигентных людей, до тех пор рабочее движение будет нуждаться в интеллигентных людях из других классов" (I2). По этой логике, в интересах своего собственного движения рабочим надлежало действовать совместно и под руководством интеллигентов, несущих им теоретические и политические знания и выводящих их на путь революционной борьбы с существующим строем.

Приведенные суждения были отвергнуты "Рабочей мыслью". Их автору приписывалась приверженность революционной теории "организации интеллигентами небольших кружков рабочих для...ниспровержения самодержавия", а сама эта теория квалифицировалась как давно отжившая свой век и оставленная всеми,"в ком есть хоть немного чутья и понимания действительности"(I3).

С точкой зрения "Рабочей мысли" по рассматриваемому вопросу полемизировал заграничный журнал "экономической" ориентации - "Рабочее дело". Обвинения в адрес революционной интеллигенции характеризовались на его страницах как "тяжелые и несправедливые".

Отвергались попытки представить руководство интеллигентов в качестве главной причины неуспеха рабочего движения. Критика петербургской газеты Д.Кольцовым признавалась вполне обоснованной и справедливой. При этом уточнялось, что никакой "революционной теории" он не развивал, а лишь доказывал, что революционная интеллигенция в России"шла и идет рука об руку с рабочим классом в его освободительной борьбе", что передовая русская интеллигенция выделяет самоотверженных деятелей и руководителей рабочего движения", с чем редакция журнала, по всей видимости, солидаризировалась (I4).

Одновременно, однако, в отдельных публикациях "Рабочего дела" высказывались суждения, в основе своей близкие к тем, которые в прямой и категоричной форме отстаивала "Рабочая мысль". Это касается в первую очередь статьи Б.Савинкова, посвященной проблемам петербургского рабочего движения. Признав, что интеллигентам-революционерам преимущественно приходится иметь дело с наиболее передовыми, сознательными рабочими, автор пытался показать, что на формирование их взглядов интеллигенция оказывает лишь вспомогательное воздействие. В сущности, таким же виделось ему влияние интеллигенции на "несравненно более многочисленный и менее развитый"промежуточный слой пролетариата", при этом утверждалось, что принадлежащие к нему рабочие ждут от интеллигентов лишь "разъяснений, но не направления мысли в ту или иную сторону". Что касается остальной фабрично-заводской массы, то она объявлялась почти вовсе не подверженной агитации со стороны интеллигентов, сознающей лишь свои экономические интересы (I5). В статье явно просматривается стремление преуменьшить степень влияния социал-демократической интеллигенции на различные слои рабочих, свести

это влияние к служебным функциям, ограничить сферу воздействия интеллигенции в основном узким слоем передовых рабочих.

В публицистике находило также отражение и отношение рабочих к социалистической интеллигенции в организациях и группах, склонявшихся к "экономизму". Так, журнал народническо-эсеровской ориентации "Накануне" поместил воззвание петербургской Группы самоосвобождения рабочего класса. Как на одно из самых отрицательных явлений в рабочем движении указывалось на место в нем интеллигенции, которая, "считая себя какой-то особенной силой... организуется в революционные группы для освобождения рабочего класса, широко раскрывая свои двери новым "революционно настроенным единицам",...не понимающим роли и значения рабочего класса". В документе утверждалось, что интеллигенты, претендующие на роль идеологов пролетариата или даже являющиеся таковыми, образуют "ареопаг", куда меньше всего допускаются те, чьи интересы они будто бы защищают (т.е. рабочие). Делался вывод, что деятельность групп с преобладанием интеллигенции не может быть "ни широкой, ни плодотворной", ни отвечающей все растущим запросам рабочих масс". Такого рода деятельности воззвание противопоставляло самостоятельную и широкую организацию рабочих на почве повседневных реальных интересов рабочего класса, на почве борьбы за условия его существования и труда. Подчеркивалось, что "лучшие знатоки реальных интересов массы" - сами сознательные рабочие. Значение политической агитации не отрицалось при условии, что она связана с непосредственными реальными нуждами рабочих масс (I6).

Другой пример. В опубликованном на страницах "Рабочего дела" сообщении из Харькова говорилось о деятельности "сильного", становившегося "господствующим" среди сознательных рабочих "течения

иваново-вознесенского толка" (от названия города, где прежде работали лидеры харьковских "экономистов" (I7). Характеризуя это течение как преимущественно "культурническое", видящее свою задачу в "выработке сознательных личностей в рабочей среде", корреспондент выделял в числе его отличительных черт "культ самостоятельности рабочего движения", его "изолированность от интеллигенции", "в особенности полуподозрительное, полувраждебное отношение к интеллигенции" (I8).

Необходимо, однако, отметить, что хотя вопрос об отношении рабочих к интеллигентам был, несомненно, заострен "экономистами", он в той или иной мере давал себя чувствовать и в предшествующий "экономизму" период. Так, в брошюре К.Тахтарёва имеется упоминание о существовавшей в середине 90-х годов XIX в. в Петербурге наряду с группами, из которых развился Союз борьбы, особой группы "независимых рабочих", так называемых "диких", организовывавших собственные кружки, которые занимались саморазвитием. "Интеллигенцию они не подпускали к себе, как говорится, на пушечный выстрел, - со знанием дела свидетельствовал автор, - они сторонились даже сношений с нею, а подчас даже и с другими кружковыми рабочими, имевшими связи с интеллигенцией" (I9). Вместе с тем присутствие обозначенного вопроса сказывалось и в деятельности организаций и групп, образовавшихся в "эпоху экономизма", но не находившихся под его влиянием. Например, в опубликованном "Искрой" сообщении говорилось о выделившейся из склонявшегося к "экономической" позиции Киевского комитета группе "Рабочая воля", которая признала необходимым обратить главное внимание на развитие массового политического самосознания рабочих, вести среди них самую широкую политическую агитацию. Принцип деятельности

названной группы состоял в том, что управление ее делами осуществляли сами рабочие, а интеллигенты являлись лишь исполнителями (20). Критикуя такой подход как "признак политической незрелости", "Искра" отмечала, что "искусственная черта", проводимая между тт. интеллигентами и тт. рабочими сближает, как это ни странно, новую киевскую группу с представителями "экономизма", против которого она ополчается" (21).

Рассмотренные материалы указывают на то, что если не повсеместно, то во всяком случае в ряде рабочих, социал-демократических организаций в том числе, не принадлежавших к экономическому направлению, имели место ненормальные, сложные отношения между рабочими и интеллигентами. Такой характер этих отношений был, очевидно, одной из существенных причин возникновения в некоторых городах отдельно рабочей и интеллигентской частей комитета РСДРП или даже обособленных рабочих и интеллигентских комитетов (22).

Между представителями различных течений социалистической мысли существовало расхождение в том, что касалось наличия объективной основы для подобного рода ненормальных отношений. Так, эсеровский публицист Б.Оленин на страницах "Накануне" утверждал, что противопоставление рабочих и интеллигентов возникло на почве утрировки правоверного марксистского тезиса о пролетариате как "избранном народе социализма", тогда как в действительности рабочий, "индустриальный" пролетариат "не есть что-то самодовлеющее", а лишь равноправная, хотя и авангардная часть "социалистической силы" всех трудящихся классов, причем рабочее, социалистическое движение "в такой же мере дело социалиста-интеллигента как и дело социалиста-фабричного". С этой точки зрения, по мнению

автора, "радикальнейшим образом устраняется...всякая возможность противопоставления, во вкусе "Рабочей мысли" рабочих интеллигенции, ... всякая возможность постановки вопроса, насколько желательно участие и вмешательство интеллигенции в рабочее дело" (23). В критическом комментарии, предпосланном разобранному выше воззванию Группы самоосвобождения рабочего класса, главный редактор того же журнала Е.Серебряков, пытаясь отвести от интеллигенции выдвинутые в ее адрес обвинения, заявлял, что "убеждать рабочих сторониться интеллигенции значит вводить совершенно бесполезную смуту в революционное движение". Авторам воззвания делался упрек в "непростительной узости" за фактически провозглашенный ими приоритет повседневных интересов рабочих. Не возражая против принципа самоосвобождения рабочего класса, автор обусловливал его реализацию тем, что рабочее население"привлечет к своему делу все лучшие и честные интеллигентные силы страны" (24). Итак, эсеровские публицисты, по-существу отказываясь рассматривать рабочих и интеллигентов в качестве различных социальных элементов движения, не видели у тех и других особых, контрастирующих интересов и позиций.

Принципиально иной подход демонстрировали идеологи "экономизма" Е.Д.Кускова и С.Н.Прокопович. Даже в западноевропейском рабочем движении, в частности бельгийском, они находили "антагонизм...интеллигенции, мечтающей о захвате власти и социальной революции,с рабочими, защищающими свои реальные интересы" (25). Проводилась мысль, что указанный антагонизм неизмеримо сильнее выражен в России. Фиксировалось "решительное и коренное различие" между интересами, которые интеллигенты "приписывают" рабочим, и интересами, "действительно имеющимися у них". Отмечалось,

что игнорирование интеллигентами подлинных нужд и задач рабочих, взгляд на пролетариат как на "средство" низвержения самодержавия имеют ближайшим следствием "возмущения рабочих против "ига интеллигентов" и выступление "рабочей мысли" в защиту своей самостоятельности от опеки интеллигенции" (26). Как видим, здесь на передний план выдвигался дисбаланс реальных интересов рабочих и интеллигенции, действующих в социал-демократическом, рабочем движении.

Оспаривая эти идеи, Г.В.Плеханов отстаивал ту точку зрения, что рабочим "далеко не всегда" известны их собственные реальные интересы, которые, однако, могут быть известны социал-демократической интеллигенции в силу понимания ею экономического и социально-политического положения данной страны. По мысли автора, речь должна идти не о различии интересов рабочих и интеллигентов, а о различии между реальными интересами рабочих, уже сознанными и еще не сознанными ими (социальная революция и др.), которые призвана довести до сознания рабочих социал-демократическая интеллигенция (27).

Среди ведущих марксистских литераторов наибольшее внимание вопросу о рабочих и интеллигентах, начиная с первых симптомов его появления в публицистике, уделял В.И.Ленин. Обращаясь к материалам "Рабочей мысли", он отмечал, что в каждом номере редакция проводит отделение рабочих требований от требований социал-демократов. Такую позицию он объяснял прежде всего тем, что переход от пропаганды к широкой агитации в рабочей среде привел многих социал-демократов "в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата, а это выдвинуло на первый план "требования и интересы данной минуты", отодвинув "широкие идеалы социализма

и политической борьбы". С точки зрения В.И.Ленина, социал-демократическая газета не должна приспосабливаться к возможно более низкому уровню рабочих масс, спекулировать на их неразвитости, развращать их призывами удовлетвориться "интересами минуты", прибавкой заработной платы, ведением рабочего дела одними своими силами. В его представлении, такая газета должна ориентироваться на немногочисленную рабочую интеллигенцию, передовых рабочих и вместе с тем способствовать поднятию до их уровня образующих "широкий слой" средних рабочих, которые "жадно стремятся к социализму", но могут не разобраться в сложных теоретических или практических вопросах. Находя у "Рабочей мысли" стремление разделить передовых рабочих и социалистов из интеллигенции, В.И.Ленин квалифицировал его как "нелепое" и "вредное" (28). Между тем он отдавал себе отчет в изначально не вполне благополучном характере их отношений, упоминая (позднее) о том времени, когда "сознательный (подчеркнуто нами - В.Д.) рабочий чурался интеллигента как такового" (29). Из приведенных суждений следует, что автор, с одной стороны, проявлял пренебрежение к насущным, жизненным интересам "массовых" рабочих, борьбе за их удовлетворение, пытаясь одновременно в пропагандистских целях приписать определенные политические симпатии ("жадное" стремление к социализму) целым категориям рабочих), а, с другой стороны, отдавал себе отчет в реально существующем глубоком различии между повседневными интересами массы рабочих (выразителями которых выступали социал-демократы экономического направления, включая некоторых интеллигентов) и преимущественно политическими устремлениями (к низвержению самодержавия, социальной революции) значительной части социал-демократической интеллигенции и - пусть в известной степени по-

тенциально-рабочих-передовиков.

Поэтому для В.И.Ленина вопрос сводился прежде всего к обеспечению взаимодействия интеллигентов и передовых рабочих в складывающейся социал-демократической партии, причем сущность этого взаимодействия первоначально представлялась ему в следующем виде: партия "должна соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам - рабочим. Не о проведении искусственно сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании "чисто рабочей" организации, а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего" (30). В первую очередь выдвигался идейно-политический аспект такого соединения. Подчеркивалась настоятельная необходимость закрепить связь между интеллигентами-социалистами и сознательными рабочими партийной программой с тем, чтобы дать "всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой деятельности" (31). Очевидно, соединение (удачный, на наш взгляд, термин) двух основных компонентов рабочей партии, за которое высказывался В.И.Ленин, могло осуществиться на практике лишь в процессе активной совместной работы тех и других в социал-демократических организациях.

На подобное соединение ориентировала рабочих и интеллигентов-социал-демократов "Искра". Уже во втором номере она, имея в виду общероссийскую аудиторию, желала петербургским передовым рабочим "окончательно освободиться от традиций "Рабочей мысли", в частности, "от предрассудка, что руководить рабочим движением должен непременно комитет рабочей организации в отличие от коми-

тета социал-демократической партии, что группы интеллигентов-социалистов суть только "исполнительные группы" при рабочих кружках". Газета подчеркивала, что рабочее движение только тогда достигнет своей освободительной цели, когда "передовые рабочие станут убежденными социал-демократами и активными деятелями революционных организаций, когда они добьются не обособления от социал-демократической интеллигенции а, напротив, тесного союза с ней" (32).

Характеризуя (в связи с упомянутой выше позицией киевской "Рабочей воли") противопоставление рабочих интеллигентам и стремление свести роль последних к исполнительской функции как "крайне нежелательное в партии явление, с которым приходится бороться как с"модной болезнью", "Искра" разъясняла, что положение человека в организации должно определяться не"количеством его дипломов" и не "количеством мозолей на руках", а только степенью полезности для дела, преданностью ему и революционными способностями. Акцентировалась необходимость поднятия уровня самосознания рабочих до понимания сложных вопросов политической деятельности, выработки из их среды действительно рабочей интеллигенции, которая станет во главе рабочего класса "не для того, конечно, чтобы выбросить за борт интеллигенцию, перешедшую на сторону пролетариата из других слоев общества, но чтобы свой практический опыт соединить с ее теоретическим знанием и революционной выучкой" (33).

В критическом плане освещая деятельность части социал-демократических рабочих Саратова, во многом разделявших идеи "экономистов", "Искра", в частности, обращала внимание на то, что эти рабочие "сочли излишним присутствие на майском собрании

товарищей-интеллигентов" (34). Газета "с удовольствием" опубликовала выдержки из письма петербургского рабочего, который, критикуя "экономистов" - интеллигентов, заявлял, что на одном "массовом рабочем" "далеко не уедешь", высказывался в пользу организации революционеров, находил, что "вовсе глупо делить (организацию - В.Д.) на рабочих и интеллигентов"(35). Содержание этого письма квалифицировалось как понимание необходимости создания боевой организации профессиональных революционеров (а не просто организации рабочих), где не было бы места делению на рабочих и интеллигентов, причем упор делался на образовании из интеллигентных рабочих революционеров. Данное письмо рассматривалось как реакция на опубликованную ранее ленинскую статью "С чего начать?", в которой развивался "план организации", возбудивший, как отмечалось, против себя"очень многих из наших интеллигентов" (читай - "экономистов") и "гораздо более серьезно" оцененный "сознательными рабочими" (36).

Взгляд на место интеллигентов по отношению к рабочим был сформулирован Санкт-Петербургским комитетом РСДРП в ответе на запрос батумских рабочих. Документ был помещён в "Искре" без всякого комментария, что указывало на солидарность редакции с его содержанием. В нем говорилось, что названный комитет исходил из положения, совершенно отвергающего деление социал-демократов на интеллигенцию и рабочих, т.к. "социал-демократия как политическая партия объединяет всех борцов за торжество идеи рабочего класса независимо от их классового или сословного происхождения". Как следует из документа, вопрос о разделении функций рабочих и интеллигентов в организации для столичного комитета партии "вовсе отпадает". Вместе с тем подчеркивалось, что "во главе нашего

движения должны стоять, да фактически и стоят наиболее сознательные, наиболее развитые его элементы" (независимо от происхождения) (37).

Из приведенных материалов видно, что хотя "Искра" и признавала существование, вопроса о рабочих и интеллигентах, она тем не менее пыталась придать ему во многом искусственный (обусловленный агитацией "экономистов") характер. Высказываясь за "союз", "соединение" двух социальных элементов партии, газета по существу сводила этот процесс к нивелированию на практике различий между ними в выполнении определенных функций в организациях и т.д. В отдельных суждениях просматривалось стремление подвести социал-демократического читателя к пониманию необходимости отдавать приоритет подготовке рабочей интеллигенции, считаться с перспективой замены ею интеллигентов непролетарского происхождения в руководстве движением и партии.

Нарастание взрывоопасной ситуации в стране (массовые политические выступления студентов и рабочих в начале 900-х годов), с одной стороны, настойчивая критика идей "чистого экономизма" "Искрой", ведущими деятелями российской социал-демократии, с другой, приводили к тому, что влияние указанных идей в рабочем движении шло на убыль. Но при этом отнюдь не терял своей остроты вопрос о рабочих и интеллигентах, приобретая все более характер вопроса о стиле внутриорганизационных отношений между ними.

Такие крупные события в жизни РСДРП как имевшие место летом-осенью 1902 г. переход столичного Союза борьбы за освобождение рабочего класса на искровские позиции, образование искровского Санкт-Петербургского комитета и последовавшее за этим выделение из его состава группы под названием "Рабочая организация"

рассматривались до последнего времени в советской исторической литературе исключительно с точки зрения содержания завершающего этапа борьбы с "экономизмом" (38). Подобная трактовка указанных фактов представляется нам, однако, неполной, поскольку не учитывает их взаимосвязи с проблемой отношений рабочих и интеллигентов.

В заявлении "ко всем российским социал-демократическим организациям" Санкт-Петербургский комитет констатировал, что традиции "экономизма" отзывались на нем "тяжелее всего". Как подчеркивалось в документе, "опыт многих лет убедил нас в том, что мы сами себе связывали руки недостаточно широкой постановкой задач политической агитации и революционной борьбы, тяжеловесными формами организации" (под последними, очевидно, подразумевалось и практиковавшееся деление на рабочую и интеллигентскую части). Декларировалась солидарность комитета "с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями "Зари" и "Искры", признание их "руководящими органами русской социал-демократии" (39).

Обратимся теперь к материалам, исходившим от Рабочей организации: двум заявлениям ее комитета, датированным сентябрем и октябрем 1902 г. и относящемуся к тому же времени письму, которое, по свидетельству опубликовавшей его группы "Свобода", принадлежало перу рабочего, "очень и очень близко" стоящего к комитету Рабочей организации (40). Сформулированные там ближайшие (завоевание революционным путем политических прав и свобод) и перспективные (социальная революция) задачи в основном соответствовали целям, провозглашавшимся "Искрой" и "Зарёй". Тем не менее, "Рабочая организация - в противоположность Санкт-Петербургскому комитету - заявляла об их непризнании руководящими органами социал-демокра-

тии (41). Это вытекало прежде всего из ее понимания принципов внутренней жизни организаций, соотношения в них интеллигентских и рабочих элементов, содержания выполнявшихся ими функций.

Отталкиваясь от тезиса К.Маркса "Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих", Рабочая организация объявляла самым важным условием развития рабочего движения и успеха рабочей борьбы самодеятельность рабочего класса (42). В письме рабочего содержалось предостережение: "если наше рабочее движение будет лишено самостоятельности, то оно не разовьется и вместо сознательной борьбы, вместо рабочей революции будет слепое восстание" (43).

Под углом зрения необходимости обеспечить самодеятельность рабочих критиковалось положение, при котором "всеми делами по большей части орудуют интеллигенты", фактически неподотчетные рабочим и не информирующие их о мотивах принимаемых решений. По образному описанию автора письма, "как разъехались интеллигенты на дачу, так и революция с ними, должно быть, туда же уезжает, на отдых" (44). Интеллигентам делался упрек в том, что изучив душу рабочего "по Марксу", они очень плохо знают его реальную жизнь, имеют предвзятый взгляд на него как потенциального "экономиста", за редкими исключениями не заботятся о рабочей самодеятельности, а иногда и противятся ей. Самодеятельность противопоставлялась централизму, как принципу, противоречившему делу свободы, поскольку, согласно исследуемой точке зрения, "где нет самодеятельности, там никогда не восторжествует свобода" (45).

В рассматриваемых материалах подчеркивалось, что пока рабочие сами не возьмутся за дело, до тех пор в России не будет настоящего рабочего движения. Под "делом" подразумевалась и самостоятельная выработка Программы и Устава, и выпуск листовок и

газет и т.п. Отсюда и претензия Рабочей Организации на то, чтобы иметь "руководящее значение" в деятельности Санкт-Петербургского Союза борьбы (46).

Такая позиция не означала, однако, курса на отстранение интеллигентов от рабочего, социал-демократического движения. Явно имея в виду и интеллигентские силы, Рабочая организация приглашала всех, кто считает правильной предложенную ею "постановку дела" оказать "содействие и помощь" (47). Что касается рабочего - автора письма, то участие интеллигентов в движении ставилось в зависимость от линии их поведения по отношению к рабочим: отвергая деятельность "нянек" и "командиров", тех, кто "смотрит на нас сверху вниз", он приветствовал услуги интеллигентов, которые смотрели бы на рабочих "как на равных и учили бы всему" (48).

Материалы Рабочей организации не отражали умонастроений всех петербургских рабочих. Среди их передовых (в искровском понимании) элементов бытовала и точка зрения, приветствовавшая позицию Союза борьбы. Об этом можно судить, например, по опубликованному "Искрой" письму из столицы, где отмечалось, что "Рабочая мысль" "не отвечала даже скромным запросам массовых рабочих, искавших ответа на волновавшие всех события" в то время как "Искра" "приобрела среди передовых рабочих очень много приверженцев - ненавистников "экономизма" - и завоевала всеобщее сочувствие рабочей массы". Утверждалось, с одной стороны, что "в рабочих кружках редко слышны разговоры о "заработной плате" или о "прибавочной стоимости", а, с другой, что революционное настроение захватывает все силы рабочего люда, рабочие рвутся на борьбу с самодержавием, ... враг русского народа приковал все внимание пролетария" (49). Предпринималась, таким образом, попытка изобразить не только

сознательных петербургских рабочих, но и их массу совершенно или почти не интересующейся улучшением своего положения, чуть ли не всецело поглощенной задачей ниспровержения царизма.

В помещенном "Искрой" заявлении представителей комитета латышской социал-демократической организации и русской социал-демократической группы Прибалтийского края позиция Комитета Рабочей организации квалифицировалась следующим образом: "Выдвигая как руководящий принцип "самодеятельность рабочего класса", отождествляя Рабочую организацию с организацией революционеров, он (комитет - В.Д.) воскрешает традиции самого грубого экономизма и в высшей степени вредное деление социал-демократов на рабочих и интеллигентов". Категорически отвергалось провозглашение "самодеятельности" высшим принципом рабочего движения, а Рабочей организации - "высшим учреждением" и подчеркивалось, что поскольку задачи партии по существу революционны, "во главе ее должна стоять не Рабочая организация, а организация революционеров" [50]. В документе примечательно понимание оппонентами Рабочей организации отстаиваемой ею же взаимозависимости между характером отношений рабочих и интеллигентов и основами организационного строительства партии.

Разобранные материалы Комитета Рабочей организации послужили поводом для выступления в печати революционно-социалистической, причислявшей себя к социал-демократии группы "Свобода" [51]. Речь идет о выпущенных ею приложении к единственному номеру газеты - журнала "Отклики" и как части этого приложения брошюре "Рабочие и интеллигенция", содержавших наряду с указанными материалами статью и заметку без подписи, но, судя по отзывам, принадлежавших перу Л. Надежди-

и последовавшей затем брошюр Л.Надеждина "Положение вынуждает" (52). Их авторы (или, скорее, автор) отклоняли объяснение событий в Санкт-Петербургской организации идейным противоборством "экономистов" и "политиков" (хотя полностью не сбрасывали последнее со счетов), мотивируя тем, что провозглашенные Рабочей организацией цели вполне совпадали с направлением революционной социал-демократии (53). "Петербургский раскол, - писал Л.Надеждин, - это, может быть, и последний эпизод борьбы между революционными социал-демократами и экономистами, сжегшими свои старые корабли, но в несравненно большей степени это первый эпизод совершенно нового движения рабочих-середняков (54). В свете такого подхода раскол представлялся в значительной степени следствием ненормальных отношений между интеллигентами и названной категорией рабочих.

Ответственность за раскол возлагалась исключительно на интеллигентов. Указывалось на незнание ими быта, потребностей рабочих, невнимание к происходившей в рабочем классе сложной работе мысли, к росту его самосознания, нанесение рабочим обид, оскорблений, их "третирование", результатом чего были испытываемые последними раздражение, озлобление, чувство уязвленного классового самолюбия и гордости (55). Согласно этой точке зрения, подобный характер отношений находил проявление в позициях, занятых соответственно Рабочей организацией и Санкт-Петербургским комитетом, причем взгляды последнего увязывались со взглядами "Искры", которые, как утверждалось, разделялись "очень многими интеллигентами", но не разделялись "многими рабочими организаци ми" (56).

Интеллигентам в Санкт-Петербургском комитете вменялось в вину ориентация исключительно на "интеллигентных рабочих", на

выработку из них руководителей, "не на сложную и трудную работу в широких слоях рабочего класса, а на организацию верхов этого класса совместно с интеллигенцией" (57). Особо указывалось на фактическое игнорирование интересов "обширного слоя рабочих-середняков" (58). В этой связи весьма негативную реакцию у Л.Надеждина вызвало упомянуты выше письма в "Искру", где рабочим приписывалась (и по существу приветствовалась) индифферентность к их собственным насущным экономическим интересам (59). Проводилась мысль, что по отношению к рабочим-середнякам комитетские интеллигенты были совершенно неподотчетны, демонстрировали "командирство" (под которым понималось руководство методом отдачи распоряжений) (60). Акцентировалось соответствие обозначенного подхода линии "Искры", по свидетельству Л.Надеждина, работавшей над созданием партии-фикции, над образованием социал-демократической партии за интересы рабочего класса, партии его "заступников и защитников", ничего не делавшей для сплочения в политическую организацию крупных сил "низов" (61). Признавая "действительно вредным" деление социал-демократов на рабочих и интеллигентов, Л.Надеждин адресовал обвинение "искровцам", противопоставлявшим, по его словам "организацию революционеров" "рабочей организации". И искровцы , и петербургские комитетчики-интеллигенты упрекались в "рабочебоязни", доводящей до разрушения "основ социализма" (62).

Представители группы "Свобода" объявляли себя сторонниками "Рабочей Организации", позитивный вклад которой в становление социал-демократической партии виделся им в стремлении, во-первых, вовлечь в революционную работу наиболее широкие массы рабочего класса, именно рабочих-середняков, во-вторых, развивать рабочую

самодеятельность. Последняя характеризовалась как высший принцип организации рабочего движения, как величайшее завоевание социал-демократической мысли, как основа научного социализма и залог социализма будущего (63). Отвергая содержащийся в опубликованном "Искрой" заявлении латышских и русских социал-демократов Прибалтийского края тезис о том, что выдвижение в качестве руководящего принципа рабочей самодеятельности воскрешало "традиции самого грубого экономизма", Л.Надеждин, напротив, считал положительным моментом в деятельности экономистов-интеллигентов "уважение к самодеятельности рабочих (64).

В брошюрах, изданных группой "Свобода", высказывалось мнение, что поскольку Рабочая организация ставит во главу угла самодеятельность рабочего класса, она способна пробудить силу рабочих-середняков, придать этой силе необходимую инициативу, уверенность, энергию, вести дело к тому, чтобы из числа этих рабочих выдвигались способные руководители, формировались кадры подлинно рабочей партии. Альтернатива такому варианту усматривалась в образовании "союза руководителей", сознательно или бессознательно смотрящих на массы как на "пангурово стадо" (65).

При всем том положительная в целом роль интеллигентов по отношению к рабочим не ставилась под сомнение. Отмечалось, что марксов тезис "Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих" не имел касательства к революционно-социалистической интеллигенции, ибо у нее нет "своего дела", она ведет борьбу за "кровное дело пролетариата" и тем самым за торжество всего человечества (66).

Осуждая линию поведения интеллигентов в Санкт-Петербургском комитете, публицисты из группы "Свобода" выступали вместе с тем

против раскола рабочих и интеллигентов, полагая, что он "принесет один только вред и той и другой стороне", за примирение между ними, за налаживание совместной работы (67). Подчеркивалась крайняя важность того, чтобы литература знакомила социал-демократов - интеллигентов с "живым, доподлинным рабочим, с направлением его мысли, с характером его самодеятельности", чтобы интеллигенты отказались от патерналистского подхода к рабочим. Перед рабочими, в свою очередь выдвигалась задача "перевоспитания" интеллигентов (68).

Интерпретация материалов Рабочей организации литераторами группы "Свобода" вызвала неоднозначную реакцию. Сам Комитет Рабочей организации в письме, направленном группе и опубликованном в последнем номере "Рабочей мысли", энергично приветствовал содержание брошюры "Рабочие и интеллиганция", заявив, что она помогла найти окончательное решение наиболее злободневных вопросов. При этом отвергалось как ни на чем не основанное обвинение в "экономизме", подтверждалась приоритетность задачи обеспечения самодеятельности рабочего класса в деле его освобождения. Констатация участия социалистов-интеллигентов наравне с рабочими в работе организации сочеталась с заявлением о вынужденном разрыве "с людьми, которые подавляют в нас всякую самодеятельность, вводят "централизацию", производят всевозможные реформы, не только не справляясь с мнением рабочих и интеллигентов, входящих в союз (Санкт-Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса-В.Д.),но даже против желаний большинства".Эти люди, по свидетельству Рабочей организации, не соответствовали ее "представлению о революционно-социалистической интеллигенции", ибо "быть социалистом не значит признавать лишь правильность известной теории,

изощряться в ее тонкостях, защищать ее в спорах, а, значит, - вносить и в самоё жизнь новый дух, новые отношения между людьми" (69). Обращает на себя внимание подчеркнутая в документе мысль, что на происшедшем расколе сказались не идейно-политические разногласия, а прежде всего характер взаимоотношений, по крайней мере, части рабочих и части интеллигентов в организации.

Остро и болезненно реагировала на ту же брошюру "Искра". В статье под примечательным заголовком "Борьба направлений - пожива демагогам" (автором ее был Ю.О.Мартов) (70) " гг. Надеждины" характеризовались как "демагоги", "бернштейнианцы", прячущиеся "за спиной рабочих комитетов" и обвинялись в попытках "эксплуатировать петербургский раскол". Имелось в виду замалчивание той действительной "почвы", на которой он происходил (в искровском понимании, противоречия между "экономистами" и революционными социал-демократами), голословное взваливание всей вины за раскол на интеллигентов, натравливание на них несознательных рабочих. Отвергались содержавшиеся в брошюре критические суждения о взаимоотношениях рабочих и интеллигентов; замечания об "обидах", чинимых первым со стороны вторых квалифицировались как "куча калких слов". Сторонникам Л.Надеждина, как и ему самому, претендовавшим, как считала "Искра", на должность "белых ворон" по отношению к рабочему движению, инкриминировалось стремление не дать рабочим никакой серьезной умственной пищи, могущей сделать их способными исполнять, когда понадобится, работу интеллигентов (71).

Утверждениям о "демагогическом" характере высказываний литераторов группы "Свобода" не вполне отвечала, однако, трактовка Ю.О.Мартовым истории петербургского раскола. Заявляя, что необ-

ходимым условием перехода Санкт-Петербургского комитета на путь революционного социал-демократизма являлась "коренная реформа местной организации", автор видел ее содержание, во-первых, в освобождении от "громоздкой организации, нелепо совмещавшей в себе задачи политической борьбы с задачами профессионального движения"; во-вторых, в очищении политической организации от "всякой игры в "демократизм", т.е. от "широкого выборного начала", приводившего к ослаблению конспирации и ставившего работу организации "в зависимость от воли наименее сознательных участников рабочего движения"; в-третьих, в уничтожении "нелепого" разделения "между "рабочим" комитетом и комитетом партии (интеллигентским)", сложившегося во времена господства "экономизма" и вполне соответствовавшего "бернштейнианским представлениям о задачах рабочего движения: рабочей группе надлежит заниматься чисто рабочим движением, т.е. экономической борьбой, высшая же политика должна остаться в руках интеллигентов, которые тем смиреннее признают себя простыми "слугами" пролетариата, чем более на самом деле они являются фактическими хозяевами движения", тщательно оберегающими рабочих "от всего, воспитывающего их политическую зрелость". Отмечалось, что Санкт-Петербургский комитет начал реформу "с уничтожения своего разделения на "рабочую" и "не рабочую части", что и привело к созданию рабочей организации на базе части "рабочих групп". Показательно и то, что вред от указанной брошюры автор связывал с обстановкой "нередких распрей рабочих с интеллигентами" в местных организациях (72). Итак, категорически отвергая взгляды, выраженные в публикации группы "Свобода", "Искра", с одной стороны, по существу признавала ненормальный характер отношений рабочих и интеллигентов, фактически господ-

ствующее положение последних в социал-демократических организациях, а, с другой, принципиально отмежевывалась от такой формы деятельности социал-демократических организаций, которая на деле учитывала бы жизненные интересы и волю рядовых участников рабочего движения, обеспечивала бы реальное влияние рабочих - социал-демократов на процессы в партийных организациях и формирование (хотя бы через ограниченное применение выборного начала) партийных центров.

В другом отзыве, помещенном "Искрой" - письме за подписью "Одесский рабочий" утверждалось, что литераторы группы "Свобода" стараются "доказать необходимость изгнания интеллигенции из рабочей среды". Пытаясь как бы разобраться в существе вопроса, автор признавал, что в эту среду "часто попадают буржуазные интеллигенты" (как "волки в овчарню"). Главная же беда, в его представлении, состояла "в том, что многие не понимают, что такое рабочие и интеллигенция и проводят резкую грань между ними". Сам "одесский рабочий" подразумевал под словом интеллигент не "известную форму, оболочку, ярлычек, а сознательного человека, т.е. человека, который мог бы быть руководителем, организатором, агитатором, пропагандистом". При таком подходе мыслилось возможным "свободно" стереть грань между рабочими и интеллигентами. Как заявлял автор, "мы не хотим знать к какому классу человек принадлежит по рождению, раз мы знаем, что он социалист... каждый честный социал-демократ должен желать, чтобы во главе наших организаций стояли самые сознательные товарищи и при этом... не смотреть им на ладони". Попыткам объяснить наличием интеллигентов и их главенством в организациях все неустройства социал-демократической работы противопоставлялся взгляд, по которому их

причиной являлся мелкокустарный, а не централистический характер организации. Защищая централизм, "одесский рабочий" высказывал мнение об его совместимости с самодеятельностью рабочего класса. Считая главным стремлением Л.Надеждина подорвать доверие рабочих не к интеллигенции вообще, а к искровской интеллигенции, автор отводил от "Искры" и "Зари", следовательно, и от стоявшей на их платформе интеллигенции, упрек в игнорировании этой самодеятельности. Аргументация сводилась к тому, что названные печатные органы все силы отдавали подготовке таких рабочих, которые могли бы выполнять функции членов комитетов, а хорошее понимание комитетами своих задач представляло собой условие активного, самостоятельного участия массы в их реализации. Не оспаривая тот факт, что внимание "Искры" концентрировалось на наиболее сознательных рабочих, автор письма объяснял его постоянным усложнением социал-демократической работы, требовавшим все большего числа именно руководящих сил (73).

Идеи, выдвинутые публицистами из группы "Свобода" вызвали критический отклик и в местной социал-демократической печати. Газета "Южный Рабочий" увидела в них попытку подменить противопоставление рабочего класса буржуазии противопоставлением рабочих-социалистов интеллигентам-социалистам. Соглашаясь с тем, что в рабочем классе пробуждается стремление к самодеятельности, газета считала, что, поскольку путы самодержавия "не дают выхода" указанному стремлению, единственный путь к ее (самодеятельности) реализации лежит через столкновение рабочего класса с "этими путами", т.е. через свержение царизма. С данной позиции была предпринята попытка раскрыть несостоятельность линии на создание "мифических рабочих организаций", способных "в лучшем случае

охватить сотни сознательных рабочих" или на объединение рабочих в кассы, линии, которая затуманивала им глаза "какой- то мнимой самодеятельностью" и "играла на руку врагам". Предлагалось (очевидно, прежде всего социал-демократической интеллигенции) направлять пробуждающееся в рабочих стремление к самодеятельности на путь обострения противоречий с самодержавным режимом, т.е. исключительно политических действий. Как "неприличные фразы" квалифицировались все "разговоры" о "командовании" и "диктатуре" со стороны интеллигентов-членов комитетов (74).

Общим для сообщений и писем, в которых были подвергнуты критике материалы петербургской Рабочей организации и идеи литераторов из группы "Свобода", было стремление опровергнуть содержавшиеся там утверждения о ненормальном характере отношений рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях, об его негативном воздействии на ход партийного строительства. Хотя в отдельных, в том числе искровских публикациях, проскальзывало понимание реальных трудностей, связанных с их взаимодействием, общая тональность материалов, затрагивавших данную тему, определялась посылками о принципиальной недопустимости деления на социал-демократов - интеллигентов и рабочих, об отсутствии на практике такого деления в организациях и отнесении возникающих проблем преимущественно, если не исключительно, на счет агитации "экономистов". Разобраться в истинном положении дел в организациях в известной мере помогает анализ стекавшейся в редакцию "Искры" и в основном не предназначавшейся для печати информации, содержавшей более откровенные суждения корреспондентов по интересующему нас вопросу.

В письме И.И.Радченко от июня 1902 г. (т.е. в преддверии образования искровского Санкт-Петербургского комитета и выделения Рабочей организации) отмечалось со ссылкой на слова рабочего "антагонистическое отношение комитета рабочих к комитету интеллигентов", указывалось вообще на "гадкое отношение здесь у рабочих к интеллигентам" (75). В сентябре того же года А.А.Шнеерсон в письме В.И.Ленину сообщал как о "ненормальности" о недовольстве рабочих столичным комитетом, тем, что он все за них "решает и что заблагорассудится, то и делает". Этой ненормальностью, отмечал он, пользуются полицейские провокаторы, которые "озлобляют рабочих против интеллигентов, обвиняя последних в том, что они забрали всю власть в свои руки и ни за что не допустят рабочих к делу". По-видимому, показательным автор находил следующее рассуждение одного рабочего: "Мы, рабочие, не знаем, что творится в комитете. Может быть, комитет хочет нашими руками завоевать конституцию, а потом сам же нас будет эксплуатировать, почему мы знаем, кто там у них правит!..." Характеризуя положение дел как "поистине ужасное" А.Шнеерсон видел его причину в отчужденности рабочих от революционной деятельности и отсутствии в их среде опытных руководителей-революционеров (76).

В письме В.П.Краснухи (сентябрь-октябрь 1902 г.) признавалось, что противникам искровцев (Комитету Рабочей организации) удалось посеять "страшную смуту среди рабочих - середняков". Как отмечал автор письма, они, пользуясь сумятицей "в понятии, что такое интеллигент", стремились "восстановить рабочих против нас, интеллигентов, которые, уничтожая в организации это деление (на рабочих и интеллигентов - В.Д.) "хотят помыкать рабочими" (77). Считая, очевидно, распространенным среди активных

организованных рабочих то представление, что "интеллигенция" обязана поставлять брошюры, людей и т.д., "мы же распоряжаться будем сами", В.Н.Шапошникова делилась с редакцией "Искры" (письмо от ноября 1902 г.) своими размышлениями о причинах подобной постановки вопроса и вообще определенного успеха Рабочей организации. Корень происходившего она видела "в недостаточной сознательности и принципиальной неустойчивости самих рабочих", в их полном невежестве "в основных вопросах социализма, в пассивности, в полном непонимании значения социал-демократии, смысла организационной работы. Вместе с тем она констатировала "неопытность, неподготовленность, остатки буржуазного барства, отвиливание от постоянной работы над собой" у социал-демократов-интеллигентов (78). О том, что последним в самом деле не были чужды попытки "опекать" рабочих (организованных, активно участвующих в движении) свидетельствует письмо Е.Д.Стасовой, из которого явствует, что интеллигенты-комитетчики стремились "беречь" рабочих от "полемики", выдавали им, выражаясь современным языком, строго дозированную информацию (79) (что, правда, вызвало негативную реакцию Н.К.Крупской (80)).

Во многом сходные наблюдения и оценки находим в корреспонденциях из Москвы и Киева. Так, из писем В.В.Кожевниковой (сентябрь 1902 г.) следовало, что члены московского комитета, состоявшего из "искровской публики", не интересовались положением дел на предприятиях, общим настроением рабочих, не знали численности сознательных рабочих, не имели непосредственных связей с рабочими. Влияние интеллигентов-социал-демократов на последних сводилось к распространению листков (81).

Особый интерес представляют два письма из Киева. В первом из них, адресованном Берлинской группе содействия "Искре" от января 1902 г., А.А.Кузнецова характеризовала комитетских интеллигентов (искровцев) как "чинуш в революционном плаще", "чиновников от революции". По свидетельству автора, они, совершенно не зная жизни, событий в рабочем движении, монополизировали все "в области входящих и исходящих сведений и известий", практиковали "генеральствование", "переконспирировались". Отмечалось, что своим поведением они вызывали недовольство среди рабочих, запросы которых не удовлетворялись, и убивали всякую инициативу и энергию в "подчиненных" интеллигентах. Делалось примечательное обобщение: "Очевидно, какой бы машины ты ни был генералом, правительственной или революционной, но это генеральствование тебя и здесь, и там поставит в одно и то же положение ничего не знающего душителя" (82).

Год спустя (февраль 1903 г.) Ф.В.Ленгник сообщал редакции "Искры" о недовольстве рабочих деятельностью интеллигентов в Киевском комитете, еще более усилившимся в связи с принятием последним принципиального решения о признании "Искры" партийным органом без ведома и участия рабочих, следствием чего явился их отказ от комитета и создание "антиинтеллигентской рабочей организации" (наподобие петербургской). Автор считал "вполне понятным", что на фоне постоянного расширения слоя возбужденных, заинтересованных революционным движением рабочих "среди рабочих-руководителей в конце концов накопляется недовольство и даже озлобление против интеллигенции, неспособной, как им кажется, не только удовлетворить, но даже понять запросов массового рабочего движения". Сознательные рабочие обвиняли интеллигентов

в том, что те "не заботятся о развитии самодеятельности рабочих, третируют их, командуют ими и т.д.". Обращаясь к редакции "Искры", Ф.В.Ленгник писал: "Все горе в том, что очень уж вы надеетесь на силу логики и просветление умов революционеров-интеллигентов и на влияние этой интеллигенции на рабочих". Между тем, "революционеры-интеллигенты, благодаря своему практическому бессилию, на самом деле почти никакого влияния на рабочих не имеют и даже совсем напротив". Допускалась возможность того, что если "Искра" не откажется от своей ориентации исключительно на привлечение комитетов, интеллигенты и рабочие окончательно эмансипируются друг от друга. Однако объяснение обрисованного им положения автор сводил к необеспеченности рабочих литературой, видя в этом "коренную вину" интеллигентов. В данной связи отмечалась, с одной стороны, "нелитературоспособность" комитетов, а, с другой, направленность издательской деятельности "Искры", в основном, на интеллигентов и передовые единицы пролетариата, на "бельэтаж партии" (83).

Будучи результатом субъективного восприятия событий, приведенные суждения нуждаются, очевидно, в перепроверке и уточнении по другим источникам. Не следует, вероятно, видеть в них отражение общей для всех социал-демократических организаций картины. Для нашего исследования они, однако, интересны прежде всего как исходящие от решительных противников "экономизма", от людей, как правило, близко стоявших к В.И.Ленину свидетельства, которые во многом не совпадали с освещением отношений рабочих и интеллигентов на страницах "Искры". Для названных выше очевидцев событий, по-видимому, не подлежал сомнению недостаток взаимопонимания и

доверия между рабочими и интеллигентами, их значительная оторванность друг от друга в практической деятельности, обусловленность этих явлений отнюдь не одним влиянием "экономизма", серьезная опасность такого положения дел для рабочего движения, для строящейся партии.

Нельзя, конечно, сказать, что информация с мест по обозначенному вопросу проходила мимо внимания редакции "Искры" и, в первую очередь, В.И.Ленина. Из его произведений видно не только знакомство с нею, но и растущая, очевидно, не без влияния поступавшей корреспонденции, обеспокоенность реальным состоянием взаимодействия рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях, понимание насущной необходимости устранения трудностей в их отношениях. При этом если в разгар "экономизма" В.И.Ленин делал акцент на идейном сплочении рабочих и интеллигентов-социал-демократов, то в дальнейшем - все в большей степени - на обеспечении их совместной практической работы. При этом выделялись два аспекта: взаимоотношения рабочих и интеллигентов-профессиональных революционеров и взаимоотношения рабочих и интеллигентов в местных социал-демократических организациях.

По первому аспекту принципиальная позиция, сформулированная в "Что делать?", сводилась к следующему: перед общим признаком членов организации революционеров социал-демократов должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов (выделено В.И.Лениным - В.Д.), не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других" (84). Каким виделся В.И.Ленину путь к такому "стиранию" различий? С одной стороны, указывалось на выработку и рабочими, и студентами "из себя" (т.е. через самообразование, самовоспитание) профессиональных революционеров.

С другой стороны, формулировалась как "самая первая, самая настоятельная наша (т.е., очевидно, наличного состава профессиональных революционеров - В.Д.) обязанность - содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне в отношении партийной деятельности (выделено В.И.Лениным - В.Д.) как и интеллигенты-революционеры". Следовала оговорка, что "в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо (подчеркнуто мною - В.Д.), но далеко не так легко и так настоятельно" (85). Под подтягиванием рабочих до уровня интеллигентов в отношении партийной деятельности имелось, по-видимому, в виду приобретение навыков партийной работы, предполагавших прежде всего безусловное соблюдение строгого централизма и конспирации. В противовес "экономистам" и литераторам группы "Свобода", ориентировавшимся, как считал В.И.Ленин, на то, чтобы революционеры опускались непременно до рабочей массы, до рабочих-середняков, им по-существу выдвигалась задача поднимать рабочих во всех отношениях до революционеров-интеллигентов. При этом в партии, действующей в условиях подполья, взаимоотношения рабочих и интеллигентов должны были строиться, по мысли В.И.Ленина, не на формальных принципах, а прежде всего полном товарищеском доверии (86).

Другой аспект - отношения рабочих и интеллигентов в местных социал-демократических организациях - затронут В.И.Лениным в его "Письме к товарищу о наших организационных задачах" (представляющем собой ответ на упоминавшееся выше письмо А.А.Шнеерсона (87)). К числу главных недостатков многих из местных организаций В.И.Ленин относил отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания как у рабочих, так и у интеллигентов, отчужденность

рабочих от активной революционной деятельности. Консервации этих недостатков способствовало, в представлении В.И.Ленина, наличие в ряде местностей двух комитетов-интеллигентского и рабочего. Настойчиво проводилась мысль, что комитет РСДРП должен быть один и в нем должны быть вполне сознательные социал-демократы, посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности. В то же время внимание организаций фиксировалось на том, чтобы "как можно более рабочих становились вполне сознательными и профессиональными революционерами и попадали в комитет", чтобы в комитете были "по возможности все главные вожаки рабочего движения из самих рабочих" (88).

Анализ писем В.И.Ленина конца 1902- начала 1903 гг. позволяет составить представление о его реакции на события, связанные с петербургским расколом. Еще до того как последний стал фактом В.И.Ленин в письме к И.И.Радченко требовал: "Своей задачей ... Вы должны поставить подготовку войны питерских искряков против остатков экономизма"(89). Эти остатки он находил у Рабочей организации. Поэтому заверения последней о своей солидарности с "Зарёй" и "Искрой" были квалифицированы им как "явный обман, чистейшее надувательство", желание "выиграть время, чтобы усилиться". Питерским искровцам предлагалось "начать решительную войну, беспощадную войну" с деятелями Рабочей организации, выносить эту войну "шире в среду рабочих", обличать названных деятелей в "переходе от социал-демократии к "революционно-социалистической "Свободе" (90) (которая, как уже указывалось, считала себя социал-демократической группой).

Отдавая себе отчет в том, что образовавшаяся в результате раскола Рабочая организация пользуется поддержкой части органи-

зованных рабочих, В.И.Ленин адресовал В.И.Лаврову, Е.Д.Стасовой, И.В.Бабушкину, например, такие вопросы: есть ли на стороне искровцев рабочие, почему из них не образовывается контрорганизация в противовес Рабочей организации, почему искровские рабочие не протестуют против рабочих из этой организации, устраиваются ли в рабочих кружках систематические лекции или беседы на тему об организации, о значении "организации революционеров", проповедуется ли широко среди рабочих мысль, что именно они должны как можно чаще и шире переходить на нелегальное положение и др. (91). В самой постановке этих вопросов были заключены рекомендации по использованию определенных методов и приемов в целях нейтрализации или по крайней мере ослабления воздействия Рабочей организации на рабочих, их сближению с социал-демократами-интеллигентами искровского направления. Однако основные надежды В.И.Ленин возлагал на деятельность профессиональных революционеров (преимущественно тех же интеллигентов), заявляя, что без них "дело никогда не сдвинется ни на вершок вперед" (92).

Имея в виду, очевидно, и петербургские события, В.И.Ленин в ответе на рассмотренное выше письмо Ф.В.Ленгника вновь указал на "нелепое деление интеллигентного и рабочего движения". В ленинском представлении, с одной стороны это деление "питали" так называемые "рабочие" газеты, начиная с "Рабочей мысли", с другой стороны, ему способствовали сами интеллигенты своей безынициативной, "безрукой" позицией в местных организациях, тем, что они "командуют" рабочими, ничего не делая для них" (93). Отсюда можно заключить, что В.И.Ленин связывал теперь ненормальные отношения рабочих и интеллигентов не только с агитацией "экономистов",но и особенностями политического поведения неко-

торых интеллигентов, их склонностью к командованию и т.д., фактически приближаясь, тем самым, к оценкам критикуемых им же петербургской Рабочей организации и группы "Свобода".

Вопросы взаимодействия рабочих и интеллигентов В.И.Ленин рассматривал под углом зрения объединительного процесса в социал-демократических организациях. Об этом свидетельствует содержание некоторых из предложенных им вопросов для докладов и групп П съезду РСДРП. Вопросы касались соотношения в составе комитета, группы, кружка интеллигентов и рабочих, наличия особых интеллигентских и рабочих комитетов, преобладающих взглядов на организационные принципы у рабочих и интеллигентов, наконец, причин и последствий возникновения интеллигентских и рабочих комитетов, что, как подчеркивалось, было "особенно важно выяснить" (94). На страницах "Искры" В.И.Ленин утверждал, что речь идет не об объединении "нескольких кучек интеллигентов", а "всех руководителей рабочего движения" на почве "строго принципиального единства", к которому должны "сознательно и твердо" прийти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих" (95).

Таким образом, вполне сознавая сложность и неоднозначность вопроса о рабочих и интеллигентах, наличие на пути к его решению серьезных препятствий, состоявших не только в агитации "экономистов", но и в особенностях политического поведения многих рабочих и интеллигентов, в их отношении друг к другу, В.И.Ленин связывал налаживание должного взаимодействия между ними с обеспечением идейного и организационного единства складывающейся партии. Упор делался на решение данного вопроса преимущественно посредством мер организационного характера (упразднение отдельных интеллигентских и рабочих комитетов, увеличение числа рабочих в единых комитетах).

Преодоление несоответствия в образовании и политической подготовке рабочих и интеллигентов мыслилось как поднятие первых до уровня вторых, а основу отношений между ними должно было составить партийное товарищество. Первостепенное значение придавалось продвижению передовых рабочих социал-демократов в профессиональные революционеры искровского направления. Преимущественно как резервуар для пополнения рядов рабочих-революционеров, рабочей интеллигенции рассматривались "массовые" рабочие и особенно рабочие-середняки. При этом по-существу отвергались подходы, предполагавшие учет их повседневных интересов и психологических особенностей, поощрявшие различные проявления их групповой самодеятельности.

На П съезде РСДРП вопрос о рабочих и интеллигентах специально не обсуждался. Однако, его присутствие в повседневной партийной жизни нашло отражение в материалах съезда.

В докладе организации "Искры" обращалось внимание на то, что в процессе проводившейся комитетами РСДРП реорганизации внутрипартийных отношений возникали расколы, подогреваемые "элементами, недовольными новыми течениями" (подразумевалось, очевидно, искровскими), причем рабочих "натравливали"(по логике документа, выразители "старых" течений, т.е. "экономисты") на интеллигентов, представляя все дело в искаженном свете (96). Если в материалах некоторых комитетов (Бакинского, Батумского) специально подчеркивалось наличие единого комитета и отсутствие расколов между интеллигентами и рабочими на принципиальной почве (97), то в докладах Донского и Тульского комитетов, а также в докладе о московском социал-демократическом движении приводились факты раздельного существования на протяжении ряда лет, в одном случае вплоть до П съезда, интеллигентского и рабочего комитетов или интеллигентс-

кой и рабочей частей социал-демократического комитета (98).Хотя характер их взаимодействия подробно не анализировался, для его определения использовалось такое сравнение как "верхняя и нижняя палата" (99), а интеллигентский комитет был представлен как "вождь и законодатель всей организации", лишенный "всяких связей с рабочей массой" (100).

В докладах с мест была сделана попытка в какой-то мере отразить настроения рабочих в отношении социал-демократической интеллигенции и ее литературной продукции. Применительно к ситуации в Петербурге признавалось, что Рабочая организация (высказывавшая, как показано выше, критику в адрес интеллигентов)нашла себе "приверженцев в среде некоторой части рабочих"(101).Социал-демократический союз горнозаводских рабочих Юга России упоминал о том, что неудовлетворенность запросов рабочих на пропаганду иногда возбуждала из неудовольствие "против интеллигенции,против Союза",причем появление проанализированных выше материалов группы "Свобода" их приложения к № I "Откликов" "сыграло кое-где в этом смысле нехорошую роль" (102). "Колоссальный успех" изданий группы "Свобода" отмечал и Донской комитет (103). В ряде докладов,наряду с выражением солидарности с платформой "Искры" и признанием ее выдающейся роли в деле объединения партии,указывалось на то, что большинство материалов газеты написаны "слишком недоступным для рабочих языком"(104),что "лучшие рабочие не понимают "Искру"(105). Отмечая, что "есть уже довольно значительный контингент рабочих,способных разобраться в партийных вопросах,достаточно интеллигентных,чтобы прочитать самую трудную статью", организация "Южный Рабочий" вместе с тем утверждала, что известная часть искровских материалов "не

может быть доступна очень широкому слою рабочих, так или иначе задетых революционной работой" (106) (явно речь шла не о массовых рабочих или рабочих-середняках).

На проблему соотношения и взаимодействия рабочих и интеллигентов выводило и обсуждение на съезде вопроса о членстве в партии - первого параграфа ее Устава. В формулировках Ю.О.Мартова и В.И.Ленина были заложены две альтернативные концепции партии: как широкого объединения, включающего организацию профессиональных революционеров и "всю совокупность активных передовых элементов пролетариата" (107) и как единой организации, представляющей собой систему партийных организаций. Хотя, как было сказано на съезде, уставы пишутся "не для профессоров, а для пролетариев"(108), членство в партии интеллигентов подразумевалось многими делегатами, приводившими в качестве примеров профессоров, чиновников, писателей, студентов, гимназистов и т.п. (109).

Поскольку сам В.И.Ленин признал, что его формулировка предусматривала целую сеть партийных организаций - от узких и конспиративных до широких и свободных (110), дискуссия сконцентрировалась на вопросе о желательности и целесообразности признания членами партии отдельных лиц, не входящих в состав партийных организаций. Критикуя под этим углом зрения мартовский проект, В.И.Ленин находил, что он, во-первых, раскрывает двери в партию для "всех элементов разброда, шатания и оппортунизма" (111) (утверждение: "таких элементов немало "... есть они и в рабочем классе" (112) предполагало их наличие прежде всего среди интеллигентов); во-вторых, игнорирует и освящает "одно из основных зол" партийной жизни, которое сказывается, как прямо отмечалось, в среде и интеллигентов и рабочих и состоит в том, что в условиях почти все-

общего политического недовольства, с одной стороны, и строгой конспирации, с другой, "почти невозможно отграничить болтающих от работающих" (113). Формулировка В.И.Ленина, допускавшая в партию выдержанные и организованные элементы как из рабочих, так и интеллигентов предусматривала осуществление центром (ЦК) фактического контроля за деятельностью каждого члена партии.

Оспаривая суждения противников ленинского проекта, что он будто бы препятствует множеству рабочих вступать в партию, Г.В.Плеханов, напротив, указывал, что не рабочие побоятся войти в организацию, а "многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом" и являющиеся обыкновенно "представителями всякого рода оппортунизма", против вторжения которых в партию, как он считал, может служить оплотом ленинский проект. Контроль же партии над отдельными лицами из интеллигенции, стоящими вне организации, Г.В.Плеханов, как и В.И.Ленин, признавал фактически неосуществимым (114). В числе поддержавших ленинскую формулировку был П.А.Красиков, энергично выступивший против того, чтобы "разжижать ряды партии сомнительными элементами". Он заявлял, что интеллигентные "единицы" "совершенно никак не могут - ни формально, ни по существу называться представителями партии", а применительно к организациям интеллигентов считал необходимым, чтобы соответствующие партийные организации в предварительном порядке определяли "степень их социал-демократизма" (115).

В свою очередь сторонники мартовской формулировки П.Б.Аксельрод, Б.М.Кнунянц, Н.Н.Жордания, М.И.Либер, В.В.Розанов, В.В.Акимов сходились в том, что ленинский проект ограничивает партию горстью профессиональных революционеров, членов комитетов, "генералов без армии", оставляя за ее пределами массу людей и ин-

теллигентов, и рабочих, которые сознательно, хотя и не совсем активно примыкают к партии, но в силу тех или иных обстоятельств не могут быть членами организаций (II6). В отличие от В.И.Ленина и Г.В.Плеханова Б.М.Кнунянц полагал, что с учетом конкретных условий деятельности РСДРП, централизма в ее построении "нет никакого основания бояться вторжения опасных для чистоты партии элементов" (II7). Л.Д.Троцкий высказал мнение, что ленинская формула, "направленная против интеллигентского индивидуализма, попадает совсем в другую цель", ставя "в неравные условия интеллигенцию и "рабочих". Его мотивировка сводилась к тому, что организациям интеллигентной молодежи (студенческим землячествам и др.) "гораздо легче занести себя в списки партии", тогда как "широкие рабочие организации разрушаются ежедневно под влиянием стачек, кризисов, передвижения рабочих масс". Не находил Л.Д.Троцкий никакого смысла в том, чтобы "стеснять в правах состояния тех интеллигентных одиночек, которые стоят на почве партийной программы и в одиночку оказывают услуги партии" (II8).

Сторонники как мартовской, так и ленинской формулировки, исходя из строго централистического принципа строительства партии, признавали, по сути дела, единственным правом члена партии "доводить до сведения центра свои мнения и желания" (II9). Такое определение, предложенное Ю.О.Мартовым, не оспаривалось никем из выступавших за исключением представителя Петербургской Рабочей организации Л.П.Махновец (Брукэр), которая, со своей стороны, отстаивала право всех активных членов организации влиять на дела комитета. Это право рассматривалось как "громадная объединяющая сила", воспитывающая интерес к работе, исключающая возможность недовольства внутри организации, а тем самым и раскола (I20).

Подобное толкование прав члена партии противоречило духу как мартовского, так и ленинского проектов (хотя сама Л.П.Махновец поддержала последний на том основании, что упорядочение связей между использующими свои права активными членами партии возможно лишь в рамках организации (I2I).

Анализ обсуждения съездом первого параграфа Устава применительно к исследуемому нами вопросу свидетельствует об общем понимании делегатами того, что эффективное использование в интересах общепартийного дела каждого члена партии зависело, помимо прочего, и от оптимального соотношения между ее основными социальными элементами - рабочими и интеллигентами. Прозвучавшие в отдельных выступлениях критические замечания в отношении участия интеллигентов в партийной жизни следует рассматривать не как попытки преуменьшения их значения, а как стремление нейтрализовать их возможные отклонения от революционного марксизма и партийной дисциплины. Подход В.И.Ленина и его сторонников предполагал такое взаимодействие рабочих и интеллигентов в жестко централизованной партийной организации, под контролем партийного центра, который на практике обеспечивал бы полное подчинение интеллектуальных способностей и индивидуальной воли каждого решениям партийных центров. По сути дела, то же самое, но лишь для членов организации профессиональных революционеров заключал в себе подход Ю.О.Мартова и его сторонников, допускавший, однако, большее проявление индивидуальности, разнообразие форм участия в партийной деятельности для социал-демократов-"одиночек"- интеллигентов и рабочих.

Намерение искать решение вопроса об интеллигентах и рабочих в партии на путях принятия организационных мер сказалось и в

принятой съездом резолюции "О местных организациях". В ней признавалось "необходимым существование лишь одной руководящей организации в каждом центре деятельности партии"и поручалось ЦК "принять меры к установлению такого единства" (I22). Несомненно, по замыслу делегатов (резолюция была принята всеми голосами при двух воздержавшихся) (I23) данное решение было направлено в значительной мере на то, чтобы положить конец делению комитетов на интеллигентский и рабочий и тем самым создать условия для тесного взаимодействия рабочих и интеллигентов в единых организациях РСДРП.

Проанализированные материалы показывают, что марксистские публицисты, деятели рабочего, социал-демократического движения в основном отдавали себе отчет в том, что процесс становления политической партии был, помимо прочих трудностей, сопряжен с проблемой взаимоотношений участвовавших в нем рабочих и интеллигентов. Развернувшаяся вокруг нее полемика раньше всего обнаружила различие во мнениях относительно действительного содержания интересов рабочих и того, кто - интеллигенты или рабочие - способны лучше осознать и выразить эти интересы. Не только примыкавшие к "экономизму", но и некоторые дистанцировавшиеся от него публицисты и практики, хотя в большинстве своем не отрицали значения политической борьбы, исходили из приоритета повседневных, преимущественно "экономических" интересов у рабочих, полагая что они эффективнее всего могут защищаться самими рабочими при оказании услуг со стороны преданных или сочувствующих им социал-демократов-интеллигентов. Этому представлению противополагалась отстаиваемая прежде всего членами группы "Освобождение труда", в дальнейшем

искровскими публицистами точка зрения, которая, явно преуменьшая значение борьбы за насущные интересы рабочих, выдвигала в качестве их подлинных, пусть еще не осознанных интересов, политическую борьбу за свержение царизма и социальную революцию, связывая успешное взаимодействие рабочих и интеллигентов в организациях с поднятием передовых рабочих, отдельных рабочих "середняков" до политического уровня интеллигентов. Не приходится считать лишенными основания утверждения, что внимание социал-демократической интеллигенции сосредоточивалось преимущественно на верхах рабочего класса при фактическом игнорировании "массовых" рабочих и частично рабочих-"середняков".

При рассмотрении взаимоотношений рабочих и интеллигентов в практической деятельности социал-демократических организаций оппоненты направления, представленного группой "Освобождение труда" и "Искрой", делали акцент на том, что претендовавшие на выражение подлинных интересов пролетариата интеллигенты занимали господствующее положение в организациях, "командовали" рабочими, что вызывало недовольство значительной их части, в первую очередь "середняков", но также и "передовиков", стимулировало попытки отстаивать самостоятельный, самодеятельный характер движения, создание "чисто рабочих" организаций. Пытаясь по-началу изобразить характер отношений в организациях как совершенно независимый от социальной принадлежности партийного работника, публицисты искровского направления оказались вынужденными в дальнейшем считаться с вопросом о рабочих и интеллигентах как с реальностью партийной жизни.

В публицистике выдвигались различные варианты его решения. Представители "экономического" течения и их последователи, отколовшиеся "рабочие комитеты", отдельные местные группы пытались

низвести интеллигентов до помощников рабочих, выполняющих вспомогательные функции, в лучшем случае работающих "на равных" с ними, что явно не могло быть принято значительной частью социал-демократической интеллигенции хотя бы в силу особенностей ее психологии, убежденности в своем предназначении. А исходившие от "искровцев" предложения об упразднении деления на рабочие и интеллигентские комитеты, об увеличении числа рабочих в единых комитетах, о контроле партийных организаций за деятельностью каждого члена партии и, следовательно, затрагивали лишь формально-организационную сторону дела и вряд ли были способны обеспечить на практике прокламируемое полное "партийное доверие" и "партийное товарищество" между рабочими и интеллигентами.

§ 2. Дискуссия о месте рабочих и интеллигентов в партийных организациях

После II съезда РСДРП вопросы реальной роли рабочих в партии - в борьбе за осуществление ее программных целей, в ее организационных структурах, в поиске и реализации путей выхода из внутрипартийного кризиса - приобрели на фоне роста рабочего движения и назревавшей революции практически-политическую остроту. Это, в частности, нашло отражение в литературной полемике о месте и взаимоотношениях рабочих и интеллигентов в организациях РСДРП, перекликавшейся с обсуждением в партии проблемы ее интеллигенции, а также принципов ее организационного строительства.

Отличительной чертой полемики явилось то, что наряду с известными марксистскими литераторами активное участие в ней приняли сами рабочие. Речь идет не только о ряде писем, опубликованных меньшевистской "Искрой" и большевистским "Вперед", но главным образом о двух брошюрах с развернутым изложением взглядов по названной теме.

Обе брошюры были выпущены в 1904 г. с небольшим интервалом. Первая из них принадлежит перу М.Белорусса (I), рабочего-наборщика, близкого сотрудника упоминавшегося уже внефракционного социал-демократа В.А.Поссе (2). Вторая была издана под псевдонимом "Рабочий" (3) при активной поддержке меньшевиков (4). Сообщая о ее предстоящем выходе в свет, П.Б. Аксельрод в помещенном "Искрой" "Письме к товарищам-рабочим" представлял автора "страстным выразителем настроения, несом-

менно распространенного" в рабочей среде и высказывал предположение, что большинство рабочих социал-демократов солидарны с его взглядами (5). Из содержания самого произведения следовало, что его автором был рабочий, примыкавший к меньшевистскому течению, состоявший одно время в меньшевистском комитете.

Если в первой брошюре рассматривались общие аспекты обозначенного вопроса без увязки с итогами П партийного съезда, то во второй - преимущественно организационная сторона отношений рабочих и интеллигентов причем как в целом, так и применительно к основным течениям в партии. Можно предположить, что брошюры редактировались социал-демократами интеллигентами: об этом говорят некоторые особенности стиля, характер отдельных обобщений и т.п.

В обеих брошюрах указывалось на антагонизм рабочих и интеллигентов, действующих в пролетарском движении, в социал-демократической партии. Общей была его оценка как "тормоза", на который на каждом шагу наталкивается практическая деятельность, как камня преткновения на пути развития партии (6). Выяснение его происхождения, сущности и перспектив устранения составляло основное содержание брошюр.

Считая указанный антагонизм присущим рабочему движению, социал-демократии в Западной Европе и "общим явлением" в условиях России, М.Белорусс объяснял его применительно к этим условиям наплывом в лагерь пролетариата - в связи с решающей ролью последнего в борьбе за свержение самодержавия -

буржуазной интеллигенции, видевшей в нем проводника своих стремлений, но пренебрегавшей подлинными интересами рабочих, а между тем поставлявшей представителей и руководителей рабочего движения. Данный антагонизм рассматривался и как оборотная сторона теоретической, литературной борьбы социалистически-революционного и радикально-буржуазного направлений (7). Сходного мнения придерживался и "Рабочий". "Не в том ли и заключается все зло нашей партии, - задавался он вопросом, - что выразителями судьбы ее являются не сами рабочие, а интеллигенты - выходцы из чуждого им класса?" При этом утверждалось, что интеллигенты, хотя бы и социалисты, органически не связаны с сознательным пролетариатом и потому в массе своей неминуемо должны являться проводниками тех тенденций, которые вырабатываются в воспитавшей их среде радикальной интеллигенции" (8). Итак, главной причиной антагонизма рабочих и интеллигентов оба автора считали наличие в рядах рабочего движения, социал-демократической партии значительного числа лиц из чуждой классовым интересам пролетариата буржуазной интеллигенции.

При рассмотрении отношения интеллигентов к рабочим обоими авторами акцент делался на том, что первые преследовали стремления вторых к самодеятельности, к активному участию в руководстве рабочим движением, делами партии (9). М.Белорусс пытался объяснить подобное отношение традиционным для революционной интеллигенции, по его мнению, страхом перед тем, что рабочие могут изменить сложившиеся порядки и лишить ее руководящей роли (10). "Рабочий" считал позицию интеллигентов продуктом их психихи, группового классового инстинкта (11).

Видное место в обеих брошюрах занимало изображение отношения к рабочим со стороны интеллигенции, действующей в комитетах РСДРП, которые рассматривались как сугубо интеллигентские учреждения. По наблюдению М.Белорусса, комитеты отличала тенденция к тому, чтобы "не допускать к руководительной работе лучших представителей из рабочей среды" (I2). Очень часто, - отмечал он, - личность , не имеющие революционного опыта, но принадлежащие к интеллигентному сословию "попадают без всякого труда в руководители", в то время как интеллигентные рабочие, по 6-7 лет принимающие участие в революционном деле, "сплошь и рядом остаются за бортом руководительных учреждений". Утверждалось, что в организациях различного типа работа распределяется таким образом, что вся ее "руководительная часть остается в руках "нескольких интеллигентов", а "черная работа" взваливается на рабочих" (I3).

Аналогично этому, "Рабочий" проводил мысль о том, что состоявший из трех-четырех интеллигентов комитет партии являлся бесконтрольным всевластным руководителем движения. Интеллигенты демонстрировали "генеральское отношение" к рабочим, полнейшее равнодушие к их критическим замечаниям, превращая их в послушных исполнителей своей воли и желаний, как правило, навязывали им из своей среды пропагандистов и агитаторов и т.п. Обращалось внимание на то, что в организациях как большевиков, так и меньшевиков одинаково допускалось скороспелое выдвижение в "руководители пролетариата" студенток и курсисток, причем применялся высокий ценз для рабочих и низкий для интеллигентов (I4).

Из содержания брошюры видно, что сделаные "Рабочим" обобщения во многом основаны на его личном опыте, который, между тем, ограничивался деятельностью в меньшевистском комитете. Во всяком случае, конкретный пример был приведен из практики такого комитета. "Нам, рабочим, - делился впечатлениями автор, - не было доступа ни в какое (не говоря уже о комитете) ответственное, а, значит, руководящее учреждение". Меньшевистский комитет "старался не посвящать в партийные дела, в партийный конфликт не только средние слои рабочих, но и более передовые, которые одни почти и являлись фактическими работниками организации". Чтобы добиться доступа в руководящее учреждение, рабочим меньшевикам пришлось, по свидетельству автора, прибегнуть к "забастовке", к "отказу от работы"(I5).

Отношение интеллигентских комитетов к рабочим изображалось как воплощение бюрократического централизма, всецело покоящегося на "безусловном и беспрекословном повиновении всех и каждого одному какому-нибудь центру" (I6). Его обоснование и защита приписывались В.И.Ленину. Почти единодушное одобрение комитетами РСДРП его плана, разработанного в "Письме к товарищу о наших организационных задачах " объяснялось тем, что план этот "не только не требовал от наших практиков радикального изменения тех вредных тенденций, которые пустили такие глубокие корни в отношениях между комитетами и их низшими учреждениями, но в сущности лишь оформил их (I7). Остро критиковался принятый II съездом РСДРП Устав, который, по мнению "Рабочего", усилил централизм, лишив комитеты самостоятельности и тем самым осложнил их контакты с рабочими массами (I8).

М.Белорусс считал централизм комитетов, стремившихся, в его понимании, монополизировать всю деятельность, основной причиной того, что лучшие силы из рабочих и даже из интеллигенции очень часто оставались "за бортом дела". Утверждалось, что централистская организация несовместима с демократическими идеями рабочих и никогда не будет в состоянии руководить массовым рабочим движением (I9). Итак, оба публициста видели одно из основных проявлений ненормального характера взаимодействия партийцев интеллигентов и рабочих в линии и стиле поведения преимущественно, если не поголовно, интеллигентских по составу комитетов, в применении ими на практике бюрократического централизма.

При рассмотрении отношения рабочих к интеллигенции М.Белорусс проводил грань между позицией многих малосознательных рабочих, по его определению, "чисто санкюлотской", совершенно не допускающей интеллигентов в организации, и позицией рабочей интеллигенции, которая, хотя в большинстве своем "крайне плохо относится к интеллигенции", тем не менее понимает, что вообще без интеллигенции рабочему, социал-демократическому движению не обойтись, что она занимала "почетное место" в борьбе рабочего класса Западной Европы, имела громадное влияние на рабочее движение в России (20). Отвергая огульное обвинение всей интеллигенции в буржуазности, нигилистическое отношение к ней "поголовно", автор уточнял, что сознательные рабочие не против всей интеллигенции, вышедшей не из рабочего класса, а против известной ее части, у которой нет ничего общего

с социализмом, против предоставления руководящей роли в рабочем движении выходцам из буржуазной среды. Опасность буржуазной интеллигенции, действующей в этом движении, усматривалась в ее усилиях как в теории, так и в практической деятельности "оскопить" революционность рабочего движения, направить его на реформистский путь, к примирению с капиталистическим строем (21).

Обращаясь к российским реалиям, М.Белорусс безоговорочно осуждал часть интеллигенции, выступавшую с критикой марксизма (имелись в виду, очевидно, "легальные марксисты", а также некоторые идеологи "экономизма" и группировавшиеся вокруг них элементы) (22). Одновременно он, как будто с похвалой, отзывался о той интеллигенции (по всей видимости, подразумевалась искровская и "околоискровская" периода, предшествовавшего II съезду РСДРП), которая дала отпор этой критике и для которой социализм стал "религией и жизнью", хотя тут же ставил ей в вину признание возможности союзов с либералами, что, по его мнению, являлось принципиально недопустимым с точки зрения классовых интересов пролетариата (23). Оспаривался и приведенный выше тезис Г.В.Плеханова о большей революционности социал-демократической интеллигенции России по сравнению с западноевропейской, в частности, германской. Автор считал, напротив, что в России, где "пролетариат по своему классовому сознанию, культурности, организованности стоит гораздо ниже европейского", деятельность интеллигентов с "буржуазной тенденцией" может иметь "больший успех, чем в какой-либо другой стране" (24). Из его рассуждений автора следовало, что круг интеллигентов, способных сыграть положительную роль в организациях рабочей

партии был предельно узок. По существу, он ограничивался отдельными личностями, "единицами", поднявшимися "своей мыслью и чувством"выше своих материальных интересов и привилегий и ставшими борцами за классовые цели пролетариата"(25).

"Рабочий" также исходил из того, что в создании и деятельности пролетарской партии могут участвовать только интеллигентские "единицы", которые всецело перешли на точку зрения пролетариата, решительно и навсегда очистили свою психологию от классовых, групповых особенностей (26). Он констатировал, что сознательные рабочие никогда не питали безусловного доверия к практикам-интеллигентам, поднимая, напротив, при первой возможности голос против "исключительного руководительства" с их стороны (27).

В брошюре меньшевистско ориентированного публициста сравнивалось отношение рабочих к партийной интеллигенции двух основных идейно-политических направлений. Большевистская была названа "продуктом чисто интеллигентским, совершенно далеким от пролетариев, появившимся в наших рядах исключительно благодаря пассивности рабочих в делах своей же партии" (28). Однако и подход к меньшевистской интеллигенции, несмотря на реверансы в ее сторону (сделала "первые шаги по пути сближения с рабочими", "повернулась лицом"к ним (29) и т.п.) в целом был критическим. Отмечая, что "принципиальные сторонники меньшинства" являются по существу своему "той же самой интеллигенцией", автор предостерегая против излишних иллюзий "относительно интеллигенции так называемой мартовской" (30),

обращал внимание на то, что"даже с переходом в ряды меньшинства практикам-интеллигентам не так скоро удается"высвободиться из-под влияния своих классовых инстинктов (генеральства)" (3I). Рабочие призывались критиковать, бичевать, "самым беспощадным образом поступки не только ленинской, но и мартовской интеллигенции", как к одному из "самых целесообразных средств воздействия и вразумления" (32).

Как прямое следствие рабоче-интеллигентского антагонизма рассматривались внутриорганизационные раздоры и расколы, приводившие к созданию самостоятельных рабочих организаций в противовес интеллигентским комитетам. Такая практика, однако, по признанию"Рабочего"была бесперспективной в силу материального и теоретического перевеса сил интеллигенции. В итоге часть рабочих оставляла партийную деятельность, а другая, хотя и возвращалась в политические организации, чувствовала там себя наемниками, пассивно, механически выполняющими работу. Несмотря на многочисленные перестройки форм организационной деятельности, рабочие оставались отстраненными от активной партийной жизни"(33), - к такому выводу подводил жителей"Рабочий".

Анализ брошюр позволяет выявить и взгляды их авторов на пути преодоления антагонизма рабочих и интеллигентов в партии, решения этого, по выражению "Рабочего", "самого больного", "злосчастного", "животрепещущего", "имеющего чуть ли не самое важное значение" (33) вопроса. Из представления о пролетариате как единственном носителе социалистической идеи,"в силу естетственной необходимости" стремящемся к разрушению существу-

ющего строя и осуществлению социалистического идеала, М.Белорусс выводил необходимость руководства рабочим движением самими рабочими (34). Отсюда проистекало первостепенное значение самодеятельности этого движения как главенствующего принципа рабочих, социал-демократических организаций. Его применение мыслилось возможным только на основе демократизма, который противопоставлялся бюрократическому централизму. Соглашаясь с тем, что полная демократия в рабочих организациях в условиях полицейского режима невозможна, автор, со ссылкой на опыт немецкой социал-демократии периода действия исключительного закона против социалистов, а также на опыт отдельных организаций в России (Екатеринославской), стремился доказать возможность реализации и в этих условиях демократических начал, обеспечивающих политическую активность значительной части рабочих (35). Только при демократической организации, - подчеркивалось в брошюре, - более талантливые, деятельные и любимые массой личности будут стоять во главе движения и станет невозможным деление на интеллигентов и рабочих (36). Считая, что рабочая интеллигенция должна возглавить уже существующие революционные организации, М.Белорусс, наряду с этой ближайшей задачей, формулировал и перспективную (отводя известную роль в ее решении и "положительной" социалистической интеллигенции): выдвигать из рабочей массы по-возможности больше интеллигентных и активных личностей, способных в будущем стать руководителями рабочего движения (37). Мысль автора сводилась к тому, что только в случае, если рабочие займут руководящее положение в рабочем и социал-демократическом движении (на всех уровнях), а централистическая форма организации

сменится (насколько позволяли российские условия) демократической, окажется возможным говорить о действительной социал-демократической рабочей партии и будет снят вопрос о рабоче-интеллигентском антагонизме.

Также и Рабочий видел путь к устр нению данного антагонизма в реформировании существующей практики "в истинно пролетарском духе" (38). Имелось в виду во-первых, очищение партии от влияния не слившихся с классовым пролетарским движением непролетарских элементов, устранение исключительного руководства нынешних практиков с их сильно развитыми радикально-интеллигентскими тенденциями; во-вторых, привлечение к активной партийной жизни истинно пролетарских элементов, перенесение центра тяжести ведения дел в партии с ее интеллигентских верхов на слой сознательных рабочих, всемерное развертывание их самодеятельности (39).

По сравнению с М.Белоруссом, "Рабочий"менее категоричен в требованиях "орабочивания" руководящих инстанций социал-демократического движения. Он ставил вопрос о том, чтобы рабочие на равных правах с интеллигентами выступали руководителями движения, получали доступ во все серьезные партийные учреждения (40). Правда, в других местах брошюры говорилось не просто об уравнении в правах, а о том, чтобы руководство партии подверглось "радикальным изменениям в сторону преобладания рабочих", стало их "собственным делом" (41).

Важно подчеркнуть, что требованиями доступа рабочих к руководящей партийной деятельности автор не ограничивался.

Он настаивал на соответствующих формальных гарантиях изменения "внутренней политики" комитетов РСДРП, обеспечивающих такое положение дел, при котором в них заседали бы действительные пролетарии, а не "одни лишь интеллигенты" (42). Без изменений в составе руководителей в пользу рабочих признавалось немыслимым здоровое развитие социал-демократической партии, решение вопроса о рабочих и интеллигентах в ее организациях.

Существовали ли, однако, реальные предпосылки для предлагавшегося в брошюрах реформирования социал-демократической партии и, в первую очередь, для массовой замены ее руководящих работников всех звеньев, преимущественно интеллигентов рабочими без снижения теоретического, организационного уровня движения? Иными словами, располагала ли российская социал-демократия достаточным для такой замены числом передовых рабочих, обладающих общими и политическими знаниями, необходимыми организаторскими данными и т.п.? Суждения обоих авторов по этому ключевому аспекту воспроса о рабочих и интеллигентах отличались явной непоследовательностью. М. Белорусс, с одной стороны, указывал, что "интеллигентных рабочих очень мало", что российский пролетариат "выдвинул пока еще очень незначительный сравнительно контингент интеллигентных личностей, которые могли бы являться его истинными представителями"(43). С другой стороны, он заяв ял: "во всех крупных промышленных центрах имеется контингент лиц из рабочих, безусловно пригодных рабочими движениями" (44). "Грубой",

"вопиющей" неправдой называл "Рабочий" утверждения А.А.Богданова о наличии сознательных и самостоятельных кадров рабочих как фундамента истинно-пролетарской партии (45). Как признавал автор, в среде организованных рабочих "еще нет элементов, способных стать во главе нашего дела", им "народиться не дают" (46) (естественно, интеллигенты. - В.Д.). И наряду с этим в брошюре констатировалось, что в рядах партии, среди пролетариев давно уже есть "элементы способные к политической самодеятельности ... они рвутся к активной партийной жизни, они прекрасно сознают важность своего практического участия во всех делах партии" (47), несмотря на все препятствия, рабочие "успели уже выдвинуть значительный контингент вполне сознательных борцов" (48).

Таким образом, в понимании обоих публицистов, речь шла о глубоком антагонизме рабочих, в том числе и прежде всего передовых, сознательных, и интеллигентов в рабочем движении и в партии, выражавшемся в ненормальном, конфронтационном, несоциал-демократическом, имеющем идейные и социальные корни характере взаимоотношений как между интеллигентскими комитетами и партийной массой, так и внутри самих комитетов, вообще партийных организаций. Но конкретные предложения по выправлению ситуации сводились, по-существу, к снижению удельного веса (не только численного, но и политического) интеллигентов в организациях за счет сознательных рабочих. В необходимой же для этого степени политической зрелости последних авторы сами, очевидно, были далеко не уверены, о чем го-

ворит противоречивость высказываний на этот счет, встречающихся в брошюрах.

Можно предположить, что рассмотренные взгляды формировались под воздействием ряда факторов. Несомненно, на них наложила отпечаток острейшая внутрипартийная полемика, в ходе которой, как показано выше, переосмысливалась роль непролетарской интеллигенции в рабочем, социал-демократическом движении. На содержании брошюры "Рабочего" сказались его фракционные симпатии, явное тяготение к меньшевистским взглядам на развитие партии. Нельзя исключать и некоторое, пусть ограниченное, влияние на авторов идей В.К.Махайского (приписывание социал-демократической интеллигенции "классового инстинкта" и т.п.), который, заметим попутно, после бегства из сибирской ссылки находился в 1904 г. в Женеве (где были опубликованы обе брошюры), выступал там с рефератами и приступил к переизданию отдельными выпусками дополненного "Умственного рабочего"(49). Вместе с тем, как нам представляется, изложенные концепции в определенной степени явились реакцией на умонастроения в кругах передовых рабочих, с особой силой проявившиеся в разгар межфракционной борьбы. Как свидетельствует переписка членов ЦК РСДРП А.И.Любимова и В.А.Носкова (август 1904 г.), среди рабочих социал-демократов, которые в основном поддерживали позицию, дистанцировавшуюся в первую очередь от меньшевиков, но также и от большевиков, поднимался "глухой ропот против интеллигенции". (50). Есть все основания полагать, что этот ропот отражал помимо прочего беспокойство по поводу

того, что на практическую деятельность российской социал-демократии, на революционное движение рабочие партийцы не оказывали должного воздействия. Влиянием совокупности весьма разнообразных факторов можно, по-видимому, в какой-то мере объяснить известную непоследовательность, противоречивость суждений рабочих публицистов.

Идеи, весьма близкие к только что рассмотренным, выдвигались в ряде писем рабочих, опубликованных меньшевистской "Искрой" вслед за выходом в свет брошюры "Рабочего". В одном из них указывалось на "разобщенность, размежеванность интеллигентских верхов от обладающих сильно развитыми революционными стремлениями пролетарских низов", на отсутствие "тесной, живой, органичной связи между комитетами, руководящими рабочим движением и далеко отстающей от них массой". Проводилась мысль, выраженная в сущности рабочими публицистами, о том, что "интеллигентские верхи", включая комитеты, подавляли всякое проявление самодеятельности и инициативы в самом пролетариате". Считая такое положение дел чреватым отрывом партии от пролетарских интересов, автор письма он высказывался за поиск более подходящих форм "для слияния верхов с низами", предлагая периодические районные съезды социал-демократов, в которых как бы растворялись комитетские организации (51). О недопустимости того, чтобы судьбы рабочей партии решались одной интеллигенцией, о необходимости обеспечить участие в этом рабочих шла речь и в других письмах (52).

Вопрос о месте интеллигенции и рабочих, их взаимодействии

в организациях партии в условиях ее внутреннего кризиса составлял предмет пристального внимания меньшевистских идеологов. В опубликованной "Искрой" статье Ю.О.Мартов рассматривал его в плоскости отношений между преимущественно интеллигентскими по составу комитетами и сознательными рабочими. Последние, т.е. именно сознательные, передовые рабочие характеризовались как плохо организованные, в политическом отношении плохо воспитанные и неопытные, не проявляющие достаточной степени активности в вопросах общего направления движения и партийной тактики (53). Соотношение интеллигентов и рабочих в партии рисовалось автору в следующем виде: "не имея ни нашего (интеллигентов - В.Д.) опыта предыдущих революционных поколений, ни достаточных теоретических знаний и знакомства с рабочим движением передовых стран, они (сознательные рабочие - В.Д.) слишком далеко отстают от "сливок" социал-демократической интеллигенции, чтобы как равные с равными соучаствовать с ними в решении вопросов партийной политики". Поэтому, как представлялось Ю.О.Мартову, их отношения неизбежно принимали характер отношений между "управляющими", т.е. комитетами, и "управляемыми", т.е. сознательными рабочими, для которых политика комитетов была недоступна (54). Правда, он находил, что между теми и другими в последовавший за "экономизмом" период, когда на первый план выдвинулись интересы непосредственной политической борьбы за свержение самодержавия, "установились организационные отношения, исключающие прежние мучительные трения и основанные на более или менее полном доверии рабочих к комитетам",

политика которых была им неподконтрольна (55). Однако, тезис о "доверии" к интеллигентам противоречил разобранным выше суждениям рабочих публицистов и был оспорен в брошюре "Рабочего" (56).

Из статьи Ю.О.Мартова следовало, что имелись два возможных пути эволюции отношений рабочих и интеллигентов в РСДРП. Один связывался с реализацией приписываемого В.И.Ленину стремления сделать "абсолютизм комитетов" в местном движении организационным принципом всей партии, увековечить такое положение, при котором политика рабочей партии велась бы комитетами из интеллигенции, а сознательные рабочие являлись бы не субъектами политической деятельности, а объектами упрощенного политического воздействия "профессионально-революционных" комитетов, пассивным орудием в их руках. Другой путь имел целью обеспечить на деле активное участие политически сознательного слоя пролетариата в выработке партийной политики, во всех проявлениях партийной жизни через строительство партии как "сверху вниз" - от ее центральных и местных органов к партийной массе, к рабочим так и "снизу вверх" посредством развития политической самодеятельности рабочих (57). Отстаивая второй путь, автор предупреждал сознательных рабочих против "серьезной опасности", которую представляла их политическая пассивность в делах партии для "всего пролетарского дела". Имелось в виду, что "дальнейшее безусловное доверие к политическому руководительству нынешних интеллигентских организаций, руководимых в свою очередь ленинцами, может привести к вытравлению из нашей партии и тех черт пролетарской партии, которые она уже себе привила" (58).

Тот, отмеченный и Ю.О.Мартовым факт, что большевистская интеллигенция занимала ведущие позиции во многих комитетах РСДРП, очевидно, стимулировал попытки меньшевистских деятелей показать глубокую разобщенность между рабочими социал-демократами и комитетами, представить последние как интеллигентские организации, не выражавшие волю партийной массы. Эти попытки усиливались по мере того как все большее число комитетов высказывалось за созыв очередного съезда партии. Так, в решении отражавшего настроения ее меньшевистского крыла Совета РСДРП (сентябрь 1904 г.) отмечалось, что "почти повсеместно" резолюции по поводу съезда принимались комитетами "при полном игнорировании мнения по этому вопросу всей местной организации", при отстранении массы членов партии от "решения столь важного вопроса". Констатировалось "коренное расхождение" в "некоторых местах" между мнением комитетов и их периферии (59). В письме партийному работнику в Россию Н.К.Крупская следующим образом интерпретировала это положение: "Теперь, когда большинство комитетов требует нового съезда, Совет заявляет: комитеты не имеют значения, там сидит интеллигенция, надо считаться только с рабочими, с массами. Пускается в ход самая грубая демагогия" (60). При этом интеллигентский состав комитетов ею, по-видимому, не ставился под сомнение.

Идея оторванности интеллигентских комитетов от сознательных рабочих эксплуатировалась П.Б.Аксельродом в упоминавшемся Письме к товарищам рабочим, помещенном в "Искре" и в предисловии к брошюре "Рабочего" (основу которого составило названное письмо). Там приветствовался "полный негодования протест

против положения рабочих как "беспомощной, безгласной массы" в "действующей от имени пролетариата" партии (61). Высказывалась поддержка позиции "Рабочего" как выразителя "настроения крайней неудовлетворенности наших передовых социал-демократических пролетариев ходом дел в партии и своей пассивной ролью в ней", их стремления обеспечить себе прямое и непосредственное влияние на внутрипартийную жизнь. Соглашаясь с тем, что в РСДРП имеется антагонизм интеллигентов и рабочих, П.Б.Аксельрод характеризовал последних как людей, "чувствующих себя как бы гражданско и политически неполноправными" в партии, как "периферию, получающую указания "сверху", но лишенную законных средств со своей стороны давать властные указания руководящим партийным организация"(62). Имелись в виду при этом и местные комитеты РСДРП.

Одновременно П.Б.Аксельрод отводил упреки"Рабочего"в адрес социал-демократов интеллигентов. Автор брошюры критиковался за приписывание им как бы сознательного намерения "...во что бы то ни стало закрепить за собой свое привилегированное положение в партии и всякими средствами удерживать пролетариев в роли подчиненных и послушных им "помощников", всячески устранять их от руководящих функций" (63).

Незадолго до этого рассматривавший (как показано выше) радикальную интеллигенцию в составе социал-демократической партии в качестве социально чуждого рабочему классу элемента, П.Б.Аксельрод отмечал теперь, что наиболее революционные и

народолюбивые представители демократической интеллигенции борются в рядах социал-демократии против существующего общественно-политического строя во имя классовых интересов пролетариата. В его представлении, интеллигенты-партийцы, "душой и телом" отдавшиеся делу организации рабочего класса в самостоятельную политическую силу, должны были стремиться к развитию самостоятельности и самодеятельности передовых рабочих и не могли ставить себе целью систематическое подавление той или другой"(отдельные отступления от этого на практике, правда, не исключались) (64).

Внимание читателей брошюры фиксировалось на том, что вопрос о взаимоотношениях рабочих и интеллигентов уходил корнями в исторические условия становления российской социал-демократии, которая в период зарождения и начального развития была чисто интеллигентской организацией (65). Это отличало ее от социал-демократических партий передовых стран, объединявших наиболее сознательные и революционные элементы пролетариата, непосредственно определявшие характер, направление пути и практические задачи партийной деятельности (66). Правда П.Б.Аксельрод указывал на происходившие изменения объективной ситуации: "теперь сознательно-революционные рабочие составляют собою главные отряды социал-демократической партии, которая... выражает интересы и стремления пролетариата и стремится к неразрывному слиянию с его революционно-активными элементами" (67).

Выдвижение этого тезиса, явно противоречившего недавним рассуждениям его автора о РСДРП как "интеллигентской

партии" (причем применительно не ко времени ее создания, а к 1903-1904 гг.), объяснялось, на наш взгляд, прежде всего, однозначно негативной реакцией на предлагавшееся в брошюре допущение к руководству партии "слоя сознательных рабочих" в первую очередь посредством численного увеличения за их счет состава комитетов. Опасность такого предложения, переносившего вопрос об интеллигентах и рабочих "в область формально-организационных отношений", П.Б.Аксельрод видел прежде всего в его интеллигентской направленности, способной привести к новым "партийным междоусобиям". Его осуществление на практике могло быть, в частности, использовано, по мнению автора, всевозможными демагогами в качестве средства "развращения рабочих и дезорганизации партии" и теми ее противниками, кто возлагал надежды "на стихийные востания самых отсталых, наиболее бессознательных и прямо одичалых элементов народных масс" (68). Не случайны упоминания при этом и "экономистов" и зубатовцев, и глухой намек на махаевщину.

Негативное отношение к подобному способу решения вопроса высказывали и другие меньшевистские публицисты. Например, Н.Череванин признавал, что в действительной жизни происходит "подавление несомненных проявлений развивающейся самодеятельности среди рабочего пролетариата без замены их чем нибудь эквивалентным и развитие на почве этого подавления чисто интеллигентной организации, имеющей, в конце концов, целью замкнуть самодеятельность и самоопределение движения

в очень далеко стоящей от рабочей массы небольшой кучк Центрального Комитета". Напомнив, что В.И.Ленин "усиленно рекомендует "увеличивать в составе комитетов РСДРП число рабочих, Н.Череванин, однако, отвергал эту рекомендацию под предлогом, что "наши политические условия мешают тому, чтобы сколько-нибудь значительное (подчеркнуто нами - В.Д.) число рабочих дорабатывалось до такой высоты, которая безусловно необходима для членов комитета" (69).

Вообще теоретики меньшевизма отрицали возможность радикального решения вопроса о рабочих и интеллигентах как самостоятельного. Оно мыслилось исключительно как составная часть общего процесса развития практики в социал-демократическом направлении, самопреобразования партии в чисто пролетарскую, ее коллективной работы по организации и вовлечению все более широких масс пролетариев в сознательную организованную борьбу (70). (Вероятно, для подтверждения того, что партия уже начала идти этим курсом, и понадобился тезис о рабочих, составляющих ее "главные отряды"). Путь революционной самодеятельности, представляющий собой исторически нормальный путь образования социал-демократической партии на Западе, один только и может привести и приведет, как утверждал П.Б.Аксельрод "к радикальному устранению того антагонизма между рабочими и интеллигентами в наших организациях, который так больно дает себя чувствовать нашей партии" (71). Эти высказывания на деле означали, что, отвергая предложения "Рабочего", он сам уклонялся от каких бы то

ни было практических рекомендаций, возлагая надежды в основном на постепенную эволюцию внутрипартийных отношений, на более энергичное воздействие рабочих социал-демократов на партию.

Развитию их политической самодеятельности придавалось при этом первостепенное значение. П.Б.Аксельрод обращал внимание на необходимость поднятия умственного уровня, расширения политического кругозора, развития инициативы, энергии, организационных способностей сознательных рабочих, что, по его мнению, должно было способствовать слиянию пролетарской и непролетарской партийной интеллигенции (в одном месте говорится даже, что первой предстоит "поглотить" вторую) и приобретению ею положения, соответствующего принципиальному назначению партии рабочего класса (72).

В духе разрабатывавшихся меньшевистскими авторитетами подходов к обозначенному вопросу были выдержаны и редакционные комментарии "Искры" по поводу суждений, высказывавшихся рабочими в письмах в редакцию (73). Эти подходы давали о себе знать и в других материалах газеты, в первую очередь на темы внутрипартийной жизни.

Не подлежит сомнению, что на разобранной выше меньшевистской позиции сказывались соображения фракционной борьбы. Это во многом объясняет и сделанный в меньшевистских публикациях упор на отношении рабочих к преимущественно большевистски ориентированным комитетам РСДРП. Было бы, однако, на наш взгляд, упрощением сводить, как это, например, фактически делала Н.К.Крупская, смысл рассуждений меньшевиков

относительно рабочих и интеллигентов к попыткам "натравить" рабочих-партийцев на комитеты (74). С учетом общей ориентации меньшевистских авторов на развитие РСДРП (при благоприятных политических условиях) в рабочую, социал-демократическую партию западноевропейского образца представлялась логичной обеспокоенность, как им казалось, ненормальным, антагонистическим характером отношений рабочих и интеллигентов в партийных организациях, господствующим положением интеллигентов в руководящих инстанциях всех уровней и пассивной, вспомогательной ролью передовых рабочих. Соглашаясь в принципе с высказываниями их отдельных представителей о необходимости радикально изменить существующую ситуацию в пользу рабочих, меньшевики тем не менее отклоняли предлагавшиеся с этой целью практические меры. Такая позиция, на наш взгляд, была связана с проходившим рефреном через высказывания меньшевистских литераторов представлением об общем, достаточно низком интеллектуальном и политическом потенциале передовых рабочих, его неадекватности содержанию и значению руководящих функций в партии, на выполнение которых те могли претендовать. С этой точки зрения формальная, хотя бы и частично произведенная замена интеллигентов рабочими была чревата, по логике меньшевистских авторов, негативными последствиями для социал-демократической партии и революционного движения. Поэтому они и ограничивались в основном общими рекомендациями в смысле самопреобразования партии, развития рабочей самодеятельности, повышения образовательного, культурного

уровня рабочих и т.п. Что же касается корректировки П.Б.Аксельродом его прежней позиции относительно природы социал-демократической интеллигенции, места ее и передовых рабочих в движении пролетариата, в его партии, то здесь, очевидно, проявилось стремление смягчить реакцию читателей из рабочей среды на утверждения "своих" публицистов о почти безраздельном главенстве в партийных организациях интеллигенции в этой среде махаевских или близких к махаевским настроений по отношению к ней.

не появление

Точка зрения представителей большевистского течения в полемике о рабочих и интеллигентах в партии находила отражение в печатных изданиях образованных ими центров. В августе 1904 г. было опубликовано отдельным листком, затем брошюрой обращение программного характера "К партии", написанное В.И.Лениным и принятое совещанием 22-х большевиков. В нем отмечалось, что в отличие от заграничной части партии, в России "тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы", которое, по мысли автора и участников совещания, предполагало "живое и тесное" общение партийной интеллигенции с организованными пролетариями, в ходе которого эта интеллигенция воспитывалась "в более пролетарском духе" (75). Не лишне отметить, что данные положения отсутствовали в первоначальном ленинском вариа .е обращения (76) и, должно быть, были сформулированы в итоге состоявшегося обсуждения. По-видимому, принятый документ был нацелен, помимо прочего, и на то, чтобы

сформировать у партийной общественности в противовес меньшевистской пропаганде представление о нормальном в целом характере взаимодействия рабочих и интеллигентов в партийных организациях во всяком случае, способствовать такому взаимодействию.

В числе вопросов, по которым "существенным образом" расходились редакции "Искры" и "Вперед" Н.К.Крупская называла отношения между рабочими и интеллигенцией (77). Это проявилось уже во втором номере большевистской газеты, где была помещена (без подписи) ленинская статья "Соловья баснями не кормят", представлявшая собой отзыв на брошюру"Рабочего". Существа высказанных в ней упреков в адрес руководителей-интеллигентов по поводу систематического преследования стремлений рабочих к самодеятельности рецензент не касался, отвергая их как простое повторение "проповеди" воспринявших традиции "экономистов" меньшевиков-новоискровцев. Позиция последних по данному вопросу (со ссылкой на противоречивые суждения П.Б.Аксельрода) была представлена как непоследовательная, беспринципная, демагогическая (78).

Главную же заслугу рабочего публициста В.И.Ленин видел в выдвижении им тезиса об обязательности соответствующих формальных гарантий участия рабочих в партийных учреждениях (79). Здесь находился ключ к решению вопроса о рабочих и интеллигентах, - к такому выводу подводила логика рассуждений большевистского лидера. По его мнению, пониманием того, что без указанных гарантий все разглагольствования об "автономии" и

"рабочей самодеятельности" остаются "одним фразерством", автор брошюры обнаружил "трезвый пролетарский инстинкт" (80). В ленинской статье названы две потенциальные возможности выполнения вышеуказанного требования. Первая: введение выборного начала, следовательно, формальных уставных гарантий, уставного равноправия. Вторая, исходившая из того, что "демократизм, т.е. всеобщее применение выборного начала в русских конспиративных организациях", несовместим с самодержавно-полицейским строем: введение рабочих в комитеты РСДРП (81).

В.И.Ленин напоминал, что нигде в социал-демократической литературе не ставилась так ясно, прямо и решительно проблема рабочих и интеллигентов, как в его "Письме к товарищу о наших организационных задачах", в котором подчеркивалась необходимость введения наибольшего числа рабочих, по возможности всех вожаков рабочего движения из рабочих, в комитеты партии (82). Признавалось, правда, что эти "советы не всегда исполнялись", причем ни меньшевиками, ни большевиками. В то же время в противовес точке зрения "Рабочего" выражалось согласие с утверждением А.А.Богданова о том, что "наша партийная организация со времен экономизма стала относительно более пролетарской" (83).

На эту статью "Искра" отреагировала публикацией письма "того же рабочего", т.е. автора брошюры, который инкриминировал впередовскому публицисту преднамеренное стремление исказить ее смысл, свести его к желанию рабочих "попасть в комитеты". В действительности же, разъяснялось в письме, речь там гла о требовании равноправия, того, чтобы с сознательными рабочими "считались во всем, везде и всюду" как с равными членами "од-

ной и той же революционной армии", чтобы интеллигенты, "истинно ж: лающие служить пролетарскому делу", отделались от взгляда на рабочих как на элемент, "долженствующий вечно быть пасомым революционной интеллигенцией (84). Утверждая, что в период старой "Искры" создававшиеся прежде всего усилиями "экономистов" рабочие организации "механически-жестоко" подавлялись, пролетарский элемент систематически вытравливался из организаций, а самодеятельность рабочих сводилась к нулю, автор видел правопреемников этих тенденций в твердых искровцах, сторонниках большинства во главе с В.И.Лениным. Им приписывались приверженность централизму, шедшему в разрез с самостоятельными стремлениями пролетариата, жестокое принижение его сознательности, превознесение роли революционной интеллигенции над его ролью, а также "политический демагогизм", "интеллигентское честолюбие" и т.п. (85). Ужесточая (по сравнению с брошюрой) позицию в отношении большевистской интеллигенции, автор явно смягчал критику в адрес меньшевистской. Отмечая, что недостатки последней есть лишь печальное наследие "искровского периода", он характеризовал меньшинство как "течение более пролетарское по своей сущности", выражал надежду на совместную дружную работу с ним сознательных рабочих (86).

Анализ материалов, публиковавшихся на страницах "Вперед", позволяет говорить о неодинаковом восприятии сотрудничавшими в нем авторами идей, высказывавшихся "Рабочим". Например, В.В.Воровский не оспаривал его критических суждений относительно одинаковой в сущности постановки работы у новоискровцев и комитетов большинства и одинаковом отношении у них интеллигенции к рабочим (87).

А в одной корреспонденции сообщалось о длительной глухой вражде "на почве истинно бюрократического отношения" между комитетом партии и рабочими. Отмечалось, что комитет старался окружить себя молодыми рабочими, беспрекословно исполняющими его волю, удаляя от дел большинство старых, опытных и надежных рабочих (88). Газета специально не оговаривала, на какой политической позиции стоял данный Комитет. Хотя фракционные интересы были при этом соблюдены (речь шла о Донском комитете, тяготевшем к новоискровцам), сама подача материала подводила читателя к мысли, что подобное отношение комитетской интеллигенции к рабочим отнюдь не составляло исключения в партийной жизни.

Иная трактовка вопроса была дана в очередном отклике на все ту же брошюру - обстоятельном письме из Екатеринослава рабочего Правдина (89). Разногласия между рабочими и интеллигенцией квалифицировались там как "выдуманные". Не только отрицалось, что вопрос об их отношениях "самый важный", но и смело утверждалось: "Между истинными приверженцами нашей партии он давно уже решен и поднимается еще только дезорганизаторами из меньшинства". При этом оспаривались попытки "умалить значение интеллигенции в пролетарском движении", представить ее "чуть ли не вредным элементом", а напоминанием о пропаганде зубатовцев как бы обращалось внимание на внешнее сходство их взглядов с утверждениями автора брошюры. "Товарищ забывает, отмечалось в письме, что сознательные рабочие от интеллигентов же научились быть сознательными". Как "чистейшая выдумка" характеризовалось

заявление, будто молодежь со студенческой скамьи попадает в "вожди пролетариев". Ими, по мнению Правдина, выступают "сознательные рабочие, неразрывно связанные с широкой рабочей массой, а интеллигенция, ставшая на точку зрения пролетариата, только служит ему и освещает трудный путь к освобождению, борясь и страдая вместе с ним". С таким представлением о скорее служебных функциях партийной интеллигенции не вполне состыковывался задававшийся автором вопрос: "Кто же виноват, если наши товарищи рабочие не могут выделить из себя Бебелей, достойных руководить партией и занять положение, соответствующее Плеханову или Ленину?" (90). Хотя этот вопрос был оставлен без ответа, в самой его постановке содержалось фактическое признание серьезного отставания в интеллектуальном и политическом отношении российских передовых рабочих социал-демократов от их "братьев по классу" в Западной Европе.

Автор письма отказывался видеть в интеллигенции вообще виновника раскола в партии. Таковым он фактически считал меньшевистскую часть интеллигенции, связывая ее политическое поведение со старыми взглядами на роль "революционной бациллы", с неприятием централизма и боязнью раствориться в пролетарской массе. Отвергая рассуждения представителей этой части интеллигенции о рабочих как "слепом орудии в руках большинства" и т.п., автор проводил мысль о близости именно большевистской интеллигенции к рабочим массам, интересам которых, по его логике, отвечал ленинский "план организации с пролетарской

дисциплиной" (95).

Прямо противоположная"Рабочему"расстановка приоритетов между меньшевистской и большевистской интеллигенцией в статье Правдина приобретала для редакции "Вперед" принципиальное значение на фоне нередко публиковавшейся как ею, так и ее оппонентами в "Искре" информации о критических высказываниях рабочих в адрес как той, так и другой части партийной интеллигенции. Указывалось, в особености, что рабочие не принимают всерьез глубины разногласий между меньшевиками и большевиками, видя в их спорах не более чем "интеллигентскую дрязгу" (92). Примечательно, что в печатных изданиях противостоявших политических течений публиковались письма рабочих социал-демократов, использовавших для характеристики настроений в их среде поговорку: " Паны дерутся, а у холопов чубы болят" (93). Под "панами" разумелись не только деятели центральных учреждений, партийные идеологи, но и интеллигенты на местах, в первую очередь комитетчики.

В весьма решительных тонах была выдержана опубликованная большевистской газетой резолюция "группы рабочих металлического завода" Санкт-Петербурга. В ней указывалось на недопустимость интеллигентских разбирательств в то время (весна 1905 г.), когда "льется кровь рабочего пролетариата", и подчеркивалось, что если не совершится объединение партии, то это будет означать что "у нас нет интеллигентного пролетариата" (94). На столь серьезный сигнал не замедлила отреагировать "Искра", "очень" посоветовавшая "всем товарищам подумать об истинном смысле слов рабочих", который она интерпрети-

ровала следующим образом: "если то, что вы делаете, из-за книгою
чего спорите и расходитесь, остается для нас за семью печатями и отражается только в том, что" мы не находим фактически возможности работать в организации", то знайте, что мы обойдемся без вас". Далее следовало предупреждение партийной интеллигенции "пролетариат и без нас останется огромной исторической силой, мы же без пролетариата сразу превращаемся в ничто, - в смешную кучку чудаковатых утопистов" (95). Такая перспектива, естественно, не могла устроить ни большевистскую, ни меньшевистскую интеллигенцию. Явно имея в виду последнюю, "Искра" заверяла рабочих в том, что в партии найдется достаточно "интеллигентного пролетариата", который вместе с ними твердо встанет на путь объединения (96).

Линия же редакции "Вперед" в данном вопросе была ориентирована на то, чтобы добиться объединения передовых рабочих социал-демократов вокруг большевистской интеллигенции, что во многом было равнозначно их объединению вокруг комитетов РСДРП. Такой направленностью газеты, по-видимому, можно объяснить превалировавшие в ней при обращении к рассматриваемому вопросу тенденции, с одной стороны, делать упор на том, что пропаганда рабочей самодеятельности, интеллигентской сущности партии, ее комитетов меньшевистскими литераторами используется в своих целях политиками как правительственного, так и либерального лагеря, а сами эти литераторы несут ответственность за трудности в отношениях рабочих и интеллигентов в партии, с другой стороны, приглушить остроту реальных противо-

речий в этих отношениях, изобразить их как не составлявшие существенного препятствия для нормального функционирования партийных структур.

Между тем, поступавшие в адрес В.И.Ленина, редакции "Вперед" из России письма практических работников-большевиков свидетельствовали о более серьезном характере указанных трудностей. В конце января 1905 г. С.И.Гусев сообщал из Санкт-Петербурга, что "недоверие к интеллигенции как один из непременных спутников проповеди меньшинства, ... среди некоторой части рабочих ... имеет успех". Подобно В.И.Ленину, он видел путь к устранению такого недоверия прежде всего во введении рабочих в комитет. Обращая внимание на очень сильное предубеждение против этого как в большинстве, так и в меньшинстве, автор пояснял, что от рабочего "требуют каких-то необыкновенных качеств, ... больше же всего от него требуют именно того, чего у него нет и не может быть - основательной теоретической подготовки". Сам же он считал, что "в смешанном комитете (из интеллигенции и рабочих), следовательно, при паре хороших теоретиков прекрасно могли бы быть наши лучшие рабочие, хотя они и не имеют основательной теоретической подготовки. Необходимо, чтобы они были безусловно партийные в смысле твердого и прочного признания нашей Программы (что, конечно, требует и ее понимания, но это еще далеко от требования основательной теоретической подготовки), люди серьезные, энергичные и целиком отдающиеся работе" (97). Однако С.И.Гусев испытывал, очевидно, сомнения относительно наличия достаточного числа рабочих для выполнения ответственных функций в партии. Так, в письме от

18 марта 1905 г. он, высказываясь за "брабочивание" части "лучших нелегальных сил", подчеркивал: "рабочих следует вводить не по степени их начитанности, а по степени их революционности, преданности, энергичности и влияния. Теперь таких много "большей частью из неорганизованных рабочих, которые большей частью очень молоды и, хотя и начитаны в социал-демократической литературе, но не обладают политическими качествами, качествами политических вождей" (98). (Подчеркнуто нами - В.Д.) А несколькими днями позже тот же корреспондент признавал, что уровень массы "хороших рабочих", которых можно было бы вовлечь в организации таков, что они не способны "быть в настоящем смысле слова ни организаторами, ни пропагандистами, ни агитаторами" (99). Небезынтересна реакция партийных работников столицы на призыв Н.К.Крупской позаботиться о "рабочих корреспонденциях" для газеты "Вперед" (100). О причинах неисполнения этой рекомендации Н.В.Дорошенко писал: "необходимо помнить: уровень общего развития наших организованных крайне низок (101) (подчеркнуто нами - В.Д.). Одновременно, правда, и он, и С.И.Гусев ссылались на то, что самые сознательные рабочие были заняты по горло , и им было "некогда писать" (102).

В большевистские центры поступала информация о взаимоотношениях преимущественно интеллигентских комитетов и периферий, т.е. прежде всего организованных рабочих, но также и интеллигентов. В письме из Санкт-Петербурга 20 января 1905 г. В.Д.Бонч-Бруевич характеризовал эти отношения как "неважные", как предмет "мучения" столичных комитетчиков (103). О фактах "сильного озлобления" организованных рабочих (приписываемого

в основном меньшевистской агитации) против комитета, взаимного недоверия между комитетами и периферией, обвинений в централизме и бюрократизме, с одной стороны, и "неумении вести работу", с другой сообщалось в письмах работников Рижского комитета (февраль 1905 г.) (104).

Из содержания направленного 19 марта 1905 г. редакции "Вперед" сообщения Кавказского союзного комитета РСДРП из Тифлиса следовало, что меньшевистские утверждения о "большевиках-командирах", желающих, чтобы "рабочие плясали под их дудку", о том, что "по Ленину, ...рабочий сам, без интеллигенции, никогда не дойдет до социал-демократического сознания", а в действительности, - интеллигенция это "пришлый люд в среде рабочих", находили отклик у организованных рабочих. В среде последних говорилось о том, что "интеллигентов они будут понимать" (105) (по логике, лишь для обслуживания движения). В конце того же месяца редакции большевистской газеты была направлена корреспонденция из Мелитополя, где, в частности, отмечалось: "Среди организованных рабочих особой популярностью пользуется демагогическая брошюра "Рабочего", что отражается крайне вредно на их отношении к интеллигенции: всюду слышишь толки о злых кознях интеллигенции, о черной и белой кости" (106).

Явно неблагополучный характер отношений между рабочими и интеллигентами (приписываемый обычно влиянию меньшевистской агитации), который рисовался большевистским корреспондентам "Вперед", не находил в силу проводившейся газетой линии

должного отражения на ее страницах, хотя и не мог не вызывать обоснованного беспокойства у большевистских лидеров. Как представляется, стекавшаяся с мест информация утверждала их в намерении придать вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в организациях общепартийный характер, поставив его на обсуждение очередного съезда РСДРП.

Проведенный анализ позволяет прежде всего сделать вывод об определенном смещении оси многолетних дискуссий о рабочих и интеллигентах. В предшествующий период, как мы видели, она проходила преимущественно через отношения между интеллигентами и рабочими "середняками", а также рабочей массой, причем интеллигентные рабочие рассматривались обычно как элемент, вполне лояльный к социал-демократической, непролетарской интеллигенции , как едва ли не единственная ее опора в рабочей среде. Теперь же такой осью становились как раз отношения между социал-демократической непролетарской и пролетарской интеллигенцией, "верхним", наиболее развитым, передовым слоем рабочего класса.

Полемика отразила общее представление о несоответствии этих отношений, положения рабочих в РСДРП заявленному ею пролетарскому характеру партии, об имеющем место непонимании и недоверии рабочих к интеллигентам, осуществляющим фактически все руководящие функции в социал-демократических организациях. При наличии принципиальных расхождений участники дискуссии отдавали себе отчет в том, что полнокровная внутренняя жизнь

партии, выполнение ею авангардной роли в рабочем, общедемократическом движении возможны только при условии существенного повышения политического удельного веса сознательных, интеллигентных рабочих в партии, их реального участия во всех сферах ее деятельности, изменения стиля поведения социал-демократической интеллигенции в отношении рабочих, обеспечения их эффективного взаимодействия в организациях.

Однако нацеленные на это предложения - о реализации максимально возможного в условиях самодержавного режима демократизма, "рабочей самодеятельности", расплывчатые призывы к "самопреобразованию" партии, равно как и требования обеспечить простое арифметическое увеличение числа рабочих в партийных инстанциях за счет снижения числа интеллигентов - не учитывали многоплановый характер вопроса о рабочих и интеллигентах и в первую очередь соотношение между фактическим интеллектуальным и политическим уровнем их наиболее активных, передовых элементов.

Широта обсуждения и участия в нем представителей различных течений социал-демократии являлись показателем того, что вопрос о рабочих и интеллигентах становился одним из наиболее острых, актуальных вопросов жизни всей партии, от решения которого во многом зависели ее судьбы, степень и характер ее воздействия на рабочее, революционное движение. Об осознании этого свидетельствовало и его включение в повестку дня партийного съезда.

§ 3. Положение рабочих и интеллигентов в партии в представлении большевиков

Исследование позиции идеологов и практиков большевистского крыла РСДРП по вопросу о внутрипартийном взаимодействии рабочих и интеллигентов представляет специальный интерес как с точки зрения соотнесения взглядов на его содержание и пути решения с той моделью или типом пролетарской партии, который складывался в их сознании, так и с точки зрения оценки степени эффективности предлагавшихся мер, их адекватности реалиям партийного строительства. Как показано в предыдущем параграфе, в ходе носившей общепартийный характер полемики большевистскими публицистами и местными работниками формулировались общие подходы к отдельным сторонам указанного вопроса. В наиболее полном и концентрированном виде представления, складывавшиеся внутри большевистского течения, нашли отражение в процессе обстоятельного обсуждения отношений рабочих и интеллигентов в организациях на Ш съезде партии.

Решение о вынесении данного вопроса на съезд, судя по всему, вызревало в большевистских центрах постепенно и не встречало единодушной поддержки. В первоначальном проекте его порядка дня, составленном В.И.Лениным в декабре 1904 г. нет и намека на его постановку (I). Отсутствует он и в списке вопросов, подлежавших обсуждению, обнародованном в извещении Бюро комитетов большинства о созыве съезда (январь 1905 г.), хотя в этом документе и просматривается выход на отдельные его стороны (предложение решить на съезде такие организационные вопросы как "установление реального единства партийной организации" путем реформ, учитывающих, что основу ее составляют "сознательно-товарищеские

отношения", "уставное определение основ взаимоотношений комитетов с периферией и др.) (2). В заметке же В.И.Ленина, опубликованной газетой "Вперед" в виде редакционного примечания к извещению (февраль 1905 г.), говорилось, что редакция,"с своей стороны", предлагает съезду "порядок дня", включавший в числе прочих и "организационный вопрос"(3). Данный пункт расшифровывается в написанном примерно тогда же большевистским лидером перечне резолюций, среди которых упоминается "резолюция об отношении рабочих и интеллигентов в организациях" (4). В совместном воззвании к партии от имени Центрального Комитета РСДРП и Бюро комитетов большинства (март 1905 г.) объявлялся порядок дня съезда, в котором интересующий нас вопрос не фигурировал (5). Однако в том же номере газеты "Вперед", где опубликовано данное воззвание, был помещен материал под заголовком "Организационный вопрос", в котором Бюро комитетов большинства предлагало назначить докладчиком на съезде по данному вопросу тов.Иванова" (А.А.Богданова) и "для ознакомления всей партии" приводило "суть доклада" по проекту Устава. Далее следовали "проекты дополняющих резолюций" и среди них "об отношениях между рабочими и интеллигентами в социал-демократической партии" (6). Наконец, в ленинских проектах, написанных накануне съезда, данный вопрос фигурирует как самостоятельный в том числе и в редакции: "отношение рабочих к интеллигентам" с пометкой в одном случае "отчеты делегатов" (7).

На самом съезде В.И.Лениным, А.А.Богдановым и М.М.Литвиновым был предложен порядок дня, третий пункт которого "организация партии" включал "устав партии" и "отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях" (8). Однако в альтерна-

тивном проекте Л.Б.Каменева последнего вопроса не было(9). Он прошел при вотировании по отдельным пунктам и в окончательно утвержденном порядке дня значился под рубрикой "Вопросы организационные" (10). Из сказанного можно сделать вывод, что инициатива в вынесении данного вопроса на съезд принадлежала редакции "Вперед", в первую очередь, В.И.Ленину и А.А.Богданову, проявившим настойчивость и последовательность в отстаивании целесообразности его обсуждения верховным органом партии.

Каковы же были основные причины, побудившие к этому большевистских руководителей? Здесь следует прежде всего указать на общеполитическую ситуацию в стране, начавшуюся народную революцию. В отличие от проявившейся у меньшевистских литераторов тенденции подчеркивать стихийную сторону развития революции, В.И.Ленин исходил из необходимости обеспечить в ходе этого развития авангардную, инициирующую роль пролетарской партии, энергично поддержал А.Л.Парвуса, видевшего ее задачу в том, чтобы "организовать революцию" (11). Завоевать такую роль, по логике большевистских руководителей, партия могла при максимальной политической активности всех организаций, каждого ее члена, что в немалой степени зависело от морально-политического климата в этих организациях, от характера взаимодействия в них рабочих и интеллигентов.

К решению о постановке вопроса об их взаимоотношениях на съезде логически подводила многолетняя, усилившаяся в конце 1904 - начале 1905 гг. дискуссия о роли интеллигенции в рабочем, социал-демократическом движении, о ее взаимоотношениях с рабочими в процессе становления партии. Большевистские идеологи отдавали себе отчет в том, что дискуссия отражала вполне реальные труд-

ности внутренней жизни многих партийных организаций, неослабевающее негативное влияние этих трудностей на весь процесс партийного строительства. От съезда можно было ожидать коллективного поиска путей решения сложного и злободневного вопроса, выработки отражающих волю партии ясных ориентиров для ее организаций, для местных работников.

Вынесение данного вопроса на съезд было, на наш взгляд связано также с новыми условиями функционирования партийных организаций. Осуждая настроения некоторых большевистских деятелей, не исключавших возможности воссоединения с меньшевиками-новоискровцами, В.И.Ленин высказывался за немедленный разрыв всех отношений с ними, отстаивал идею организации "впередавской партии", сплочения "действительно железной дисциплиной тех, кто хочет воевать" в "маленькой,но крепкой партии". В связи с этой задачей он требовал от местных работников смелее и шире привлекать молодежь - студенческую и рабочую, основывать из нее сотни кружков впередовцев, расширять за ее счет комитеты и создавать подкомитеты, "с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей" (I2). Так ставился вопрос в предназначавшемся для печати директивном письме А.А.Богданову и С.Н.Гусеву. А в написанной вслед за ним и опубликованной газетой "Вперед" статье В.И.Ленин, не упоминая о будущей партии, заявляя о необходимости считаться с "более свободной атмосферой, с более широким полем деятельности", настаивал на сильном расширении состава всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, на создании сотен новых организаций и т.д. При этом он призывал своих единомышленников не опасаться теоретической неподготовленности, неопытности, неразвитости новых "рекрутов"

партии, утверждая, что "в нашем и всецело в нашем направлении" их научат военные действия" (I3). Правда, местные большевистские работники принимали к руководству не все рекомендации своего лидера. Так, соглашаясь с ним в необходимости реорганизации партийной деятельности и привлечения к ней новых сил, заявляя о собственной борьбе против "устарелых навыков и обычаев", С.И.Гусев возражал по поводу заимствованного, как ему казалось, из меньшевистского арсенала, требования "широкого раскрытия дверей" в партию перед "первыми встречными", молодежью и т.д. Демонстрируя большевистскую "твердокаменность," этот работник подчеркивал: "революция революцией, а § I Устава... остается § I Устава" (I4) (подразумевалась естественно, ленинская формулировка). Во всяком случае, происходившие и надвигавшиеся изменения в положении РСДРП, характере и формах ее деятельности, усиливающийся приток в ее ряды как рабочих, так и интеллигентов делали политически актуальным специальное рассмотрение на ее съезде путей пересмотра сложившегося в условиях глубокого подполья характера взаимоотношений рабочих и интеллигентов с учетом перспективы окончательного организационного оформления "впередовской партии".

Наконец, включением данного вопроса в число предлагавшихся для обсуждения на съезде большевистские деятели стремились, очевидно, показать несостоятельность нападок их оппонентов в РСДРП на характер самого съезда. На страницах "Искры", энергично противодействовавшей его созыву, проводилась мысль, что представленные на нем комитетчики "менее чем когда-либо могут теперь выразить коллективную волю партии, объединяющей несколько тысяч революционных работников" и всего менее могут "отвечать" за организованный пролетариат, составляющий большинство членов

партии". Давалось понять, что при таких условиях содержание работы съезда сведется к "вершению судеб партии кучкой интеллигентов, менее всего связанных с массой" (I5). Обсуждение отношений рабочих и интеллигентов в партийных организациях на фактически большевистском съезде могло иметь и определенное пропагандистское значение, демонстрируя общественному мнению партии глубокую заинтересованность ее большевистского крыла во всемерном расширении связей партийной интеллигенции с рабочими, в повышении их реальной роли в партийной жизни.

Рассмотрению на съезде обозначенного вопроса предшествовала определенная организационная подготовка. Подчеркивая безусловную необходимость для его успеха активного участия всех членов партии в выработке докладов и резолюций по всем "крупным вопросам", редакция "Вперед" устами В.И.Ленина предлагала каждому работнику партийной или примыкающей к партии организации сообщить, в частности, о числе рабочих и интеллигентов в ней, об отношениях между ними (I6). В предназначавшейся для печати анкете большевистский лидер в числе "главнейших вопросов, выяснение которых необходимо для переработки устава и составления резолюций съезда", ставил перед работавшими в России практиками такие вопросы как: сколько рабочих и интеллигентов в каждом комитете, комитетском отделении, организаторской группе; считаете ли полезным разделение интеллигентских и рабочих комитетов (групп, кружков, организаций и т.д.); если нет, почему; если да, просят указать форму разделения. Интересующую нас тему затрагивали и вопросы о формах сношений между периферией и комитетом, о возможности и желательности введения выборного начала в партийной жизни (I7). Эти материалы свидетельствуют не только о несомнен-

ном интересе к проблеме, хотя преимущественно к ее формальной стороне, но и о стремлении сделать ее предметом всестороннего обсуждения в партии, готовности учесть при выработке решений и рекомендаций различные точки зрения.

Между тем, не дожидаясь реакции респондентов, В.И.Ленин и А.А.Богданов сформулировали в общих чертах собственную позицию по занимающему нас вопросу, о которой позволяют судить ленинский "общий план решений съезда", упомянутая выше работа А.А.Богданова "Организационный вопрос", во многом, но не во всем совпадающие проекты резолюции составленные каждым из них в отдельности и их совместный проект, представленный съезду (I8).

Сущность этой позиции В.И.Ленин попытался выразить следующим образом: "Лишь в полной сознательности передовых рабочих, в полном стирании грани между социал-демократами, интеллигентами и рабочими, лежит залог социал-демократической классовой партии пролетариата" (I9). Здесь, как будто, сохраняется прежняя мысль автора о поднятии уровня рабочих-партийцев до уровня социал-демократической интеллигенции как ключевом направлении в решении вопроса о рабочих и интеллигентах. Однако на смену прежнему, относящемуся к I899 г. представлению об их "соединении" в партии, предусматривавшему взаимное движение навстречу основных социальных элементов партии, взаимное обогащение знанием и опытом друг друга, приходит идея о "полном стирании грани" (причем не только применительно к организации профессиональных революционеров, как в "Что делать?"), которая при осуществлении на практике могла означать сознательное игнорирование различий в интеллектуальном и социально-психологическом плане, приоритет чисто организационным, механическим мерам регулирования соот-

ношения между рабочими и интеллигентами, их взаимодействия.

О допустимости такого предположения говорит сравнительный анализ идей В.И.Ленина и А.А.Богданова. Ни тот, ни другой не давали оценки состояния отношений рабочих и интеллигентов в партийных организациях, подходя к этим отношениям исключительно с точки зрения "политики" (у В.И.Ленина) или "попыток" (у А.А.Богданова) "экономистов", а затем меньшевиков-новоискровцев сеять вражду и недоверие между ними, изображать саму партию, ее организации как "чисто интеллигентские", стремящиеся "сковать партийной дисциплиной самодеятельность рабочего класса" (20). В.И.Ленин особо подчеркивал искусное использование подобной агитации "врагами социал-демократии", "либеральными буржуа" (21). Оба большевистских идеолога отвергали как демагогические высказывавшиеся новоискровцами в связи с характером отношений рабочих и интеллигентов в организациях предложения о развитии рабочей самодеятельности, о применении выборного начала в партийной жизни.

В разработанных проектах резолюции указывались пути, которые, по логике авторов проектов, вели к решению вопроса о рабочих и интеллигентах. Во главу угла была поставлена задача "сознательных сторонников" рабочей партии (т.е. при существовавшем в ней раскладе в первую очередь интеллигентов): укрепление всеми силами ее связи с массой рабочего класса. Намечались основные параметры реализации данной задачи: постоянно поднимать все более широкие слои пролетариев и полупролетариев "до полной социал-демократической сознательности"; развивать их "революционную и социал-демократическую самодеятельность" (явно в противовес низшим формам рабочей самодеятельности, перед которыми, со-

гласно В.И.Ленину,"преклонялись" новоискровцы (22); создавать возможно большее число рабочих организаций, входящих в партию; содействовать тому, чтобы и другие рабочие организации примыкали к ней (23). Эти положения были, в основном, направлены на упрочение связи партии (и ее интеллигенции) с рабочим классом, на поднятие уровня сознательности последнего, на орабочивание состава партии.

Что же касается собственно внутриорганизационных отношений рабочих и интеллигентов, то подходы к ним определялись общим направлением предлагавшейся в большевистских документах реформы партии, которое А.А.Богданов формулировал так: "возможный при наших условиях борьбы максимум цетралистической стройности и сплоченности организации при максимуме возможного при этих же условиях демократизма". При этом им обосновывалась необходимость строгого определения на основе ленинской формулировки первого параграфа Устава организационных рамок партии, ее неизбежно расширяющихся организаций как с точки зрения грозящей опасности "расплыться" среди массы неустойчивых и недисциплинированных элементов, вовлекаемых в социал-демократическое течение , так и с точки зрения подготовки к возможному переходу партии к выборному началу (24). Проявившаяся здесь попытка увязать жесткие, организационные, централистические нормы с будущей выборностью присутствует (по мере приближения к съезду и развития революции все в большей степени) и в проектах резолюции об отношениях рабочих и интеллигенции. В них почеркивалось, что полное господство выборного начала возможно и необходимо при свободных политических условиях, но неосуществимо при самодержавии (25). Правда, уже в богдановс-

ком проекте была признана возможность использования в партии выборной системы и при существующем режиме в "значительно более широких размерах, чем теперь", а вина за ее недостаточное применение возложена на правое крыло социал-демократии, выявившее своими действиями дезорганизованность партии (26). Соответствующая задача была сформулирована в итоговом богдановско-ленинском проекте, однако, в весьма осторожных выражениях: "путем ряда (!) организационных реформ подготовить к ближайшим (!) съездам условия (!) для действительного проведения в возможных (!) размерах выборного начала в партийной жизни" (27). Итак, фактически приняв (в принципе) меньшевистскую точку зрения на роль выборного начала в нормализации внутрипартийных отношений рабочих и интеллигентов, большевистские идеологи рассматривали его реализацию как достаточно отдаленную перспективу.

Более актуальной и практически осуществимой мерой они считали обеспечение должного места рабочих относительно интеллигентов в руководстве партийными делами. В ее отстаивании В.И.Ленин проявлял наибольшую решительность. Напоминая позицию старой "Искры" - "важность выдвижения рабочей массой сознательных рабочих социал-демократов, рабочих-революционеров, наших Бебелей", (28), он в проекте резолюции настаивал на "выделении самой рабочей массой возможно большего числа рабочих, способных вполне руководить движением и всеми (подчеркнуто в обоих случаях нами - В.Д.) организациями партии" на том, чтобы "как можно больше сознательных социал-демократов рабочих входили как члены в комитеты партии" (29). Несколько сдержаннее звучит положение богдановского проекта о

"выделении рабочей массой возможно большого числа рабочих, способных руководить движением и партийными организациями, в качестве членов местных центров и центра общепартийного" (30). Такую формулировку содержит и совместный проект. Но любопытно сопоставить два наметившихся подхода, исходивших: один - из перспективы фактического перехода руководящих функций в партии к рабочим и другой - из перспективы активного участия передовых, сознательных рабочих наряду с интеллигентами в выполнении этих функций.

Представленные III съезду РСДРП доклады и отчеты местных комитетов почти не содержали сведений о взаимодействии рабочих и интеллигентов в организациях. Лишь в отчете Санкт-Петербургского комитета упоминалось об отсутствии в его составе рабочих и "крайне враждебном" отношении рабочих к комитету из интеллигентов (до 9 января 1905 г.) (31). В других отчетах обращают на себя внимание оценки уровня политической культуры "организованных рабочих" (т.е. в основном социал-демократов). Так, Тверской комитет отмечал, что большая часть местных организованных рабочих -молодые, недостаточно интеллигентные, тесно связанные с деревней, мало импонирующие профессиональным, более развитым рабочим, которые несравненно труднее поддаются организационному воздействию" (32). Из отчета Екатеринославского комитета следовало, что имели место сильные перепады в развитии сознания рабочих масс, факты утери не только неорганизованными, но даже считавшимися организованными рабочими интереса к революционному движению (33). Об отсутствии достаточной подготовки, партийного
достаточного воспитания у передовых рабочих, вследствие чего их самодеятельность "упорно не проявлялась" сообщал Рижский

комитет (34). Как видим, составители отчетов, сами являвшиеся интеллигентами, фактически констатировали низкий культурный и политический уровень организованных рабочих, их недостаточную сознательность.

Особого внимания заслуживает фигурировавший в числе отчетов к съезду документ "О постановке работы среди интеллигенции" (35), который носит обобщающий характер, основываясь на данных о партийной деятельности в Петербурге, Одессе, Екатеринославе, Нижнем Новгороде. В документе подчеркивалось, что в переживаемый "революционный момент", когда повсюду слышишь, что в партии нет руководителей, нет комитетчиков, нет пропагандистов... к нам во все двери стучатся интеллигентные силы, работа над которыми могла бы дать нам пропагандистов, а иногда и руководителей". В данной связи как "наследие периода экономизма" осуждалось "предубеждение" против работы в интеллигенции (36).

На первое место в этой работе выдвигалось привлечение и подготовка из ее среды сознательных партийных работников. При этом фиксировались различия в деятельности по вовлечению в партию рабочих и интеллигентов. Действуя среди пролетариата, отмечалось в документе, мы пробуждаем у него классовое самосознание на почве его экономического и правового положения и организуем его в пролетарскую партию. Что касается интеллигенции, то не столько приходится апеллировать к ее политическому и экономическому положению, сколько переводить отдельных лиц с буржуазной точки зрения на социалистическую, готовить из них работников для первоначально чуждой им пролетарской партии. Теоретическую и политическую подготовку таких работников пред-

лагалось осуществлять прежде всего через пропагандистские кружки различных ступеней и через кружки самообразования. Специально отмечалось значение умелого использования индивидуальных возможностей и способностей интеллигентных работников, разделения труда между ними. Настоятельно рекомендовалось скорее переводить их с "периферийной интеллигентской работы" на работу в пролетарской среде, ибо "главным образом там, в соприкосновении с рабочими они научаются дисциплине и партийности" (37). Смысл документа сводился к обоснованию решающей роли в осуществлении функций партии интеллигентов-социал-демократов, необходимости особого внимания к их теоретической и политической подготовке. Документ явно исходил из недостаточности сил передовых рабочих для обеспечения указанных функций.

Таким образом, предсъездовские материалы содержали противоречивые оценки и суждения. С одной стороны, возможность решения вопроса о рабочих и интеллигентах виделась лишь на путях радикального изменения состава партийных центров в пользу рабочих. С другой стороны, проводилась мысль о неподготовленности значительной части "передовых", "организованных", "сознательных" рабочих к активному, самостоятельному участию в партийной жизни, в деятельности партийных центров, о по-прежнему незаменимой роли интеллигентов в организациях РСДРП.

Тема рабочих и интеллигентов звучала на Ш съезде партии задолго до того, как началось рассмотрение вопроса об их взаимоотношениях. Уже на первых заседаниях делегаты Б.В.Авилов и Рыбкин выражали сожалениепо поводу крайней малочисленности рабочих среди участников съезда (38). В этой связи М.Н.Лядов заявил, что, разъезжая в преддверии съезда по местным органи

зациям он от имени Организационного комитета всюду рекомендовал посылать на съезд рабочих... Если рабочих на съезде мало, то это не вина ОК" (39). Заметим попутно, что подобные рекомендации фигурировали в переписке большевистских центров с местными организациями (40).

Весьма показательна реакция некоторых делегатов на приведенные высказывания. Признав "очень печальным" тот факт, что на съезде "мало рабочих", Г.И.Крамольников тем не менее оспаривал точку зрения тех, кто думал, что "раз наша партия пролетарская, то она должна быть представлена на съезде непременно пролетариями, хотя бы эти пролетарии были совсем не подготовлены для такой роли". По его мнению, речь должна была идти не о "механическом изменении сейчас же личного состава "руководителей", что явилось бы "отрыжкой меньшевистской демагогии", а о "создании.... воспитании годных для этой роли действительных политических руководителей из рабочих" (41). Возражая Г.И.Крамольникову, М.Г.Цхакая подчеркивал, что "на съезде пролетарской партии, конечно, должны быть именно пролетарии, пролетарии наиболее сознательные и наиболее социал-демократически подготовленные". Из сложившегося на съезде положения с представительством рабочих предлагался весьма простой выход: вообще закрыть глаза на социальную принадлежность делегатов. "Да и мы все разве не пролетарии, не представители интересов всего пролетариата?" - восклицал М.Г.Цхакая (42) (примечательно, что в ходе дальнейшей работы съезда он признал остроту и актуальность вопроса о рабочих и интеллигентах в организациях).

Между тем, выступления ряда делегатов давали, как нам представляется, ключ к пониманию более чем скромного места ра-

бочих в составе съезда. Так при обсуждении вопроса о вооруженном восстании Н.В.Романов указывал на низкий уровень политической сознательности массы городских рабочих, видя в этом угрозу "чрезвычайно опасного" стихийного взрыва (43), а В.А.Десницкий делал упор на том, что социал-демократы должны не только "делать из рабочих ...сторонников восстания,... не только звать рабочих к оружию, но и просветлять их сознание,... вооружить не только руки борцов за свободу, но и головы" (44). Квалифицируя революционное настроение рабочих как "чисто политическое возбуждение общедемократического характера", В.В.Воровский отказывался усматривать в нем "развитое классовое самосознание" (45). Многим делегатам, признававшим за пролетариатом громадную общественную силу, считавшим его в соответствии с буквой марксизма "наиболее передовым и единственно революционным классом", представлялось, по-видимому, очевидным, что такой характеристике не соответствует реальная степень его сознательности и политической культуры, а в общем и целом более высокий уровень рабочих-партийцев все же недостаточен для руководства партией что не могло не отразиться и на составе ее высшей инстанции).

Непосредственно к обсуждению вопроса о рабочих и интеллигентах в партийных организациях съезд приступил на XУ заседании. Был заслушан доклад А.А.Богданова, в котором обосновывался проект резолюции, внесенный им совместно с В.И.Лениным. В прениях приняли участие В.И.Ленин,В.В.Воровский, Р.С.Землячка,Л.Б.Каменев, П.А.Красиков, М.М.Литвинов, А.В.Луначарский, М.Н.Лядов, А.И.Рыков, М.Г.Цхакая и др., всего 2I делегат. После бурных дебатов вопрос был отложен до принятия Устава партии (46). На XIX заседании дискуссия возобновилась: выступили (включая реплики)

25 делегатов, некоторые повторно.

Как утверждалось в докладе, в российской социал-демократии с самого начала установились "здоровые нормальные отношения между членами партии рабочими и интеллигентами: всякий социал-демократ рассматривался просто как работник общего дела и разграничения не делалось". Констатировав, что эти отношения нарушил "экономизм", докладчик выделил две его черты: противопоставление интеллигенции и пролетариата, выражавшее "недостаточную глубину слияния интеллигентов-экономистов с рабочим движением, и преклонение перед пролетариатом как таковым, отразившее "интеллигентскую дряблость", граничащую с "недостатком чувства собственного достоинства". Обе черты, как отмечалось были унаследованы "только в несколько ослабленной степени" правым крылом партии, которое подобно экономизму обнаружило специфически интеллигентский оттенок. Характеризуя как безусловно вредное для общего дела противопоставление социал-демократических работников из пролетариата и интеллигенции, докладчик заявлял: "Все мы равны как работники единого революционного движения, направленного к единому социалистическому идеалу" (47).

Фактически признавая вместе с тем нездоровый характер отношений рабочих и интеллигентов (хотя и относя его исключительно на счет интеллигентской природы "экономистов" и меньшевиков), А.А.Богданов обращал внимание на несостоятельность попыток организационно определить их отношения, поскольку такие попытки подрывали бы единство партии, создавали бы "классовый антагонизм в ее среде". При этом обособление интеллигентской части партии могло бы явиться удобной почвой для ее развития в сторону буржуазной демократии, а обособление пролетарской - в сторону профес-

сионализма и тред-юнионизма. И в докладе, и в заключительном слове выделены две ключевые задачи. Первая - использование новых возможностей революционной эпохи для продвижения к демократизму, реализация в противовес демагогическим фразам новоискровцев практических шагов к применению, хотя и в ограниченных пределах, выборного начала, развитие в направлении демократизма фактических отношений партийных организаций (в том числе, очевидно, и взаимодействия рабочих и интеллигентов). Вторая: максимально возможное воплощение движения рабочих масс в социал-демократической партии, т.е., судя по всему, ее орабочивание, в особенности, привлечение пролетариев в партийные центры (48). Последовательное осуществление названных задач, должно было, по логике докладчика, способствовать оздоровлению отношений между рабочими и интеллигентами в организациях партии.

В ходе обсуждения доклада обнаружились прежде всего попытки отрицать наличие самой проблемы рабочих и интеллигентов в партии, видеть в ней лишь демагогический вопрос, выдвинутый меньшевиками. Так, Л.Б.Каменев утверждал, что "вопроса об отношении между интеллигенцией и рабочими в партийных организациях не существует" (49). Протоколы съезда зафиксировали ленинскую реплику: "Существует!" (50). К каменевской точке зрения присоединился М.С.Ленинский, заявивший с абсолютной категоричностью: "У нас нет интеллигентов и рабочих, у нас есть социал-демократы" (51). Р.С.Землячка констатировала, что за все время практической работы она не замечала ненормальных отношений между интеллигентами и рабочими (52).

Подавляющее большинство участников дискуссии считали вопрос об этих отношениях реальностью, не зависящей от меньшевистской

агитации, но расходились в оценке их характера и степени их влияния на партийную жизнь. П.П.Румянцев полагал, что хотя "такой вопрос, конечно, существует, в партии он язвы не представляет" (53). Г.И.Крамольников и А.В.Луначарский (в предложенном им проекте резолюции) говорили о "трениях" между интеллигентами и рабочими (54). П.А.Красиков квалифицировал их отношения как "жгучий" (55), а Д.С.Постоловский как "острый" вопрос (56). По мнению М.Г.Цхакая, речь шла о важном организационном вопросе, выдвинутом самой жизнью, практикой партийной работы, который "ставился и до П съезда, и на самом П съезде, и после него, но до последнего времени не получал такого острого характера как теперь" (57). Дальше других шел В.В.Воровский, высказавший мысль, близкую меньшевистским авторам: "если не антагонизм, то разделение между интеллигентами и рабочими, способное создать такой антагонизм, имеется налицо" (58).

Остановимся теперь на содержании дискуссии. Какие аспекты рассматриваемого вопроса оказались в фокусе внимания ее участников?

Прежде всего были предприняты попытки разобраться в причинах, породивших этот вопрос. По мнению М.Н.Лядова, в основе его возникновения лежало существование двух слоев в партии-пролетарского и мелкобуржуазного. При этом делегат оспаривал правомерность резкого разграничения между промышленным и интеллигентным пролетариатом, рассматривая последний как эксплуатируемую группу, которая должна примкнуть к промышленному пролетариату и которую ведет к социал-демократии "классовый инстинкт... часто плохо сознанный" (59). Итак, помимо двух названных выше слоев М.Н.Лядов констатировал наличие в пролетарском слое лиц

умственного труда, сближающихся с пролетариатом, но не обладающих достаточной сознательностью, что, по логике его рассуждений, также отражалось на отношениях рабочих и интеллигентов. Как следовало из выступлений В.В.Воровского, первопричину существования в партии обозначенного вопроса он видел в преимущественно интеллигентском характере ее верхов, свидетельством чего считал и состав комитетов и состав самого съезда. Подчеркивая, что такое положение является "аномалией в пролетарской партии", он вполне определенно высказывался о грозящей ей в связи с этим опасностью: "Рабочая партия, в которой все руководительство в наследственном владении интеллигентов, обречена на худосочие" (60). С "другого конца" пытался подойти к выяснению исторических корней вопроса М.А.Аристархов. Он указывал на предубеждение полусознательных рабочих против интеллигентов-социал-демократов, проявившееся еще до II съезда РСДРП, в период "экономизма" и связанное, в его представлении, с разочарованием многих рабочих в практической деятельности ряда интеллигентов, претендовавших на положение руководителей . Как заметил этот делегат, "многие полусознательные рабочие" думают, что интеллигенты не могут быть социал-демократами (6I). В свою очередь А.В.Луначарский обратил внимание на обстоятельства социально-психологического характера, выразив согласие с соответствующей постановкой вопроса К.Каутским и В.И.Лениным. "Несомненно, заявил он, как человек дисциплины, организации, как коллективист по природе, пролетарий физического труда выше интеллигента в среднем" (62).

Наконец, в ряде выступлений фактически воспроизводились рассмотренные взгляды меньшевистски ориентированных рабочих публицистов и самих меньшевистских литераторов, разделявшиеся,

впрочем, и отдельными практиками-большевиками, на организационные отношения в партии, прежде всего между ее центрами, комитетами и массой рабочих-партийцев. Но если в ненормальном характере этих отношений меньшевистские авторы видели проявление чуть ли не сознательного отношения интеллигенции к рабочим, то делегаты большевистского съезда, напротив, - почву, на которой сложились нездоровые отношения между ними. Так ставил вопрос, в частности, Д.С.Постоловский, констатировавший вместе с тем образование в партии комитетов "форменных заседателей и хранителей печати", устранение рабочих от руководящей роли не только в комитетах, но и в районных и других низших подкомитетских организациях (63). Ту же мысль проводил В.М.Обухов, отмечавший, что во многих случаях "комитеты представляют замкнутые, слишком законспирированные организации, оторванные от массы" (64). На противоречие между более или менее замкнутым комитетом, как единственно пригодной организационной формой при политических условиях России, и законным стремлением рабочих к строительству пролетарской партии на новых, широких, свободных началах указывал А.В.Луначарский (65).

В ходе дебатов обращалось внимание на противоречивые процессы, влиявшие на изменение места и удельного веса интеллигенции в составе социал-демократической партии в условиях нараставшего общественного движения. С одной стороны, как отмечал М.Н.Лядов, "в последнее время в партию снова проникло, под влиянием революционных событий, много элементов непролетарского характера" (66). С другой стороны, как полагал В.В.Воровский, "интеллигентные силы в нашей партии будут идти на убыль по мере того как все более широкие круги буржуазной демократии будут приходить к

самосознанию и поглощать те интеллигентские силы, которые прежде шли в ряды социал-демократии" (67). Следуя логике мысли делегатов съезда, оба процесса требовали принятия мер по обеспечению реального и непрерывно расширяющегося участия рабочих в партийной жизни, в руководстве партийными организациями, что и должно было привести к нормализации, оздоровлению внутриорганизационных отношений рабочих и интеллигентов.

На определении этих мер и сконцентрировались дебаты. При этом рассматривались два ключевых направления.

Первое: укрепление связей между преимущественно интеллигентскими комитетами и рабочими-партийцами. Если мы, предупреждал А.В.Луначарский, "не сумеем примирить руководства движением профессионалами-революционерами с желаниями рабочих периферий, нам грозят большие неприятности: не находя исхода у нас, политически растущая рабочая масса может начать строить партию с помощью социал-демократов худшего разбора или даже с помощью услужливых либералов-освобожденцев"(68). Комитеты, - подчеркивал В.М.Обухов, - "должны спуститься к низам и принять самое энергичное участие в работе" (69).

Однако делегаты по-разному представляли себе путь к укреплению указанной взаимосвязи. Настойчивые попытки докладчика А.А.Богданова убедить съезд в том, что он лежит через развитие внутрипартийной демократии, введение - пусть в ограниченных масштабах выборного начала - натолкнулись на резко негативную реакцию многих участников дискуссии. Не возражая в принципе против выборности в партии при свободных политических условиях, они считали санкционирование съездом продвижения к ней при отсутствии для этого серьезных гарантий преждевременным, энергич-

но высказывались против стремления "щеголять демократической фразой", против "игры в демократизм", указывая на "печальные результаты" подобной "игры" и т.п. (70). Выступая с таких позиций, А.И.Рыков вообще отрицал влияние выборности на взаимодействие интеллигентов и рабочих. "Введя выборное начало, мы не уничтожим.:борьбы между центрами и периферией, - заявил он. - Будут командовать выборные центры, как теперь командуют центры кооптированные" (71). Лишь отдельные делегаты солидаризировались с докладчиком. При этом А.В.Луначарский мотивировал поддержку провозглашения съездом линии на выборность в партии не объективной потребностью ее внутреннего развития, а лишь необходимостью "открыть предохранительные клапаны", чтобы сдержать недовольство рабочих-партийцев (72). Не случайно, в заключительном слове А.А.Богданов, аргументируя свою точку зрения, сделал признание, весьма рельефно характеризующее превалировавшее в партии (во всяком случае, в большевистском крыле) отношение к демократизму: "Если нет иного лозунга, кроме централизма, то всякая попытка отдельной партийной организации сделать при случае шаг в сторону демократизма будет встречать сильнейшее сопротивление" (73). Разумеется, это сопротивление могло быть объяснено прежде всего преобладавшими в сознании партийных работников, в основном тех же интеллигентов, идеями о характере строящейся партии, но, как нам представляется, не в последнюю очередь, и опасениями демократического решения вопроса об интеллигентах и рабочих, которое неизбежно привело бы к изменению состава партийных центров в пользу последних.

Как показывает анализ дебатов, большинство их участников придерживались того мнения, что укрепление взаимосвязи в основ-

ном интеллигентских комитетов и преимущественно рабочих периферий могло бы быть достигнуто и без выборного начала, посредством расширения, насколько позволяли нелегальные условия существования партии, гласности и информированности между ними. Так, Р.С.Землячка предлагала "вменить в обязанность комитетам осведомлять периферии по всем важным вопросам партийной и местной жизни и вводить в свой состав всех организаторов всех функций для наилучшей осведомленности о настроении масс и мнений периферий" (74). А.М.Эссен считал, помимо прочего, необходимым привлечение возможно большего числа партийных работников к обсуждению и разработке планов политической деятельности комитетов, регулярное ознакомление комитетами периферийных организаций о своей работе, создание широкого общественного мнения партии путем вынесения резолюций, правильной отчетности и корреспондентской связи и т.д. (75). В отличие от других выступавших В.И.Ленин связывал развитие гласности в партии с введением выборного начала. По его словам, если бы оно применялось на деле, то "несомненно, дало бы больше осведомленности" (76).

Примечательно, что при различии в позициях укрепление связи между комитетами и массами, между интеллигентами и рабочими участники дебатов видели во внесении в партийную жизнь демократизма в тех или иных - соответственно высказывавшемуся мнению - дозах, которые делегаты пытались по-возможности установить.

Второе направление решения вопроса о рабочих и интеллигентах, при обсуждении которого обнаружились наиболее серьезные расхождения, - обеспечение реального участия рабочих-социал-демократов в деятельности партийных центров всех уровней. Принципи-

альный подход к этому, который никем на съезде не оспаривался, был выражен, в частности, В.В.Воровским, заявившим о необходимости для рабочей партии "все более и более опираться в деле руководства на свои собственные силы", т.е. на рабочих (77). Признавая степень участия последних в работе партийных центров неадекватной роли пролетариата в революционном движении, многие делегаты расходились в оценке объективных предпосылок для устранения подобного несоответствия. В.М.Обухов констатировал отсутствие достаточного количества вполне сознательных социал-демократов из рабочих, годных на роль комитетских руководителей.(78). В.А.Десницкий и Н.В.Романов также считали, что сознательных рабочих, способных руководить местным движением, слишком мало (79). По свидетельству М.М.Литвинова, у рабочих, занимавшихся организаторской и агитаторской деятельностью при Рижском комитете РСДРП не имелось "надлежащего политического воспитания" (80). Высказанное П.А.Джапаридзе мнение относительно обилия рабочих, способных быть "комитетчиками" (81) квалифицировалось М.М.Литвиновым как"фантастическое" (82).

Между тем, это мнение разделялось рядом участников дискуссии. Из наличия достаточного числа рабочих для комитетской деятельности исходил Д.С.Постоловский (83). "Я не понимаю, как мы могли здесь выносить резолюции о вооруженном восстании и временном правительстве, если у нас нет рабочих-сознательных-социал-демократов", - заметил делегат Рыбкин (84). В том же духе высказались П.П.Румянцев (85) и Б.В.Авилов (86). Когда прения близились к завершению, В.И.Ленин заявил: "Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета,нет. Вопрос оттягивается; очевидно, в партии есть бо-

лезнь" (87).

Сторонники этой точки зрения давали понять, что со стороны интеллигентов - социал-демократов оказывалось чуть ли не сознательное противодействие введению рабочих в комитеты. П.А.Красиков говорил о "рабочебоязни" в комитетах РСДРП как большевистских, так и меньшевистских ("с легкостью берут курсистку и не берут рабочих") (88). По свидетельству Д.С.Постоловского, к интеллигентом предъявлялись очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие. Он считал, что критерий для приема в комитет рабочих должен быть не тот, который применяется к интеллигентам: "Единственно правильным критерием для приема рабочих в комитет должна быть степень их влияния в массах" (89). О "чрезмерных требованиях" комитетов к рабочим кандидатам упоминал и А.В.Луначарский. Поясняя свою мысль, он утверждал, что комитетчики (интеллигенты) во многих случаях исходили из того, что"каждый член комитета должен быть универсалистом", способным вести не только "пролетарскую работу", но и "сноситься с "обществом", на что "огромное большинство" рабочих "абсолютно неспособно" (90). Полемизируя с утверждениями о нехватке сознательных рабочих для партийных центров, В.И.Ленин подчеркивал: "Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих" (91). В.И.Ленин и его сторонники высказывались, по существу, за обязательность введения рабочих в комитеты и ее фиксирование в решении съезда.

Однако именно обязательность такой меры оспаривалась в выступлениях ряда делегатов, которые явно не были склонны рассматривать "классовый инстинкт" и "небольшой (!) политический навык" в качестве гарантии выполнения рабочими ответственных функций. На съезде раздавались голоса против переоценки психологии рабочих "как будто рабочие сами по себе могут быть сознательными социал-демократами". Высказавший это мнение Н.В.Романов предостерегал против наплыва в комитеты недостаточно подготовленных рабочих, считая, что он "грозит понизить уровень партии". "Нельзя, конечно, одной мерой мерить рабочих и интеллигентов, - отмечал он, - но это не значит вводить как можно больше рабочих в комитеты; в этом отношении следует быть чрезвычайно осторожным" (92). Также и О.А.Квиткин полагал, что "не нужно пускать незрелых людей в комитеты" (93). В.А.Десницкий подверг серьезному сомнению предложенный Д.С.Постоловским критерий для определения пригодности рабочих для комитетской деятельности. На одном таком критерии, - отмечал он, - "далеко не уедешь. И популярность, и влияние - вещь слишком растяжимая, критерий слишком неопределенный, и влияние не всегда, к сожалению, соединено с социал-демократической сознательностью" (94). По мнению А.И.Рыкова, вопрос сводился к тому "что нужно сделать, чтобы носителями идей социал-демократии являлись не только интеллигенты, но и рабочие" (95). Очевидно, подразумевалось, что уровень теоретической и политической зрелости многих рабочих был недостаточен для восприятия и реализации марксистских идей. Этим, по-видимому, можно объяснить немедленную и энергичную реакцию В.И.Ленина, заявившего, что уже в "эпоху экономизма" носителями революционных идей были рабочие, а не интеллигенты (96) (это утверждение, заметим в скобках плохо вписывалось в его

представления, относившиеся к обозначенной эпохе, о реальном балансе стихийных и сознательных элементов в российском рабочем, революционном движении).

Оппозиция введению рабочих в комитеты была настолько выраженной, что П.А.Красиков должен был убеждать делегатов, ссылаясь на собственный многолетний опыт, в "безопасности" привлечения сознательных рабочих и комитетской работе (97). "Бедные комитетчики как будто отстаивают свои права против рабочих, такое впечатление получается" (98). Это, несколько поверхностное, на наш взгляд, наблюдение Б.В.Авилова не учитывало того, что во многих выступлениях на съезде делался упор на обеспечении предварительных условий для введения в комитеты рабочих через их основательную подготовку. По мнению В.М.Обухова, "в серьезной, не кустарнической постановке пропаганды" находился "корень вопроса о введении рабочих в комитеты" (99), а, следовательно, и вопроса о рабочих и интеллигентах. В.В.Воровский считал насущной задачей партии специальную, прежде всего, теоретическую подготовку рабочих к роли комитетчиков и их политическое воспитание на живой партийной работе в организациях и комитетах (100). Необходимость надлежащей постановки пропаганды для выработки из рабочих-социал-демократов руководителей движения подчеркивали А.И.Рыков, В.А.Десницкий, Н.В.Романов, В.М.Обухов (101). На возобновлении заброшенной, по ее словам, работы с "выдающимися одиночками-рабочими" настаивала Р.С.Землячка (102).

Итак, дискуссия выявила две линии: на обязательное, незамедлительное, в известной степени механическое (цифровой расклад у В.И.Ленина) введение рабочих путем, разумеется, кооптации

"сверху", в состав комитетов, изменение в результате этого соотношения между рабочими и интеллигентами в пользу первых и разрешение таким путем вопроса о рабочих и интеллигентах в организациях; и направленную в перспективе к той же цели линию на интенсивную подготовку в теоретическом, политическом, организационном отношении передовых рабочих-партийцев к выполнению ответственных, руководящих функций, подтягивание их к уровню интеллигентов, что, естественно, требовало времени и переходных шагов и могло решаться, очевидно, по мере утверждения элементов демократизма, выборных начал в партийной жизни. Если сторонники первой линии добивались принятия съездом соответствующего "директивного" решения, то сторонники второй, как правило, считали такое решение излишним.

Наконец, на съезде делались попытки определить в общих чертах, каким должне быть принципиальный подход рабочих - социал-демократов к партийной интеллигенции. Контуры такого подхода намечались преимущественно в контексте критики меньшевистских взглядов. Правда, некоторые делегаты, например, Н.В.Романов находили, что по данному - одному из "главнейших вопросов" - вопросу о рабочих и интеллигентах "нет на практике разницы между большинством и меньшинством" (103). Явно преобладало, однако, мнение, что меньшевики обострили и без того сложный и болезненный вопрос. За рассуждениями своих оппонентов в РСДРП отдельные делегаты съезда увидели реальную опасность для дальнейшего развития партии, нормального взаимодействия в ее организациях рабочих и интеллигентов. А.В.Луначарский подчеркивал: "Рассматривать социал-демократов интеллигентов и социал-демократов рабочих как антагонистические силы, стараться раздуть тут вражду - значит нано-

сить партии непоправимый вред". Он резко осудил "вреднейшую и нелепейшую" басню о стремлении "белоручек" въехать в парламент на спинах рабочих", о том, что "теоретики" навязывают рабочему классу свои измышления, что социал-демократическая партия должна быть партией "мозолистой руки" (104). Столь же категорично высказался при обсуждении вопроса об отколовшейся части партии Г.И.Крамольников. Он считал, если лидеры меньшевиков подхватывают возгласы о том, что социал-демократическая партия в России "непролетарская", что "у рабочего класса есть свои задачи, чуждые интеллигентам", что "рабочие не хотят быть обманутыми" и "должны избавиться от опеки интеллигенции", то "последнее слово меньшевизма - "махаевшина". "Махаевшина" всюду возрождается. Мы не должны закрывать на это глаза. Серьезная болезнь требует серьезного лечения" (105).

Подобного рода суждения имели, очевидно, и практическую направленность, фиксируя прежде всего внимание рабочих-партийцев на недопущении огульно-негативного, "махаевского" подхода к партийной интеллигенции, на важности партийного, товарищеского, уважительного отношения к ней. Однако формированию такого отношения, вряд ли, благоприятствовали некоторые высказывания самого большевистского лидера, нашедшие к тому же отражение в принятом съездом Уставе партии. При обсуждении одного из пунктов его проекта, предусматривавшего, в частности, возможность роспуска местного комитета по требованию 2/3 членов местной периферии и 2/3 голосов ЦК, В.И.Ленин заявил, что "сугубо" высказывается за этот пункт, если он "грозит комитетам, состоящим из интеллигенции". Подчеркивая, что "интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых руковицах", ибо она "всегда стоит во главе всевозможных

дрязг", а на интеллигентскую периферию вообще "положиться нельзя", он предложил собственную редакцию этого параграфа, наделявшую две трети "организованных рабочих" (а не всех членов организации) правом роспуска местного комитета (106). Но тем самым рабочие фактически противопоставлялись интеллигентам, а последние отстранялись от влияния на судьбу своей же организации. Не удивительно, что принятый съездом пункт Устава, сохранивший ленинскую идею, вызвал недовольство среди местных партийных работников, увидевших в нем не только "подразделение на рабочих и интеллигентов", но и "вечные трения" между ними в будущем, возможность "науськивания" оппозицией рабочих на интеллигентские комитеты, вообще "широкую почву для "демагогии" (107).

В итоге "страстных" (так их характеризовали А.М.Эссен, Н.В.Романов, М.Н.Лядов) дебатов делегатам были представлены, помимо рассмотренного проекта резолюции А.А.Богданова и В.И.Ленина, еще четыре проекта: В первых двух, внесенных соответственно В.В.Воровским и А.М.Эссеном главный акцент был сделан на отношениях комитетов и периферии. Согласно проекту В.В.Воровского, ЦК и местные центры обязывались осведомлять периферийные организации и всех партийных делах, привлекать периферийные организации с совещательным голосом к обсуждению этих дел (108). Если данный проект не имел прямого касательства к вопросу о рабочих и интеллигентах, то проект А.М.Эссена,увязывал с перспективой преодоления трудностей в их отношениях проведение аналогичных (указанным выше) мер по перестройке взаимодействия комитетов и периферии (при однозначно негативном со ссылкой на наличные политические условия подходе к введению выборного начала), а также выработку "возможно большего числа рабочих, могущих явиться

руководителями социал-демократического движения" и "составление комитетов преимущественно из партийных работников, непосредственно занятых организационной работой среди пролетариата" (109).

В соответствии с кратким проектом А.В.Луначарского съезд должен был "категорически" подтвердить "пожелание значительного увеличения числа рабочих социал-демократов как в местных комитетах, так и в ЦК". Данная мера квалифицировалась как "единственный серьезный при наших политических условиях шаг к устранению трений между рабочими и интеллигентами в партии". Сами эти "трения" объявлялись "в значительной степени" следствием "чрезмерной замкнутости комитетов" и не имеющими "сколько-нибудь глубокого характера" (110). Иная трактовка причин "разделения" рабочих и интеллигентов в партии была дана в проекте резолюции А.А.Аристархова, Н.В.Романова и М.Н.Лядова. По этому проекту, "разделение" существует лишь постольку,поскольку "искусственно вызывается" с одной стороны, зубатовцами и анархистами (подразумевались, по всей видимости, махаевцы), с другой, меньшевиками. Такое разделение признавалось "крайне вредным для дела освобождения пролетариата". В представлении трех авторов, съезду надлежало подчеркнуть, что "в партии должны быть только социал-демократы", что "только глубиной убеждений, опытностью и преданностью делу должно определяться то место, которое товарищи могут занимать в партийных организациях" (111). Как видим, этот проект, во-первых, затушевывал, если не игнорировал, реальные различия и трудности во взаимоотношениях между рабочими и интеллигентами; во-вторых, связывал участие тех и других в партийных центрах с достижением одинаково высокого идейного уровня и приобретением необходимого политического опыта; в-третьих, не отдавал специ-

ального предпочтения рабочим в составе комитетов.

За основу для обсуждения съезд принял богдановско-ленинский проект резолюции. К нему были предложены две поправки. Одна - М.С.Лешинского -отвергала выборное начало на том основании, что его полное господство при самодержавии неосуществимо, а неполное проведение в жизнь представляет собой игру в демократизм, приносящую "страшный вред партии" (II2). Другая - П.П.Румянцева - подчеркивала необходимость введения "в комитеты уже в настоящее время" возможно большего числа "сознательных и подготовленных рабочих" (II3).

Анализ содержания дебатов, а также внесенных проектов резолюций и поправок к ним,свидетельствуя о широком разбросе мнений, позволяет сделать вывод о преобладавшем на съезде понимании ненормального характера взаимоотношений рабочих и интеллигентов в партийных организациях, находившего проявление в особенностях взаимодействия как между комитетами и рабочей периферией, так и между интеллигентами и рабочими внутри самих партийных центров различных уровней. Обсуждение возможных путей урегулирования вопроса о рабочих и интеллигентах велось преимущественно в контексте типичного для марксистских идеологов представления о необходимости обеспечить пролетарский характер партии и адекватное ему место рабочих в партийных организациях. В высказывавшихся предложениях обнаружились две основные тенденции: к утверждению демократических начал, прежде всего к переходу к выборности членов комитетов, а также к развитию гласности в работе организаций, с одной стороны, к введению рабочих в состав центров различных уровней, главным образом "сверху",

кооптационным путем, при сохранении прежних партийных структур и конспиративных методов деятельности, с другой. Однако заложенная в обеих тенденциях идея существенного расширения числа рабочих в партийных центрах вызывала неоднозначную реакцию делегатов, многие из которых считали, что теоретический и политический уровень рабочих-партийцев в большинстве случаев недостаточен для выполнения ими руководящих функций. На необходимости достижения ими должного уровня - через развертывание пропаганды и индивидуальной работы с "передовиками" - и был сделан упор в процессе обсуждения.

Оно показало вместе с тем, что многие делегаты придавали значение самому факту принятия резолюции, выражающей принципиальную позицию съезда и дающей ясную и определенную директиву партийным организациям. В таком духе высказывались А.А.Богданов и В.И.Ленин (II4). Обратив внимание на проявившиеся у делегатов в ходе дискуссии "колебания", "опасения", "боязнь", М.Г.Цхакая также высказывался за то, чтобы "верховный законодатель партии" дал соответствующую "директиву" (II5). Д.С.Постоловский, видевший смысл резолюции в подведении определенного "итога партийной жизни" (В.И.Ленин репликой выражал согласие с таким подходом), подчеркивал "Рабочие интересуются этим вопросом и с нетерпением ждут решения съезда по данному вопросу" (II6). На принятии по нему принципиальной резолюции настаивал М.Н.Лядов, хотя он и не соглашался с богдановско-ленинским проектом (II7). Но раздавались и голоса противников любого решения. Так, Л.Б.Каменев заявил, что вынесение особой резолюции по данному поводу было бы фиксированием "классового разделения" в самой социал-демократической партии (II8).

Из пакета предложенных резолюций съезд принял лишь проект В.В.Воровского о связи центров и периферии, в котором отношения между рабочими и интеллигентами вообще не упоминались (II8). Остальные были фактически отвергнуты. По предложению А.И.Рыкова и В.Н.Лосева, съезд высказался за решение, признававшее "излишним выносить специальную резолюцию об отношении рабочих и интеллигентов" (II9). За вынесение особой резолюции голосовали I0 делегатов с решающим голосом (в том числе такие авторитеты как В.И.Ленин, А.А.Богданов, В.В.Воровский, Л.Б.Красин), против - I2, воздержался - один (I20).

Причины такого решения до настоящего времени не выяснены в литературе. Правда, советскими историками предпринимались отдельные попытки подойти к осмыслению содержания дискуссии и ее итогов. При этом авторы многотомной истории КПСС ограничивали ее одним аспектом: введением рабочих в комитеты РСДРП. Решение съезда не принимать специальной резолюции истолковывалось следующим образом: "Многие делегаты считали, что участие передовых рабочих в руководстве партией и рабочим движением предусматривается самим Уставом и дополнительных разъяснений не требуется" (I2I). В интерпретации Л.К.Ермана, дискуссия сводилась к отпору делегатов меньшевистским попыткам противопоставить рабочих и интеллигентов - социал-демократов. Не затронув причин непринятия съездом резолюции об их отношениях, автор заметил, что "идеи ленинского проекта резолюции нашли отражение в решениях съезда по другим вопросам" (I22). С.А.Федюкин констатировал "острый характер" дискусссии, не попытавшись выявить, в чем он собственно выразился и какими обстоятельствами был вызван. Внимание исследователя было сосредоточено на показе взаимосвязи ленинс-

ких идей о недопустимости противопоставления рабочих и интеллигентов и увеличении представительства рабочих в комитетах (123).

В приведенных суждениях присутствует известная доля истины. На съезде в самом деле прозвучало, скажем, такое мнение (Г.И.Крамольникова): "выносить резолюцию о том, что в центрах могут и должны быть рядом с интеллигентами, часто дурными, и рабочие, стыдно для социал-демократии,.. стыдно... оговаривать право рабочих быть в авангарде рабочего класса" (124). Раздавались голоса и о том, что права рабочих защищает Устав, при этом делалась ссылка на рассмотренный выше пункт, дававший возможность рабочим раскассировать комитеты (125). Действительно, отголоски дискуссии (причем не только высказанных В.И.Лениным идей) чувствовались в отдельных решениях съезда. Так, в резолюции о пропаганде и агитации "сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах" объяснялось недостатком политических руководителей среди рабочих и отмечалась "исключительная важность" привлечения "возможно большего числа сознательных рабочих" к роли руководителей движения". При этом подчеркивалось, что необходимые кадры партийных работников может дать "только значительное расширенная и улучшенная постановка агитации и пропаганды" (126), т.е. резолюция явно шла дальше ленинских представлений о "классовом инстинкте" и "небольшом политическом навыке" как достаточных условиях для выработки партийных руководителей из рабочих. Признав в одной резолюции необходимость подготовить переход "во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии" (127), съезд в другой резолюции категорически осудил меньшевистскую "проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действи-

тельности, применения выборного начала" (12). Такой подход не вполне соответствовал выраженной в богдановско-ленинском проекте резолюции линии на введение в перспективе выборного начала в партийных организациях как одного из средств урегулирования вопроса о рабочих и интеллигентах в организациях.

В целом же трактовка советскими историками содержания и итогов дискуссии страдала упрощенчеством и односторонностью. Замалчивались находившиеся, так сказать, на поверхности аспекты вопроса о рабочих и интеллигентах (скажем, активно обсуждавшаяся делегатами его связь с развитием демократизма в партии). А главное, вне поля зрения исследователей остался подлинный смысл дискуссии, отражавшей сложный характер взаимоотношений рабочих и интеллигентов, действительные причины несостоявшегося решения.

Попытки более глубокого, на наш взгляд, анализа содержания и результатов прений были предприняты отдельными западными историками. Так, Д.Кип видел в развернувшейся на съезде дискуссии борьбу консерваторов и реформаторов. По его мнению, в то время как консерваторы с неодобрением относились к любым действиям, направленным на ослабление их власти над рядовыми членами партии, призывали к исключительной осторожности при приеме рабочих в комитеты и осуждали "игру в демократию", реформаторы, возмущенные преобладанием в комитетах интеллигентов, полагали, что допущение в них рабочих не может не очистить атмосферу от интриг и установить более здоровые отношения между руководителями и партийной массой. Специально останавливаясь на позиции В.И.Ленина, Д.Кип отмечал, что тот,хотя и соглашался с необходимостью влить "свежую пролетарскую кровь в партию", но в его подходе и

подходе реформаторов имелись важные различия. Утверждая, что преобладающее значение для В.И.Ленина всегда имел вопрос о власти, Д.Кип приписывает большевистскому лидеру мысль, что "неискушенные рабочие, внезапно введенные в партию, могут служить в качестве инструмента в руках руководителей для сокрушения "оппортунистических" интеллигентов". Ленинские предложения о широком применении выборного начала в партийной жизни Д.Кип оценивает как скорее фиктивные, чем реальные, и выдвинутые под влиянием пропаганды меньшевиков (I29). Самих причин принятого съездом решения английский историк не касается.

Этот пробел попытался восполнить С.Шварц, высказавшийся однозначно: "Без сомнения причина, по которой оказалось невозможным принять решение, состояла в сопротивлении делегатов пересмотру авторитарной концепции партии". По его мнению, большевики вообще обсуждали включение рабочих в комитеты не для того, чтобы "изменить природу организации, а как средство усиления связей комитетов с рабочими." Часто их основная цель была скорее "социально-декоративной," чем социал-демократической. (I30)

Выводы Д.Кипа и С.Шварца заслуживают внимания. Связь позиции, по крайней мере, ряда делегатов с формировавшимся у партийных работников в условиях подполья и конспирации, под влиянием "Что делать?", статей в ленинской "Искре" и "Вперед" представлением о партии несомненно существовала. Приверженность централистическим, авторитарным принципам организации, тенденция видеть в этих принципах и собственном положении в том или ином партийном центре эффективное средство скорейшего продвижения к заветной цели, настороженно-недоверчивое отношение к самой возможности демократических нововведений безусловно сказались на

характере дискуссии и принятого решения.

Однако можно ли признать исчерпывающими аргументы английского и американского историков? Достаточны ли они для объяснения единственного, по верному наблюдению С.Шварца, в дооктябрьской истории большевизма случая, когда В.И.Ленин оказался в меньшинстве на большевистском съезде после проведенной борьбы и когда его речи вызывали возгласы неодобрения (I3I). Чем можно все-таки объяснить сопротивление большинства делегатов принятию не только богдановско-ленинской, но и какой бы то ни было резолюции, открытого заявления съездом своей позиции по одному из наиболее злободневных и острых вопросов внутрипартийной жизни?

В.И.Ленину принадлежит любопытное наблюдение, сделанное после предложения о прекращении прений на съезде: "Удивительно: литераторов на съезде всего трое, остальные - комитетчики, а между тем литераторы - за введение рабочих, а комитетчики почему-то горячатся" (I32). Серьезного внимания заслуживают и соображения, которыми I6 лет спустя после съезда поделился его делегат, видный партийный деятель того времени М.Н.Лядов. Позицию многих представителей местных организаций он объяснял наличием двух противоречий: между открытым выступлением народных масс в обстановке начавшейся революции и строгой конспиративностью партийных комитетов; между порожденным революцией ростом числа рабочих вожаков и их недостаточной марксистской подготовкой в условиях усилившихся попыток воздействия на рабочих со стороны либеральной буржуазии, а также меньшевиков, эсеров, националистических партий. По словам М.Н.Лядова, представители комитетов РСДРП на съезде, считая необходимым вхождение в них передовых рабочих, опасались встречающихся на практике случаев, когда мало подго-

товленные вожаки из рабочих могли попасть в демагогические сети классовых противников пролетариата (133).

Как нам представляется, при анализе позиции, занятой съездом, следует прежде всего иметь в виду, что "комитетчики", выражавшие настроения значительной части местных партийных работников, партийной интеллигенции, несомненно близко знали потенциальные возможности и способности рабочих-партийцев, могли достаточно компетентно судить об их действительной политической культуре. Большинство делегатов съезда исходили, по-видимому, из наличия глубокого разрыва в образовательном, теоретическом, политическом уровнях социал-демократической интеллигенции и основной массы передовых рабочих, включая партийцев, из несоответствия общего уровня последних требованиям к кадрам политической партии пролетариата. Подобная оценка давала основания для формирования того представления, что "здоровый пролетарский инстинкт", о котором столь высоко отзывался В.И.Ленин, и даже организаторские навыки вряд ли в состоянии заменить собой политический кругозор и политические знания, а преобладание малообразованных, политически слабо подготовленных людей на ведущих постах в партии как в центре, так и на местах чревато (с учетом общего культурного развития рабочего класса и населения в целом) непредсказуемыми последствиями и для самой партии, и для рабочего революционного движения. Перспектива же ускоренной теоретической и политической подготовки передовых рабочих (ясно, что речь должна была идти не об "одиночках", а о довольно значительном их числе) к роли руководителей, казалась, по-видимому, большинству делегатов мало реальной, несмотря на их высказывания в пользу развертывания пропаганды и т.п. Из сказанного, очевидно, и про-

истекали, с одной стороны, априорное сопротивление как демократическим, так и "кооптационным" мерам по "орабочиванию" партийных инстанций, а, с другой, стремление к нивелированию различий рабочих и интеллигентов ("у нас есть только социал-демократы"), а на деле к сохранению ведущего, если не господствующего положения в партии интеллигенции. В свете таких подходов весьма проблематичной выглядела сама возможность радикального решения вопроса о рабочих и интеллигентах, трансформации их нередко нездоровых, ненормальных внутриорганизационных отношений в подлинно-партийные сознательно-товарищеские.

Ясно, однако, что открытое признание съезду, а, быть может и самим себе в продолжающем существовать глубоком разрыве между интеллигентами и рабочими и в весьма малой вероятности его сокращения в обозримом будущем было бы почти равносильно признанию того, что российская социал-демократия, большевизм с его "последовательно-пролетарской" позицией пришли "слишком рано", что почва для них недостаточно подготовлена. Но такое признание было немыслимо для делегатов большевистского съезда и вообще для социал-демократической интеллигенции. Отсюда попытки изобразить несуществующим сам вопрос о рабочих и интеллигентах в партийных организациях, избежать фиксирования внимания на нем членов партии, в первую очередь, должно быть, рабочих, принятия по нему "директивного" документа. Отсюда и подмеченные М.Г.Цхакая колебания и "какая-то боязнь", проявленные делегатами (134). Отсюда впечатление недоговоренности, недосказанности, которое не покидает читателя при изучении протоколов съезда, касающихся рассматриваемого вопроса.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что представители большевистского течения отдавали себе отчет в ненормальном, обусловленном в первую очередь особенностями развития страны и становления партии характере внутриорганизационных отношений между рабочими и интеллигентами и испытывали самое серьезное беспокойство по поводу его воздействия на партию и рабочее движение, особенно в свете начавшейся революции. Видя путь к урегулированию этих отношений в увеличении удельного веса и влияния рабочих в партийных организациях, большевистские идеологи и практики - со ссылками на не вполне одинаково оцениваемые ими "изменения политических условий деятельности партии в ходе революции - предлагали меры либо - в рамках перехода к более демократическим формам партийной жизни - по внесению в работу организаций элементов выборности, гласности; либо - в рамках сохранения вертикальных, централистических структур - по изменению "сверху" социального состава комитетов в пользу рабочих.

Между тем названные меры, взятые в отдельности или одна в сочетании с другой в случае их осуществления неизбежно вели к замене (в значительной степени механической) интеллигентов, занимавших ключевые позиции в партийных центрах, рабочими-передовиками, чей интеллектуальный и политический уровень был для этого, по мнению многих большевиков-практиков, совершенно недостаточен. Воспитанные на идеях об особой общественно-политической роли социал-демократической интеллигенции России, пропагандировавшихся старой "Искрой" и "Зарей", на страницах "Что делать?" и "Вперед", они, несомненно отражая настроения большевистской интеллигенции, считали себя не вправе допустить снижения уровня

руководящих кадров партии и, не видя в обозримой перспективе шансов на сокращение разрыва между рабочими и интеллигентами, выступали против любого решения, которое обязывало бы менять соотношение сил в партийных центрах в пользу слабо теоретически и политически подготовленных людей и вообще заостряло бы значение данного вопроса.

Понимание целесообразности сбережения интеллектуальных сил партии в ее местных центрах отличало, однако, отнюдь не всех большевистских деятелей. Несомненным влиянием у них пользовалась точка зрения на необходимость фактического растворения этих сил среди рабочих-партийцев и обеспечения последним численного превосходства и решающего слова в организациях. Потерпев поражение при обсуждении вопроса о рабочих и интеллигентах, приверженцы таких взглядов сумели в определенной степени провести их в отдельных статьях Устава партии, ставившего рабочих и интеллигентов в жесткие организационные рамки и фактически санкционировавшего их неравенство, очевидный приоритет первых (наделение их правом раскаскассировать комитеты), что явно отвечало ленинскому намерению держать партийную интеллигенцию в "ежовых руковицах".

Итоги поиска представителями большевистского крыла РСДРП путей решения вопроса о рабочих и интеллигентах в организациях вряд ли могли оправдать надежды обеих заинтересованных сторон. На основе материалов и меньшевистской, и большевистской печати, а также свидетельств делегатов съезда, можно предположить, что многие рабочие-передовики, сознававшие, что не они являются вершителями судеб "пролетарской партии", ожидали от съезда четких ориентиров и едва ли могли довольствоваться славословиями в ад-

рес пролетариата и единственной практической мерой в виде права ниспровергать интеллигентские комитеты. Эта мера, также как и антиинтеллигентские высказывания некоторых авторитетных делегатов мало способствовали, надо полагать, налаживанию отношений партийного товарищества между рабочими и интеллигентами. В результате внутри партийных организаций сохранялась почва для отчуждения, для рецидивов махаевщины в тот или иной форме.

Выводы по Ш главе

На протяжении десятилетий революционная мысль России искала пути решения исторической важности задачи - преодоления глубокого разрыва между прогрессивной интеллигенцией и народом. Эта задача встала в практическую плоскость, когда рабочее движение приобрело характер крупной общественной силы и открылась реальная перспектива политического взаимодействия социал-демократической интеллигенции с наиболее развитой частью рабочих. Выработка такого взаимодействия была, однако, сопряжена с весьма серьезными трудностями.

Речь шла о сплочении в рамках социал-демократических организаций объединенных известной общностью идейных и политических устремлений людей, между которыми имелись существенные различия в социальном происхождении и положении, уровне образования и способности к теоретическому мышлению, в политическом кругозоре и опыте, в повседневных материальных и умственных запросах, в особенностях психологического склада, в восприятии общественных явлений. Эти различия в свою очередь питали нередко существенные расхождения в представлениях о характере подлинных интересов рабочего класса и формах борьбы за их удовлетворение. На взаимоотношения рабочих и интеллигентов накладывали отпечаток условия, в которых формировалась партия: подполье, конспирация, сверхцентрализм, порождавшие чрезмерную замкнутость ее местных органов. Сказывалось и коренившееся в историческом прошлом предубеждение рабочих (по крайней мере, части их) против интеллигенции, сомнение в ее преданности делу пролетариата.

Правомерным представляется говорить о многообразии про-

явлений сложного характера взаимоотношений рабочих и интеллигентов в социал-демократическом движении, в складывающейся партии. Во-первых, в то время как из среды передовых рабочих исходили попытки настроить широкие пролетарские массы на деятельность в защиту их повседневных интересов (которая рассматривалась как наиболее отвечающая жизненным реалиям форма борьбы против царского правительства), у социал-демократической интеллигенции преобладала недооценка (если не игнорирование) названных интересов, стремление направить активность передовых, интеллигентных рабочих почти исключительно в русло политической борьбы за свержение самодержавия и в перспективе за социалистическую революцию. Во-вторых, давшая о себе знать в среде передовых рабочих тяга к самодеятельности, к образованию собственных "рабочих организаций", к применению в возможных масштабах демократизма, выборного начала, наталкивалась на противодействие значительной части интеллигентов, признававших только "революционную самодеятельность" рабочих (т.е. их активное участие в подготовке и осуществлении революционных акций), отстаивавших сугубо централистическую форму организации и крайне настороженно относившихся к любому продвижению в направлении демократизма. В-третьих, внутри социал-демократических организаций, прежде всего, комитетов партии, занимавшей в них главенствующие позиции интеллигенцией с ее духом мессианства и убежденностью в монопольном обладании марксистской истиной предпринимались попытки командования рабочими, опеки над ними, дозирования сообщаемой им информации, отстранения их на деле от решения ключевых вопросов в организациях. Это вызывало у рабочих, в том числе в возрастающей степени

у рабочих-передовиков, многие из которых считали себя вправе претендовать на непосредственное участие в жизни партии и руководстве ею на разных уровнях, непонимание, недовольство и недоверие по отношению к интеллигентам. В-четвертых, как следствие упомянутого недовольства позицией интеллигентов, - выпуск "чисто рабочих", в отдельных случаях с выраженной антиинтеллигентской направленностью газет, создание "чисто рабочих" организаций, обособление от официальных комитетов РСДРП в виде либо его рабочей части, либо отдельного комитета, наконец, выступления рабочих с брошюрами и статьями в социал-демократической печати различной ориентации с развернутым изложением претензий к интеллигентам. Вполне допустимо, что подобные, явно нездоровые отношения между товарищами по партии не были типичны для всех местных организаций. Однако те или иные проявления этих отношений имели, как видно, достаточно широкое распространение.

В основе своей вопрос социальный - о взаимодействии в партии лиц, принадлежавших к различным социальным категориям - он приобрел характер не только важного организационного вопроса, но и в значительной мере вопроса политического, непосредственно затрагивавшего место рабочего движения в политическом процессе, влиявшего на политический облик социал-демократической партии и ее внутренних течений, а в конечном счете и на политическое развитие страны в целом.

Проанализированные в главе материалы показывают далее, что актуальность и важность этого вопроса была очевидна для представителей основных разновидностей социал-демократической мысли в России, хотя отдельные печатные органы - старая

"Искра" и "Вперед" пытались в пропагандистских целях смягчить его остроту. Многолетние дискуссии выявили принципиальную общность позиций идеологов и практиков "экономизма", а также близких к нему течений и "староискровства", меньшевизма и большевизма в отношении того, что его урегулирование возможно лишь посредством обеспечения рабочим - социал-демократам определяющего влияния на партийную жизнь. В процессе поиска путей достижения этой задачи обозначились две основные линии, проходившие через литературные споры, дебаты на съездах и переписку, а иногда и через сознание отдельных лиц.

Одна линия, исходившая из перспективы постепенного самопреобразования РСДРП в подлинно рабочую социал-демократическую партию западноевропейского типа, - на всемерное поощрение инициативы, активности, самодеятельности рабочих-партийцев при обязательном учете реальных, жизненных интересов рабочих, на развертывание - в зависимости от существующих и меняющихся политических условий - в максимально возможных масштабах демократических процессов в партии: выборности, гласности, информированности и т.д., призванных, помимо прочего, обеспечить на деле постоянно расширяющееся участие рабочих в обсуждении и принятии решений (а не только в их исполнении). Эта линия рельефно просматривается в литературной продукции представителей "экономизма", группы "Свобода", ряда рабочих организаций, впоследствии в выступлениях в печати передовых развитых рабочих, в меньшевистской публицистике. В то же время определенное тяготение к этой линии (по крайней мере, к отдельным ее компонентам) проявилось у некоторых большевистских деятелей (что показали прения на III съезде РСДРП).

Другая линия - исходившая из перспективы образования авангардной, жестко централизованной марксистской партии, подчиняющей свою деятельность достижению революционным путем определенных политических целей - на орабочивание партийных комитетов, создание для рабочих - социал-демократов известных уставных преимуществ и, следовательно, неизбежное снижение влияния партийной интеллигенции, введение отношений рабочих и интеллигентов в рамки жестких организационных структур. Эту линию, по крайней мере, в виде тенденции можно проследить по некоторым публикациям старой "Искры", выступлениям на II съезде РСДРП, причем не только будущих большевиков, но и части меньшевиков, по отдельным корреспонденциям рабочих-партийцев, по произведениям большевистских идеологов и материалам газеты "Вперед", наконец, по прениям на III партийном съезде. Такую линию активно отстаивал, в особенности, В.И.Ленин, взгляды которого заметно эволюционировали по сравнению с первоначально обосновывавшейся им идеей соединения (взаимного сближения, движения навстречу) рабочих и интеллигентов.

При всем различии и даже противоположности отмеченных тенденций как та, так и другая в своем развитии и воплощении на практике могли бы привести лишь к видимости активного участия рабочих в партийной жизни, к снижению численного и политического удельного веса интеллигентов в организациях, к прогрессирующей утере ими реальных рычагов влияния на руководство делами партии. Однако если первая линия была рассчитана преимущественно на постепенное, вероятно, длительное развитие, на использование, хотя и ограниченных,

демократических форм и методов, то сторонники второй линии явно отдавали предпочтение централистским, по существу бюрократическим тенденциям. Эта линия вела к превращению и рабочих, и интеллигентов в послушных исполнителей воли всемогущего партийного центра, независимо от того, работали они в комитетах, становившихся при данном подходе передаточными механизмами от центра к партийным массам, или в периферийных организациях. Выполнение партией роли коллективного интеллигента в этом случае зависело бы в возрастающей степени не от раскрытия индивидуальных творческих способностей, самостоятельности мышления, общественно-политической самодеятельности интеллигентов - социал-демократов, а от интеллектуального потенциала указанного центра.

Нам представляется, что в рассматриваемых конкретно-исторических условиях ни первая, ни вторая, ни какая бы то ни было иная линия не могла увенчаться формированием взаимодействия рабочих и интеллигентов, основанного на сознательной совместной работе, рациональном и добровольном разделении труда, партийном товариществе, полном взаимном понимании и доверии. Этому препятствовали обстоятельства объективного характера, не зависящие от воли партийных идеологов любого оттенка. Мы имеем в виду непреодоленный разрыв в интеллектуальном и политическом уровне, в социальном и психологическом плане между различными категориями рабочих, включая значительную часть передовиков, с одной стороны, и социал-демократической интеллигенцией в целом, с другой, и в особенности низкую общую и политическую культуру основной массы рабочих - партийцев, признание чего пробивалось и в

меньшевистской литературе, и в брошюрах рабочих публицистов и в ряде выступлений на большевистском съезде. Намерение поднять этот уровень посредством ускоренной теоретической подготовки отдельных, более развитых рабочих не меняло общей картины, да и не затрагивало все параметры, по которым требовалось преодоление отставания рабочих от интеллигенции.

Попытки же решать сложнейший вопрос внутрипартийной жизни, генетически связанный с вечной проблемой общественного движения России – проблемой интеллигенции и народа – путем осуществления формально-организационных мер (пусть с демократической окраской) способны были лишь законсервировать старую болезнь, сохранить (если не усилить) взаимное отчуждение рабочих и интеллигентов (хотя бы и загнанное внутрь), ослабить интеллектуальный потенциал партии, в частности, за счет допуска к ее руководству на разных уровнях малообразованных, политически слабо развитых, недостаточно компетентных лиц. Все это вместе взятое, в свою очередь, могло иметь далеко идущие политические последствия для самой партии, для рабочего класса и интеллигенции, для судеб страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приступая к подведению итогов нашего исследования, заметим, что всякая политическая полемика по острым, злободневным вопросам не свободна от элементов субъективизма, преувеличений, натяжек, от идей, диктуемых прагматическими или конъюнктурными соображениями. И вообще на основе одного анализа рассмотрения явления современниками вряд ли возможно сконструировать всестороннюю, обобщающую его картину. Но, с другой стороны, без такого анализа представляется по-просту немыслимым оценить роль и значение данного явления в конкретно-исторической ситуации, характер и степень его воздействия на общественное сознание и политическую жизнь. С учетом сказанного попытаемся ответить на вопрос: какую равнодействующую позволяет вывести осуществленный в диссертации анализ работы общественной мысли России на рубеже двух веков над феноменом социал-демократической интеллигенции?

Полемика вокруг данного феномена, прямо соприкасаясь с обсуждением ключевых проблем настоящего и будущего России, заняла одно из приоритетных мест в теоретических и политических спорах между представителями различных идейных течений и их оттенков. Это отражало объективный процесс выдвижения социал-демократической интеллигенции на авансцену политической жизни, ее потенциальное и реальное влияние на рабочий класс и демократическую интеллигенцию.

Появление социал-демократической интеллигенции в ее превращение в неотъемлемый фактор общественно-политической жизни было логическим следствием глубокого отчуждения революционной интеллигенции от существовавшего государственного и общественного строя, поиска ею как теории, позволяющей рассчитывать на скорей-

шее воплощение в жизнь идеала социальной справедливости, так и общественной силы, способной сокрушить непосредственного врага - царизм и осуществить прорыв к названному идеалу.

Революционная интеллигенция в лице одного из своих отрядов инициировала процесс создания российской социал-демократической партии, оказав решающее влияние на ее становление. Прежде всего через выполнение этой интеллигенцией идеологической, политической, отчасти организационной функций реализовывалась роль партии. Только наличие в ее рядах значительной группы лиц умственного труда, обладавших солидными знаниями, глубокими убеждениями, яркой индивидуальностью, способностью пробудить массы к политическим действиям и стать одним из центров притяжения демократической интеллигенции и студенчества, позволило РСДРП накануне и в годы первой революции заявить о себе как о силе, с которой должны были считаться все элементы российского политического спектра.

В составе социал-демократической интеллигенции изначально выявились различные идейные и политические тенденции, борьба которых отражалась в эволюции общественной мысли. Элементы этой интеллигенции дали импульс развитию русского либерализма начала XX века. Некоторая ее часть пыталась положить в основу своей деятельности реальные интересы и запросы рабочего движения. Однако политический облик социал-демократической интеллигенции определяло ее наиболее динамичное, целеустремленное, впитавшее традиции революционной, народнической интеллигенции ядро, которое провозгласило приверженность ортодоксальному марксизму, жестко централизованному типу организации и стремилась - силами рабочего класса - к радикальной переделке общества. Од-

нако впоследствии распалось и это ядро. Отдельные его элементы делали все больший упор на развитие РСДРП в социал-демократическую партию западноевропейского типа, на рост рабочей самодеятельности как основы партии (чему, по свидетельству многих марксистских литераторов и практических работников, не способствовал реальный уровень образования и политической культуры рабочего класса). Другие же элементы упомянутого ядра вели дело к созданию сверхцентрализованной, авангардной политической организации, аппарата, руководящего рабочим классом. Этой последней тенденции благоприятствовали условия становления партии (подполье и конспирация), давление революционной традиции, а также неосознаваемое революционерами влияние бюрократического режима на образ их мысли и действия. В то же время именно в рамках этой тенденции обозначились симптомы возможного варианта партийного развития в направлении утверждения сугубо авторитарных методов, модели монолитной партии.

Анализ всей совокупности использованных источников позволяет говорить о некоторых особенностях мировоззрения и политического облика социал-демократической интеллигенции на рубеже двух веков.

Прежде всего, ее отличала приверженность марксизму, в ее представлении, единственно научной, указывающей единственно верный путь теории, в сочетании с неприятием любых иных идеологических систем и программ общественного переустройства, в том числе вдохновлявшихся социалистической идеей, а также с нетерпимостью к малейшим отступлениям от основ "ортодоксии". Единомыслие социал-демократической интеллигенции фактически рассматривалось как важнейшее условие внесения социалистического созна-

ния в массовое движение. В разработке марксистской теории, ее распространении, внедрении в сознание рабочего класса социал-демократическая интеллигенция видела главное свое предназначение. В этом находило проявление идущее в русской общественной мысли от П.Я.Чаадаева представление о том, что непосредственно массы не размышляют, "среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок коллективному сознанию нации и приводят ее в движение"[I].

Однако идеологическая функция социал-демократической интеллигенции воспринималась неоднозначно партийными работниками. Имели место не только проявления доктринерства, упрощенчества, схематизма в отношении теории, но и попытки толковать ее в духе, противоречившим самим основам социал-демократической партии как добровольного политического объединения.

В мировоззрении и политическом облике социал-демократической интеллигенции весьма своеобразно сочетались демократические и социалистические ценности. Хотя, по общему признанию, первоочередными являлись задачи борьбы за свержение абсолютизма, за демократию, ее достижение рассматривалось обычно не как цель, а как средство на пути к социалистическому идеалу. Более того, демократические ценности, правовые нормы отнюдь не рассматривались как самодовлеющие, допускалась возможность их принесения в жертву интересам социалистической революции. Недооценка демократических принципов, их подчиненность социалистическим целям отличали систему взглядов и Г.В.Плеханова, и В.И.Ленина и других видных марксистских идеологов. Это, естественно, влияло на умонастроения социал-демократов - интеллигентов, хотя некоторые из них и пришли в партию, влекомые прежде всего ее борьбой про-

тив самодержавия. На этих настроениях сказывалась и постоянно отмечавшаяся в марксистской литературе борьба буржуазно-демократических и пролетарских тенденций в освободительном движении, экстраполировавшаяся на процессы в социал-демократической партии и способствовавшая смещению акцентов в сторону примата социалистических ценностей. В мировоззрении и политическом поведении социал-демократической интеллигенции обнаружилось противоречие между ее несомненно мужественной, самозабвенной борьбой против самодержавия и отношением к принципам демократии, ради торжества которых эта борьба предположительно велась. Сказывались, очевидно, и отсутствие демократических традиций в российском политическом строе, и наследие революционного народничества с его пониманием соотношения политической свободы и социализма.

Подход социал-демократической интеллигенции к демократии вообще в известной степени переносился и на ее позицию в вопросе внутрипартийной демократии. Ее развертыванию, конечно, не способствовали условия глубокого подполья и конспирации, в которых протекала в основном деятельность социал-демократических организаций, групп и кружков. Между тем среди социал-демократической интеллигенции обнаружилась и усиливалась тенденция к культивированию этих условий, к развитию системы организационных отношений в партии, отмеченной явным дефицитом демократизма.

Отдавая себе отчет в реальном уровне общей и политической культуры российского пролетариата, социал-демократическая интеллигенция сотворила из него фетиш, провозгласив его гегемонию в освободительном и в целом общественном движении, которую надлежало реализовать через рабочую партию. Освященная марксистскими литераторами претензия этой интеллигенции на представительство

подлинных интересов пролетариата, под которыми разумелись отнюдь не реальные запросы рабочих, а свержение абсолютизма, затем капитала и осуществление социалистического проекта, была равнозначна (с учетом тех функций которые она выполняла в складывающейся партии) претензии на ее собственную гегемонию в отношении революционных и оппозиционных сил. К такому пониманию предназначения социал-демократической интеллигенции подводила эволюция марксистской мысли по вопросу о ее роли в обществе и партии. Подобное понимание откладывалось в сознании этой интеллигенции, проявлялось в ее политическом поведении.

Представления о своей исторической миссии в сочетании с поистине религиозным отношением к марксистской теории во многом обусловили обнаружившееся у социал-демократической интеллигенции стремление к полной идейной и политической самостоятельности, к обособлению от политических групп интеллигенции иной, в том числе социалистической ориентации, неприятию приглашений к сотрудничеству во имя совместной борьбы за демократию (хотя в принципе возможность политических контактов с другими группами, по крайней мере, ведущими марксистскими литераторами не отвергалась). Правомерно говорить о тенденции к сектантской замкнутости и исключительности в образе мысли и действия социал-демократической интеллигенции, выявившейся затем, хотя и в неодинаковой степени, как у большевистской, так и у меньшевистской интеллигенции.

Стержнем проходившей на протяжении рассмотренного периода полемики, камнем преткновения для участвовавших в ней марксистов был вопрос о связи рабочего класса с социал-демократической интеллигенцией. Ей удалось оказать содействие росту образователь-

ного уровня общественно активных элементов этого класса, их приобщению к культурным ценностям, существенным образом повлиять на весь ход рабочего движения в направлении его идеологизации и политизации. Но при этом между действовавшими в социал-демократическом движении интеллигентами и рабочими сохранялись глубокие различия в социальном положении, воспитании, характере мышления, психологии, в предпочтении того или иного содержания общественной деятельности, той или иной формы объединения рабочих. Узкий слой рабочей интеллигенции, хотя в некоторых отношениях сближался с социал-демократической интеллигенцией, тем не менее был отделен от нее незримой перегородкой и не мог не испытывать воздействия со стороны враждебного образованному обществу, интеллигенции, невежественного массового элемента в пролетарской среде (чьи умонастроения пыталась передать махаевщина).

Все это сказывалось на характере отношений рабочих и интеллигентов в ходе становления социал-демократической партии. Она явилась первой в истории России политической организацией, включавшей представителей физического и умственного труда, в известном смысле общенациональной лабораторией для выработки их взаимодействия. Однако преобладание в руководящих и местных органах интеллигентов, непонимание или недооценка ими жизненных интересов рабочих, стремление приписать им, если не навязать, собственные умозрительные проекты переделки общества, "давление" интеллектом и политическими знаниями, склонность к сверхцентралистским, бюрократическим методам деятельности не могли не оказывать отрицательного влияния на политическое поведение и психологию рабочих, порождая недоверие к интеллигенции, стимулируя

не подкрепляемые интеллектуальным и политическим развитием стремления занять в партии место, соответствовавшее заявленному ею пролетарскому характеру. Эти представления рабочих вызывали неоднозначную реакцию интеллигентов-литераторов и практиков, подталкивая некоторых из них к внесению в партийную жизнь элементов демократизма, а других - к формально-организационным мерам по орабочиванию партийных инстанций.

Реальные трудности социального, политического, психологического порядка в отношениях интеллигентов и рабочих в социал-демократическом движении, в складывающейся партии отражали более фундаментальные противоречия между тонким, образованным, политически активным слоем и малокультурными, политически неразвитыми массами и представляли собой новый вариант извечной для России проблемы интеллигенции и народа. Попытки социал-демократических теоретиков и практиков найти эффективные пути решения этой проблемы применительно к своей партии не увенчались, да и не могли увенчаться успехом в конкретно-исторических условиях России начала XX столетия. Социал-демократической интеллигенции не удалось не только преодолеть разрыв между нею и рабочим классом, но и устранить серьезные трудности во взаимоотношениях с рабочими в рядах собственной партии.

Над проходившими в среде социал-демократической интеллигенции дискуссиями, над ее деятельностью в рабочем движении и в партийных организациях витал дух махаевщины. Из нашего исследования вытекает необходимость пересмотра сложившегося в литературе мнения [2] о весьма ограниченной сфере ее влияния. Речь идет, разумеется не о системе взглядов В.К.Махайского, с которой вряд ли были знакомы широкие массы трудящихся. Однако

идея, составлявшая квинт-эссенцию махаевщины - об интеллигенции, в том числе социал-демократической, как органически чуждом, враждебном рабочему классу элементе достаточно глубоко укоренилась в массовом рабочем сознании, что в той или иной степени признавали представители различных течений общественной мысли.

Имевшие исторические корни недоверие и враждебность к интеллигенции были опасны тем, что могли быть использованы определенными силами в политических целях для нанесения удара по той самой интеллигенции, которая столько сделала для пробуждения активности рабочего класса. Подтверждением этого служит политика сталинского руководства в конце 20-х - 30-е годы.

В последовавший за рассмотренным в диссертации периодом интеллигенция продолжала играть существенную роль в идеологической и политической деятельности РСДРП, в развитии каждой из ее фракций в самостоятельные политические партии. Однако положение интеллигенции менялось, происходил отток ее сил из партии, во многих случаях интеллигентов в руководстве местными организациями сменяли рабочие. Отмеченные процессы явились результатом развития общей ситуации в стране, поражения революции, растущей политической дифференциации интеллигенции в условиях утверждавшейся в пределах третьеиюньского режима многопартийности, определенного роста организованного рабочего движения. Но они были и закономерным следствием линии на орабочивание партии и ее руководящих инстанций, которую обосновывали как меньшевистские, так и большевистские идеологи накануне и в первые месяцы 1905 года.

Такая линия проводилась представителями обеих фракций и в дальнейшем: меньшевиками в рамках замышлявшейся реформы партии через созыв "рабочего съезда"[3], большевиками - преимущественно посредством мер по изменению численного соотношения в комитетах партии между интеллигентами и рабочими в пользу последних[4]. В специфической российской ситуации, однако, эти усилия были чреваты не только размыванием и известным снижением интеллектуального потенциала партии, но и падением ее сопротивляемости возможным эксцессам анархистского толка, направленным не в последнюю очередь против интеллигенции, в том числе социал-демократической, от которых не было застраховано революционное движение. Данное обстоятельство в сочетании с определившейся жестко вертикальной структурой большевистского течения, его "фабричной" дисциплиной и идейно-политической "твердокаменностью" (хотя и среди большевиков изначально раздавались голоса в пользу сохранений интеллигентных кадров и более демократических принципов организации) могло иметь весьма негативные последствия как для большевизма, так и для судеб страны в целом.

Выявлееные в диссертации особенности становления, политического и психологического облика социал-демократической интеллигенции, ее взаимоотношений с рабочими дали о себе знать в 1917 и в последующие годы. Можно по-разному оценивать деятельность большевистской интеллигенции. Но нельзя не признать, что многие ее представители честно и самоотверженно трудились на политическом и профессиональном поприще, убежденные в том, что вносят вклад в осуществление великого социального проекта, идея возведения которого владела умами интеллигентов - социал-демократов на рубеже XIX-XX веков. Вместе с тем генетически заложен-

могла) воспрепятствовать установлению тоталитарного режима, стать носительницей исторической альтернативы сталинизму. Здесь сыграли роль различные факторы, в первую очередь, растворение "старой" интеллигенции (чему она сама, впрочем, способствовала) в разбухающей партийной массе преимущественно из малообразованных, политически инфантильных рабочих, в немалой степени зараженных к тому же вирусом махаевщины. Но сказались, разумеется, и идущие от истоков социал-демократической, большевистской интеллигенции догматическое следование ограниченному кругу представлений в области теории, политики и организационных отношений, вошедшая со времен подполья в плоть и кровь привычка к "вертикальной" дисциплине, недооценка демократических принципов вообще, в сфере внутрипартийных отношений, в особенности, приверженность "классовой" морали и нравственности и т.д. Но несмотря на очевидную политическую слабость большевистской интеллигенции, ее надломленность, тенденцию известной ее части к конформизму, она рассматривалась сталинским режимом как весьма опасный элемент. Именно основная масса партийной интеллигенции оказалась если не поголовно истребленной, то во всяком случае наиболее методично преследуемой жертвой чудовищных репрессий.

Исследованные в настоящей работе особенности социал-демократической интеллигенции проявились после 1917 года и на "другом берегу". Мы имеем в виду состоявшую преимущественно из интеллигентов меньшевистскую партию в изгнании. Фактически отказавшись от приема новых членов, от обновления своих рядов, самоизолировавшись от всех других эмигрантских политических группировок, меньшевики являли собой едва ли не уникальный в политической истории случай, когда партия добровольно обрекала себя на

ные в них сознание собственной исключительности, сектантский подход к другим политическим группам, приверженность формально-организационным принципам проявились в той или иной мере в непримиримой позиции значительной части большевистской интеллигенции в отношении не только "врагов революции", но и вчерашних оппонентов в рядах других социалистических партий, в фактическом содействии утверждению однопартийности, в явном предпочтении ультрацентралистских, жестко административных методов деятельности и т.д.

Нельзя, однако, упускать из виду огромную ответственность, которая легла на плечи большевистской интеллигенции за судьбы страны. Справедливым представляется ленинское наблюдение, относящееся к весне 1919 г., о тонком слое интеллигентных, образованных, способных руководителей, который нес на себе неимоверную тяжесть управления страной первые 17 послереволюционных месяцев и "за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог"[5]. Здесь конечно, имелась в виду и большевистская интеллигенция, сформировавшаяся задолго до октября 1917 г., составившая важный элемент "старой партийной гвардии".

В становившейся все более удушливой политической атмосфере 20-х - начала 30-х годов большевистская интеллигенция "с дореволюционным стажем" была по-существу единственным политическим элементом в стране, от которого могло исходить реальное сопротивление набиравшей силу тенденции к тоталитаризму. Невозможно отрицать проявленное многими ее представителями в ходе внутрипартийной борьбы личное мужество в отстаивании своих идейных убеждений, политических взглядов, определенных принципов партийного строительства. Однако большевистская интеллигенция не сумела (и не

на естественное "угасание"[6]. В этой "организационной исключительности" меньшевиков угадывается, однако, преемственность со стремлением к полной идейно-политической самостоятельности, сектантскими тенденциями и повышенным вниманием к формально-организационным вопросам, которые отличали российскую социал-демократическую интеллигенцию на рубеже двух столетий.

Приоритетное положение в партии интеллигенции, ее творческая и практическая работа, отказ от умозрительных схем общественного развития, от амбициозных планов переделки мира, безусловный примат общечеловеческих ценностей и нравственных норм, идейная терпимость, готовность к политическому диалогу и сотрудничеству с другими политическими группами интеллигенции, опора не на воображаемые, а на реальные интересы трудящихся, демократические формы организационных отношений, - слагаемые успеха левых, демократических партий, в том числе ориентирующихся на рабочее движение. Таков вывод из позитивного и негативного опыта российской социал-демократической интеллигенции, подтверждаемый историческим и современным (включая отечественный) опытом политического развития.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

I. См.: Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., I966, с.9-I4; История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия, т.У. М., I968, с.567. По нашим оценкам, общая численность профессиональной интеллигенции составляла около 250 тыс.человек. На эту весьма ориентировочную цифру выводит сопоставление использованных в литературе данных первой всероссийской переписи населения о численности его отдельных категорий (Ерман Л.К. Указ.соч., с.9-I4) с содержашимися в материалах той же переписи сведениями о числе обучавшихся (хотя и не обязательно завершивших обучение) в высших и средних специальных учебных заведениях, составлявшем немногим более 240 тыс.человек (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, I897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января I897 года, т.I. СПб, I905, с.I88-I89).

2. Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. Документы и материалы. М., I973, с.27; Ерофеев Н.Д. Численность и состав социал-демократов, привлекавшихся к дознаниям в I892-I902 гг. Вопросы истории КПСС, I990, № II, с.I24.

3. Всероссийская перепись членов РКП(б) I922 г. Вып.I. М., I922, с.7.

4. Волин М.С. К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции // Революция I905-I907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., I976, с.I77-I78.

5. Ложкин В.В. Состав рабочих социал-демократов и их роль в создании ленинской партии // Вопросы истории, I983, № 7, с.69-70; Ерофеев Н.Д. Указ.статья, с.I28, I30.

6. Грамши А. Тюремные тетради в трех частях. Ч.I. М., I99I, с.336.

7. Егоров А. (псевдоним Ю.О.Мартова). Зарождение политических партий и их деятельность - Общественное движение в России в начале XX-го века. Т.I, СПб., I909, с.372-42I; Л.М-ов (Ю.О.Мартов). Социал-демократия I905-I907 гг. - ам же, т.Ш, кн.5. СПб, I9I4, с.537-643. Потресов А. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. - Там же, т.I, с.538-640; Мартынов А. Главнейшие моменты в истории русского марксизма - там же, ч.П СПб, I9I0, с.285-339; Череванин Н. Движение интеллигенции (до эпохи "доверия" кн.Святополка-Мирского) - Там же, т.I, с.259-290.

8. Батурин Н. Очерк истории социал-демократии в России. М., I906 (переиздано: Л., I925).

9. Лядов М. История Российской социал-демократической рабочей партии. Ч.I и П. СПб., I906 (переиздано под названием: Как начала складываться РКП (большевиков). М., I924).

I0. Ленин В.И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. - Полн.собр.соч., т.I9, с.358-376; Наши упразднители - там же, т.20, с.II4-I33; Как В.Засулич убивает ликвидаторство - там же, т.24, с.22-44; Из прошлого рабочей печати в России - там же, т.25, с.93-I0I и др.

II. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н.А.Бердяева, М.О.Гершензона, А.С.Изгоева, Б.А.Кистяковского, П.Б.Струве, С.Л.Франка. М., I909.

I2. Вряд ли правомерна неоправданно расширительная и политически тенденциозная оценка "Вех" как "энциклопедии либерального ренегатства" (Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.I9, с.I68). Такая оценка не оставляла места для объективного научного анализа основных идей сборника, касавшихся мировоззрения и политического облика русской интеллигенции.

I3. Арсеньев К., Гредескул Н., Ковалевский М., Милюков П., Овсяннико-Куликовский Д., Петрункевич И., Славинский М., Туган-Барановский М. Интеллигенция в России. Сборник статей. СПб. I9I0.

I4. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Т.т.I, П. СПб, I907.

15. "Вехи" как знамение времени. Сборник статей. М., 1910 (статьи Н.Авксентьева, И.Брусиловского, Я.Вечева, Ю.Гарденина - псевдоним В.Чернова),Н.Ракитникова, М.Ратнера, Л.Шишко, Б.Юрьева).

16. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. // Новый град. Сб.статей. Нью-Йорк, 1952, с.9-58 (первая публикация под псевдонимом Е.Богданов в журнале Версты. Париж, 1927, № 2, с.145-184); его же.И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж, 1932.

17. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955 (впервые издана на англ.яз. в 1937 г.; репринтное воспроизводение русского издания - М., 1990).

18. История российской социал-демократии. Под редакцией Л.Мартова. Пг., 1918 (в последующих изданиях Л.Мартов фигурировал как автор - М., 1923 и др.).

19. Жордания Н. Большевизм. Берлин, 1922.

20. Бубнов А.С. Основные моменты в развитии Коммунистической партии России. - М., 1921; его же. Основные вопросы истории РКП. Сборник статей. М., 1924.

21. Луначарский А.В. Об интеллигенции. Сборник статей. - М., 1923; его же Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924.

22. Зиновьев Г.Е. История Российской коммунистической партии (большевиков). Популярный очерк. М.- Пг. 1923.

23. Попов Н.Н. Очерки истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Изд. 2-е М. -Л., 1926.

24. Шелавин К.И. Рабочий класс и его партия. Вып. I. От возникновения партии до 1905 г. Л., 1924.

25. Сорин В.Г. Учение Ленина о партии (организационные основы большевизма). М., 1924.

26. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Изд. 2-е М.-Л., 1927.

27. Невский В. Очерки по истории Российской коммунистической партии. Т.I. Изд. 2-е Л., I925; его же. История РКП(б). Изд. 2-е.Л., I926.

28. Батурин Н. О влиянии мелкой и крупной буржуазии на рабочее движение (ответ тов.Лелевичу). его же. Памяти махаевщины." - Соч., М.-Л., I930, с. 352-356; 365-373.

29. Войтоловский Л. Ленин об интеллигенции // Печать и революция. М., I925, кн.2, с. I-I5.

30. Полонский В. Заметки об интеллигенции // Красная новь. М., I924, кн.I, с. I89-208.

3I. Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория. М., I926.

32. Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма (Письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция") (I93I) // Вопросы ленинизма, изд.XI. М. I946, с.350-36I.

33. История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Тт.У-УI. М., I968; История Коммунистической партии Советского Союза. Тт.I и П, М., I964; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., I989; Очерки истории Московской организации КПСС. Книга I. I883 - ноябрь I9I7. М., I979; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. В трех томах. Т.I, I883-I9I7. Л., I980 и др.

34. Костин А.Ф. Ленин-создатель партии нового типа (I894-I904 гг.). М., I960; Изд.2-е дораб. и доп. М., I980; Жуйков Г.С., Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. Борьба В.И.Ленина против "экономизма".Л.,I980;Суслова Ф.М. Начало организованной борьбы. Историческое значение ленинского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". М., I986 и др.

35. Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России. I883-I894. М., I959.

36. Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы "Освобождение труда". М., I983.

37. Ленинское учение о партии. М., 1969; Бондарь В.Я. Ленинская партия - партия нового типа. М., 1983 и др.

38. Волин М. Ленинская"Искра" (1900-1903 годы). М. 1964; Степанов В.И. Ленин и русская организация "Искры". 1900-1903. М., 1968; Тарновский К.Н. Революционная мысль, революционное дело. М. 1983 и др.

39. Зотова З.М. Ленинская концепция пролетарской партии: идейно-теоретическая борьба в российской социал-демократии (1894-1904 гг.). М., 1989.

40. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.

41. Ерман Л.К. В.И.Ленин об интеллигенции при капитализме, ее роли в демократической и социалистической революциях // Вопросы истории КПСС, 1969, № 11, с.49-63.

42. Щетинина Г.И. В.И.Ленин о русской интеллигенции // В.И.Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. - М., 1970. - С.131-159.

43. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; ее же. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., 1981.

44. Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895-1904 гг., М., 1976.

45. Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907. М., 1971.

46. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983.

47. Гусев К.В. Интеллигенция России и борьба политических партий; Ушаков А.В. Русская интеллигенция периода буржуазно-демократических революций (профессиональная и политическая структура); Степанский А.Д. Общественные организации российской интеллигенции и революционное движение; Иванова Л.В. Большевистская партийная интеллигенция и Великий Октябрь. // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985, с.34-44; 48-56; 63-68; 138-144.

48. Ушаков А.В. Социал-демократическая пропаганда среди демократической интеллигенции (1895-1904 гг.) // Вопросы истории КПСС, 1990, № 6, с.53-63.

49. Вандалковская М.Г. К вопросу о содержании понятия "интеллигенция" в литературе начала XX в. - Интеллигенция и революция. XX век. С.57-62; Волобуев О.В., Кулешов С.В., Шелохаев В.В. Дискуссия о роли интеллигенции в первой народной революции XX в. - Интеллигенция и революция. XX век, с.74-81.

50. Ложкин В.В. Роль рабочих революционеров в борьбе за создание ленинской партии (1895-1903 гг.). Автореферат докт. дисс. М., 1985; его же. Когорта славных. Рабочие революционеры в борьбе за создание ленинской партии 1894-1903. М., 1986.

51. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль - октябрь 1917 г.). Л., 1988.

52. См.напр.: Клямкин И. Какая улица ведет к храму. - Новый мир, 1987, № 11, с.150-188.

53. Ципко А.С. Истоки сталинизма - Наука и жизнь, 1988, №11, с.45-55; № 12, с.40-47; 1989, №1, с. 46-57; №2, с.53-61.

54. Haimson L.H. Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955.

55. Elkin B. The Russian Intelligentsia on the Eve of the Revolution // The Russian Intelligentsia. Ed. by R.Pipes. N.-Y., 1961, P. 32-46.

56. Keep J.L.H. The Rise of Social- Democracy in Russia. - Oxford, 1963.

57. Pipes R. Social-Democracy and the St. Petersburg labor Movement. 1885-1897. - Cambridge, Mass. 1963.

58. Kohan L. Russia in Revolution 1890-1917. L., 1967.

59. Tompkins S.R. The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction? - Norman, 1967.

60. Wildman A.K. The Making of a Workers Revolution. Russian Sosial-Democracy, 1900-1903. - Chicago. - L., 1967.

61. Schwarz S.M. The Russian Revolution of 1905. The Workers Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago, 1967.

62. Lane D. The Roots of Russian Communism. - Assen, 1969.

63. Elwood R. S. Russian Social Democracy in the Underground. A Study of the RSDLP in the Ukraine, 1907-1914. - Assen, 1974.

64. Pomper F. The Russian Revolutionary Intelligentsia. - N.-Y., 1970.

65. Emmons T, The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., 1983.

66. Wesson R.G. Lenin's Legacy. Story of the CPSU. Stanford, 1978.

67. Read K. Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912. The Vekhi Debate and ind its Intellectual Bachground. L. 1979.

68. Социал-демократическое движение в России. Материалы. М.-Л., 1928; Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955; Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг. Сборник документов в трех томах. М., 1969-1970; Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903-1905 гг. Сборник документов в трех томах. М., 1974-1977; Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Сборник документов в пяти томах. Тт.I и II. М., 1979- 1982 и др.

69. Фонд 17 (ЦК РСДРП) Центрального партийного архива.

70. Поссе В.А. Мой жизненный путь.Дореволюционный период (1864-1917). М.-Л., 1929; Бонч-Бруевич В.Д. На заре революционной пролетарской борьбы (по личным воспоминаниям). М., 1932; Мартынов А.С. Воспоминания из эпохи II съезда РСДРП. М., 1934; Мицкевич С.И. На грани двух эпох. От народничества к марксизму.

Мемуарная запись. М., 1937; Валентинов Н.Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1981 (первое изд. Н.-Й., 1953).

Глава I. § I.

I. Величко В. Русские речи. УП. Исход. // Русский вестник, 1902, № II, с.272.

2. Там же, с.273.

3. Величко В. Русские речи I. Интересное время // Русский вестник. 1902. - № 5. - с.118.

4. Скиф Н. Интеллигенция и церковь // Русский вестник. 1903, № 6, с. 655, 657, 660, 671; № 7, с. 276-277, 289.

5. Тернавцев В.А. Русская церковь перед великою задачей // Новый путь СПб., 1903, № I, отдел "Записи религиозно-философского собрания в Санкт-Петербурге, заседание I", с.14-15.

6. Скиф Н. Указ.статья. Русский вестник. - 1903. - № 7, с.290.

7. Скиф Н. Указ статья. Русский вестник. - 1903. - № 6, с.661.

8. Соколов Н.М. Логика и психология современных понятий о человечестве и науке // Русский вестник. - 1904, ноябрь, с.238-251, 254, 261.

9. Соколов Н.М. Россия, Европа и человечество // Русский вестник. - 1904, - октябрь, с.693; его же. Логика и психология современных понятий о человечестве и науке // Русский вестник, 1904, ноябрь, с.220.

10. Соколов Н.М. Логика и психология современных понятий о человечестве и науке // Русский вестник, 1904, ноябрь, с.234.

11. Соколов Н.М. Логика и психология современной интеллигенции // Русский вестник, 1904, декабрь, с.723-725.

12. Величко В. Русские речи IX. Вопрос о рабочих // Русский вестник, 1903, январь, с.261.

13. Зубатовщина. Неопубликованная статья С.В.Зубатова (1913г.)// Былое, 1917, № 4 (26), с.159.

I4. Тернавцев В.А. Русская церковь перед великою задачей // Новый путь, I903, № I, Отдел: Записи религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, с.8-II, I2-I5, I8-22.

I5. Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып.I. СПб, I894, с.70-7I.

I6. Там же.

I7.Струве П. Памяти Н.В.Шелгунова // Петр Струве. На разные темы (I893-I90I гг.) Сб.статей. СПб., I902, с.3I2-3I5.

I8. Бердяев Н. Критика исторического материализма. // Мир божий. I903, октябрь. Отдел первый, с. 23, 28.

I9. Там же, с. 25-26, 29.

20. Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа // Образование, I904, № I, отдел второй, с.78.

2I. Туган-Барановский М.И. Что такое общественный класс? // Мир божий. I904, январь, с.7I-72.

22. Освобождение. I902, № I, с.4.

23. Освобождение. I902, № I2, с.I86.

24. На этой черте народничества делал особый акцент В.И.Ленин. См.: Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся. ПСС, т.2, с. 529.

25. Новое выступление русских либералов // Революционная Россия, I902, № 9, июль, с.4.

26. Наша программа // Вестник русской революции. I90I, № I, июль, с.9

27. Там же, с. II.

28. Серебряков Е. По поводу воззвания Группы самоосвобождения рабочего класса // Накануне, I899, № 7, июль, с. 78.

29. Подарский В.Г. Наша текущая жизнь. // Русское богатство. 1903, ноябрь, отдел второй, с.126-127.

30. И.Рабочее движение и революционная интеллигенция. // Вестник русской революции. 1902, № 2, февраль, с. 213.

31. Там же, с. 217-218.

32. И.Рабочий вопрос и революция. Вестник русской революции, 1901, № 1, июль, с.257.

33. Шишко Л. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении.(Из заметок и воспоминаний старого народника). // Вестник русской революции, 1902, № 2, февраль, с. 111.

34. Лазарев Е. Письмо в редакцию Накануне, 1899, № 11, ноябрь, с. 125; Оленин Б. По вопросам дня. // Накануне, 1901, № 34-35, октябрь-ноябрь, с. 411.

35. Новобранцев П. (Пешехонов А.В.). Основные вопросы русской революционной программы // Революционная Россия 1903, № 33, 1 октября.

36. Задачи грядущего // Революционная Россия. 1904, № 40, 15 января. С. 2.

37. Гарденин Ю. (В.Чернов). Открытое письмо редакции "Студента" // Студент. 1903, № 2-3, сентябрь, с.40-41.

38. Устинов Е. Что такое социалистическая нравственность? // Вестник русской революции. 1905, № 4, март, с.145-147.

39. Лазарев Е. Письмо в редакцию // Накануне, 1899, ноябрь №[illegible], с.125; его же. По поводу одного раскола // Накануне, 1900, № 17-18, июль, с. 208.

40. Бывший народоволец. О наших традициях (Письмо в редакцию). // Накануне, 1900, № 16, май, с. 189.

41. Там же, с. 189-190.

42. Лазарев Е. По поводу одного раскола. // Накануне, 1900, № 17-18, июль, с. 208; Галин А. Признаки времени // Накануне, 1900, № 23, ноябрь, с. 274; Оленин Б. По поводу последних петербургских прокламаций. // Накануне, 1901, № 26-27, февраль и март, с. 315; Оленин Б. По вопросам дня. Революционные догматики и сектанты, 1901, № 30, с. 367-369.

43. Аксельрод П. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России. Женева, 1898, с. 3.

44. Потресов А. Что случилось? // А. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1907, с.156-157, 171-172: Мартов Л. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции // Заря, 1901, № 2-3, декабрь, с. 180-181; Ленин В.И. Рецензия // Полн. собр. соч., т.4, с. 209.

45. См. стр. 48 настоящей диссертации.

46. Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение. П. Соч., т. Ш, М.-Л., 1928, с .251-252.

47. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. // Заря, 1901, № 2-3, декабрь, с. 180-181.

48. Воровский В.В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? Воровский В.В. Соч., т.П. М., 1931, с. 14.

49. См., напр.: Ленин В.И. Рецензия. Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

50. Аксельрод П., Плеханов Г. Об издании "Рабочей библиотеки". // П.Аксельрод. Рабочее движение и социальная демократия. Женева, 1884, с. XП. По-видимому, П.Б.Аксельрод был единственным автором предисловия: приводя в более поздней работе выдержки из него, он говорил о <u>своей</u> брошюре (см.: Аксельрод П. Задачи рабочей интеллигенции в России. Изд. 2-е, Женева, 1893, с. 10-11).

51. Аксельрод П. Задачи рабочей интеллигенции. Письмо к русским рабочим. Изд. 2-е. Женева, 1893, с. 2.

52. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г.Л.Тихомирова. - Соч., т.Ш, с.79-80.

53. Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии // Полн.собр. соч., т.4, с.269.

54. Потресов А.Н. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Сб.статей. СПб, 1906, с.156.

55. Аксельрод П. Рабочее движение и социальная демократия, с. II.

56. Ленин В.И. Революционный авантюризм// Полн.собр.соч., т.6, с.389.

57. Воровский В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? - Воровский В.В. Соч., т.П. М., 1931, с.16.

58. Там же, с.18-19.

59. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. О современных задачах социалистической интеллигенции. // Заря, 1901, № 2-3, с.181-182.

60. Рязанов Н. Новая программа "Рабочего дела". Материалы для выработки партийной программы. Вып. I. Женева, 1902, с. 26.

61. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л.Тихомирова. (Ответ на брошюру "Почему я перестал быть революционером?") // Соч., т.Ш, с. 79.

62.Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение. Т.II // Там же, с. 239.

63. Мартов Л. Всегда в меньшинстве.
// Заря, 1901, 2-3, с.181-182.

64. Воровский В.В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? Соч., т.П. М., 1931, с.14.

65. См., напр.: Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, с.7; Щетинина Г.И. Ленин о русской интеллигенции // В.И.Ленин о социальной структуре и политическом

строе капиталистической России. - М., 1970, с.132; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895-1904. М., 1976, с.4-5; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983, с.8-9.

66. Ленин В.И.Задачи революционной молодежи . // Полн. собр.соч., т.7, с.345.

67. Там же, с.348.

68. Плеханов Г.В. Наши разногласия. // Соч., т.П. М.-Пг., 1923, с.315.

69. См.: Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Соч., т.П. с.81; Наши разногласия // Там же, с.298; Как добиваться конституции? (Разговор конституционалиста с социал-демократом)// Соч., т.Ш, с.28.

70. Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды (1890) - Сб.статей В.И.Засулич., т.2, Пг., 1907, с. 3,30,50,53.

71. Элементы идеализма в социализме (1902) - Сб.статей В.И.Засулич, т.2, с.365.

72. Потресов А.Н. Что случилось? - А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с.156.

73. Там.же, с.168.

74. Плеханов Г. Внутреннее обозрение. П // Соч., т.Ш, с. 250-253, 261, 265-266.

75. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г.Струве // Полн.собр.соч., т.1, с.441-442.

76. Ленин В.И. Рабочая и буржуазная демократия. // Полн.собр.соч., т.9, с.185.

77. Потресов А.Н. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Сб.статей. С.150-151.

78. Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение. П // Соч., т.Ш, с. 249, 261-262, 264-265.

79. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. // Заря, 1901, № 2-3, с.184.

80. Там же, с. 183-184, 187-188.

81. Аксельрод П. От революционного анархизма к демократическому либерализму (1903). (Предисловие ко П изд. брошюры Л.Мартова "Красное знамя в России") // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. Изд. 2-е. СПб, 1907, с.50.

82. Ленин В.И. Что делать? - Полн.собр.соч.,т.6, с.29.

83. Потресов А. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. 150-151.

84. Там же, с. 160.

85. Потресов А. О кружковом марксизме и об интеллигентной социал-демократии (1905). - А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с.257.

86. Мартынов А. Очередные вопросы // Рабочее дело, 1901, № 9, май, с. 44.

87. Программа социал-демократической группы "Освобождение труда" // Плеханов Г.В. Соч., т.П, с. 361.

88. Аксельрод П.Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898, с.11.

89. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. // Заря,1901,№2-3,с.186.

90. Воровский В. "Мятущиеся" и "мечущиеся". Соч.,т.П,с.20.

91. Воровский В. Письмо в редакцию журнала "Жизнь"(1901) - Соч., т.П, с. 171-172. Данное письмо было опубликовано в журнале под псевдонимом Ю.Адамович (см.: Жизнь, 1901, №1,с. 293-309). В примечаниях к Сочинениям В.Воровского ошибочно указано, что оно появилось под псевдонимом "П.Орловский" (Соч.,т.I, с.411).

92. Воровский В.В. - Потресову А.Н. Письмо от 13 февраля 1901 г. // Соч., т.I, с. 404.

93. Воровский В. "Мятущиеся" и "мечущиеся" - Соч., т.П, с.26-28.

94. Мартов Л. Всегда в меньшинстве // Заря, I90I, № 2-3,

95. Там же, с. I89.

96. Там же, с.I86-I88, I89.

97. Там же, с.I85, I9I, I96-I97 (примечение), 203.

98. Потресов А. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с, I74-I75.

99. Плеханов Г.В. Что же дальше? // Соч., т. XII. М., I925, с. I42-I43.

I00. Ленин В.И. Наша программа // Полн.собр.соч., т. 4, с. I86; Внутреннее обозрение // Полн. собр.соч., т. 5, с. 327.

I0I. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов // Полн.собр.соч., т. I, с. 300.

I02. Аксельрад П.Б. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России, с. 23.

I03, Засулич В.И. Элементы идеализма в социализме. // Сб. статей В.И.Засулич, т.2, с. 353.

I04. Засулич В.И. Через 60 лет. // Сб. статей В.И.Засулич, т.2, с. 63.

I05. Рязанов Н. Проект программы "Искры" и задачи русских социал-демократов. Материалы для выработки партийной программы. Вып. П. Женева, I903, с. 94.

I06. Петербуржец (Тахтарев К.М.) По поводу С.-Петербургской стачки // Работник, № 3 и 4. Женева, I897, с. XШ.

I07. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. // Заря, I90I, № 2-3, с. I84.

I08. Воровский В.В. - Потресову А.Н. (5 января I900 г.) - Соч., т.I, с. 402-403.

I09. Потресов А.Н. Что случилось? - А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. I70.

II0. См.:Аксельрод П.Б. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России, с. I8.

III. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции. // Заря, I90I, № 2-3, с. I82.

II2. Потресов А.Н. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. I59.

II3. Ленин В.И. Проект программы нашей партии. // Полн.собр. соч., т. 4, с. 238.

II4. Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды,// Сб. статей В.И.Засулич, т.2, с. 45.

II5. Ленин В.И. Отдача в солдаты I83-х студентов // Полн. собр.соч., т. 4, с. 392.

II6. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. // Полн.собр. соч., т. 7, с. 343.

II7. Потресов А.Н. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. I57-I58.

II8. Там же , с.I58.

II9. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч., т.П, с. 343.

I20. Аксельрод П.Б. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России, с. I8-I9.

I2I. Потресов А.Н. Что случилось? // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. I64.

I22. Воровский В.В. "Мятущиеся" и "мечущиеся". // Соч., т.П, с. 20.

I23. Засулич В.И. Элементы идеализма в социализме. // Сб. статей В.И.Засулич, с. 36I.

I24. По поводу письма из Петербурга // Приложение к рабочей,социал-демократической газете - журналу "Отклики", № I, декабрь I902, с. 9. Автором письма был, очевидно, единственный известный литератор группы "Свобода" Л. Надеждин (Е.О.Зеленский).

I25. (Кускова Е.Д.) Credo // Ленин В.И. Полн. собр.соч., т. 4, с. I69.

I26. См.: Ленин В.И. Проект программы нашей партии. // Соч., т.4, с. 220.

I27. Основные произведения В.К.Михайского (А.Вольского): Умственный рабочий, части I, П и Ш. Первые две ("Эколюция социал-демократии" и "Научный социализм") отпечатаны впервые на гектографе соответственно в I899 и I900 годах и переизданы в Женеве в I905 г. При этом первой части предпослано предисловие, датированное I905 г. Третья часть вышла двумя выпусками в Женеве соответственно в I904 и I905 гг.: "Социализм и рабочее движение в России" и "Социалистическая наука как новая религия". В дальнейшем ссылки даются на женевское издание I904-I905 гг.

I28. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I. Женева, I905, с. IУ.

I29. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.Ш, вып.I. Женева, I904, с. 48.

I30. Бакунин М.А. Государство и анархия // Избр.соч.,т.I, Пг. М., I9I9, с. 294-298, 320; он же. Кнуто-германская империя и социальная революция // Там же, с. 202-203.

I3I. Искра, № 22, июль I902 г.

I32. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.УI; 76-78; 82; ч. П. Женева, I905, с. 4I-42, 48, 62, 72, 77.

I33. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.7I-72,74,82; ч.П, с. 42, 6I.

I34. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I,с.74;ч.П,с.43,62.

I35. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I,с. 74,77.

I36. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.УI; ч.П, с.42, 57, 6I,62; ч.Ш, вып. I, с. 5,29.

I37. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.7I,87;ч.Ш, вып.I, с. 20,64.

I38. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.52-53;84-85; ч.П, с. 2,6I.

I39. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П, с.62-63.

I40. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.77-78; ч. Ш, вып. I, с. 20.

I4I. Вольский А. Умственный рабочий, ч.I, с.87; ч.Ш, вып.I, с. 2I.

I42. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.ХП; ч.П, с. I2.

I43. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П.,с.I3,56-57, 62; ч. Ш, вып.2. Женева, I905, с.3.

I44. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.Ш, вып.I, с. 25, 32.

I45.Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П, с.62; ч.Ш, вып. I, с. 64.

I46. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I, с.ХП; ч.П, с. 57; ч. Ш, вып.I. с.5.

Глава I, § 2

I. Соколов Н.М. Логика и психология современной интеллигенции. // Русский вестник, I904, декабрь, с. 702.

2. Соколов Н.М. Логика и психология современных понятий о человечестве и науке. // Русский вестник, I904, ноябрь, с. 222.

3. Соколов Н.М. Россия, Европа и человечество. // Русский вестник, I904, октябрь, с. 694.

4. Там же.

5. Величко В. Русские речи. IX. Вопрос о рабочих // Русский вестник, I903, № I, с. 246.

6. Там же, с. 255.

7. Донесения С.В. Зубатова начальнику особого отдела департамента полиции (1898) // Бухбиндер Н.А. Независимая еврейская рабочая партия (По неизданным архивным материалам - Красная летопись, 1922, № 2-3, с. 208-209; донесение С.В.Зубатова директору департамента полиции (1900) // Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1924, с. 63. Отметим мимоходом, что сам С.В.Зубатов категорически возражал против использования термина "полицейский социализм" применительно к его идеям и действиям. Он отмечал, что подобное наименование "Зубатовщины" "лишено всякого смысла", ибо с социализмом она боролась, защищая принципы частной собственности в экономической жизни страны, и экономической ее программой был прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических.
... Полицейские меры, как чисто внешние, опять-таки ее не занимали, ибо она искала такой почвы для решения вопроса, где бы все умиротворилось само собой, без внешнего принуждения" - Зубатовщина. Неопубликованная статья С.В.Зубатова (1913 г.) // Былое. - 1917. - № 4 (26). - с.173.

8. Агентурные сведения из Москвы от 19 сентября 1900 г. // Красный архив, 1926, т.VI (XIX), с.211.

9. Записка директора департамента полиции (1901 г.) // К истории зубатовщины в Москве (по неизданным протоколам Зубатовских совещаний). Вводная статья Н.А.Бухбиндера // История пролетариата СССР, 1930, № 2, с. 175.

10. Искра, № 14, 1 января 1902 г.

11. Искра, № 19, 1 апреля 1902 г.

12. Искра, № 29, 1 декабря 1902 г.

13. Записка С.В.Зубатова от 10 сентября 1900 г. // Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич, с.33.

14. Агентурные сведения из Москвы от 19 сентября 1900 г.// Красный архив, 1926, т.VI (XIX), с. 211.

15. Schneiderman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Workinq Class in Tsarist Russia. Itaka-L., 1976, p. 80-81.

16. Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. СПб, 1894, с. 71.

17. Струве П. Памяти Н.В.Шелгунова // Петр Струве. На разные темы (1893-1901 гг.). Сб. статей. СПб, 1902, с.312,314-315.

18. Бердяев Н. Критика исторического материализма // Мир божий. 1903, октябрь, отдел первый, с. 29.

19. Бердяев Н., Философия и жизнь. Дневник публициста. // Новый путь, 1904, октябрь, с. 295.

20. Изгоев А. Интеллигенция как социальная группа. // Образование, 1904, № I, отдел второй, с. 94.

21. Там же, с. 90,93.

22. Освобождение, 1902, № 12, с. 186.

23. Освобождение, 1904, № 58, с. 129.

24. Освобождение, 1902, № 12, с. 187.

25. Освобождение, 1903, № 11, с. 188.

26. Освобождение, 1904, № 56, с. 98.

27. Тернавцев В.А. Русская церковь перед великой задачей. // Новый путь, 1903, № I, отдел: Записи религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, с. 9, 18-22.

28. И.Рабочее движение и революционная интеллигенция.// Вестник русской революции, 1902, № 2, с. 226.

29. Гарденин Ю. (Чернов В.) Открытое письмо редакции "Студента". // Студент, 1903, № 2-3, с. 40.

30. Шишко Л. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении. // Вестник русской революции, 1901, июль, № 2, с. 106-107.

31. Там же, с. 107,112.

32. Л.М.Рецензия: Вестник русской революции, № I, 1901, июль. // Заря, № 2-3, дек. 1901 г., с.335-336.

33. И. Рабочий вопрос и революция. // Вестник русской революции, 1901, № 2, июль, с. 259.

34. Крупов Н. По поводу одной брошюры: Н.Ленин. Задачи русских социал-демократов. Изд.2-е // Вестник русской революции, 1903, № 3, март, с. 285-286.

35. Оленин Б. По вопросам дня. // Накануне, 1901, № 34-35, октябрь-ноябрь, с.411.

36. Социал-демократы и социалисты революционеры. // Революционная Россия, 1903. № 16, 15 января.

37. Гарденин Ю. (Чернов В.) Открытое письмо редакции "Студент". // Студент, 1903, сентябрь, № 2-3, с. 44.

38. Царский режим в России. // Накануне, 1899, № 1, январь, с. 1-3.

39. Царская национальная политика и народ. // Там же, 1899, № 3, март, с. 23; Серебряков Е. Царь, студенты и рабочие. // Там же, 1899, № 6, с. 59-60; Оленин Б. По поводу последних петербургскиз прокламаций. // Там же, 1901, № 26 и 27, февраль и март, с. 314-315.

40. Накануне // Накануне, 1899, № 1, январь, с. 3.

41. И. Рабочий вопрос и революция // Вестник русской революции, № 1, 1901, июль, с. 252, 259-260.

42. И. Рабочее движение и революционная интеллигенция // Вестник русской революции, 1901, июль, № 2, с. 223-224.

43. Плеханов Г.В. Еще раз социализм и политическая борьба // Соч., т. XI. М., 1924, с. 81.

44. Студенчество и революция (без подписи). Революционная Россия, 1903, № 17, 1 февраля, с.2-4; Гарденин Ю.(Чернов В.). Открытое письмо редакции "Студента" // Студент, № 2-3, с. 44.

45. Манифест Всероссийского студенческого съезда // Революционная Россия, 1902, № 5.

46. Новобранцев П. (Пешехонов А.В.) Основные вопросы русской революционной программы // Революционная Россия, 1903, № 33, 1 октября.

47. Засулич В.И. Революционное студенчество // Сб.статей В.И.Засулич, т.П. СПб, 1907, с.437.

48. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.Ш, вып.1. Женева, 1904, с.5.

49. Вольский А. Умственный рабочий, ч.II. Женева, 1905, с. 79.

50. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.Ш, вып.1. Женева, 1904, с. 6.

51. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.1, с.ХП; ч.Ш, вып.1, с. 25.

52. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.Ш, вып.1, с. 64.

53. Там же, с. 13, 63.

54. Там же, с. 14-15.

55. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П, с.64, 80; ч.Ш, вып. 1, с. 64.

56. Вольский.А. Умственный рабочий. Ч.П, с.62. Ч.Ш, вып.1, с.20,29; вып. 2, с. 5.

57. Вольский А. Умственный рабочий, ч.П, с.80; ч. Ш, вып.1, с.20, 34, 64; вып. 2, с. 4.

58. Вольский А. Умственный рабочий, ч. 1, с. 87.

59. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П, с. 64.

60. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.Ш, вып.1, с. 63.

61. Там же, с. 12, 15.

62. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П, с.79,80; Ч.Ш, вып. I, с. I7.

63. Вольский А. Умственный рабочий, ч.I, с.УШ,ХХIУ, 30, 86.

64. Вольский А. Умственный рабочий. Ч.П, с.80.

65. Майская стачка. Воззвание (апрель I902 г.) // Вольский А. Умственный рабочий, ч.I, с. 87-88.

66. Искра, № 22, июль I902 г. (корреспонденция из Иркутска).

67. Там же.

Глава I, § 3

I. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч., т. 4, с. 433-434.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо А.Бебелю, В.Либкнехту, В.Бракке и др. // Соч., т. I9, с. I73.

3. Энгельс Ф. Письмо Ф.А.Зорге от 29 ноября I886 г. // Соч., т.36, с. 490.

4. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч., т. П, с. I32.

5. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Соч., т. П, с. 8I-82.

6. Плеханов Г.В. Как добиваться конституции? (Разговор конституционалиста с социал-демократом). // Соч., т. Ш, с. 27.

7. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л.Тихомирова // Соч., т. Ш, с. 79.

8. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Соч., т.П, с. 86.

9. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч., т.П, с.301,342.

10. Плеханов Г.В. Как добиваться конституции? (Разговор конституционалиста с социал-демократом). // Соч., т.Ш, с. 13,28.

11. Плеханов Г.В. Современные задачи русских рабочих. (Письмо к петербургским рабочим кружкам). // Соч., т.П, с.366.

12. Там же, с. 372; Плеханов Г.В. Второй проект программы русских социал-демократов // Там же, с. 401.

13. Плеханов Г.В. Современные задачи русских рабочих. (Письмо к петербургским рабочим кружкам). // Соч., т.П, с. 366.

14. Плеханов Г.В. Наши разногласия,// Соч.П,с.346;Политические задачи русских социалистов // Соч., т.Ш, с. 92.

15. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч., т. П, с. 132.

16. Там же, с. 133.

17. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Соч., т.П, с.84, 86 ; Наши разногласия // там же, с. 166; Программа социал-демократической группы "Освобождение труда" // там же, с. 358, 361; Современные задачи русских рабочих (Письмо к петербургским рабочим кружкам // Там же, с. 367-368.

18. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Соч., т. П, с. 84.

19. Там же; Программа группы "Освобождение труда" // Соч., т. П, с. 359-360.

20. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч., т.П, с. 347.

21. Плеханов Г.В. Проект программы русских социал-демократов. // Там же, с. 402.

22. Плеханов Г.В. Современные задачи русских рабочих. (Письмо петербургским рабочим кружкам). // Там же, с. 363.

23. Плеханов Г.В. Второй проект программы русских социал-демократов // Там же, с. 404.

24. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л.Тихомирова. // Соч., т. Ш, с. 78; Внутреннее обозрение. П. // Там же, с. 265.

25. Плеханов Г.В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. // Там же, с. 408.

26. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л.Тихомирова. // Там же, с. 79-80.

27. Плеханов Г.В. Предисловие к речи Алексеева. // Там же, с. II6.

28. Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение П. // Там же, с. 25I-260.

29. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. // Соч., т. П, с. 7I.

30. Плеханов Г.В. Предисловие к четырем речам рабочих. // Соч., т. Ш, с. 209-2I0; О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. (Письма к молодым товарищам). // Там же, с. 386-387.

3I. Аксельрод П. Задачи рабочей интеллигенции в России. Изд. 2-е. Женева, I893, с. II.

32. Аксельрод П. Рабочее движение и социальная демократия. Женева, I884, с. ХШ (см. примечание 50 к № I настоящей главы).

33. Там же, с. XI.

34. Аксельрод П. Задачи рабочей интеллигенции в России, с. II.

35. Там же, с. 2.

36. Там же, с. 4, 7-8, I4.

37. Там же, с. I5-I6.

38. Там же, с. Ш (предисловие ко П изданию).

39. Там же, с. 2, 5, I4-I5.

40. Там же, с. IУ-У (предисловие ко П изданию).

4I. Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды - Сб. статей В.И.Засу ич, т.2, СПб, I907, с.I-54.

42. Там же, с. 24, 29.

43. Там же, с. 53.

44. Там же, с. 54.

45. Там же.

46. Там же, с. 53.

47. Аксельрод П. Задачи рабочей интеллигенции в России, с. I6.

48. Аксельрод П. Задачи рабочей интеллигенции в России. Изд. Ш, М., I896, с. 37.

49. См.: Потресов А. Что случилось? // А. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. I70; Ленин В.И. Что делать? // Полн. собр. соч., т.6, с. 29,3I; (Мартов Ю.О.) Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма. // Искра, № 3I, I января I903 г. (См. с.426, примечание 36).

50. Аксельрод П.Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Письма первое и второе; Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России. Обе статьи (вторая в переводе с немецкого языка) впервые опубликованы в журнале "Работник" (№№5-6, I897, отдел первый, с.I-29; Отдел второй, с. 38-7I), а затем вышли отдельными брошюрами.

51. Аксельрод П. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России. с. 13, 25.

52. Там же, с. 27,30; Аксельрод П. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов, с. 27.

53. Аксельрод П. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России, с. 2.

54. Там же, с. 30.

55. Там же, с. 27.

56. Аксельрод П. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов, с. 4, 9.

57. Аксельрод П. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России, с. 24.

58. Там же, с. 13-14, 30-31.

59. Аксельрод П. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов, с. 23, 26.

60. Там же, с. 19-20.

61. Там же, с. 27.

62. Плеханов Г.В. Предисловие к " Vademecum для редакции "Рабочего дела". - Соч., т. XII, с. 5-8.

63. Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. // Полн. собр. соч., т.4, с. 173-174.

64. (Кускова Е.Д.) Credo // Ленин В.И. Протест российских социал-демократов - Полн. собр. соч., т. 4, с. 167.

65. Письмо г. Г. // Vademecum для редакции "Рабочего дела". Женева, 1900, с. 28-31. Г. - псевдоним Т.Копельзона (Плеханов Г.В. Соч., т. XII, предисловие редактора, с. IУ). В своем письме "Г." излагает точку зрения N.N. , т.е. С.Н.Прокоповича, фактически, солидаризируясь с ней.

66. (Кускова Е.Д.). Credo // Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. - Полн. собр. соч., т. 4, с. 168.

67. М.М. (Кускова Е.Д.). Письмо к П.Аксельроду одного из авторов брошюры против группы "Освобождение труда". Vademecum для редакции "Рабочего дела", с. 18-21.

68. (Кускова Е.Д.). Credo // Ленин В.И. Протест российских социал-демократов - Полн. собр. соч., т. 4, с. 168.

69. N.N. (Прокопович С.Н.). Ответ на брошюру Аксельрода "К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов" // Vademecum для редакции "Рабочего дела", с. 40.

70. Там же, с. 43.

71. Ответ редакции "Рабочее дело" на "Письмо" П.Аксельрода и Vademecum г. Плеханова. Женева, 1900, с. 22-25.

72. N.N. (Прокопович С.Н.). Ответ на брошюру Аксельрода "К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов" // Vademecum для редакции "Рабочего дела", с. 47.

73. Там же, с. 44, 48-49.

74. Письмо г. Г. // там же, с. 31-32.

75. N.N. (Прокопович С.Н.). Ответ на брошюру Аксельрода ... // там же, с. 44-45.

76. Там же, с. 54.

77. Там же, с. 43 - 44.

78. Там же, с. 57.

79. Р.М. Наша действительность. // Отдельное приложение к "Рабочей мысли". СПб, 1899, с. 13.

80. Там же.

81. Ленин В.И. Что делать? // Полн.собр.соч., т.6, с.109.

82. (Кускова Е.Д.). Credo // Ленин В.И. Протест российских социал-демократов - Полн.собр.соч., т.4, с. 168-169.
М.М. (Кускова Е.Д.). Письмо к П.Аксельроду одного из авторов брошюры против группы "Освобождение труда" // Vademecum для "Рабочего дела", с. 20, 21, 24.

83. Плеханов Г.В. Предисловие к Vademecum для Рабочего дела. // Соч., т. XП, с. 28, 36.

84. Там же, с. 15, 26, 28, 29.

85. Там же, с. 26.

86. Аксельрод П. Письмо в редакцию "Рабочего дела" (1899) // П.Б. Аксельрод. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. СПб, 1907, с. III-115.

87. Аксельрод П. Предисловие к брошюре: (Л.Мартов). Красное знамя в России. Очерк истории рабочего движения в России. Женева, 1900, с. Ш.

88. Там же, с. Ш-IУ.

89. Аксельрод П. Зарождение у нас буржуазной демократии как самостоятельной революционной силы (1902) // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении, с. 16.

90. Аксельрод П. Предисловие к брошюре: (Л.Мартов) Красное знамя в России. Очерк истории рабочего движения в России. Женева, 1900, с. УШ-IX.

91. Аксельрод П. Зарождение у нас буржуазной демократии как самостоятельной революционной силы. // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении, с. 6.

92. Там же, с. 13-14.

93. Засулич В.И. Элементы идеализма в социализме. // Сб. статей В.И.Засулич, т.2 СПб, 1907, с.366, 369.

94. Там же, с. 360.

95. Там же, с. 363.

96. Там же, с. 365.

97. Потресов А.Н. Что случилось?// А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с.152-154.

98. Там же, с. 152-153.

99. Потресов А. Современная весталка // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенций, с. 196.

100. Потресов А. Что случилось? // Там же, с. 178-179.

101. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. // Заря, 1901, № 2-3, с. 190.

102. Там же, с. 202.

103. Ленин В.И. Что такое "друзья народа и как они воюют против социал-демократов. // Полн. собр. соч., т.1, с. 309.

104. Ленин В.И. По поводу "Profession de for " // Полн. собр. соч., т.4, с. 314, 316.

105. Ленин В.И. Проект заявления редакции "Искры" и "Зари"; Заявление редакции "Искры". От редакции. // Полн. собр. соч., т. 4, с. 322, 354.

106. Ленин В.И. Проект заявления редакции "Искры" и "Зари",// Полн. собр. соч., т. 4, с. 330.

107. Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии. // Полн. собр. соч., т.4, с. 248.

108. Ленин В.И. Отдача в солдаты 183-х студентов // Полн. собр. соч., т.4, с.395.

109. Мартынов А. Социал-демократия и рабочий класс. Два течения в русской социал-демократии. Приложение к № 11 "Рабочего дела". Женева, 1901, с. 32.

110. Приложение к рабочей, социал-демократической газете - журналу "Отклики", декабрь 1902 г., № 1, с. 21 (См. примечание 124 к § 1 настоящей главы).

III. Поссе В.А. Теория и практика пролетарского социализма. Женева, 1905, с. VI.

II2. Там же, с. I54.

II3. Аксельрод П. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России, с. I3.

II4. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции. // Заря, I90I, № 2-3, с. I82, I89, I9I-I92.

II5. Ленин В.И. Что делать? // Полн. собр. соч.,т.6, с. I7.

II6. Плеханов Г.В. Новое вино в старых мехах. // Соч., т. XП, с. II8, I25.

II7. Аксельрод П. Зарождение у нас буржуазной демократии как самостоятельной революционной силы // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении, с. 27-32.

II8. Заря, I90I, № 2/3, декабрь, с.34I-343 (рецензия на № I "Вестника русской революции"). Резко отрицательными были отзывы "Искры" на попытки практического объединения социал-демократов и социалистов-революционеров. См., напр.: Искра, № 2I от I июня 1902 г., № 26 от I5 октября I902 г.; № 30 от I5 декабря I902 г.

II9. Аксельрод П. Предисловие. // Ленин Н. Задачи русских социал-демократов, Женева, I898, с. 3.

I20. Ленин В.И. Предисловие ко второму изданию. // Полн. собр. соч., т. 2, с. 438.

I2I. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Там же, с. 453.

I22. Ленин В.И. Предисловие по второму изданию // там же, с. 440, 44I, 442.

I23. Крупов Н. По поводу одной брошюры // Вестник русской революции, I983, № 3, с. 28I-282.

I24. Аксельрод П. Кто фальсифицирует? // Искра, № 42, I5 июня I903 г.

I25. Крупов Н. По поводу одной брошюры // Вестник русской революции, I903, № 3, с. 299. Автор цитирует слова П.Лаврова, приведенные В.И.Лениным и подвергнутые им критике (Полн.собр.соч., т.2, с. 469). Между тем, эта идея проводилась еще на страницах народнически-эсеровского "Накануне" (см., напр.: Галин А.Признаки времени. // Накануне, № 23, ноябрь I900 г., с. 274).

126. Аксельрод П. Кто фальсифицирует? // Искра, № 42, 15 июня 1903 г.

Глава П, § I

1. Плеханов Г.В. На пороге двадцатого века // Соч., т.XП, с. 65.

2. Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения // Полн. собр.соч., т. 4, с. 376.

3. Плеханов Г.В. Комментарий к проекту программы Российской социал-демократической рабочей партии. // Соч., т. XП, с. 205, 206.

4. Кричевский Б. Принципы, тактика и борьба. // Рабочее дело, 1901, № 10, сентябрь, с. 1.

5. (Рязанов Н.) Наша программа. Проект программы группы "Борьба" и комментарий к ней. Материалы для выработки партийной программы, вып. Ш. Женева, 1903, с.2.

6. Плеханов Г.В. Первоначальный проект программы РСДРП // Ленинский сборник, т.П., М.-Л., 1924, с.15-19; Ленин В.И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 203-210; Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии (выработанный редакцией "Искры" и "Зари") // Плеханов Г.В. Соч., т. XП (приложение), с. 523-531; Проект программы, выработанный группою "Борьба" // (Рязанов Н.) Наша программа. Проект программы группы "Борьба" и комментарий к ней, с. 3-9; Проект программы Русской социал-демократической рабочей партии, предлагаемый на обсуждение товарищей В.А.Поссе. Женева, 1902, с. 1-8; Старая и новая прргаммы "Рабочего дела". Женева, 1903, с. 3-14 (в данном случае речь идет собственно не о проектах партийной програм-

мы, а о документах, содержавших принципиальные суждения по программным вопросам.

7. Тучапский П.Л. Из пережитого (Отрывок из книги). // Первый съезд РСДРП, март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958, с. 222.

8. См., напр.: Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971. с. 45-59; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904. М., 1976, с. 148-152.

9. Бурный месяц // Искра, № 3, апрель 1901 г.

10. Исторический поворот. // Листок "Рабочего дела". Женева, 1901, № 6, апрель, с. 1, 3-4.

11. Оленин Б. По вопросам дня. Социал-демократы и социалисты- революционеры // Накануне, 1901, № 33, сентябрь, с. 402.

12. Ленин В.И. С чего начать? // Полн. собр. соч., т.4, с. 5, 7, 8-9, 13.

13. Кричевский Б. Принципы, тактика и борьба. // Рабочее дело, 1901, № 10, сентябрь, с. 18, 29-31.

14. Мартынов А. Обличительная литература и пролетарская борьба // Рабочее дело, 1901, № 10, сентябрь, с. 60-61; его же. Социал-демократия и рабочий класс. Два течения в русской социал-демократии. Приложение к № 11 "Рабочего дела". Женева, 1901, с. 30.

15. Мартынов А. Социал-демократия и рабочий класс. Два течения в русской социал-демократии, с. 31.

16. Мартынов А. Обличительная литература и пролетарская борьба // Рабочее дело, 1901, № 10, сентябрь, с. 62, 64.

I7. Надеждин Л. (Зеленский Е.О.) Положение вынуждает (Об "Искре" в полемике с Петербургской Рабочей организацией и группой "Свобода"). (Женева, I902), с. 3.

I8. Засулич В.И. Элементы идеализма в социализме // Сб. статей В.И.Засулич. Т.2, СПб, I907, с. 346, 359.

I9. Там же, с. 346.

20. Плеханов Г.В. Комментарий к проекту Программы РСДРП // Соч., т. XП, с. 2I0-2II.

2I. Плеханов Г.В. О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада, в частности и о татике Б.Кричевского в особенности //Соч., т. XП, с. I34-I35.

22. Потресов А. Современная весталка // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. СПб, I906, с.I95.

23. Там же, с. 200.

24. Мартов Л. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции // Заря, I90I, № 2-3, с. I99-202.

25. Ленин В.И. Что делать? // Полн.собр.соч., т. 6 , с. 3I.

26. Там же, с. 39.

27. Ленин В.И. Беседа с защитниками "экономизма" // Полн. собр.соч., т.5, с. 363.

28. Ленин В.И. Письмо Северному союзу РСДРП // Полн.собр. соч., т. 6, с. 362-363.

29. Ленин В.И. Что делать? // Полн.собр.соч., т. 6, с.79.

30. Там же, с. 80-83, 85-86.

3I. Там же, с. 87.

32. Там же, с. I26-I27.

33. Там же, с. I22, I3I.

34. Каутский К. Славяне и революция,//Искра , № I8,I0 марта I902 г.

35. Примечания редакции к статье К.Каутского. Там же,

36. Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма // Искра, № 3I, I января I903 г. Авторство Ю.О.Мартова установлено по: Искра. Полный текст. Выпуск пятый. Л., I928, с. I-3.

37. Нечётный С. Из общественной жизни в России. Третий элемент в русском земстве. // Накануне, I90I, № 36, декабрь, с. 429.

38. Ленин В.И. Внутреннее обозрение // Полн.собр.соч., т. 5, с. 334.

39. О постановке работы среди интеллигенции // Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., I959, с. 638-639. Более подробно о содержании документа, а также об его авторстве см. в § 3 третьей главы (с. 340-34I).

40. Рязанов Н. Проект программы "Искры" и задачи русских социал-демократов. Материалы для выработки партийной программы. Вып. П. Женева, I903, с. 87.

4I. Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России I899-I907 гг. М., I97I; Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., I966; его же. Работа революционной социал-демократии среди народных учителей в период борьбы за создание большевистской партии - Советская педагогика , I963, № 7; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., I986; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России: I895-I904. М., I976; его же. Социал-демократическая пропаганда среди демократической интеллигенции (I895-I904 гг.). - Вопросы истории КПСС, I990, № 6, и др.

42. Оленин Б. По вопросам дня. Революционные догматики и сектанты. // Накануне, I90I, № 30, апрель I90I г., с. 367.

43. Там же. с. 369.

44. Плеханов Г.В. Предисловие и Vademecum для "Рабочего дела" // Соч., т. XП, с. 4I; Лазарев Е. Раскол в русской социал-демократической партии. // Накануне, I900, № I6, май, с. I96.

45. Лазарев Е. По поводу одного раскола. "О полемике между "Рабочим делом" и группой освобождения труда" // Накануне, I900, № I7-I8, июнь, с. 208.

46. Аксельрод П. Объявление об издании журнала "Заря". // Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. Приложение Ш, с. I26.

47. Поссе В.А. Теория и практика пролетарского социализма, с. 35, I72, 654.

48. Рязанов Н. Проект программы "Искры" и задачи русских социал-демократов. Материалы для выработки партийной программы. Вып., П. с. I5-I6, I9.

49. Плеханов Г.В. Ортодоксальное буквоедство. // Соч., т. XП, с. 37I-4I0.

50. Ленин В.И. Проект заявления редакции "Искры" и "Зари". // Полн.собр.соч., т. 4, с. 326, 329, 33I.

5I. Ленин В.И. Вопросы, предложенные "Союзу русских социал-демократов на "объединительном" съезде. // Полн.собр.соч., т. 5, с. 276.

52. Оленин Б. По вопросам дня. Революционные догматики и сектанты. // Накануне, I90I, №30, апрель I90I, с. 37I.

53. Рязанов Н. Разбитые иллюзии. К вопросу о причинах кризиса в нашей партии. Женева, I904, с. II3, II5.

54. Товарищ без претензий. Борьба за избирательное право и последние выьрпы в Австрии. // Работник, I897, №№ 3 и 4, отдел второй, с. I37.

55. Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., I959, с. 339-34I.

56. Цит. по: Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. 6, с. 39.

57. Каутский К. Американский и русский рабочий. СПб., 1906, с. 34, 36-37.

58. Поссе В.А. Теория и практика пролетарского социализма. (Первоначально в 1903-1904 гг. выходила в Женеве четырьмя выпусками под заглавием "Какова должна быть программа русских пролетариев?"). Женева, 1905, с. 67-68.

59. Там же, с. 128-132; 164; 180-182.

60. Рязанов Н. Проект программы "Искры" и задачи русских социал-демократов, с. 91.

61. Там же, с. 91-94.

62. Там же, с. 95, 121-122, 129-131, 187, 224-225.

63. Поссе В.А. Теория и практика пролетарского социализма. Женева, 1905, с. 182-186; 205-209; 221-222, 226-227.

64. Подарский В.Г. Наша текущая жизнь // Русское богатство. 1902, № 4, отдел второй, с. 102-103.

65. Эволюция русской социалистической мысли. // Вестник русской революции, № 3, март 1903, с. 3-5, 8-9, 10, 11-12.

66. Там же, с. 11.

67. Там же, с. 9-10.

68. Там же, с. 13-14.

69. Там же, с. 24-25, 35-36.

70. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с.108-119.

71. Там же, с. 126.

72. Там же, с. 126-127.

73. Там же, с. 128-129.

74. Там же, с. 131-132.

75. Там же, с. 125.

76. Там же, с. 137.

77. Там же, с. 135, 178.

78. Там же, с. 178.

79. Ленин В.И. О реорганизации партии // Полн.собр.соч., т. 12, с. 86.

80. Ленин В.И. Предисловие к сборнику "За 12 лет" // Полн. собр.соч., т. 16, с. 107.

81. См.: Красин Ю. Ленинское наследие: потребность в новом видении // Мировая экономика и международные отношения, 1990, № 4, с. 7-8.

82. Второй съезд РСДРП. Протоколы, с. 133.

83. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на П съезде РСДРП. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях...). Т.I. М., 1983, с. 61.

84. Организационный Устав РСДРП, принятый на П съезде партии // КПСС в резолюциях..., т.I, с. 68.

85. Аксельрод П. Объединение российской социал-демократии и ее задачи. Статья I. Итоги ликвидации кустарничества. // Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. СПб, 1907, с. 81.

86. КПСС в резолюциях..., т.I, с. 76.

87. Там же, с. 75.

88. Там же, с. 76.

89. По меньшей мере странными выглядят сегодняшние попытки некоторых авторов оспорить содержавшиеся в работах 20-х годов утверждения об интеллигентском составе П съезда РСДРП, изображать подобные утверждения как односторонние, связанные с достойной лишь разоблачения "меньшевистской версией" об интеллигентском характере партии (См.: Зотова З.М. Ленинская концепция партии: идейно-теоретическая борьба в российской социал-демократии (1894-1904 гг.). М., 1989, с. 16-17.

90. Кистяковский Б. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание). // Вехи. М., 1909, с. 112 . Считая, очевидно, плехановскую постановку вопроса типичной для социал-демокра-

тической интеллигенции, автор вместе с тем признавал, что даже среди членов социал-демократического съезда она "вызвала оппозицию".

91. Там же, с. 118.

Глава П, § 2

1. Аксельрод П.Б. Объединение российской социал-демократии и ее задачи. // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. - П доп. изд. - СПб, 1907. - С.69-70.

2. Там же, с. 81-82, 91-96.

3. Там же, с. 81-85.

4. Там же, с. 88-90.

5. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Н.-Й., 1981, с.174.

6. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн.собр.соч., т. 8, с. 367.

7. Там же, с. 392.

8. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н.Ленина Розе Люксембург // Полн.собр.соч., т.9, с. 51.

9. Ленин В.И..К партии // Там же, с. 14-15.

10. См. напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо А.Бебелю, В.Либкнехту, В.Бракке и др. // Соч., т. 19,с.173-174; Энгельс Ф. Ответ редакции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, с. 75; Энгельс Ф. Письмо Отто Бенинку // Там же, т.37, с. 380-381.

11. См. выдержки из статьи К.Каутского "Франц Меринг" // Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. 8, с. 309-311.

12. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн.собр.соч., т. 8, с. 254.

13. Там же, с. 309, 343-344, 374, 394-395.

14. Там же, с. 254.

15. Ленин В.И. К партии // Полн.собр.соч., т.9, с. 15.

I6. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн.собр. соч., т. 8, с. 379.

I7. Практик. (Макадзюб М.С.). К вопросу о наших партийных задачах. Приложение к "Искре", № 57, I5 января I904 г.

I8. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Розе Люксембург // Полн.собр.соч., т. 9, с. 45.

I9. Троцкий Н. Наши политические задачи (тактические и организационные вопросы). Женева, I904, с.75; Парвус. После войны // Парвус. Россия и революция. СПб, б/г, с.I9I.

20."Сюртук" (Копп В.Л.). Письмо В.Д.Бонч-Бруевичу от 2(I5) января I904 г. - Центральный партийный архив ИМЛ, ф.I7, оп.I, д. 99, л.2-2об.

2I. Там же, с. 3-3об.

22. Там же, л. 4 об.

23. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн.собр. соч., т.8, с. 382-383.

24. Рязанов Н. Очередные вопросы нашего движения. Женева, I905, с. 9.

25. Аксельрод П. К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий (из переписки с Каутским) // Искра, № 68, 25 июня I904 г.

26. Аксельрод П. Исторические задачи и субъективные цели русского революционного движения. // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении, с. 67.

27. Мартов Л. Вперед или назад? П. Пролетарии и интеллигенты в русской социал-демократии (впервые: Искра, № 69, I0 июля I904, приложение) // Л.Мартов. Вперед или назад? Женева, I904, с. 20,2I

28. Там же, с. 20, 2I, 27.

29. Там же, с. 30.

30. Троцкий Н. Наши политические задачи. Женева, I904, с. 37-38.

3I. Там же с.7, I5-I7, 67.

32. Там же с.73, 74.

33. Плеханов Г.В. Враждующие между собою братья (I905) // Соч., т. XIII, М.-Л., I926, с. 306.

34. (Дан Ф.И.). Доклад делегации Российской социал-демократической партии Амстердамскому социалистическому конгрессу. (I4 - 20 августа I904 г.). Женева, I904, с. 64,65-66.

35. Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии. - Искра, № 69, I0 июня I904 г.

36. Парвус. После войны. // Парвус. Россия и революция, с. I83, I86-I87.

37. Аксельрод П.Б. К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий // Искра. I904, № 68, 25 июня.

38. Там же; Мартов Л. Вперед или назад? с. 3I-32. Троцкий Н. Наши политические задачи, с. 32, 35, 47,80

39. (Лядов М.Н.) Материал к выяснению партийного кризиса Российской социал-демократической рабочей партии. Доклад Амстердамскому международному социалистическому конгрессу. // Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в I904 г. М., I963, с. 73-74.

40. Галерка. Наши недоразумения // Ольминский М.С. Борьба за партию после II съезда РСДРП (сборник статей I904-I905 гг.). М., I933, с. 37-39.

41. Рядовой. Роза Люксембург против Карла Маркса // Как рождалась партия большевиков. Литературная полемика 1903-1904 гг.: Сборник. - Л., 1925, с. 175, примечание. (Издание содержит перепечатку полного текста брошюры Галерки и Рядового М.С.Ольминского и А.А.Богданова "Наши недоразумения". - Женева, 1904).

42. Рядовой. Роза Люксебург против Карла Маркса // Как рождалась партия большевиков... С. 174-176.

43. Там же, с. 175.

44. Там же, с. 176.

45-46. Мартов Л. Вперед или назад, с. 30.

47. Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии. // Искра, № 69, 10 июля 1904 г.

48. Троцкий Н. Наши политические задачи, с.76-78.

49. Там же, с. 73-75.

50. Там же. с.74.

51. Там же. с.64, 97.

52. Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии // № 69, 10 июня 1904 г.

53. Там же.

54. Там же.

55. Каутский о наших партийных разногласия - Искра, № 66, 15 мая 1904 г.

56. Парвус А. После войны. // Парвус. Россия и революция, с. 185-186, 187.

57. Галерка. Ольминский М.С. Долой бонапартизм! // Ольминский М.С. Борьба за партию после П съезда РСДРП, с.73.

58. Галерка (Ольминский М.С.). Наши недоразумения // Ольминский М.С. Борьба за партию после П съезда РСДРП, с.42.

59. Там же, с. 42, 44.

60. Рядовой (Богданов А.А.). Роза Люксембург против Карла Маркса. // Как рождалась партия большевиков, с. 171.

61. Рядовой (Богданов А.А.) На онец-то! // Как рождалась партия большевиков, с. 162-163.

62. Рядовой (Богданов А.А.) Наконец-то! // Как рождалась партия большевиков, с. 161.

63. Рядовой (Богданов А.А.) Роза Люксембург против Карла Маркса // Как рождалась партия большевиков, с. 172.

64. Рядовой (Богданов А.А.). Один из выводов // Как рождалась партия большевиков, с. 183.

65. Аксельрод П. Объединение российской социал-демократии и ее задачи // Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении, с. 85.

66. Плеханов Г.В. Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция (впервые: Искра, № 70 от 25 июля и № 71 от 1 августа 1904 г.) // Соч., т. XIII, с.118-123, 128, 131.

67. Там же, с. 132, 133, 139.

68. Там же, с. 134.

69. Там же, с. 134 - 135.

70. Там же, с. 135.

71. Там же, с. 116-117, 125, 133; Плеханов Г.В. О нашей тактике. // Там же, с. 184-186.

72. Плеханов Г.В. Рабочий класс и социал-демократическа интеллигенция // Соч., т. XIII, с. 133-134.

73. Потресов А. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии // А.Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, с. 278-282.

74. Там же, с. 281.

75. Троцкий Л.Д. Наши политические задачи, с. 20.

76. Там же, с. 50, 63, 67.

77. Там же, с. 98.

78. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. 8, с. 370

79. Троцкий Н. Наши политические задачи, с.98-101.

80. Парвус А. После войны // Парвус. Россия и Революция, с. 184, 188, 190.

81. Л.М. (Мартов Ю.О.) Революционные перспективы. //

Искра, № 95, 31 марта 1905 г.

82. Орловский П. (Воровский В.В.). Плоды демагогии (впервые: Вперед, 1905, № 11) // Воровский В.В.Соч.,т.1. М.,1933,с.274-281.

83. Там же, с. 281.

84. Галерка (Ольминский М.). Орган без партии и партия без органа.// Ольминский М.С.Борьба за партию после П съезда РСДРП, с.62-66.

85. Ольминский М. Разновидность оппортунизма (впервые опубликовано:Вперед,1905,№8,28(15)февраля// Ольминский М.С.Борьба за партию после П съезда РСДРП..., с.143-144.

86. Галерка (Ольминский М.) Орган без партии и партия без органа // Ольминский М.С.Борьба за партию после П съезда РСДРП, с.67.

87. Плеханов Г.В.Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция // Соч., т.ХП, с. 135-140.

88. Аксельрод П.Б. К вопросу об источнике и значении наших внутрипартийных разногласий // Искра, №68, 25 июня 1904 г.

89. Мартов Л. Вперед или назад? с. 31.

90. Ответ на письмо ЦО представителей Уфимского, Среднеуральского и Пермского комитетов // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов.М.,1955, с.142-143, 146 - 148.

91. Галерка (Ольминский М.) Наши недоразумения.// Ольминский М.С. Борьба за партию после П съезда РСДРП, с.39.

92. Отчет Екатеринославского комитета партии (Ш съезду РСДРП) // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955, с. 668, 675.

93. Сталин И.В. Письмо из Кутаиса (того же товарища) (октябрь, 1904 г.) // Соч., т.1, М., 1949, с. 61.

94. Сталин И.В. Письмо из Кутаиса (сентябрь-октябрь 1904 г.) - там же, с. 57-58.

95. Сталин И.В. Письмо из Кутаиса (того же товарища) // Там же, с. 60, 61.

96. Сталин И.В. Класс пролетариев и партия пролетариев (по поводу первого пункта Устава партии) // Там же, с. 63-64, 66-67, 70.

97. Сталин И.В. Коротко о партийных разногласиях // Соч., т. I, с. 9I. См. также, с. I03, II3.

98. Сталин И.В. Там же, с. I27-I30; Ответ "Социал-демократу" - там же, с. I66-I68.

99. Gerratana V. Stalin, Lenin e il marxiamo-leninismo // Storia del marxismo, Vol. III, parte II. Torino, 1981, p. 174.

I00. Gerratana V. Op. cit, p. 175.

I0I. Галерка (Ольминский М.С.) Долой бонапартизм! // Ольминский М.С. Борьба за партию после II съезда РСДРП, с.73.

I02. Рядовой (Богданов А.А.). Роза Люксембург против Карла Маркса // Как рождалась партия большевиков, с. I75-I76.

I03. Рядовой (Богданов А.А.). Один из выводов // Как рождалась партия большевиков, с. I83-I84.

I04. Текст заявления В.Д.Бонч-Бруевича. См.: Ленин В.И. Полн.собр. соч., т. 9, с. 425.

I05. Речь Людмилы Громозовой. Женева, I904, с. I-7.

Глава Ш. § I.

I. Ленин В.И. Что делать? // Полн.собр.соч., т.6, с.34-37, II7.

2. Петербуржец (Тахтарев К.М.). Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Лондон, I902, с.66-72.

3. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. I900-I903 гг. Т.3. М., I970, с.9I-92 (письмо от 2-3 февраля I903 г.).

4. Там же, с. 90.

5. Искра. № 40, I5 мая I902 г.

6. Рабочая мысль. № I, I897.

7. Там же.

8. См.: Петербуржец (Тахтарев К.М.). Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов, с. 64-65.

9. (Иваншин В.П.). Рецензия: Рабочая мысль, №№ I-3. // Листок "Работника". Женева, № 9-I0, I898, ноябрь, с.48-49.

I0. Заметки. Во избежание недоразумений.// Рабочая мысль, № 4, I897.

II. Бебель А. Академики и социализм. Речь, произнесенная на студенческом собрании в Берлине I7 декабря I897 г. СПб, изд. Рабочей мысли,I889 , с. 8.

I2. Кольцов Д. Рабочие и интеллигенция // Работник № 5-6, I899, отдел второй, с.I43-I46.

I3. Мимоходом // Рабочая мысль, № 7, I899.

I4. Рабочее дело, № 4-5, I899, сентябрь-октябрь, отдел второй, с. 67-68.

I5. Б-в (Савинков Б.). Петербургское движение и практи-

ческие задачи социал-демократии // Рабочее дело, № 6, 1900, апрель, отдел первый, с.29-32.

16. Накануне, № 7, 1899, июль, с.80.

17. См.: Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. Т.I. М., 1969, с.564-565.

18. Рабочее дело, № 10, 1901, сентябрь, с.103-104.

19. См.: Петербуржец (К.М.Тахтарев). Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям, с.17-18.

20. Искра, № 6, июль 1901 г. См. также: Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. Т.I, с.67-68, 102-103.

21. Искра, № 6, июль 1901 г.

22. См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т.I. М., 1964, с.282-283; Жуйков Г.С., Комиссарова Л.П., Ольховский Е.Р. Борьба В.И.Ленина против "экономизма". М., 1980, с.97-98, 100-101.

23. Оленин Б. По вопросам дня. Социал-демократы и социалисты-революционеры // Накануне, № 34-35, 1901, октябрь и ноябрь, с.411.

24. Накануне, № 7, 1899, июль, с.79.

25. М.М. (Кускова Е.Д.)). Письмо к Аксельроду одного из авторов брошюры против группы "Освобождение труда" //Vademecum для редакции "Рабочего дела". Сб. материалов, изданный группой "Освобождение труда". Женева, 1900, с.18.

26. (N.N. (Прокопович С.Н.)). Ответ на брошюру Аксельрода "К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов" //Vademecum для редакции "Рабочего дела". Сб. материалов, с.40, 44.

27. Плеханов Г.В. Предисловие к Vademecum для редакции "Рабочего дела" // Соч., т.XП, с.I4-I5.

28. Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии // Полн.собр.соч., т.4, с.244, 262, 267-270.

29. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн.собр. соч., т.8, с.382.

30. Ленин В.И. Предисловие к брошюре "Майские дни в Харькове" // Полн.собр.соч., т.4, с.365.

3I. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Там же, т.4, с.2I4.

32. Искра, № 2, февраль I90I г.

33. Искра, № 6, июль I90I г.

34. Искра, № 7, август I90I г.

35. Искра, № I4, I января I902 г.

36. Беседа по поводу писем читателей // Искра, № I4, I января I902 г. Автором "Беседы" был Ю.О.Мартов (см.: Искра, №№ I-52. Полный текст. Вып. второй. Л., I926, с.I2I).

37. Искра, № 23, I августа I902 г.

38. См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Т.I. Л., I980, с.68-69.

39. Искра, № 26, I5 октября I902 г.

40. См.: Приложение к рабочей социал-демократической газете - журналу "Отклики", № I, декабрь I902 г. Женева, тип. "Свободы", с.3.

4I. Там же, с.I-2; Искра, № 30, I5 декабря I902 г.

42. Там же.

43. Приложение к рабочей социал-демократической газете-журналу "Отклики", с.5.

44. Там же, с.4.

45. Там же, с.4-5.

46. Там же, с.I-2; Искра, № 30, I5 декабря I902 г.

47. Там же.

48. Приложение к рабочей социал-демократической газете-журналу "Отклики", с.4-5.

49. Искра, № 30, I5 декабря I902 г.

50. Там же.

5I. Статья "По поводу письма из Петербурга" и заметка "Дождались" были опубликованы в приложении к первому (и последнему) номеру "рабочей, социал-демократической газеты-журнала "Отклики", а также составили вместе с материалами Рабочей организации брошюру "Рабочие и интеллигенция", выпущенную в виде отдельного оттиска из названного Приложения. Группа "Свобода" настаивала на своей принадлежности к социал-демократии. Об этом свидетельствует, например, помещенное в эсеровском "Накануне" заявление Л.Надеждина о том, что "группа "Свобода", именующая себя революционно-социалистической, является группой социал-демократической"(Накануне, № 36, декабрь I90I г., с.439).

52. Надеждин Л. (Зеленский Е.О.) Положение вынуждает. (Об "Искре" в полемике с Петербургской Рабочей организацией и группой "Свобода"). Женева, I902.

53. Там же, с.I, 2, I4.

54. Там же, с.I7.

55. Приложение к рабочей социал-демократической газете-журналу "Отклики", № I, декабрь I902 г., с.8, 9, II, I3, 20, 22, 25, 26.

56. Там же, с.I9 (примечание).

57. Там же, с.2I.

58. Там же, с.20.

59. Там же, с.17-18.

60. Там же, с.14, 22, 24, 26.

61. Там же, с.6.

62. Там же, с.9-10.

63. Там же, с.10. Надеждин Л. Положение вынуждает, с.6, 17.

64. Приложение к... газете-журналу "Отклики", с.12; Надеждин Л. Положение вынуждает, с.10.

65. Надеждин Л. Положение вынуждает, с.16.

66. Приложение к... газете-журналу "Отклики", с.7.

67. Там же, с.24, 27.

68. Там же, с.3, 22, 27.

69. Рабочая мысль, 1902, ноябрь-декабрь, № 16. По предположению В.И.Ленина, последний (шестнадцатый) номер "Рабочей мысли" был издан в Женеве Л.Надеждиным (См.: Ленин В.И. Полн.собр. соч., т.46, с.256, 262, письма И.В.Бабушкину и Е.Д.Стасовой от января 1903 г.).

70. Авторство Ю.О.Мартова установлено по изд.: Искра, №№ 1-52. Полный текст. Вып. IУ. Л., 1927, с.145-147.

71. Борьба направлений - пожива демагогам // Искра, № 30, 15 декабря 1902 г.

72. Там же.

73. Искра, № 35, 1 марта 1903 г.

74. Южный рабочий, № 11, январь 1903 г.

75. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России, 1900-1903. Т.2. М., 1969, с.27, 29.

76. Там же, с.224-225.

77. Там же, с.312, 314.

78. Там же, с.424, 426, 428.

79. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. Т.3. М., 1970, с.166 (письмо от февраля-марта 1903 г.).

80. Там же, с.219-220 (письмо от марта 1903 г.).

81. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. Т.2, с.250-254.

82. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. Т.1, с.396-399.

83. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. Т.3, с.119-128.

84. Ленин В.И. Что делать? // Полн.собр.соч., т.6, с.112.

85. Там же, с.122, 125-127, 131.

86. Там же, с.141.

87. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.7, с.448; Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России, т.2, с.223, 566.

88. Ленин В.И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах // Полн.собр.соч., т.7, с.9.

89. Письмо И.И.Радченко от 22 июля 1902 г. // Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.46, с.204.

90. Письма В.П.Краснухе и Е.Д.Стасовой от 24 сентября 1902 г.; Е.Д.Стасовой и И.В.Бабушкину от 16 января 1903 г. // Там же, с.227, 255, 256.

91. Ленин В.И. Письма В.И.Лаврову и Е.Д.Стасовой от 27 декабря 1902 г.; И.В.Бабушкину от 6 января 1903 г. // Там же, с.246, 250.

92. Ленин В.И. Письмо Е.Д.Стасовой от 15 января 1903 г. // Там же, с.254.

93. Ленин В.И. Письмо Ф.В.Ленгнику от февраля 1902 г. //

Там же, с.272-273.

94. Ленин В.И. К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду // Полн.собр.соч., т.7, с.77.

95. Ленин В.И. Послесловие к "Извещению об образовании "Организационного комитета" // Там же, с.91-92.

96. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с.583.

97. Там же, с.519, 682.

98. Там же, с.587, 603-604, 633.

99. Там же, с.603.

100. Там же, с.589.

101. Там же, с.639-640.

102. Там же, с.550.

103. Там же, с.599.

104. Там же, с.548.

105. Там же, с.599.

106. Там же, с.563.

107. Там же, с.271.

108. Там же, с.273.

109. Там же, с.262, 265-266, 271, 273, 274.

110. Там же, с.276.

111. Там же.

112. Там же.

113. Там же, с.277.

114. Там же, с.271-272.

115. Там же, с.273.

116. Там же, с.262, 265, 266, 272, 278, 279.

117. Там же, с.272.

118. Там же, с.274-275.

119. Там же, с.263.

I20. Там же, с.264.

I2I. Там же.

I22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.I. М., I983, с.70.

I23. Второй съезд РСДРП. Протоколы, с.345.

Глава Ш, § 2.

I. Белорусс М. Рабочие и интеллигенция. Женева, I904.

2. Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (I864-I9I7). М.-Л., I929, с.350-35I.

3. Рабочий. Рабочие и интеллигенты в наших организациях. Женева, I904.

4. По свидетельству А.К.Гастева (письмо В.И.Ленину от февраля I905 г.), в своем выступлении в Парижском партийном клубе Ю.О.Мартов, упрекнув большевиков из "Вперед" в заигрывании с рабочими и одновременно в том, что они ничего для рабочих не сделали, отметил, что меньшевики (из "Искры"), напротив, не оттолкнули, а поставили "Рабочего" "в такие условия, при которых он мог написать свою брошюру" (см.: Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями I905-I907 гг. Т.I, кн.I. М., I979, с.206 и примечание на с.194).

5. Искра, № 80, I5 декабря I904 г.

6. Белорусс М. Указ. соч., с.5; Рабочий. Указ. соч., с.36.

7. Белорусс М. Указ. соч., с.9, I9, 25-26, 33-34, 5I.

8. Рабочий. Указ. соч., с.34-35, 39.

9. Там же, с.I9; Белорусс М. Указ. соч., с.6-I0, I3-I5. Этот автор солидаризировался с оценками отношения рабочих к интеллигентам, содержавшимися в документах Санкт-Петербургского комитета Рабочей организации, которые были изданы группой "Сво-

бода" (с.261-263 наст. дисс.), хотя и оспаривал выдвинутую этой группой идею о возможности "перевоспитания" интеллигентов рабочими (Там же, с.268; Белорусс М. Указ. соч., с.12).

10. Белорусс М. Указ. соч., с. 35, 37.
11. Рабочий. Указ. соч., с.50.
12. Белорусс М. Указ. соч., с.34.
13. Там же, с.34-35.
14. Рабочий. Указ. соч., с.42, 49.
15. Там же, с.43.
16. Там же, с.25.
17. Там же, с.28.
18. Там же, с.28-29.
19. Белорусс М. Указ. соч., с.35-36, 38.
20. Там же, с.9, 16-17, 27.
21. Там же, с.15, 16, 33, 52.
22. Там же, с.27.
23. Там же, с.27-33.
24. Там же, с.52-53.
25. Там же, с.55, 56.
26. Рабочий. Указ. соч., с.37.
27. Там же, с.35-36.
28. Там же, с.39.
29. Там же, с.51, 55.
30. Там же, с.42-44.
31. Там же, с.44.
32. Там же.
33. Там же, с.18-19, 27, 30, 41.
34. Белорусс М. Указ соч., с.16, 55.
35. Там же, с.41-51.

36. Там же, с.45.

37. Там же, с.26, 54-55, 57, 59.

38. Рабочий. Указ. соч., с.32.

39. Там же, с.32, 35, 52.

40. Там же, с.51.

41. Там же, с.45, 55.

42. Там же, с.31, 44, 51.

43. Белорусс М. Указ. соч., с.26.

44. Там же, с.34.

45. Рабочий. Указ. соч., с.39, 40.

46. Там же, с.49.

47. Там же, с.33.

48. Там же, с.46.

49. См.: Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864-1917), с.340. Женевские (1904-1905 гг.) издания "Умственного рабочего" использованы в настоящей диссертации (с.84-90; 109-115).

50. Центральный партийный архив ИМЛ, ф.17, оп.1, д.239, л. 1 об.

51. Искра, № 83, 7 января 1905 г.

52. Искра, № 76, 20 октября 1904 г.; № 92, 10 марта 1905 г.; № 99, 1 мая 1905 г.

53. Мартов Л. Вперед или назад? Женева, 1904, с.27.

54. Там же, с.27-28.

55. Там же, с.28.

56. Рабочий. Указ. соч., с.35-36.

57. Мартов Л. Вперед или назад?, с.20-24.

58. Там же, с.31.

59. Решения Совета РСДРП // Отдельное Приложение к "Искре",

№№ 73 и 74 от I и 20 сентября I904 г.

60. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. I903-I905 гг. Т.П. М., I975, с.538.

6I. Аксельрод П. Письмо к товарищам-рабочим. (Вместо предисловия) // Рабочий. Указ. соч., с.5.

62. Там же, с.4-5, 9.

63. Там же, с.5-6.

64. Там же, с.I3, I4 и примечание на с.I4.

65. Там же, с.I4, I5.

66. Там же, с.4.

67. Там же, с.I5.

68. Там же, с.6-7. Небезынтересно отметить, что в феврале I905 г. В.И.Ленин сослался на это высказывание П.Б.Аксельрода, интерпретировав его в условиях начавшейся революции в том смысле, что меньшевики опасались подготовки восстания, за что однозначно выступал большевистский лидер. См.: Ленин В.И. Должны ли мы организовать революцию? // Полн.собр.соч., т.9, с.267.

69. Череванин Н. Организационный вопрос. Женева, I904, с.43-44.

70. Аксельрод П. Письмо к товарищам-рабочим. Вместо предисловия // Рабочий. Указ. соч., с.6, 7-9.

7I. Там же, с. I0.

72. Там же, с. 9,I0.

73. См.: напр., Искра, № 83, 7 января I905 г.

74. См.,напр.: Письма Э.Э.Эссену от 30(I7)сентября I904 г. // Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. I903-I905 гг. Т.П, с.553; М.М.Кореневскому от I7(4) октября I904 г. // Там же, т.Ш, с. 785; М.К.Владимирову от 7 февраля (25 января) I905 г. // Переписка В.И.Ленина

и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, кн. I, с. 185.

75. Ленин В.И. К партии // Полн.собр. соч., т.9, с.15.

76. Ленин В.И. Чего мы добиваемся? (К партии) - т.9, с. 1-12.

77. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, кн.I. М., 1979, с. 64 (письмо,адресованное Н.Ф.Куделли от января 1905 г.).

78. Ленин В.И. Соловья баснями не кормят (впервые: "Вперед", № 2, 14(1) января 1905 г.). // Полн. собр. соч., т.9, с. 160, 164-166. В письме В.Л.Швейцер от 13 февраля (31 января) 1905 г. Н.К.Крупская высказывала пожелание о перепечатке на гектографе и распространении этой статьи среди рабочих, поскольку она касалась"одного из очень больных вопросов" (Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, кн.I, с. 241).

79. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.9, с.161-162.

80. Там же, с. 161, 165.

81. Там же, с. 166.

82. Там же, с. 163.

83. Там же, с. 164.

84. Тот же рабочий. Новоявленные вожди российской социал-демократии // Отдельное приложение к "Искре", № 86, 3 февраля 1905 г.

85. Там же.

86. Там же.

87. Воровский В. Плоды демагогии. (Впервые - Вперед, №11,

23 марта 1905 г.) // Соч., т.I, М., 1933, с.281.

88. Дезорганизация местных комитетов // Вперед, № 7, 21(8) февраля 1905 г.

89. Письмо Рабочего (подпись: Рабочий Правдин) // Вперед, № 12, 29(16) марта 1905 г. См. также: Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905-1907 гг. Т.I. М., 1979, с.251-254.

90. Письмо Рабочего // Вперед, № 12, 29(16) марта 1905 г.

91. Там же.

92. См., напр.: Искра, № 92, 10 марта 1905 г.(Рабочие к рабочим о партийных разногласиях); Искра, № 99, 1 мая 1905 г. (письмо из Киева "К организационному вопросу"за подписью "Рабочий "в резерве"); Вперед, № 12, 29(16) марта 1905 г. и № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г., корреспонденции "Из партии".

93. Искра, № 83, 7 января 1905 г. (Письмо в редакцию "Искры" от Рабочего); Вперед, № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г. (корреспонденция из Одессы).

94. Вперед, № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г. (резолюция группы рабочих металлического завода Санкт-Петербурга). В редакционном примечании, написанном М.С.Ольминским и В.И.Лениным этот материал был представлен как "характерное проявление того настроения, которое при известных условиях может охватить значительную часть борющегося пролетариата" - там же. Об авторстве примечания см.: "Вперед" и "Пролетариий". Первые большевистские газеты 1905 года. Полный текст. Вып. П. М., 1924 г., с.103.

95. Как объединять партию? // Искра, № 96, 5 апреля 1905 г.

96. Там же.

97. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, кн.I, М.,1979,с.235.

98. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями I905-I907 гг. Т.I, кн.2. М., I979, с.I39.

99. Там же, с. I59-I60.

I00. Там же, с. 25.

I0I. Там же, с. I0I.

I02. Там же, с. I0I, I30.

I03. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями I905-I907 гг. Т.I, кн.I,с.I20.

I04. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений ЦК РСДРП с партийными организациями I905-I907 гг. Т.I, кн.2, с. 59, 89-90.

I05. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений ЦК РСДРП с партийными организациями I905-I907 гг. Т.П, ч.I, М., I982, с.2.

I06. Там же, с. I00.

Глава III. § 3.

I. Ленинский сборник. Т.У. М., I926, с.I9I.

2. Извещение о созыве III партийного съезда.(Впервые: Вперед, № 8, 28(I5) февраля I905 г.). // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях...). Т.I. М., I983, с.II9-I20.

3. Ленин В.И. О созыве III партийного съезда. От редакции (Впервые: Вперед, № 8, 28(I5) февраля I905 г.). // Полн. собр.соч., т.9, с. 284.

4. Ленин В.И. Общий план работ и решений III съезда РСДРП // Полн. собр. соч., т.9, с.3I4.

5. К партии. Воззвание к партии от имени ЦК и Бюро комитетов большинства совместно от 12 марта 1905 г.(впервые: Вперед, № 13, 5 апреля (23 марта) 1905 г. // Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 684.

6. Организационный вопрос (впервые: Вперед, № 13, 5 апреля (12 марта) 1905 г. // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с.72-79.

7. Ленинский сборник, т.У, с. 224.

8. 8. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с.61.

9. Там же, с.62.

10. Там же, с. 65 (примечание),с.67.

11. Парвус. Итоги и перспективы. // Искра, № 85, 27 января 1905 г.; Ленин В.И. Должны ли мы организовать революцию? (Впервые: Вперед, № 7, 21(8) февраля 1905 г. // Полн. собр. соч., т.9, с. 265.

12. Ленин В.И. Письмо А.А.Богданову и С.И.Гусеву. // Полн. собр. соч., т.9, с. 245-247. Подтверждением твердо взятого курса на создание "впередовской" партии служит констатация Н.К.Крупской в письме В.Л.Швейцер от 13 февраля 1905 г.: "у нас две социал-демократические партии: "новоискровцы" и"впередовцы". (Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, ч.I. М., 1979, с.242).

13. Ленин В.И. Новые задачи и новые силы. (Впервые: Вперед, № 9, 8 марта (23 февраля) 1905 г.) // Полн. собр. соч., т.9, с. 302-305.

14. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, ч.I, с. 333-334; т.I, ч.П. М., 1979, с. 33.

15. Л.М. Мартов Ю.О. Партийный съезд или съезд кружков? Искра, № 94, 25 марта 1905 г. См. также: Как нам объединять партию? // Искра, № 96, 5 апреля 1905 г.

16. Ленин В.И. О созыве III партийного съезда. От редакции // Полн. собр. соч., т.9, с. 284-285.

17. Ленин В.И. Анкета, К III съезду партии / Полн. собр. соч., т.9, с. 290-291.

18. Первоначальные проекты резолюции были составлены в феврале-марте 1905 г. В.И.Лениным (Полн.собр.соч., т.9, с.324) и А.А.Богдановым (Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с. 78-79). Ко времени работы самого съезда (3 мая (20 апреля) 1905 г.) относится проект А.А.Богданова с поправками В.И.Ленина (Ленинский сборник, т.XXУI, М., 1934, с.217-218). Съезду был представлен совместный богдановско-ленинский проект (Третий съезд РСДРП. Протоколы, с.253-254), авторство которого приписывается В.И.Ленину составителями его Собрания сочинений (Полн.собр.соч., т.10, с.171-172). Между тем сравнительный анализ двух проектов свидетельствует о том, что речь идет о совместном документе, абсорбировавшем идеи обоих большевистских деятелей.

19. Ленин В.И. Общий план работ и решений III съезда РСДРП // Полн. собр. соч., т.9, с. 317.

20. (Богданов А.А.) Организационный вопрос // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с.78-79.
Ленин В.И. Общий план работ и решений III съезда РСДРП // Полн. собр. соч., т.9, с. 324.

21. Ленин В.И. Поправки в проекте резолюции А.Богданова // Ленинский сборник, т.XXУI, с. 217.

22. Ленин В.И. Новые задачи и новые силы // Полн.собр.соч.,

т.9, с. 297.

23. (Богданов А.А.) Организационный вопрос // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с. 76; Ленин В.И. Общий план работ и решений III съезда РСДРП // Полн. собр. соч., т. 9, с. 324.

24. (Богданов А.А.) Организационный вопрос // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с. 76.

25. Там же, с. 79; Ленин В.И. III съезд РСДРП // Полн. собр. соч., т. 9, с. 324; Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 254.

26. (Богданов А.А.) Организационный вопрос.// Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с. 79.

27. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 254, 326.

28. Ленин В.И. Общий план работ и решений III съезда РСДРП. // Полн. собр. соч., т. 9, с. 317.

29. Там же, с. 324.

30. (Богданов А.А.) Организационный вопрос // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, с. 78.

31. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 545.

32. Там же, с. 579.

33. Там же, с. 623.

34. Там же, с. 587.

35. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 638-648. В конце документа значится "А.А. (Ганна)" - псевдоним О.И.Виноградовой, активного работника вначале Нижегородской, а затем Одесской организации РСДРП. Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.I, кн. 2, с. 314-315, 316. По-видимому, ею были обобщены

материалы, отражавшие постановку работы среди интеллигенции в ряде городов.

36. Там же, с. 646.

37. Там же, с. 639-640, 643.

38. Там же, с. 43, 53,

39. Там же, с. 48.

40. В период подготовки к III съезду РСДРП В.И.Ленин и Н.К.Крупская неоднократно обращали внимание местных партийных работников на необходимость направления рабочих на съезд (см., напр.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.47, с. I7-I8; Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями I905-I907 гг. Т.I, кн. 2, с. I0I, I34). В названном письме (С.И.Гусеву) В.И.Ленин указывал на "громадное значение" посылки одного-двух рабочих на съезд в качестве делегатов с совещательным голосом. Небезынтересна мотивация, к которой он при этом прибегнул с одной стороны к рабочим это"страшно польстит", с другой, помешает меньшевикам дискредитировать съезд перед рабочими. О необходимости обеспечить активное участие рабочих в решении дел "пролетарской партии " речи здесь не шло.

41. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с.54.

42. Там же.

43. Там же, с. I54.

44. Там же, с. I28-I29.

45. Там же, с. I72.

46. Там же, с. 269.

47. Там же, с. 254-255.

48. Там же, с. 255, 268-269.

49. Там же, с. 255.
50. Там же.
5I. Там же, с. 256.
52. Там же, с. 266.
53. Там же, с. 267.
54. Там же, с. 258, 327.
55. Там же, с. 264.
56. Там же, с. 263.
57. Там же, с. 258.
58. Там же, с. 259.
59. Там же, с. 257.
60. Там же, с. 259, 275.
6I. Там же, с. 263-264.
62. Там же, с. 260.
63. Там же, с. 263, 278.
64. Там же, с. 259.
65. Там же, с. 260.
66. Там же, с. 257.
67. Там же, с. 260.
68. Там же, с. 260-26I.
69. Там же, с. 259.
70. Там же, с. 256, 267, 268, 274, 327.
7I. Там же, с. 26I.
72. Там же.
73. Там же, с. 268.
74. Там же, с. 267.
75. Там же, с. 258.
76. Там же, с. 262.

77. Там же, с. 260.
78. Там же, с. 259.
79. Там же, с. 265, 329.
80. Там же, с. 261-262.
81. Там же, с. 332.
82. Там же, с. 334.
83. Там же, с. 263.
84. Там же, с. 266.
85. Там же, с. 267.
86. Там же, с. 332.
87. Там же, с. 333.
88. Там же, с. 335.
89. Там же, с. 263.
90. Там же, с. 331.
91. Там же, с. 262.
92. Там же, с. 265.
93. Там же, с. 335.
94. Там же, с. 330.
95. Там же, с. 261.
96. Там же, с. 262.
97. Там же, с. 265.
98. Там же, с. 332.
99. Там же, с. 259.
100. Там же, с. 260.
101. Там же, с. 261, 329-330, 332, 333.
102. Там же, с. 267.
103. Там же, с. 349.
104. Там же, с. 260.

105. Там же, с. 338.

106. Там же, с. 299. Все же в результате дискуссии ленинское предложение было скорректировано и принятый Устав фиксировал "двойное давление" (выражение Д.С.Постоловского на той же стр.) на комитеты, предусматривая (§9) роспуск местного комитета в случае, если за это "выскажутся" одновременно ЦК 2/3 голосов и 2/3 местных рабочих, входящиъ в партийные организации (Третий съезд РС РП. Протоколы, с.461).

107. См., напр., письма партийного работника (псевдоним "Катя" не расшифрован), адресованные Бюро ЦК РСДРП в Петербург и Заграничному бюро ЦК в Женеву (от мая-июня 1905 г.). // Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Т.П, кн.I, М., 1982, с.341; т.П, кн. П. М., 1982, с. 129.

108. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 325.

109. Там же, с. 326.

110. Там же, с. 327.

111. Там же.

112. Там же.

113. Там же, с. 336.

114. Там же, с. 262-263, 268, 329.

115. Там же, с. 330.

116. Там же, с. 333.

117. Там же, с. 257, 334.

118. Там же, с. 325, 458-459, 725. КПСС в резолюциях..., т.I, с. 134.

119. Третий съезд РСДРП. Протоколы,с. 333, 336, 465; КПСС в резолюциях, т.I, с. 135.

I20. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с.336. Большинство делегатов с совещательным голосом высказались за принятие особой резолюции (там же, с. 725).

I2I. История Коммунистической партии Советского Союза. Т.2. М., I966, с. 57.

I22. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., I966, с. 79.

I23. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., I983, с. 20-2I.

I24. Третий съезд РСДРП, Протоколы, с. 335.

I25. Там же, с. 332, 333.

I26. О пропаганде и агитации. // КПСС в резолюциях... Т.I, с. I32.

I27. По вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП // Там же, с. I28.

I28. Об отколовшейся части партии. // Там же, с. I30.

I29. Keep S.L.H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 210-211.

I30. Schwarz S.M. The Russian Revolution of 1905. The Workers' Movement and the Formation of Bolshevism. and Menshevism. Chicago - London, 1967, p. 216-220.

I3I. Ibid, p. 220.

I32. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 333.

I33. Лядов М. Третий съезд РСДРП (I905 года) // Пролетарская революция, I922, № 3, с. 75-77.

I34. Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 258, 33I.

Заключение

I. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Полн.собр.соч. и писем. Т.I. М., I99I, с. 329.

2. См., напр.: Ерман М.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, с.40.

3. Аксельрод П.Б. Народная дума и рабочий съезд. 2-е изд. СПб., 1907, с.41-45. Созыв "рабочего съезда" и работа по его подготовке, по мнению автора, могли и должны были послужить "первыми этапами на пути превращения российской социал-демократии из партии революционной интеллигенции, идейно и политически влияющей на передовые элементы пролетариата... в непосредственно классовую партию пролетариата". Отмечая, что большевики исходили из представления о РСДРП как об организации уже "вполне пролетарской" и оспаривая этот взгляд, П.Б.Аксельрод настаивал на необходимости "коренной переустройки" ее "организационного здания" через созыв рабочего съезда.

4. Определяя осенью 1905 г. ряд мер по реорганизации партии в связи с ее переходом фактически к открытой деятельности, В.И.Ленин вновь делал упор на обеспечении численного превосходства рабочих в организациях РСДРП. Напоминая свою рекомендацию, высказанную на III съезде о соотношении рабочих и интеллигентов в комитетах восемь к двум, большевистский лидер подчеркивал: "Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов". (Ленин В.И. О реорганизации партии. //Полн.собр., соч., т.12, с.90 (примечание). А в 1908 г., констатируя, что происходит "перестройка партийных организаций на... классовом фундаменте", что партия вступила "на прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми интеллигентами" самих же рабочих", В.И.Ленин стремился показать, что данный факт - результат последовательной линии на построение

"непоколебимо прочного" ядра революционного и социал-демократического рабочего движения. (Ленин В.И. На прямую дорогу //Полн. собр.соч., т.I7, с.5,7).

5. Ленин В.И. УШ съезд РКП(б). Отчет Центрального Комитета. //Полн.собр. соч., т.38, с.I45.

6. Liebich A. I menscevichi di fronte alla costruzione dell'URSS // Storia del marxismo. Vol. III. Il marxismo nell'età della Terza Internazionale, parte II. Dalla crisi del 29 al XX congresso. Torino, 1981, p.132-133.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

I. ИСТОЧНИКИ

I.I. Публицистика[x)]

I. Аксельрод П.Б. Рабочее движение и социальная демократия. Женева, гр. "Освобождение труда", 1884, 148 с.

2. Аксельрод П.Б. Задачи рабочей интеллигенции в России. Изд. 2-е. Женева, изд. гр. "Освобождение труда", 1893, 17 с.

3. Аксельрод П.Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, изд. Союза русских социал-демократов, 1898, 34 с.

4. Аксельрод П.Б. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России. Женева, изд. РСДРП, 1898, 34 с.

5. Аксельрод П.Б. Послесловие - Об агитации. Женева, Изд. Союза русских социал-демократов, 1896, с. 27-43.

6. Аксельрод П.Б. Предисловие. - Ленин Н. Задачи русских социал-демократов. Женева, изд. РСДРП, 1898, с. I-5.

7. Аксельрод П.Б. Письмо в редакцию "Рабочего дела". Женева, Союз русских социал-демократов, 1899, 22 с.

8. Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. 2-е доп. изд. СПб, изд. М.М.Дружининой и А.Н.Максимовой, 1907, 128 с.

---

x) К данному подразделу отнесены брошюры, статьи, сообщения, рецензии и т.п. материалы российских авторов, увидевшие свет на родине или за границей. Исключение составляют отдельные работы, написанные, но не изданные в исследуемый период, анализ которых важен для понимания авторской концепции.

9. Аксельрод П.Б. Народная дума и рабочий съезд. Женева, "Искра", 1905, 15 с.

10. Аксельрод П.Б. К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий. Искра, 1904, № 68, 25 июня.

11. Аксельрод П.Б. Письмо к товарищам рабочим.(Вместо предисловия).- Рабочий. Рабочие и интеллигенты в наших организациях. Женева, изд. РСДРП, с. 3-16.

12. Аксельрод П.Б. Народная дума и рабочий съезд. 2-е изд. СПб., "Новый мир", 1907, 55 с.

13. Белорусс М. Рабочие и интеллигенция. Женева, изд. Г.А.Куклина, 1904, 59 с.

14. Бердяев Н. Критика исторического материализма. - Мир божий, СПб., 1903, октябрь, отдел первый, с. 1-30.

15. Бердяев Н. Философия и жизнь. Дневник публициста. - Новый путь, СПб., 1904, октябрь, с. 278-295.

16. Богданов А.А. (Рядовой). Наконец-то! - Галерка и Рядовой. Наши недоразумения. Изд. авторов. Женева, Кооперат. типограф., 1904, с. 33-38.

17. Богданов А.А. (Рядовой). Роза Люксембург против Карла Маркса. - Галерка и Рядовой. Наши недоразумения, с. 46-59.

18. Богданов А.А. (Рядовой). Один из выводов. - Наши недоразумения, с. 60-71.

19. Богданов А.А. (Рядовой). Либералы и социалисты. Женева, изд. РСДРП, 32 с.

20. Богданов А.А. (Иванов). Организационный вопрос. - "Вперед", № 13, 5 апреля (23 марта), 1905 г.

21. Величко В. Русские речи. I Интересное время. - Русский вестник, СПб., 1902, май, с. 115-131.

22. Величко В. Русские речи. УП. Исход. - Русский вестник. СПб., I902, ноябрь, с. 249-276.

23. Величко В. Русские речи. IX. Вопрос о рабочих. - Русский вестник, I903, январь, с. 244-26I.

24. Вольский А. (Махайский В.К.). Умственный рабочий, ч. I. Эволюция социал-демократии. Женева, I905, XXIУ, 88 с..

25. Вольский А. (Махайский В.К.). Умственный рабочий, ч. П. Научный социализм. Женева, I905, 80 с.

26. Вольский А. (Махатский В.К.). Умственный рабочий, ч. Ш, вып. I. Социализм и рабочее движение в России. Женева, I904, 65 с.; вып. П. Социалистическая наука как новая религия. Женева, I905, 32 с.

27. Воровский В.В. Письмо в редакцию журнала "Жизнь". - Соч. т. I, М., Партиздат, I933, с. I58-I73.

28. Воровский В.В. (Орловский). Совет против партии. - т. I, с. 223-265.

29. Воровский В.В. Плоды демагогии. - т. I, с. 274-28I.

30. Воровский В.В. Социал-демократия и рабочая масса. - т. I, с. 288-308.

3I. Воровский В.В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? - Соч., т. П, М., Партиздат, I93I, с. 3-I9.

32. Воровский В.В. "Мятущиеся"и "Мечущиеся".-т.П,с.20-29.

33. (Громозова Л.К.). Речь Людмилы Громозовой. Женева, изд. В.Д.Бонч-Бруевича и Н.Ленина, I904, 7 с.

34. (Дан Ф.И.). Доклад делегации Российской социал-демократической партии Амстердамскому социалистическому конгрессу (I4-20 августа I904 г.). Изд. РСДРП. Женева, I904, I08 с.

35. Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды. - Сб. статей В.И. Засулич, т.2. СПб, изд. Библиотеки для всех О.И.Рутенберг, 1907, с. I-54.

36. Засулич В.И. Через 16 лет - Сб. статей В.И.Засулич, т.2, с. 55-64.

37. Засулич В.И. Элементы идеализма в социализме. - Сб. статей В.И.Засулич, т.2, с. 313-314.

38. Засулич В.И. Революционное студенчество. - Сб. статей В.И.Засулич, т.2, с. 427-438.

39. Зеленский Е.О. (Л.Надеждин). Положение вынуждает (Об "Искре" в полемике с Петербургской Рабочей организацией и группой "Свобода").(Женева) Изд. группы "Свобода" (1902), 36 с.

40. Зеленский Е.О. (Л.Надеждин) - Возрождение революционизма в России. 2-е изд. Женева, изд. группы "Свобода", 1903, 127 с.

41. И.[x] Рабочий вопрос и революция. - Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение. № I. Женева - Париж, июль 1901 г., с. 244-260.

42. И.[x] Рабочее движение и революционная интеллигенция - Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение. № 2. Женева - Париж, февраль 1902 г., с. 211-231.

43.(Иваншин В.)Организационные вопросы русского рабочего движения. - Рабочее дело, Женева, № 7, август 1901 г., с.I-22.

44. Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа. - Образование, 1904, № I, отдел второй, с. 78-94.

---

x) Нераскрытый псевдоним.

45. Как рождалась партия большевиков. Литературная полемика 1903-1904 гг. Сборник. Л., Прибой, 1925, 536 с.

46. Кольцов Д. Рабочие и интеллигенция. - Работник, № 5-6. Женева, изд. Союза русских социал-демократов, 1898, с.143-158.

47. Кремер А. Об агитации. Женева, изд. Союза русских социал-демократов. Женева, 1896, 43 с.

48. Кричевский Б. Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении.- Рабочее дело. Женева, № 7, август 1901, с. 1-22.

49. Кричевский Б. - Принципы, тактика и борьба. - Рабочее дело, Женева, № 10, сентябрь 1901, с. 1-36.

50. (Кускова Е.Д.). Письмо к Аксельроду одного из авторов брошюры против группы "Освобождение труда". - Vademecum для редакции "Рабочего дела". Сб. материалов, изданный группой "Освобождение труда". Женева, тип. Группы старых народовольцев, 1900, с. 17-27.

51. (Кускова Е.Д.). Credo. В кн.: Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. - ПСС, т.4, с. 165-169.

52. Лазарев Е. По поводу одного раскола. - Накануне, Лондон, 1900, № 17 и 18, июнь, с. 208-210.

53. Лазарев Е. Раскол в русской социал-демократической партии (Письмо в редакцию) - Накануне, Лондон, 1900, № 15, апрель, с. 183-184; № 16, май, с. 194-196.

54. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи"Русского богатства"против марксистов) - ПСС, т. 1, с. 125-346.

55. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П.Струве: "Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России". СПб. 1894. - т. I, с. 347-534.

56. Ленин В.И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. - т. 2, с. 81-110.

57. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов.- т.2, с.433-470.

58. Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся. - т.2, с.505-550.

59. Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. - т.4, с. 163-176.

60. Ленин В.И. Наша программа. - т.4, с.182-186.

61. Ленин В.И. Наша ближайшая задача. - т.4, с. 187-192.

62. Ленин В.И. Насущный вопрос. - т.4, с.193-198.

63. Ленин В.И. Рецензия. Karl Kautsky. Bernstein und das sozial-democratische Programm. Eine Antikritik. - т.4, с.88-94.

64. Ленин В.И. Проект программы нашей партии - т.4, с.211-239.

65. Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии - т.4, с.240-273.

66. Ленин В.И. По поводу "Profession de foi" - т.4, с. 310-321.

67. Ленин В.И. Проект заявления редакции "Искры" и "Зари" - т.4, с. 322-333.

68. Ленин В.И. Заявление редакции "Искры". От редакции. - т.4, с.354-360.

69. Ленин В.И. Предисловие к брошюре "Майские дни в Харькове" - т.4, с. 363-370.

70. Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения - т.4, с.371-377.

71. Ленин В.И. Отдача в солдаты 183-х студентов - т.4, с.391-396.

72. Ленин В.И. С чего начать? - т. 5, с.1-13.

73. Гонители земства и Аннибалы либерализма - т.5, с. 21-72.

74. Ленин В.И. Внутреннее обозрение - т.5, с. 295-347.

75. Ленин В.И. Беседа с защитниками "экономизма". - т.5, с. 360-367.

76. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. - т.6, с.1-192.

77. Ленин В.И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? - т. 6, с. 372-376.

78. Ленин В.И. Революционный авантюризм - т 6, с.377-398.

79. Ленин В.И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах - т. 7, с.1-32.

80. Ленин В.И. К учащимся средних школ - т.7, с.66.

81. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. Письмо первое - т. 7, с. 341-356.

82. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) - т.8, с.185-414.

83. Ленин В.И. Чего мы добиваемся? (К партии) - т.9, с. I-I2.

84. Ленин В.И. К партии- т.9, с.I3-2I.

85. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н.Ленина Розе Люксембург - т.9, с.38-65.

86. Ленин В.И. Соловья баснями не кормят - т.9, с.I60-I66.

87. Ленин В.И. Рабочая и буржуазная демократия - т.9, с. I79-I89.

88. Ленин В.И. От народничества к марксизму. Статья первая - т.9, с. I90-I97.

89. Ленин В.И. Должны ли мы организовать революцию? - т.9, с. 264-273.

90. Ленин В.И. О созыве Ш партийного съезда. От редакции - т.9.

9I. Ленин В.И. Новые задачи и новые силы - т.9, с. 294-306.

92. Ленин В.И. Извещение о Ш съезде Российской социал-демократической рабочей партии - т.I0, с.205-209.

93. Ленин В.И. Революция учит - т. II, с.I33-I43.

94. Ленин В.И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата - т. II, с.I96-208.

95. Ленин В.И. О реорганизации партии - т. I2, с.83-93.

96. (Лядов М.Н.) Материал к выяснению партийного кризиса Российской социал-демократической рабочей партии. Доклад Амстердамскому международному социалистическому кон-

грессу. - Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в 1904 г. - М. Госполитиздат, 1963, 111 с.

97. Мартов Ю.О. Рабочее дело в России. Женева, Союз русских социал-демократов, 1899, 90 с.

98. Мартов Ю.О. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции.- Заря, 1901, № 2-3, с. 180-203.

99. Мартов Ю.О. Борьба с "осадным положением" в Российской социал-демократической рабочей партии,изд.РСДРП., 1904, 96 с.

100. Мартов Ю.О. Вперед или назад? Женева, изд. РСДРП, 1904, 32 с.

101. Мартынов А.С. Очередные вопросы. - Рабочее дело, Женева, № 9, май 1901 г. с.42-75.

102. Мартынов А.С. Обличительная литература и пролетарская борьба.- Рабочее дело, Женева, № 10, сентябрь 1901 г., с. 37-63.

103. Мартынов А.С. Социал-демократия и рабочий класс. Два течения в русской социал-демократии. Женева, изд. Союза русских социал-демократов, 1901, 32 с. (Приложение к № 11 "Рабочего дела").

104. Ольминский М.С. (Галерка). Долой бонапартизм. Женева, Кооперат.типогр., 1904, 23 с.

105. Ольминский М.С. (Галерка) На новый путь. Женева, Кооперат.типогр., 1904, 53 с.

I06. Ольминский М.С. и Богданов А.А. (Галерка и Рядовой). Наши недоразумения. Женева, кооперат. типогр. I904, 93 с.

I07. Ольминский М.С. Борьба за партию после II съезда РСДРП (Сборник статей I904-I905 гг.). М., Партиздат, I933, 2I2 с.

I08. Ответ редакции "Рабочее дело" на "Письмо" П.Аксельрода и "Vademecum" Г.Плеханова. Женева, Изд. Союза русских социал-демократов, I900, 80 с.

I09. Пешехонов А.В. (Новобранцев П.) Основные вопросы русской революционной программы. - Революционная Россия, I903, № 32, I5 сентября, с. 4-7; № 33, I октября с. 6-8.

II0. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. - Соч., т.II, М.-Пг.,Госиздат, I923, с. 27-88.

III. Плеханов Г.В. Наши разногласия, - т.II, с.89-356.

II2. Плеханов Г.В. Программа социал-демократической группы "Освобождение труда" - т.II, с. 357-362.

II3. Плеханов Г.В. Современные задачи русских рабочих (Письмо к петербургским рабочим кружкам) - т.II, с.363-372.

II4. Плеханов Г.В. Второй проект программы русских социал-демократов - т.II, с.400-404.

II5. Плеханов Г.В. Как добиваться конституции? (Разговор конституционалиста с социал-демократом). - Соч., т.Ш, М.-Л., Госиздат, I928, с. I2-30.

II6. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л.Тихомирова (Ответ на брошюру "Почему я перестал быть революционером"). - т.Ш, с. I5-82.

II7. Плеханов Г.В. Политические задачи русских социалистов - т.Ш, с.84-96.

II8. Плеханов Г.В. Предисловие к речи П.Алексеева - т.Ш, с.II3-II7.

II9. Плеханов Г.В. Еще раз о принципах и тактике русских социалистов - т.Ш, с. II8-I2I.

I20. Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении - т.Ш, с. I22-207.

I2I. Плеханов Г.В. Предисловие к четырем речам рабочих - т.Ш, с.208-2I5.

I22. Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение. I, П, Ш - т.Ш, с. 2I6-3I2.

I23. Плеханов Г.В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России (Письма к молодым товарищам). Письмо первое. - т.Ш, с.358-424.

I24. О социальной демократии в России. (Письмо к польским издателям "Истории революционных движений в России" А.Туна. - Соч., т. IX. М.-Пг.,Госиздат, I924, с. 5-29.

I25. Плеханов Г.В. Предисловие к "Vademecum" для редакции "Рабочего дела". - Соч., М., Госиздат, I925, т.XП, с.3-42.

I26. Плеханов Г.В. На пороге двадцатого века - т.XП, с.62-66.

I27. Плеханов Г.В. Еще раз социализм и политическая борьба - т.XП, с. 67-I02.

I28. Плеханов Г.В. Новое вино в старых мехах - т.XП, с.II7-I25.

I29. Плеханов Г.В. О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада,в частности,и о тактике Б.Кричевского в особенности - т.XП, с.I26-I36.

130. Плеханов Г.В. Что же дальше? - т.XII, с.137-178.

131. Плеханов Г.В. Комментарий к проекту программы РСДРП - т.XII, с.205-232.

132. Плеханов Г.В. Ортодоксальное буквоедство - т.XII, с.371-410.

133. Плеханов Г.В. Красный съезд в красной стране - т.XII, с. 451-460.

134. Плеханов Г.В. Объявление о возобновлении изданий группы "Освобождение труда" (в соавторстве с П.Б.Аксельродом) - т.XII, с.517-522.

135. Плеханов Г.В. Чего не делать. - Соч., т. XIII. М.-Л., Госиздат, 1926, с.3-10.

136. Плеханов Г.В. Замечания к письму уфимцев и уральцев (От редакции "Искры") - т.XIII, с.57-58.

137. Плеханов Г.В. Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция - т.XIII, с.116-140.

138. Плеханов Г.В. О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом (Письмо к Центральному Комитету). - т.XIII, с.169-187.

139. Плеханов Г.В. Враждующие между собой братья - т.XIII, с.305-319.

140. Подарский В.Г. Наша тек ая жизнь. - Русское богатство, СПб, 1908, № 4, отдел второй, с.92-124.

141. Подарский В.Г. Текущая жизнь.- Русское богатство, СПБ, 1903, № 11, отдел второй, с.102-133.

142. Поссе В.А. Проект программы Русской социал-демократической рабочей партии, предложенный на обсуждение товарищей В.А.Поссе. Женева, социал-демократич.организация "Жизнь", 1903, 8 с.

I43. Поссе В.А. Теория и практика пролетарского социализма. Женева. Изд. Г.А.Куклина, I905, 95I с.

I44. Потресов А.Н. Что случилось? - А.Н. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Сб.статей СПб, изд-во О.Н.Поповой, I906, с. I48-I79.

I45. Потресов А.Н. Современная весталка - Этюды о русской интеллигенции, с. I80-2I8.

I46. Потресов А.Н. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии, Этюды русской интеллигенции,с.253-3I3.

I47. (Прокопович С.Н.) Ответ на брошюру Аксельрода "К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов - "Vademecum" для редакции "Рабочего дела". Сб. материалов, изданный группой "Освобождение труда". Женева, тип. Группы старых народовольцев, I900, с.37-60.

I48. Приложение к рабочей социал-демократической газете - журналу "Отклики", № I, декабрь I902 г. Женева, тип. группы "Свобода", 30 с.

I49. Рабочий. Рабочие и интеллигенты в наших организациях. Женева, изд. РСДРП, I904, 56 с.

I50. Рязанов Д.Б. Новая программа "Рабочего дела". Женева, изд. гр. "Борьба", I902, 54 с.

I5I. Рязанов Д.Б. Проект программы "Искры" и задачи русских социал-демократов. Женева, изд. гр. "Борьба", I903, 302 с.

I52. Рязанов Д.Б. Разбитые иллюзии. К вопросу о причинах кризиса в нашей партии. Женева, изд. автора, I904, II8 с.

I53. Рязанов Д.Б. Очередные вопросы нашего движения. Женева, I905.

I54. Савинков Б.Н. (Б-в). Петербургское движение и практические задачи социал-демократии.- Рабочее дело, Женева, № 6, апрель I900, с.28-42.

I55. Скиф Н. Интеллигенция и церковь. - Русский вестник, СПб., I903, июнь, с. 653-673; июль, с.27I-297.

I56. Соколов Н.М. Россия, Европа и человечество. - Русский вестник, СПб., I904, октябрь, с.627-696.

I57. Соколов Н.М. - Логика и психология современных понятий о человечестве и науке. - Русский вестник, СПб., I904, ноябрь, с.2I6-264.

I58. Соколов Н.М. Логина и психология современной интеллигенции. - Русский вестник, СПб., I904, ноябрь, с. 676-727.

I59. Сталин И.В. Коротко о партийных разногласиях. - Соч., т.I, М., Госполитиздат, с.89-I30.

I60. Сталин И.В. Ответ "Социал-демократу" - т.I, с.I60-I72.

I6I. Стеклов Ю. (Невзоров Ю.). Отказываемся ли мы от наследства? К вопросу об историческом подготовлении русской социал-демократии (Страничка из истории русской революционной мысли. Женева, РСДРП, I902, II6 с.

I62. Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып.I. СПб., тип. И.Н.Скороходова, I894, 29I с.

I63. Струве П.Б. На разные темы (I893-I90I гг.) Сб.статей. СПб., тип А.Е.Колпинского, I902, 555 с.

I64. Тахтарев К.М. (Петербуржец). По поводу петербургской стачки. Работник № 3 и 4. Женева, изд. Союза русских социал-демократов, I897, отдел первый, с.Ш-ХУI.

165. Тахтарев К.М. (Петербуржец). Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Лондон, изд. социал-демократической организации "Жизнь", 1902, 112 с.

166. Тернавцев В.А. Русская церковь перед великой задачей. Новый путь, СПб, 1903, № 1, отдел "Записи религиозно-философского собрания в Санкт-Петербурге", заседание 1, с.5-22.

167. Троцкий Л.Д. Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы). Женева, изд. РСДРП, 1904, 107 с.

168. Туган-Барановский М.И. Что такое общественный класс? - Мир божий, СПб, 1904, январь, с. 64-72.

169. Устинов Е. Что такое социалистическая нравственность? (По поводу современных этических шатаний) - Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение № 4, Женева - Париж, март 1905, с.138-186.

170. Череванин Н. Организационный вопрос. Женева, изд. РСДРП, 1904, 56 с.

171. Чернов В. (Гарденин Юрий). Открытое письмо редакции "Студента". - Студент, революционно-социалистический студенческий орган, 1903, сентябрь, № 2-3, с.38-41.

172. Шишко Л.К. вопросу о роли интеллигенции в революционном движении (из заметок и воспоминаний старого народника - Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение № 2. Женева - Париж, февраль 1902г., с. 89-121.

173. Эволюция русской социалистической мысли. - Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение № 3. Женева- Париж. Март 1903 г., с. 1-36.

I.2. Периодические и продолжающиеся издания

I74. Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение. Женева - Париж, I90I-I905, № I-4.

I75. Вперед.Женева I905. № I-I8.

I76. Заря. Социал-демократический научно-популярный журнал. Штутгарт, I90I-I902, № I-4.

I77. Искра. Орган Российской социал-демократической рабочей партии. Лейпциг-Мюнхен-Лондон-Женева, I900-I905, № I-II2.

I78. Мир божий. СПб. I903-I904.

I79. Накануне. Социально-революционное обозрение. Лондон, I899-I902, №№ I-37.

I80. Новый путь. СПб, I903-I904.

I8I. Образование. СПб, I904.

I82. Освобождение. Штутгарт - Париж, I902-I905, № I-79.

I83. Работник. Непериодический сборник. Изд. Союза русских социал-демократов за границей. Женева, I896-I899, № I-6.

I84. Листок "Работника". Орган "Союза русских социал-демократов за границей". Женева, I896-I898, №№ I-8.

I85. Рабочая мысль. Орган Санкт-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. СПб, I897-I902, №№ I-I6.

I86. Рабочее дело. Орган Союза русских социал-демократов. Женева I899-I902, №№ I-I2.

I87. Листок "Рабочего дела", Женева, I90I-I902, №№ I-8.

I88. Революционная Россия. Куоккала - Томск - Женева, I900-I905, №№ I-76.

I89. Русский вестник. СПб, I900-I904.

I90. Русское богатство, СПб, I902-I903.

I9I. Свобода. Издание революционно-социалистической группы. Женева, I90I-I902, № I-2.

I92. Студент. Революционно-социалистический студенческий орган. Цюрих, I903, № I-3.

I93. Южный Рабочий Екатеринослав и др. I900-I903, №№ I-I2.

x x
x

I94. Былое, Пг.-д, I9I7.

I95. Красная летопись, Пб., I922.

I96. Красный архив, М., I926.

I97. Пролетарская революция. М., I92I, I926.

I.3. Документы. Подготовительные материалы. Переписка.

I98. Два документа из истории зубатовщины. Красный архив, I926, т. УI(XIX), с. 2I0-2II.

I99. Бухбиндер Н.А. Еврейское рабочее движение в Гомеле. (I890-I905 гг.). По неизданным архивным материалам. Красная летопись. Пб., I922, № 2-3, с.38-I02 (содержит тексты полицейских документов).

200. К истории зубатовщины в Москве (по протоколам зубатовских совещаний) - История пролетариата СССР. М., I930, № 2, с. I69-I98. (Содержит тексты и выдержки из полицейских документов).

20I. Воровский В.В. Письма А.Н.Потресову (I899-I90I). - Соч., т. I. М., Партиздат, I933, с.397-4I0.

202. Второй съезд РСДРП. Июль-август I903 года. Протоколы. М., Госполитиздат, I959, 850 с.

203. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.I. I898-I9I7 г. 9-е изд. М., Политиздат, I983, 638 с.

204. Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., Красная новь, 72 с. (содержит тексты,выдержки из полицейских документов).

205. Ленин В.И. Письмо "Северному Союзу РСДРП" - ПСС, т.6, с.360-370.

206. Ленин В.И. Проекты резолюций ко II съезду РСДРП. Проект резолюции о пропаганде. Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи. Проект резолюции о партийной литературе - ПСС, т.7, с. 252, 253, 255.

207. Ленин В.И. Общий план работ и решений Ш съезда РСДРП - т.9, с.3II-324.

208. Ленин В.И. Лаврову В.И. и Стасовой Е.Д. от 27 декабря I902 г. - т.46, с. 209, 245-246.

209. Ленин В.И. Бабушкину И.В. от 6 января I903 г. - т.46, с.249-250.

2I0. Ленин В.И. Стасовой Е.Д. от I5 января I903 г. - т. 46, с. 253-254.

2II. Ленин В.И. Харьковскому комитету РСДРП от I5 января I903 г. - т.46, с.254-255.

2I2. Ленин В.И. Ленгнику Ф.В. от февраля I903 г. - т.46, с.269-275.

2I3. Ленинский сборник, т. У. М.-Л., I929.

2I4. Ленинский сборник, т. ХУI. М.-Л., I934.

2I5. Листовки петербургских большевиков. I902-I9I7. т.I. Л., Госполитиздат, I939. 566 с.

216. Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896-1904. Киев, Госполитиздат УССР, 1963, 843 с.

217. Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958, 336 с.

218. Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг. Тт. 1-3. М., Мысль, 1969-1970.

219. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1903-1905 гг. Тт. 1-3. М., Мысль, 1974-1977.

220. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905-1907 гг. Тт. 1 (кн. 1 и П), 2 (кн. 1 и П). М., Мысль, 1979-1982.

221. Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. М.-Л., Госиздат, 1928, 410, с. 217.

222. Сталин И.В. Письмо из Кутаиса. Письмо из Кутаиса того же товарища. - Соч., т. 1. М., Госполитиздат, 1949, с. 56-61.

223. Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959, 783 с.

224. Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955, 720 с.

225. Центральный партийный архив. ф. 17 (ЦК РСДРП), оп. 1, д. 91, 99, 239, 328, 332, 358, 391.

I.4. Европейская социалистическая мысль

226. Бебель А. Академики и социализм. Речь, произнесенная на студенческом собрании в Берлине I7 декабря I897 г. СПб., изд. "Рабочая мысль", I899, 24 с.

227. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М., Политиздат, I99I, 560 с.

228. Каутский К. Интеллигенция и пролетариат. Одесса, "Демос", I905, 46 с.

229. Каутский о наших партийных разногласиях. - Искра, I904, № 66, I5 мая.

230. Каутский К. Американский и русский рабочий. СПб., "Земля", I906, 76 с.

23I. Каутский К. Интеллигенция и социал-демократия. СПб., "Новый мир", I906, с. 40.

232. Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии - Искра , I904, № 69, I0 июля.

233. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии - Соч., т.4, с. 4I9-459.

234. Маркс К. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих - т.I6, с.3-II.

235. Маркс К. Временный Устав товарищества. - т.I6, с.I2-I5.

236. Запись беседы К.Маркса с корреспондентом газеты "The World". - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I7, с.633-637.

237. Маркс К. Резолюции о расколе в федерации Соединенных Штатов, принятые на заседании Генерального Совета Международно-

го товарищества рабочих. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I8, с. 47-49.

238. Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо А.Бебелю, В.Либкнехту, В.Бракке и др. - Соч., т. I9, с. I6I-I75.

239. Парвус А. Итоги и перспективы. Искра, I905, № 85, 27 января.

240. Парвус А. После войны. - Россия и революция. СПб., Изд. Глаголева, б/г, с. I82-I97.

24I. Энгельс Ф. Партия рабочих. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I9, с. 286-288.

242. Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов. - т. 2I, с. 2I4-232.

243. Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке. Предисловие к американскому изданию "Положения рабочего класса в Англии". - т. 2I, с. 345-353.

244. Энгельс Ф. Ответ редакции "Sachsische Arbeiter Zeitung ". В редакцию газеты "Социал-демократ". - т. 22, с. 73-75.

245. Энгельс Ф. Международному конгрессу студентов-социалистов. - т. 22, с. 432.

246. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. - т. 22, с. 50I-525.

247. Энгельс Ф. Интервью Ф.Энгельса корреспонденту французской газеты " Le Figaro" - т. 22, с. 559-564.

248. Письма Ф.Энгельса: - Э.Бернштейну от I3 сентября I882 г. - т. 35, с. 298-30I.

249. Ф.Энгельс – Э.Бернштейну от 27, 28 февраля и I марта I883 г. – т. 35, с. 370-375.

250. Ф.Энгельс А.Бебелю от 22-24 июня I885 г. – т. 36, с. 286-288.

25I. Ф.Энгельс Ф.А.Зорге от 29 ноября I886 г. – т. 36, с. 488-49I.

252. Ф.Энгельс К.Шмидту от 5 августа I890 г. – т. 37, с. 369-372.

253. Ф.Энгельс О.Бёнигку от 2I августа I890 г. – т. 37, с. 380-38I.

254. Ф.Энгельс А.Бебелю от 9-I0 ноября I89I г. – т. 38, с. I8I-I86.

255. Ф.Энгельс – П.Штумпфу от 3 января I895 г. – т. 39, с. 303-305.

I, 5. Мемуары

256. Бонч-Бруевич В.Д. На заре революционной пролетарской борьбы (по личным воспоминаниям). М., I932.

257. Валентинов Н. Мои встречи с Лениным. Н.-Й., I953.

258. Воспоминания о П съезде РСДРП. М., Госполитиздат, I959, I59 с.

259. Засулич В. Воспоминания. М., Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, I93I, I59 с.

260. Зубатовщина. Неопубликованная статья С.В.Зубатова (I9I3 г.). – Былое, I9I7, № 4(26), с. I57-I78.

26I. Лядов М.Н. Из жизни партии в I903-I907 годах. (Воспоминания). М., Госполитиздат, I956, 224 с.

262. Мартынов А.С. Воспоминания из эпохи П съезда РСДРП. М., I934, II0 с.

263. Мицкевич С.И. Революционная Москва. 1888-1905. М., ГИХЛ, 1940, 494 с.

264. Ольминский М.С. Из прошлого. Изд. 2-е. М., Госизд., 1922, 84 с.

265. Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864-1917 гг.). М.-Л., "Земля и фабрика", 1929, 548 с.

266. Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М., Госполитиздат, 1960, 128 с.

П. ЛИТЕРАТУРА

П.I. Исторические, философско-исторические, историко-публицистические труды

267. Акимов В. (Махновец В.П.). Очерк развития социал-демократии в России. Спб., изд-во Н.Поповой, 1906, 170 с.

268. Арсеньев К., Гредескул Н., Ковалевский М., Милюков П., Овсяннико-Куликовский Д., Петрункевич И., Славинский М., Туган-Барановский М. Интеллигенция в России. Сборник статей. СПб., "Земля", 1910, XУI, 258 с.

269. Батурин Н. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906, 126 с.

270. Батурин Н. О влиянии мелкой и крупной буржуазии на рабочее движение (ответ тов.Лелевичу). - Соч., М.-Л., Госиздат, 1930, с. 365-373.

271. Батурин Н. Памяти "махаевщины". - Соч., М.-Л., Госиздат, 1930, с. 352-354.

272. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. М., "Наука", 1990, 224 с.

273. Бердяев Н. Судьба России. М., Советский писатель, 1990, 347 с.

274. Блинов Н.В. Полемика нуждается в продолжении. Письмо в редакцию. - Вопросы истории, 1989, № 1, с. 181-182.

275. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, М.О.Гершензона, А.С.Изгоева, Б.А.Кистяковского, П.Б.Струве, С.Л.Франка. М., 1909, 209 с.

276. "Вехи" как знамение времени. Сб. статей. М., 1910.

277. Волин М.С. Ленинская "Искра" (1900-1903 годы). - М., Политиздат, 1964, 253 с.

278. Волин М.С. К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции. - Революция 1905-1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., Политиздат, 1976, с.171-182.

279. Галкин А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития. - Коммунист, 1990, № 18, с.23-33.

280. Георгиева Н.Г. Современная историография студенческого движения в России на рубеже XIX-XX вв. - Вопросы истории, 1979, № 10, с.124-131.

281. Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., "Мысль", 1971, 264 с.

282. Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. - История СССР, 1963, № 1, с.161-177.

283. Ерман Л.К. Работа революционной социал-демократии среди народных учителей в период борьбы за создание большевистской партии. - Советская педагогика, 1963, № 7, с.121-132.

284. Ерман Л.К. - Интеллигенция в первой русской революции. М., "Наука", 1966, 373 с.

285. Ерман Л.К. В.И.Ленин об интеллигенции при капитализме, ее роли в демократической и социалистической революциях. - Вопросы истории КПСС, 1969, № 11, с.49-63.

286. Ерман Л.К. В.И.Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революции, в строительстве социализма и коммунизма. М., "Знание", 1970, 46 с.

287. Зотова З.М. Ленинская концепция пролетарской партии: идейно-теоретическая борьба в российской социал-демократии (1894-1904 гг.). М., изд.АОН, 1989, 261 с.

288. Ерофеев Н.Д. Численность и состав социал-демократов, привлекавшихся к дознаниям в 1892-1902 гг. - Вопросы истории КПСС, 1990, № 11, с.118-133.

289. Жордания Н. Большевизм. Берлин, 1922.

290. Зиновьев Г.Е. История Российской коммунистической партии (большевиков). Популярный очерк. М. - Пг., 1923.

291. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX - начале XX веков. М., Наука, 1991, 392 с.

292. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни. Т.1-2, СПб, тип М.М.Стасюлевича, 1907.

293. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., "Новости", 1991, 344 с. (перепечатка с изд.1918 г.).

294. Интеллигенция и революция. (Сб.ст.). М., Наука, 1985, 335 с.

295. Интеллигенция: что о ней думают и говорят сегодня. Ин-т междунар. рабочего движения АН СССР. М., 1989, 70 с.

296. История Коммунистической партии Советского Союза. Т.1. М., Политиздат, 1964, LIУ, 633 с.

297. История Коммунистической партии Советского Союза. Т.2. М., Политиздат, 1966, XП, 775 с.

298. История СССР. С древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т.5. М., Наука, 1968, 7-31 с.

299. История СССР. С древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т.6. М., Наука, 1968, 854 с.

300. Клямкин И. Какая улица ведет к храму. - Новый мир, 1987, № 11, с.150-188.

301. Клямкин И. Марксизм и сталинизм. - Драма обновления. М., 1990, с.280-304.

302. Красин Ю.А. Ленинское наследие: потребность в новом видении. - Мировая экономика и международные отношения, 1990, № 4, с.5-15.

303. Красин Ю.А. Марксизм и современность. - Коммунист, 1991, № 1, с.18-29.

304. Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы "Освобождение труда". М., Мысль, 1983, 268 с.

305. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., "Мысль", 1971, 368 с.

306. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., "Мысль", 1981, 285 с.

307. Ленин В.И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Т.19, с.358-376.

308. Ленин В.И. Наши упразднители. - Т.20, с.114-133.

309. Ленин В.И. Как В.Засулич убивает ликвидаторство. - Т.24, с.22-44.

310. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России. - Т.25, с.93-101.

311. Ложкин В.В. Рабочие революционеры в борьбе за создание ленинской партии. 1894-1903 гг. М., 1986.

312. Ложкин В.В. Состав рабочих социал-демократов и их роль в создании ленинской партии. - Вопросы истории, 1983, № 7, с.64-80.

313. Ложкин В.В., Шацилло К.Ф. По поводу статьи А.В.Ушакова Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции. - Вопросы истории, 1988, № 5, с.142-147.

314. Луначарский А.В. Об интеллигенции. Сб. статей. М., Красная новь, 1923.

315. Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., Новая Москва, 1924, 75 с.

316. Лядов М.Н. История Российской социал-демократической рабочей партии. Ч.I и II. СПб., 1906.

317. Лядов М.Н. Третий съезд РСДРП (1905 года). - Пролетарская революция, 1922, № 3, с.62-79.

318. Мартов Ю.О. (Егоров А.). Зарождение политических партий и их деятельность. - Общественное движение в России в начале XX-го века. Т.I. СПб, типография тов-ва "Общественная польза", 1909, с.372-421.

319. Мартов Ю.О. (Л. М-ов). Социал-демократия 1905-1907 гг. - Общественное движение в России в начале XX-го века, т.III, кн.5. СПб., 1914, с.537-643.

320. Мартов Ю.О. История Российской социал-демократии. Пг., Книга,1918, 236 с.

321. Мартынов А.С. Главнейшие моменты в истории русского марксизма. - Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., типогр. "Общественная польза", 1910, с.285-339.

322. Невский В. Очерки по истории Российской коммунистической партии. Т.I. Изд. 2-е. Л., "Прибой", 1925, 708 с.

323. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. В 3-х томах. Т.I. Л., Лениздат, 1980, 517 с.

324. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., Наука, 1986, 370 с.

325. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Изд 2-е. М.-Л., 1927, 200 с.

326. Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России 1883-1894 гг. М., изд-во АН СССР, 1959, 568 с.

327. Потресов А.Н. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. - Общественное движение в России в начале XX-го века. Т.I. СПб., типогр. тов-ва "Общественная польза", 1909, с.538-640.

328. Соскин В.Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, Наука, Спб., отд., 1973, 108 с.

329. Степанский А.Д. Вопрос о составе интеллигенции конца XIX - начала XX вв. в советской историографии - Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989, с.15-22.

330. Степанский А.Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX-XX веков. - Исторические записки. Т.109. М., 1983, с.64-94.

331. Степанский А.Д. Пролетариат и организации демократической интеллигенции на рубеже XIX-XX веков. - Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. М., 1981, с.140-158.

332. Сыркин Л. Махаевщина. М.-Л., 1930.

333. Тарновский К.Н. Революционная мысль, революционное дело. Ленинская "Искра" в борьбе за создание марксистской партии в России. М., "Мысль", 1983, 270 с.

334. Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904. - М., Мысль, 1976, 236 с.

335. Ушаков А.В. Интеллигенция России в период буржуазно-демократических революций (профессиональный и политический состав). - Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. М., 1984, с.3-22.

336. Ушаков А.В. Гегемония пролетариата в студенческом движении России (1895-1904). - Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. М., 1986, с.55-69.

337. Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции. - Вопросы истории, 1986, № 10, с.37-55.

338. Ушаков А.В. Социал-демократическая пропаганда среди демократической интеллигенции (1895-1904 гг.). - Вопросы истории КПСС, 1990, № 6, с.53-63.

339. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. - Г.Федотов. Новый град. Сб. статей. Нью-Йорк, 1952, с.9-58.

340. Федотов Г.П. И есть, и будет. Размышления о России и революции. Париж, 1932.

341. Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. - М., Мысль, 1965, 255 с.

342. Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., Наука, 1972, 471 с.

343. Федюкин С.А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции. - Вопросы истории, 1980, № 9, с.17-31.

344. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., Политиздат, 1983, 238 с.

345. Филатов В.П. Об общем и особенном в дооктябрьском опыте КПСС. М., Мысль, 1983, 247 с.

346. Ципко А.С. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 1988, № 11, с.45-55, № 12, с.40-47, 1989, № 1, с.46-57, № 2, с.53-61.

347. Череванин Н. Движение интеллигенции (до эпохи "доверия" кн. Святополка-Мирского). - Общественное движение в России в начале XX-го века. Т.I. СПб., типогр. товарищества "Общественная польза", 1909, с.259-290.

348. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд.2-е. М., Мысль, 1970, 648 с.

349. Черменский Е.Д. О социальном облике "освобожденчества" (1902-1905 гг.). - История СССР, 1977, № 6, с.229-231.

350. Щетинина Г.И. В.И.Ленин о русской интеллигенции. - В.И.Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с.131-159.

351. Щетинина Г.И. К вопросу о взглядах эсеров на роль интеллигенции в революции. - Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980.

352. Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России: последняя четверть XIX в. М., Наука, 1987, 237 с.

П.2. Труды зарубежных исследователей

353. Besançon A. Les origines intellectuels du léninisme. Paris, 1987.

354. Elkin B. The Russian Intelligentsia on the Eve of the Revolution - The Russian Intelligentsia. Ed. by R.Pipes. N.-Y., 1961, P. 32-46.

355. Elwood R.G. Russian Social-Democracy in the Underground. A Study of the RSDII in the Ukraine, 1907-1914. - Assen, 1974.

356. Emmons T. The Political Parties aud the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., 1983.

357. Gerratana V. Stalin, Lenin e il marxismo-leninismo. - Storia del marxismo. Volume terzo. Il marxismo nell'età della Terza Internazionale. P.II. Dalla crisi del 29 al XX congresso. Torino, 1981, p. 163-192.

358. Getzler I. Martov e i menscevichi prima e dopo la rivoluzione. - Storia del marxismo. Volume terzo. Il marxismo nell'età della Terza Internazionale. P.I. Dalla rivoluzione d'Ottobre alla crisi del 29. Torino, 1980, p. 167-192.

359. Haimson L,H. The Russian Marzists and the Oregins of Bolsheism. Cambridge, Mass., 1955.

360. Keep J.L.H. The Rise of Social-Democracy in Russia. Oxford, 1963.

361. Kohan L. Russia in Revolution 1890-1917. L., 1967.

362. Lane D. The Roots of Russian Communism. - Assen, 1969.

363. Liebich A. I menscevichi di fronte alla costruzione dell'URSS. - Storia del marxismo. Volume terzo. Il marxismo nell'età della Terza Internazionale. P. II. Dalla crisi del 29 al XX congresso. Torino, 1981, p.129-162.

364. Pipes R. Social-Democracy and the St. Petersburg Labor Movoment. 1885-1897. - Cambridge, Mass. 1963.

365. Pomper F. The Russian Revolutionary Intelligentsia. - N.-Y., 1970.

366. Johnstone M. Uno strumento politico di tipo nuovo:

il partito leninista d'avanguardia. - Storia del marxismo. Volume terzo. Il marzismo nell'età della Terza Internazionale. P. I. Dalla rivoluzione d'Ottobre alla crisi del 29. Torino, 1980, p.300-326.

367. Read K. Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912. The Vekhi Debate and its Intellectual Baceground. L., 1979.

368. Schneiderman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. - Itaka - London, 1976.

369. Schwarz S.M. The Russian Revolution of 1905. The Worlers Movement and the Formation of Bolshevism ans Menshevism. Chicago - London, 1967.

370. Tompkins S.R. The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction? - Norman, 1967.

371. Ventuei F. Les intellectuels, le peuple et la revolution. Paris, 1972.

372. Wesson R.G. Lenin's Legacy. Story of the CPSU. Stanford, 1978.

373. Wildman A.K. The Making of a Workers'Revolution. Russian Social-Democracy, 1900-1903. - Chicago - London, 1967.